K65
152

К 05 52

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ
КОМИССИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
1931

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1931

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

28 ноября 1931 г.

Непременный Секретарь академик *В. Волгин*

Редакторы издания академики Е. Ф. Карский и Н. С. Державин

Технический редактор Л. С. Ляпунова. Ученый корректор Н. В. Микешина

Начато набором в марте 1931 г. — Подписано к печати 28 ноября 1931 г.

2 неп. + 203 стр. — 1 портрет — $13^2/_8$ печ. л. — 42.700 печ. зн. — $Б_5$ — 1000 экз.

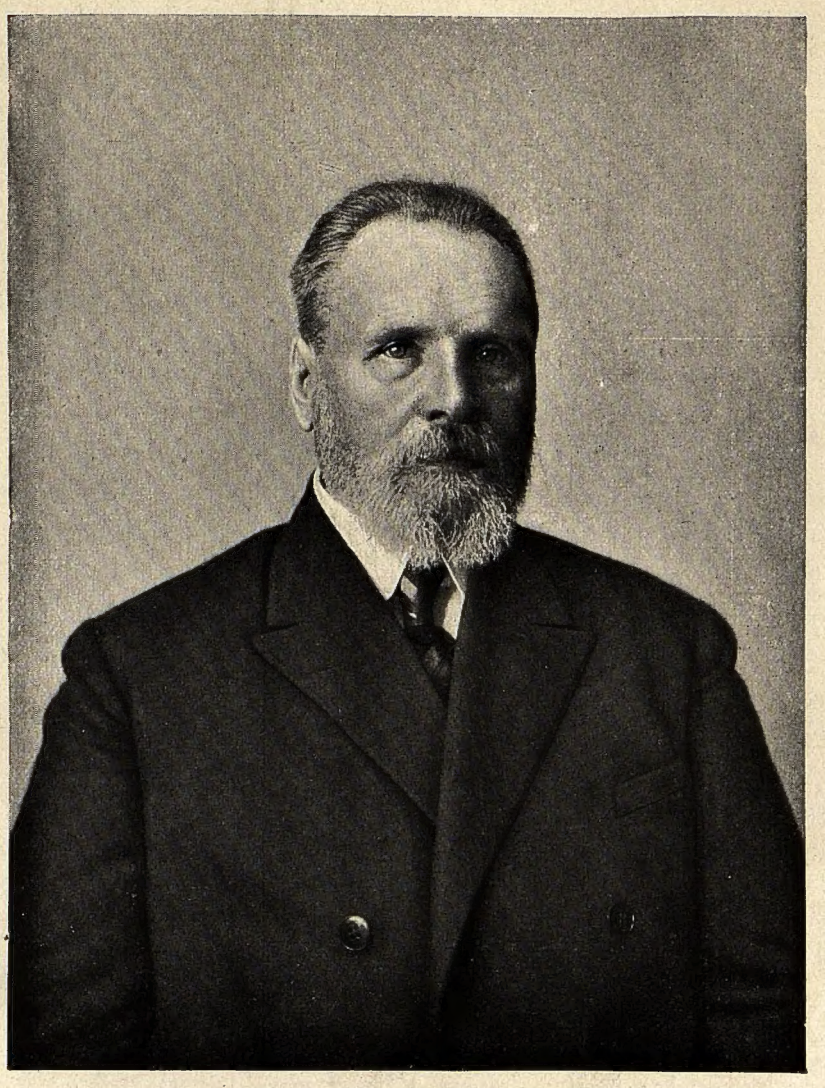
Ленинградский Областлит № 19487. — Заказ № 159. — АНИ № 152

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

465/I

29-го апреля 1931 года после продолжительной болезни скончался академик Ефим Федорович Карский, б. редактор «Известий Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС)» с 1920 по 1927 г. и «Известий по русскому языку и словесности (ИРЯС)» с 1928 по 1930 г. Настоящий I том «Известий Комиссии по русскому языку» выходит взамен языковой части «Известий по русскому языку и словесности». Материал для данного тома был подобран и проредактирован академиком Е. Ф. Карским.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Истории. Музея
№ 6482
25" IV 1932г.



Е. Карский

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИЗВЕСТИЯ КОМИССИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ · ТОМ I

В. И. БОРКОВСКИЙ

О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку[1]

Предварительные замечания. Лаврентьевский список летописи, в состав которого входит и изучаемая нами Суздальская летопись, принадлежит Государственной публичной библиотеке в г. Ленинграде (значится под шифром F⁰ п IV, № 2).

Суздальская летопись, заключающая события Суздальской Руси с 1111 года до 1305 года, писана на пергамене, древнейшим полууставным русским почерком, в два столбца. Некоторые листы написаны уставным почерком (тоже в два столбца). Так, л. 157 написан мелким уставным почерком XIV в., а л. 157 об. — крупным (с середины 25-й строки второго столбца до конца листа — пробел); л. 161 об. содержит в первом столбце 10 строчек — с конца 14-й по 23-ью включительно, — написанных тем же мелким уставным почерком, что и л. 157 (после строчек с уставным почерком пробел в $1^1/_2$ столбца); л. 167 написан таким же уставным почерком, каким и л. 157 об., причем с середины 10-й строчки второго столбца л. 167 об. — пробел до конца листа, не нарушающий (так же, как пробелы на лл. 157 об. и 161 об.) связности изложения.

Всего Суздальская летопись обнимает $77^1/_2$ листов — с 96-го по 173-й (последний без оборота). В рукописи имеются пропуски. Так, нет изложения некоторых событий 1203 и 1205 гг. и совершенно отсутствует изложение событий 1204 г.

Однако, связность изложения не нарушена (только в последней фразе перед пропуском — то положиша все — опущены слова: собѣ в пѫнъ, что можно принять за описку), и о пропуске приходится делать заключение на основании Радзивилловского и Академического списков.

[1] Исследование «О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку» было закончено к 27 января 1929 г., но, по независящим от автора обстоятельствам, выходит только в 1931 г.

На л. 143 писец пропустил имеющуюся в других летописях летописную статью о пострижении княгини Марии (супруги великого князя Всеволода), не нарушив при этом связности изложения.

Отметим также, что летописная статья на л. 130 об., занимающая 1-й столбец и начало 2-го, не имеет законченного вида.

Затем в рукописи недостает нескольких листов, и поэтому после л. 169 пропуск в изложении событий за 20 лет, после л. 170 — за 7 лет. В обоих случаях нарушена связность изложения: л. 170 не служит продолжением л. 169; то же следует сказать и о л. 171 по отношению к л. 170 об.

Летопись имеет точную дату написания: на лл. 172 об. и 173, столбец первый, переписчик Лаврентеи мних в приписке указывает, что начал писать он 14 января, а окончил 20 марта 6885 г., т. е. 1377 г. Из этой же приписки видно, что летопись написана для великого князя Дмитрия Константиновича в Суздале.

Несколько слов об изданиях летописи. Обычно Суздальская летопись издавалась совместно с Начальной летописью. Но так как многие из предпринятых изданий Лаврентьевской летописи не были доведены до конца (попытка Московского общества истории и древностей издать летопись в 1804 г., а затем в 1824 г.; издание Археографической комиссии 1916 г.), то печатных изданий Суздальской летописи мы имеем только четыре.

Первое из этих изданий относится к 1846 г. В этом году Археографической комиссией был выпущен I том «Полного собрания русских летописей», в котором была напечатана полностью Лаврентьевская летопись. Редактировал Я. И. Бередников. Затем Археографическая комиссия выпускает отдельно второе издание, а в 1897 г. третье издание летописи по Лаврентьевскому списку. Редактировал оба издания А. Ф. Бычков.

В 1926—1927 г., под редакцией Е. Ф. Карского, в «Полном собрании русских летописей», издаваемом Постоянной историко-археографической комиссией Академии Наук, вновь вышла полностью Лаврентьевская летопись.

Это издание отличается от предыдущих своею точностью.

Автор данного исследования работал по имевшимся в его распоряжении фотографическим снимкам с летописи, правленным по подлинной рукописи. Особенно ценными оказались фотографические снимки в тех случаях, когда в летописи были недостаточно ясные очертания: на фотографии они выходили более отчетливо.

При ссылках на текст Суздальской летописи указывается лист (*об.* — при номере листа обозначает, что имеется в виду оборотная сторона листа) и столбец (α — первый, β — второй) подлинной рукописи.

Радзивилловская рукопись (при ссылках на нее) всюду обозначена у нас буквой Р, рукопись б. Московской духовной академии — буквой А.

Ввиду наличия точных сведений о месте и времени написания Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, автор ограничил свою работу исключительно исследованием языковых явлений, имевших место в Суздальской Руси XIV в., поскольку они отразились в рукописи.

Из поставленной задачи вытекала и необходимость выяснить графические приемы писца, те влияния, которые препятствовали внесению в текст особенностей живого русского языка.

О писцах Суздальской летописи. Выше было уже указано, что весь текст написан полууставным почерком. Исключение составляют только л. 157, 10 строк л. 161 об. и л. 167.

Графические особенности листов с уставным почерком (эти особенности стоят вне зависимости от самого письма-устава) следующие: 1. Весьма частое употребление *ѷ (і)*, встречающегося не реже *и:* бл҃жнї 157 α; велі҃ 157 α; ігуні 157 α; мітрофано҃ 157 α; дмітрїа 157 α; панїкади҃ 157 α; по всеї земли 157 α; малиї частиї 157 β; перфурпї 157 об. α; смїрающі|і 157 об. α; блг҃вівша|сѧ 157 об. β; і҃ оженисѧ 167 α (в данном случае возможно, что ѷ было пропущено и затем вставлено); преставі҃ 167 α; кірілъ 167 β; роді҃ 167 β; причетні҃ 167 об. α и др.

2. *О* круглое, вместо ожидаемого ѡ: ѻ хв҃ 157 α; ѻжени 157 α; Феѻдосьа 157 α; ѻбишла 157 α; ѻца 157 α; ѻба҃ 157 α; ѻпать 157 β; ѻстаса 157 β; ѻ|болоци 157 β; ѻбла҃ 157 β; ѻгнь 157 β (два раза); ѻбетшала 157 β; ѻбетша҃ 157 β; ѻстави 157 об. α; ѻц҃а 157 об. α; ѻба 157 об. β; ѻцю 157 об. β; ѻч҃ину 167 α; ѻжениса 167 α; ѻ глѣбовѣ приѣздѣ 167 β; ѻч҃е 167 β; ѻканьнии 167 об. α; ѻбразомь 167 об. β; ѻтвержеса 167 об. β.

Следует отметить — особенного распространения достигло ѷ и ѻ на л. 157, что вызывалось необходимостью особенно экономить место. На листе же 161 об., в части его, писанной тем же уставным почерком (только 10 строчек), отсутствуют случаи с ѷ и ѻ (будущий 161 об. α; ѡбращ҃е | 161 об. α; ѡбращ҃е | 161 об. α): здесь писец не был стеснен местом (оставлено не заполненными почти $1^1/_2$ столбца), и потому он не был вынужден прибегать к более экономным написаниям.

Вынужденная экономия места привела еще и к тому, что на л. 157 (без оборота) чрезвычайно распространено титло и вынос согласной над строку. Эти сокращения тем более характерны, что в уставном письме они обычно редки.

Примеры: велі кнѧ 157 α; давше ѥ мїръ 157 α; володи^ме^рною 157 α; володі^ме^ри 157 α; в ма^на^стыри 157 α; подвіш^ш^асѧ 157 α; нѣциї видѣ 157 β; на погыба 157 β; бъ преве 157 β и др.

3. Числительные подчеркнуты чернилами, а не писаны киноварью (см. лл. 157 об. и 167 об.).

4. В качестве знаков препинания употребляются : : : : ⌣ : · : ⌣, которые отсутствуют в полууставном тексте.

5. Над *о* круглым, *и*, ѥ, ꙗ, *ю*, а иногда и над *а* стоят две точки в тех случаях, когда эти буквы находятся в начале слова, после гласной и после *ъ* (*ӓ* и после согласной).

Примеры: великий 157 α; ӥ в домѣ 157 α; ꙗко ӥ коврига 157 β; страшнъıй 157 β; пресщ^н^ъıй 157 об. α; ӥ володимеру 157 об. α; михаила 157 об. α; цѣлованьӥ 157 об. α; будущий 161 об. α (два раза); ӥ тако 161 об. α; ӥсполненъ 167 об. α; бл^г^овѣрнъıй 167 об. α; ѿ кіѥвьского 157 об. α; писаньѥ 157 об. α, 157 об. β; възрадуѥмсѧ 157 об. β; приѥха 167 α; дмітріꙗ 157 α; оулавчѣꙗ 167 α; ꙗрославль 167 об. α; ростовьскіꙗ 167 об. α; володи^ме^рною 157 α; рѧзаньскую 157 α; с ч^с^тью 167 β; володимерӓ 157 об. α. Примеры на *ӧ* см. выше.

В тексте же с полууставным почерком двух точек над перечисленными буквами не встречаем. Обычны лишь случаи с одной точкой. Так, на л. 161 об., половина текста которого писана уставом, в полууставе встречаем: сп^с^ьскъıи α; ігумени α; дьꙗконъı α...

Таким образом, не только характер почерка, но и многочисленные графические особенности с полной очевидностью свидетельствуют о том, что места с уставным почерком написаны другим писцом. Сходство уставного почерка Суздальской летописи с почерком Начальной летописи позволяет сделать заключение, что Начальная летопись и листы Суздальской летописи с уставным почерком — написаны одним и тем же лицом.

Как мы уже указывали, листы с уставным почерком написаны то необычайно густо, то с большими пробелами. На основании этого, можно предполагать, что имело место не посменное письмо двух лиц, а, возможно, последующая вставка листов с уставным почерком.

В заключение необходимо отметить весьма важный для нашего исследования момент — в отличие от Начальной летописи, Суздальская летопись была написана писцами, а не переписана с готового текста.

Графика[1]

Мелкие замечания палеографического характера

1. Инициалы, заглавия, числительные в летосчислениях написаны киноварью.

2. В рукописи почти отсутствуют пропуски-пробелы (исключение составляют листы с уставным почерком). Так, нам встретились только следующие не заполненные места: а) на л. 103 α, после слов — межю деса — пробел для того, чтобы дописать не законченное слово; б) на л. 152 β, стр. 27, после слов — лѣ костантиновъ — пробел для написания цифры; в) на л. 154 α, после слов — костантиновича полкы — пробел в $1^1/_2$ строки (половина 8-й и 9-я строка) для слов, недостающих в летописной статье; г) на л. 157 β, стр. 15, небольшой пробел после слов — того же дни и ча; д) на том же листе и в том же столбце, стр. 25, после слов — того лѣ міа — пробел для вписания названия месяца; е) на л. 158 β, стр. 30, с той же целью оставлен пробел после слова — міа; ж) на л. 172 об., столбец β, с середины 4-й строки пробел в $2^1/_2$ строки, после чего на 7-й строке проведена горизонтальная черта, а с 8-й строки начинается послесловие.

3. Статья: того лѣ родиса василку сны міа поула. въ .кд. дни в праздни стою мку бориса и глѣба и нарѣно бы има ѥму (*м* и *у* — вязь) борисъ 158 об. α — вставлена в середину статьи о поставлении Кирилла епископом Ростова, Ярославля и Углеча поля (л. 157 об. — конец, л. 158 с оборотом, л. 159 — без оборота).

Вязь.[2] Всего отмечено нами около 400 случаев слитных написаний букв.

Следует заметить, что вязь из отдельных букв имеет место только тогда, когда у букв соприкасающиеся стороны одинакового или сходного вида.

Такова вязь из букв м и ц, п и р, н и к, ѡ и ц и т. п.

Отдельно упомянем оригинальную вязь букв м и р: буква р вписана в середину м (мр). Это написание встретилось лишь один раз.

[1] В предыдущей главе мы касались графических приемов лишь в целях выяснения вопроса о писцах Суздальской летописи. Говоря о графических приемах Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, мы всюду имеем в виду главного писца. В связи с этим, и ссылки делаются нами почти исключительно на листы с полууставным почерком. Примерами из текста, написанного уставом, автор работы пользуется лишь в тех случаях, когда графические приемы обоих писцов не имеют существенных отличий.

[2] Буквы, написанные вязью, напечатаны курсивом как в этой, так и в последующих главах.

Наиболее употребительны слитные написания букв: м и у (113 случаев), т и в (81 случай), т и и (56 случаев). Значительно реже вязь из п и р (26 случаев), и и ѣ (25 случаев), т и р (14 случаев), и и ъı (14 случаев). Количество случаев с вязью из других сочетаний — незначительно.

Почти совершенно отсутствует вязь из трех букв: в летописи только два раза употреблена вязь из букв и, т и и (№) и один раз вязь из и, п и р (ИТР).

Главная причина слитных написаний букв, несомненно, — экономия места: половина всех случаев употребления вязи — в самом конце строки.

Необходимо отметить, что в некоторых словах мы наблюдаем особенно частое употребление вязи. Так, вязь му в слове ѥму (ёму, нему) встретилась 55 раз, лигатура тв в словах с корнем -твор (створиша, створивъ. . .) — 42 раза.

му: ѥ*му* 106 об. α, 110 α, 110 β, 110 об. β, 111 β, 112 об. β, 113 α, 117 α, 117 об. α, 119 α, 119 β, 125 β, 129 α, 129 об. α, 140 β, 142 об. α (три раза), 142 об. β, 143 α, 144 об. α, 145 α, 146 β, 147 об. α, 148 β, 149 α, 151 α, 156 β (четыре раза), 158 об. α, 163 α, 163 β, 166 об. α, 169 β (три раза); ём*у* 99 об. β, 105 α (два раза), 106 об. β, 107 α (два раза), 117 α, 119 об. α, 120 α, 147 β; ём*у* же 162 об. β; к нем*у* 104 об. α (два раза), 107 α, 144 об. α, 145 β; своѥм*у* 103 об. β, 109 об. α, 109 об. β, 144 об. α, 144 об. β, 145 α, 153 α, 163 β; том*у* 100 α; твоѥм*у* 162 β; ѡном*у* 162 α; ёдином*у* 169 β; чем*у* 136 об. α; нашем*у* 137 об. α, 143 α; великом*у* 128 об. α, 132 α, 133 об. α, 143 β, 151 α, 172 β; черниговьском*у* 119 α; всемогущем*у* 125 об. α; бат҃ишем*у* 125 об. α; преславном*у* 129 об. β; блг҃ородном*у* 154 об. β; бо҃хранимом*у* 159 α; по писаном*у* 152 α; м*у* 134 β; зим*у* 140 β; дом*у* 146 β, 147 α; зосим*у* 168 α; ским*у* 155 β; неим*у*щ҃и 152 α; м*уж*ь 142 об. β, 145 об. β, 169 α; м*ужа* 146 β, 152 β; м*уже* 106 об. β; м*ужи* 106 об. β, 143 α, 149 α, 158 β, 165 α; с м*ужи* 156 α; м*ужь*скъı 108 об. α; м*уж*ства 134 об. β; м*уж*ьства 149 α; м*уж*ьство 163 β; из м*ур*ома 137 об. α, 146 α; м*ур*омцѣ 126 β; м*ур*омьскъıи 125 об. α; м*ур*о҃скъıи 155 об. α, 159 об. α.

тв: с*тв*орити 101 β, 105 об. β, 109 об. α; с*тв*ор҃и 105 α; с*тв*оримъ 113 β; с*тв*ори 99 β, 101 β, 104 α, 105 α, 106 об. β, 117 α, 120 β, 125 β, 146 β, 151 α, 159 β (два раза); с*тв*орите 142 об. β; с*тв*ор҃и 105 α; с*тв*орихо҃ 133 β, 135 об. α, 137 об. α; с*тв*ористе 124 β (два раза), 142 об. β; с*тв*ориста 102 α; с*тв*орисѧ 160 об. α, 170 α; с*тв*орь 154 об. α; с*тв*ориша 101 α, 101 об. α, 102 α, 103 β, 104 об. β, 111 α, 115 α, 163 об. β; с*тв*орившеѥсѧ 104 об. α; с*тв*оривъ 131 об. α, 172 β; с*тв*орившѥ 102 α; с*тв*ор-

шююсѧ 148 об. α; чюдо*тв*орнаꙗ 128 α; че*тв*ергъ 97 β; рж҃*тво* 148 об. β; рожь*ство* 118 α; рж҃*тва* 98 α, 149 об. α; множь*ство* 101 об. β (два раза); множ*ство* 145 β, 150 об. β; мно҃*ство* 101 об. β, 104 об. α, 169 β, 162 об. β; мно҃*ства* 110 об. β; старѣишиньс*тво* 104 об. β, 166 α; мужь*ство* 124 β, 163 β; храбрь*ство* 168 об. α; злокозньс*тво*мь 150 об. α; в младо҃ньс*тв*ѣ 151 об. α; ёпп҃ьство 156 об. β, воёводь*ство* 160 β; цр҃ьство 162 об. α; ѡч҃*ство* 172 об. β; добродньс*тва* 163 β; добро҃ньс*тв*ии 164 α; ѿше*ств*иё 151 об. α; по ꙋмерь*тв*ии 117 α; черньчьс*тво*вавъ 150 α; мл҃*тва* 122 об. α; мл҃*тв*ою 111 β; моли*тв*ы 159 α; моли*тв*ами 155 α; *тво*ꙗ 133 об. α; ли*тв*у 165 об. α; жер*тв*а 146 об. β; суётс*тво*мь 150 α.

ти: ро*сти*славъ 106 об. β; ро*сти*славо҃ 102 β; ро*сти*славичь 97 об. α; мс*ти*славъ 109 об. α (два раза), 110 β, 118 об. β, 123 α, 129 об. β; мьс*ти*славъ 153 об. α; мстислав же 148 α; мс*ти*слава 109 об. α, 110 об. β, 116 об. α, 118 об. β; мс*ти*славу 109 α, 113 об. α, 122 об. β; мс*ти*славича 102 об. β, 150 об. β; костѧн*ти*нъ 151 об. β; костѧн*ти*номъ 140 об. α; костѧн*ти*но҃ 150 β; костѧн*ти*новича 155 α; костѧн*ти*нова 152 об. β; вѣс*ти* 107 α; пу*ти* 108 α; см҃р*ти* 104 α; волос*ти* 131 β; *ти* 162 α; жалос*ти*въ 98 α; ис*ти*ннъıи 168 α; про*ти*ву 106 об. α; повес*ти* 103 об. α; ѣха*ти* 109 α; възвра*ти*сѧ 106 об. α; възвра*ти*шасѧ 135 об. α; воро*ти*сѧ 110 β; присъıла*ти*сѧ 109 об. β; пус*ти* 110 β, 111 α; пакос*ти*и 115 об. α; преступи*ти* 129 α; пус*ти*ша 160 β; ѿпус*ти* 162 об. β; пос*ти*же 111 β, 154 β; вни*ти* 112 об. α, 133 α; рѧди*ти* 111 об. α; створи*ти* 115 об. α; бъı*ти* 124 β; посла*ти* 137 β; прави*ти* 143 α; суди*ти* 143 α; пои*ти* 141 об. α; ста*ти* 144 об. β; насъı*ти*сѧ 162 об. β.

пр: *про*шеньꙗ 98 α; в днѣ*пр*ъ 110 об. α; все*пр*ч҃итаꙗ 133 об. β; *пр*р҃къ 137 об. α; *про*чихъ 133 α; *про*чаꙗ 135 α, 146 β; не*пр*авдъı 143 об. α; *пра*ведници 143 об. α; оу*пр*ѣ 118 α; у*пр*авиша 147 об. α; на*пр*асною 155 α; с*пр*ѧтавше 166 об. α; *про* 98 об. α; *про*свѣти 158 об. α, 158 об. β; *прї* 140 α; *прї*станище 159 α; *при*гнавше 106 об. α; *при*шелъ 106 об. α; *при*слашасѧ 128 α; *пре*стависѧ 112 об. α, 171 об. β; *пре*ступленьё 122 α, *пре*даша 160 α; на*пре*дѣ 108 α.

нь: д҃нь 97 α, 99 об. α, 116 об. α, 118 об. α, 126 об. α, 134 α, 138 об. α, 140 об. α, 142 α, 164 об. β; на*нь* 105 α, 131 об. α, а*нь*дрѣи 111 α; дубе*нь*цю 116 α; оуспе*нь*ꙗ 138 α; имѣ*нь*ё 156 об. α-β; злокоз*нь*с*тво*мь 150 об. α; рѧза*нь* 149 α; рѧза*нь*скъıꙗ 143 об. α; ѡка*нь*нъıи 152 об. α; хр҃ьꙗ*нь*скую 160 α; хр҃ьꙗ*нь*скоё 162 об. α; со*нь*масѧ 109 об. α; ско*нь*ча 101 об. α.

ѡц: ѡц҃ь 100 α, 107 α, 117 α, 124 β, 169 α (два раза), 171 β, 172 β, ѡц҃а 121 об. α, 134 α, 141 α, 142 об. β, 148 β, 150 β, 153 об. β, 162 об. β, 166 об. α; ѡц҃ю 103 β, 109 об. β, 147 об. β; ѡц҃и 135 α.

тр: *стр*аны 97 об. α; *стр*ану 162 α; *стр*ѣжевъ 99 α; пе*тр*а 99 об. α; ми*тр*ополитъ 165 об. β; *стр*ъıи 114 об. α-β; *стр*ъıꙗ 114 об. β; оу*стр*ѣньꙗ 151 об. β; *стр*оѥньѥ 151 об. β; оу*стр*оитисѧ 99 об. β; *стр*опть 110 α; распро*стр*анисѧ 135 α; ꙋ*стр*ашю 147 α; по*стр*игъсѧ 154 β.

нъı: къıꙗ*нъı* 105 об. α; нѣ҃л*нъı*и 98 об. α; грѣш*нъı*и 119 об. β; блг҃о-род*нъı*ми 125 об. α; *нъı* 136 об. β; блг҃овѣр*нъı*и 141 α; ико*нъı* 142 α; коло*мнъı* 147 α, 160 α; чт҃*нъı*и 159 β; в ста*нъı* 162 об. α; цр҃кв*нъı*и 163 α; стра*нъı* 168 об. α; хрьꙗ*нъı* 173 α.

мц: *мц҃*а 96 об. α, 97 β, 102 α, 156 об. α, 157 α, 165 β; *мц҃*ѧ 129 β.

нѣ: лок*нѣ* 98 об. α; м*нѣ*лъ 100 α; к дружи*нѣ* 126 α; на вле*нѣ* 131 об. α; *нѣ҃* 132 об. α; ср҃дч*нѣ*и 139 об. α; *нѣ*къıихъ 156 α.

ни: в*ни*де 107 об. α; за *ни҃* 108 α; к *ни҃* 134 об. α; рат*ни* 136 об α; источ*ни*къ 139 α; приточ*ни҃* 145 об. α; д҃*ни* 162 α; каз*ни*ми 135 об. α.

нк: мч҃*нк*у 96 об. α, 169 β (два раза); мч҃*нк*ама 98 α; м҃*нк*у 169 α; м҃*чн*кма 169 α.

нъ: с҃*нъ* 97 об. α; ѥди*нъ* 100 α; костѧнти*нъ* 141 α; исполне*нъ* 150 α; погребе*нъ* 98 об. α.

оу: *оу*сть ѡкъı 122 об. β; бб҃*оу*мнъıма 124 β; *оу* 150 α; *оу*кори 168 об. α; *оу*ча 158 об. α.

ну: же*ну*чи 101 α; притис*ну*ша 135 α; свѣтонос*ну* 163 α. гю: *гю*рги 110 β, 116 α; *гю*ргю 151 об. α. нт: а*нт*онии 119 α; костѧ*нт*иновичю 172 β. нк: ни*к*ита 98 об. α; вели*к*аго 156 об. α. нц: в сл҃*нц*ї 99 об. α. ню: кн҃гъı*ню* 126 об. α. нб: ѡ҃че г҃и *нб҃и* и земли 128 α. нг: арх҃*нг*ла 154 β. тн: жало*стн*о 169 α. мъı: са*мъı*и 137 α. нц: каменьн*ици* 126 об. α. ши: за на*ши҃* 106 α. гк: воротисѧ *г* къıѥву 113 об. α. ау: за*у҃* 171 β. ъıꙗ: ростовьскъıꙗ 127 об. α-β. ми: *ми*халку 126 α; воюю҃ с пога[нъı]*ми* 145 об. α. мр: и҃*мр*къ 165 об. α. нтн: костѧ*нти*на 139 об. α; костѧ*нти*новичи 155 об. α. нпр: злаго *и пр*онъıрливаго 119 α.

Титло. В употреблении простого титла каких-либо особенностей не имеется. Встречаем мы его обыкновенно в тех случаях, когда слова общеизвестны и легко могут быть прочитаны и в сокращенном виде: бъ҃ 101 β; ба҃ 107 об. α; ѡп҃ь 117 α; дп҃ь 96 об. α (два раза); см҃рти 117 β; цр҃къı 118 α; мл҃твою 121 об. α;

чл҃вку 125 об. α; блг҃одарѧ 115 об. α; сщ҃на 96 об. α, 164 об. α; ст҃ополкъ 96 α; дв҃дъ 96 β.

Титло обычно в форме черты ‾ или дуги с приподнятыми вверх концами ˘.

Весьма распространены в летописи буквенные титла (из них чаще всего ͡). Титло это имеет вид дуги с опущенными вниз концами. Характерно, что под титлом пишется любая буква, причем вынос буквы над строку без знака титла находим почти исключительно в конце строки.

Наиболее часты случаи выноса *м* в окончании творит. п. ед. ч., местн. п. ед. ч., дат. п. мн. ч., в глагольных формах, *х* в окончании род. п. мн. ч. местоимений и прилагательных, местн. п. мн. ч., в аористе. Некоторые слова: єпп҃ъ, мц҃ъ, бы҃ и мн. др. — всегда под титлом.

Примеры на буквенное титло: єпп҃ъ 96 β, 116 β...; мц҃а 107 об. α; авгу҃ 96 β; ги҃ 122 α; оу на҃ 126 об. β; радо҃ 127 об. α (и даже — бц҃а 123 об. α); ноѩ҃ 96 β; в сут҃у 134 β; мно҃ство 101 об. β; того҃ лѣ҃ 117 α, 164 об. α; в то҃ лѣ҃ 134 β; ꙗко҃ 168 об. α; во вторни҃ 107 об. α; ꙗо҃ 96 β; са҃ 96 об. α, 112 об. α, 119 α; гро҃ 105 α; генва҃ 96 β; не҃лнъıи 96 об. α; не҃ли 122 об. β; гра҃ 118 β, 135 об. β; ср҃це 125 об. α; бра҃ 114 α; бра҃ꙗ 117 α; памѧ҃ 124 об. α; ѡпѧ҃ 128 β; радуєсѧ 172 β; пополо҃ 108 α; стра҃ 149 α; сп҃са ста҃ 118 α; ре҃ 122 α; не бѣ числ҃ 125 α; на҃го 125 об. α; кнѧ҃ 163 об. α.

м в творит. п. ед. ч.: с володимеро҃ 111 β, 114 α; с ни҃ 111 β; с вѣтро҃ 111 β; под мстиславо҃ 114 об. α; оудариша чело҃ 118 β; исполни всѣ҃ исполненьє҃ 148 об. β. *м* в местном п. ед. ч.: по не҃ 111 β, 117 β; в ср҃ци своє҃ 149 α. *м* в дат. п. мн. ч.: на҃ 102 об. β; изѧславли҃ стороже҃ стоꙗщи҃ 110 об. β; не вѣдущи҃ 111 α; к ни҃ 116 α, 117 об. β; ко внуко҃ 122 β. *м* в глагольных формах: хоче҃ 102 об. β, 128 об. α; затвори҃ 113 об. β; възвратисѧ 119 α, 125 α; створи҃ 127 об. β; сказахо҃ 118 β; согрѣшихо҃ 133 об. α; створихо҃ 135 об. α; приꙗхо҃ 137 об. α.

х в род. п. мн. ч.: изъ всѣ҃ земль 117 об. β; оу поганы 121 β; ѿ поганы҃ 123 α; прадѣды кнѧзь наши҃ 122 α; слушающе злы҃ 127 об. β; оу ни҃ 128 β; ѿ всѣ҃ гонѧщи҃ 162 β. *х* в местном п. мн. ч.: в побѣда҃ 97 об. α; в бронѧ 150 об. β. *х* в аористе: проси 147 α; оупова҃ 164 β.

Вынос буквы над строку без титла.

а) В конце строки: сл҃|вѧ 107 об. α; присл҃ | 110 α; ч҃|рнягову 113 об. α; кр҃|пко 114 об. α; ст҃осл҃|ва 116 об. α; оумн҃|жилъ 117 α; мстисл҃|в же 119 α; мстисл҃|ва 140 α; гл҃|ба 121 α; ром҃|ну 123 об. β; бр҃|та 125 об. α; посадиш҃ |

128 об. α; бы^{а}в|ють 129 α; в гр^{а}|дѣ 130 об. α; възреви^{е} | ваша 136 α; н^{а}|дѣёмсѧ 137 об. α; пом^{а}|за 143 α; плак^{а}|хусѧ 160 об. α.

Интересно отметить, что вынесенные буквы — обозначающие гласный звук. Таким образом, вынос их над строку объясняется исключительно стремлением писца окончить строку на гласном звуке.

С этим графическим приемом нам придется встретиться при выяснении вопроса о глухих.

б) В строке: гри^{в}ну 106 α; подъ собо^{ю} 114 об. β; несош^{а} 143 об. α; в не^{и} же 151 β; възва^{р}тишасѧ 151 β.

Все приведенные нами выше (стр. 8, 9) примеры на употребление титла не вызывают сомнения в том, какое слово стоит под титлом: слово это общеизвестно. Однако, это не всегда имеет место. Так, иногда под титло берется редко употребляемое слово и его можно прочесть только в контексте: за рѣкою бо҃мь 122 об. α (богомь?).

Затем в летописи встретилось несколько случаев, когда слово, взятое под титло, настолько сокращено, что его тоже можно прочесть лишь в контексте. Таковы случаи: *му*^{ч} | потапьꙗ 134 β; пра^{ч} (праздник) бо|риса и глѣба 164 об. α; и пѣвше над ни^{м} обычнъıꙗ пѣ^{с} 152 β; цр^{с}ѧ (цесарицѧ) оужскаꙗ 168 об. α; во^{т} дн҃ь (во тъ дн҃ь) 169 α; *зау*^{т} 171 β; в пѧто^{к} по па^{с} | 172 α.

Отметим два графических приема, вызванные тем же стремлением экономить место.

а) Употребление, вместо целого слова, буквы, которая называется этим словом. Так, вместо слова ꙁѣло, встречаем одну букву .ꙁ҃. (под титлом): сь бѣ блж҃нъıи кнѧ^{ч} .ꙁ҃. (оукрашен)... 151 об. β; по|имаша мно^{ж}ство много .ꙁ҃. хрь^{с}|ꙗнъ 154 α; бѣ бо рать велї|ка .ꙁ҃. ака же не была... 154 α; бѧше^{т} бо кири|лъ ба҃тъ .ꙁ҃. кунами и селъı|... 156 β; бъ^{ч}ı оубо ѹкрашенье | ёꙗ чюдно .ꙁ҃. ако же не бъ^{ч}ı... 158 об. α; .ꙁ҃. бо велье дѣло 158 об. β.

Вместо слова землѧ, — .ꙁ. (под титлом): да по|иду плѣню .ꙁ҃. ѡлександрову | 168 об. α-β; бе҃ превѣчнъıи создавъı|и п҃бо и .ꙁ҃.... 168 об. β.

б) Слитие конечного гласного слова с тем же начальным гласным следующего слова: стръıꙗрослава (стръıꙗ ꙗрослава) 98 об. α; побѣдинъгваръ (побѣди инъгваръ) 152 об. α; борисъ же | бывъ оулавчиꙗ (оу оулавчиꙗ) 166 об. β; володимерци бьıху|тсѧ с города с҃тѣи бц҃ѣ пома|гающи^{м} (помогающи имъ. Р. А.) 126 β; блж҃нъıи же єпп^{с}ъ кирилъ взѧ кнѧзѧ мертва идъı из (идъıи из) белаѡзера 162 об. α.

Описки. В Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку наиболее многочисленны описки, заключающиеся в пропуске а) буквы и слога, б) целого слова.

Значительная часть описок этого рода объясняется тем, что писец 1) не написал над строкой букв: ⁿ в окончании аориста и местн. п. мн. ч., ⁿ в причастиях, ⁿ в творит. п. ед. ч. и т. д.; 2) не уместив слова на одной строке, забыл его дописать на другой строке. Отметим также, что встречаются случаи пропуска титла, цифры; попадаются и недописанные буквы.

Примеры: а) Пропуск буквы и слога: л[о]гожанъı 99 β (описка, так как всюду ниже — логожанъı); и совокупи в[с]ѣ кнѧзи русскиѣ 103 об. α; кон[ь] 108 об. α; не [и]доша к городу 113 α; по[и]доша к нⷨ 133 об. β; и по[и]де путⷨ гость 135 α; со множьство вои 116 β; со множьство половець 117 β (в последних двух примерах не надписано ⁿ над последним *о* в слове — множьство); чюдо новоє ст҃оє бц҃и володимер[с]коє 118 β-об. α; г ки[є]ву 118 об. α; бь[ꙗ]хутьсѧ 121 об. β; при[с]траньнѣє 133 β; геѡр[г]ии 142 α; всеволод чермнъıи с[ѣ]де в кыєвѣ 144 об. α; а ѡц҃ь єму мерт[в]ъ 146 β; испол[н]исѧ 157 об. β; кирилъ сщ҃нъıи єпⷭ҇ъ в .а҃. є лⷮ во н[ь]же (ожидали бы: въ не же) поставленъ бⷭ҇ы єпⷭ҇омь 159 α; намѣстнⷨ єт҃хъ єпⷭ҇ъ прⷮ бывши | ростовѣ 158 β-об. α (в примере отсутствует ⁿ над *и* в слове — бывшⷨ. Описка в конце строки); гⷭ҇и бⷭ҇ силъ свѣтодавче сѣдѧи на хѣрувимѣ и наоучи ѡсифа | 161 α (отсутствует ⁿ над *ѣ* в слове херувимⷮ и ⁿ над *и* в слове наоучⷨ. Пример интересен тем, что, вследствие пропуска ⁿ, произошло стяжение-слитие *и* в слове — наоучи с *и* в слове — иѡсифа); на[и]паче 162 α; ѡлеѯ[а]ндръ 166 об. α; суж[д]альскую 167 α; пр҃рка ма[х]меда 168 α; се въ[ѣ]ха в шатеръ 169 об. α; хотѧ п[л]ѣнити грⷣ 169 об. β; на вратѣхъ силнъı 168 β (пропуск ⁿ над буквой ъı в слове силнъıⷨ); всево[ло]да[1] 97 об. α, 160 α; поне[же][1] 97 об. β, рости[сла]ва 99 α; черни[го]вци 101 об. β; пер[ед]ъ собою 105 β; добылъ єсмъ го[ло]вою[1] своєю кыєва 107 об. α; ꙗко и по[ло]вцⷨ[1] 108 α; в гⷭ҇дьскыꙗ праздни|[кы] 118 α (пропуск слога в конце строки); ёю же мѣрою мѣри[те] възмѣритьсѧ вⷨ 118 об. β; а друж[ин]ѣ єго не сущи с нимь 121 α; стрѣлцемъ стрⷣ[лѧ]ющⷨсѧ 127 β; и ту цр҃квь повелѣ въıбивше двери разграби[ти][1] с поганъıми 129 об. β; а сⷨ пе[ре]бравъ[1] дружинъı нѣколико 131 α; в сⷭ҇уту роди[сѧ] сп҃ъ оу великого кнѧзѧ всеволода 134 β-об. α; пр҃ркъ солом[он]ъ 136 α; кнѧзь ве[ли]кыи 138 β; воюⷭ҇ с пога[пъı]ми 145 об. α; со[ло]мону[1] 147 β; ко[ро]левича[1] 152 об. β;

[1] В Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку мы встречаем вынесение над строку согласной, стоящей между двумя одинаковыми гласными (прⷣ вⷱ҇ернєю 97 об. α; слⷭ҇ 145 об. β; понⷣлнⷨ 172 α . . .). Поэтому в приведенном случае пропуск не двух букв, а одной, обозначающей согласный звук.

хо[ро]бръ[1] 163 β; поѣхаша с тата[ры] 165 α; блж҃ныи же єпп҃ъ кирилъ посла взѧ (*-ти* неопределенное наклонение или *-тъ* достигательное наклонение) тѣло ѥго 165 об. α; и кнѧг[ын]ю оубиша 166 β; начат[ок]ъ положю си 168 β; невре[же]нъ[1] бы҃ 169 об. α; не терпѧ татарьско[го][1] насильꙗ 171 об. β — 172 α; диѡ[ни]сьѣ 173 α.

б) Пропуск слова: и всѣдоша [на кони Р, А) на володимерка на галичь 103 об. α; и положи и оу ꙗнъкы и митрополитъ михаилъ [иде Р, А) цр҃юго-роду 104 β; оулѣбъ же вниде [въ Р, А] черниговъ[2] 105 β; и ѡбьѣхавше ихъ безъ вѣсти [ѡвѣ҃ Р, А] избиша и другыꙗ изъимаша и почаша впрашати живыхъ [изыманыхъ Р, А] много ли ваши҃ назади 121 α; престависѧ кнѧзь гюрги муромьскыи мц҃ѧ генварѧ въ ѳ҃і дн҃ь и [положиша и в Р, А]| хв҃ы цр҃кви муромѣ 123 об. α; и прибѣгше к волзѣ [въскакаша Р, А] в оучаны и ту абьє ѡпровергоша оучаны 132 β; и взѧша [села Р, А] многы 135 об. α; приде єпп҃ъ... к великому кнѧзю костѧнтину [въ] володимерь[2] 151 α, са҃ бо х҃ъ бъ҃ [рече?] нужно є҃ цр҃тво нб҃ноє 164 α; иже нарицаютсѧ бж҃ьꙗ [слугы?] 168 об. α; дондеже насадъ (пропуск глагола) ѡчью ѥго 169 β; рѧзаньскыи кн҃зи ꙗрославичи (бишасѧ? смиришасѧ?) оу переꙗславлѧ 171 об. β.

в) Пропуск цифры: в лѣ҃ ҂ѕ҃. ѱ҃ ѯ҃. [п҃] 167 β.

Пропуск титла: дшмъ | и тѣло҃ своимъ[3] 119 β.

Недописанная буква (если только здесь не вязь букв *ꙑ* и *б*): ѣхаста къ лъбеди (вместо — лыбеди Р, А. В Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку в других местах тоже лыбеди: лыбе҃ 157 β; ѿ лыбеди 161 α) 111 α. Затем — бра҃ твои шелъ володимерю а тобѣ въдавъ (вместо — выдавъ Р, А)[4] 136 об. α. Недописанная цифра: мц҃а авгу҃ в .і҃. (вместо — .г҃, так как церковь празднует этих святых 3 августа) дн҃ь на памѧ҃ ст҃хъ ѡц҃ь далмата. фаоуста и исакиꙗ 141 β.

Обычны описки, заключающиеся в написании лишних букв. Чаще всего это — повторение какой-либо буквы или слога.

К такого рода опискам можно отнести (лишние буквы выделены курсивом): битисѧ с *с* володимеричи 101 β; поиде гюргї с сынми своими и с ростовцї и *и* с суждалци 113 α; вс*с*еволодъ 129 β; половьцьс*с*кы҃ 134 α; ѿ радо-

[1] См. сноску на стр. 11.

[2] Здесь, возможно, не описка, а случай употребления винительного без предлога.

[3] Возможно, знак титла был в летописи, но стерся.

[4] Допустимо предположение, что здесь имеет место другое образование.

стиѝ великиѧ 142 об. α; здумаша итиѝ 135 об. α; бл̀жни 157 об. α; по*по*лочане, (полочане Р, А) 99 об.; въигнаша|*ша* 115 об. β; воло|*ло*димеръ 115 об. β.

Отметим и вторичное написание слова: въскликнѣте бу̀ бу̀ 142 об. α. В последнем случае можно видеть и стилистический прием.

К опискам указанного типа принадлежит: цр̀къиѧ ст̀ыѧ бц̀а 157 α. Здесь мы наблюдаем интересный случай: лишнее конечное ѧ написано под несомненным влиянием ѧ на конце соседнего слова (ст̀ыѧ).

Ряд описок вызван тем, что писец, вместо нужной буквы, написал ту, которая встречается в соседнем слоге.

Примеры: со всеволодичимь (всеволодичемь Р, А) 109 об. α; оугри же корелеви 112 об. β; вилодимерко 112 об. β; ѧропорка 123 β; сѧ кла|наѣть (кланяеть Р, А) 128 β; на памя̂ 138 β; заздрушив староѥ зданье 153 α; памати ради русскы̀ѧ кнѧзии 153 β; с бротво̂ 162 β; в плачи и велици вопли 163 об. α.

Близко примыкают к опискам указанного типа следующие: но (вм. *не*) токмо бо слово̂ *оу*ча но и дѣло̂ кажа 158 об. α; со мною кси ко цр̀ю не бѣжалъ не (вм. *но*) ѡсталъ кси в руси 170 об. α.

В первом примере *но* (вместо *не*), а во втором *не* (вместо *но*) под несомненным влиянием следующих дальше *но* и *не*.

Встречаются в летописи и описки, заключающиеся в перестановке букв и слогов.

Таковы: но (вм. ѡн) же на мѧ привелъ половци и ворогы моѥ ѡлговичи[1] 107 β; со свеволодо̂ 102 α; болестемъ в лѣтѣ (вм. тѣлѣ) часто пребывающи̂ 137 об. α; не токмо ѡдино подолье взяша и пожгоша ино (но и Р, А) гору взяша[1] 141 об. β — 142 α.

Отметим еще ряд описок различного характера.

1) поточи мстиславъ кнѧзь (вм. кнѧзи Р, А) полотьскыѣ 100 α. Здесь *кнѧзь*, вместо *кнѧзи*, по всей вероятности, потому, что писец отнес слово *кнѧзь* к — *мстиславъ*.

Сходные случаи: тако и г̀ь ре̂ цр̀ь (вм. — цесари) странъ владуть ими и кнѧзи ѡбладають ими 143 α-β; поидоша бо ти таурменю (*ю* лишнее) всю страну куманьску 153 об. α.

2) изасл̂|вше (вм. *же*) иде г кыѥву 113 α.

[1] Можно допустить, что здесь имеет место другое построение фразы. Весьма вероятно — этот оборот был в тех источниках, которыми пользовался писец.

Описка в конце строки. Вполне вероятно, что писец написал на другой строке *еше* (вм. *еже*) под влиянием часто употребляемого *еше* (в причастиях).

Этим же влиянием других слов объясняется описка: цр҃а оужскаѧ приходъ (вм. приходи) к соломону 168 об. α.

3) оукраси ю дивно многоразличнъıми иконами и к драгимъ каменье҃ 117 об. β. Лишнее *к* объясняю тем, что писец начал писать сначала слово каменье҃, вместо драгимъ. Написав же первую букву — *к*, заметил свою ошибку.

4) Вследствие ослабления внимания писца оказались возможны описки: перенльѣѥвъ[1] (вместо — берендѣевъ P, A) 104 β; написаныѧ собѣ вда҃ сего перваго словесе дѣтели (говорится о Кирилле — следовательно, дѣтелѧ) написати до самогу (вм. самого) корабла 169 об. α; на нама҃ с҃тго апла петру и павла митрофолитомъ... (вм. митрополитомъ) 172 α.

В тех случаях, когда писец а) встречал незнакомое слово, б) не в полной мере уяснил смысл фразы, он допускал искажения в словах и в тексте.

Таковы описки: бы҃ гро҃ и потортa мало (иноторътра малъı P, A) 105 α; да внимаѥмъ мъı собѣ кто жо (кождо A, кождь P) на҃ и не противи҃ся бы҃ю закону 119 α; мефодии потомьскъıи (вм. патарскъıи) е҃пп҃ъ 153 α-β; бъı оубо ѹкрашеньѥ е҃ѧ чюдно .г҃. ако же не бы҃ ѹ пре҃ бывши҃ е҃пп҃ѣхъ а по не҃ бг҃ вѣ или (вм. вѣсть ли?) буде҃ 158 об. α.

Употребление некоторых букв

1. Буквы ѕ, ѱ употребляются только в цифровом значении.

2. Звук *и* передается обычно буквой и: пюна 97 об. α; игу|мена 98 β; противу 109 α...

В тех же случаях, когда писец экономил место — в конце строки, — весьма часто ї (иногда без точек): володї|меричь 96 об. α; блі|жи 109 α; велї|ку 111 α; ѥдї|пже 111 α; гюргї | 113 α; с ростовцї | 113 α; жі|вота 114 об. α; переѧславлї | 115 α; избї|ша 121 α; со слезамї | 122 α; половцї | 135 α; ѡблї|чан 136 α; поидї | 140 α; кї|ѥва 144 α; володі|мерь 144 α; приступї|ти 146 об. α; приставї | 146 об. α; ходї|ша 147 об. α; гвї 148 об. α; геѡргї|ю 149 β; пѣшї | 152 об. α; володї|мерo҃ 154 об. α; поставї | 64 α.

Это же ї неоднократно встречаем и в именах, чаще всего перед гласным, как в начале слова, так — реже — и в середине. Употребляется ї иногда и в других

[1] Так, возможно, было в источнике, которым пользовался писец.

словах, перед гласным. Примеры на *ї* в именах: їѡа̂ 96 β, 97 об. α, 98 об. α, 148 β; їѡана | 148 β; исаїѧ 133 об. α; исаїѧ 135 α; ёсаїемь 138 об. β; їёремиѧ 134 β; їѡвъ 143 β. Случаи: васїлка | 156 α и др. можно объяснять близким окончанием строки и потому необходимостью экономить место.

3. Для передачи звука *ы* употребляется *ъı* (без пояска).

4. Звук *о* изображается буквами ѡ и *о*.

ѡ употребляется в начале слов, а также после гласных: ѡлговичь 96 β; ѡсенева 98 β; ѡстасѧ 96 β; ѡрничѣ 96 об. α; ѡлегъ 96 об. α; ѡпать 97 α; ѡдареныъ 97 об. β; ѡкта̂ 98 об. α; ѡста 100 об. β; ѡба 104 β, 117 β; ѡставити 104 β; ѡн же 106 об. α, 113 об. β; ѡц̃ь 108 об. α; ѡколо 108 об. α, 126 β; ѡному 109 об. α; ѡку 146 об. α; ѡлга 146 об. α; ѡви 152 об. α; ѡженисѧ 159 об. α; ѡружье̂ 159 об. β; ѡлеıъ 170 об. α; їѡа̂ 96 β, 98 об. α, 148 β; геѡрги 97 α; геѡргии 108 об. α; геѡргїю 149 β; симеѡнъ 101 β; феѡдоръ 108 об. α, 171 α; иѡвомь 133 β; иѡвъ 162 β; ёфиѡпа 140 об. α; леѡнтиѧ 148 β.

В подобных же случаях, вместо ожидаемого ѡ, находим иногда о круглое: ѻнамо 99 β; ѻсталосѧ 100 об. α; ѻсти 147 β; ѻдѣньє 152 β; ѻнъ 152 β; ѻстанокъ 169 об. β; геѻргиѧ 153 об. β.

После предлогов и приставок, вместо ѡ, встречаем о круглое и *о* обыкновенное: чюднъıми въѻбражении 152 α; на ѻлга 154 об. α; из орды 170 об. α; 170 об. β.

После согласных всегда *о*: половци 97 α; дома 104 β; воды 108 об. α и др.

5. Для предлога и приставки *ѡт* — всегда лигатура ѿ: ѿпущаше 97 об. β; ѿ себе ѿѧлъ 127 об. α; ѿѣха 143 об. α и др. (но — ѡтчина 115 β, 165 α; ѡ|тчина 141 α; ѡтчинѣ 120 β, где *ѡт* не приставка).

6. Звук *у* передается буквами *оу*, ѹ, *у*.

оу встречается только в начале слов, а также и в середине слов после гласных, причем в начале слов часто заменяется буквой ѹ.

Примеры: оу мѣньска 96 об. α; оубьєнъ 97 β; оускори 99 α; оустрашившесѧ 99 α; оунесе 99 об. α; оубудитисѧ 99 об. β; оустьк 101 α; саоулъ 164 β; ѹстроп 96 об. α; ѹ корачева 104 об. β; ѹ стоє софьı 105 β; на ѹтрии же дп̃ь 110 α; ѹзрѣша 112 об. β; ѹмъ 119 β; ѹ|ничижиша 127 β — 127 об. α; ѹталъ 128 α; ѹ|боѧсѧ 131 об. α; ѹ него 144 об. α; ѹтѣшеньё 152 β; ѹкори 165 β, 169 α; ѹслъıша 166 об. α. Случай упра|виша 147 об. α — с *у* в начале слова объясняется концом строки.

После предлога встречаем (очень редко) *у*: с угръı 109 β, 112 α, 112 β (два раза). После согласных всегда *у*: дому 96 β; ѥму 99 об. β; дружинъı

102 об. α; к новугороду 104 об. β; русь 131 об. α; полуночи 147 об. α и др. Изредка после гласных — иуна 134 α.

7. На месте греческого υ находим обычно *у* (редко *и* и *ю*).

На месте греческого ευ — *єоу* и ѣ*у* (иногда ѣ*в* и даже ѣ): ѣфрема сурина 149 об. α; ѣгупетьскыи 168 β; в ѣгупте 168 об. α; мартурыа 139 об. β; перѳурии 137 α; перфурїи 157 об. α; перфурыа 164 об.; порфирью 157 об. β; перфюрии 137 β; асуриискыи 169 об. β; асуриска 169 об. β; мюро 148 об. β; кюръ 147 об. β, 150 об. β; в анкюрѣ 138 об. α; ѣуа̑льскоѣ 119 об. β; ѣуа̑льи 128 α; ѣуа̑льскаа 144 об. β; єуа̑листа 146 об. β, 149 β; єоуфимыа 101 об. α; ѥоуфимыа 104 β; ѥоуфимью 104 об. β, ѥоуѳросиныа 131 об. β; ѣвдокима 134 α; ѣвгеньи 141 β; ѣвсегниа 141 об. α; ѣвъстаѳыа 138 об. α; ѣфроси*ныа* 141 об. α; ѣспинана 168 об. α (ѣоуспасы*а*на).

8. Буква а употребляется писцом всегда в начале слов и после гласных, после же согласных только ѧ.

а: апрополкъ 96 β, 96 об. α; атьвагъı 96 β; анка 96 β; мц̑а маа 96 β; каменаа 96 об. α; стоаше 96 об. α; аша 97 β; ако 97 об. β; дружина моа 109 β; даатп 117 об. β; ст̑ыни ѣа 119 β; избїша а 121 α; заанць 127 β; ѣа 147 об. α.

ѧ: месѧць 96 β; мц̑а июна 96 об. β; взѧша 96 об. α; земла 96 об. α, 97 β; хвала и слава 98 β; вячеславу 110 β; из володимера 101 α; поидоша оубитъ игора 105 об. β; изъ цр̑аграда 116 β; костантинъ 116 β, 134 об. α, 141 β, 145 α; сн̑ъ блг̑овѣрнаго кнѧза гєѡргиа 118 об. α; имѧ 134 об. α.

Необходимо остановиться на одной графической особенности, встретившейся нам в рукописи и имевшей место еще в др.-ц.-сл. памятниках, — смешении *а* и ѧ: ѧзъ 108 об. α, 113 β, 116 об. α, 127 α, 136 об. α, 142 об. α, 170 об. α; азъ 105 об. α, 159 α, 172 β.

9. ѥ а также ѣ (полулежачее, с нижним краем, подымающимся над строкой, с языком, идущим с нижнего края к верху строки; над буквой две точки) употребляется в начале слов и после гласных (в том числе и ъ), так как обозначает јотованный гласный (или гласный с *и* неслоговым). После согласных же є.

ѥ: ѥго 96 β, 96 об. α; знаменьѥ 96 β; ѥдінже 111 α.

є: епи̑ъ 96 β, 96 об. β; ѣсть 98 β; ѣгда 98 β; ѣа 99 об. β; ѣретику 119 об. α; воѣвати 101 α; знаменьѣ 102 α; андрѣѣви же 111 α; своѣи 111 β; роженьѣ 113 об. β; второѣ 114 α; братьѣю 123 β; воѣводою 123 β; приключьшеѣсѧ 153 об. β.

є: кнѧзь же 98 β; переꙗславци 98 β; села 101 α; сторожеве 106 об. α; геѡргиꙗ 123 β; се же 153 об. β.

Интересно отметить, что иногда мы встречаем ё даже в тех случаях, когда гласному *е* предшествуют не *j* или *и* неслоговое, а *и*.

Например: ёремиꙗ 153 об. β (рядом: їёремиꙗ 134 β); ёзекии 169 об. β; ёрѣискъıи 151 об. α; ёрл҃мъ 169 об. β (здесь же рядом — иёрл҃мъ).

Случай с ё на месте ожидаемого *иѡ* — лице ёсифа 168 β — как исключение.

10. ѯ (при обычном *кс*) встречается редко.

Таковы случаи: ѡлеѯ[а]|ндръ 166 об. α; ѡлеѯандръ 168 α, 168 β, 168 об. β, 169 β, 170 об. β, 171 об. β (два раза), 172 β; алеѯандръ 168 об. α; ѡлеѯандра 168 об. α, 169 α, 169 β (два раза), 171 об. β (два раза); ѡлеѯандру 168 об. β; ѡлеѯандровичь 172 β; ѡѯиньєю 170 об. β; маѯимо҃ 172 α.

11. Выяснить какие-либо законы употребления *ф* и *ѳ* не представляется возможным: писец смешивает эти буквы, причем предпочитает первую.

При верных написаниях (*ф* на месте φ, латинского *f* и *ph*; *ѳ* на месте греческого ϑ, латинского *th*): фофудью 96 об. α; порфирогенитъ 97 α; амфилофии 97 β; софьи 105 β; софьꙗ 143 α; софью 164 об. β; нифонтъ 116 β; никифору 132 β, 138 β; февра҃ 138 об. α (два раза); митрофана 139 β — 139 об. α; митрофану 152 об. α, 156 об. β; фаоуста 141 β; февроньꙗ 141 об. α; єфросиньꙗ 141 об. α; фокъı 144 об. β; ёфрѣма 149 об. α; ёфрѣмо҃ 153 α; филипа 160 α; стефана 165 об. β; фотиньи 167 α; ѳеѡдора 101 β, 172 β; ѳеѡдоръ 138 об. α, 148 об. α; ѳеѡдоровъı 130 β; ѳеѡдулъ же 125 α; меѳодьꙗ 128 об. α; ѳомѣ 131 об. β; ёоуѳимьи 137 β; ёвъстаѳьꙗ 138 об. α; агаѳоника 138 об. β; меѳимона 145 α — встречаем и случаи с *ф* на месте ожидаемого *ѳ* и *ѳ* на месте *ф*: феѡклиста 96 β; фѳѡклистъ 97 β; феѡдора 105 об. β, 108 об. α; феѡдоръ 118 α, 152 об. α; феѡдосъ 116 β; фомъı 140 β, 143 β; ёфиѡпа 140 об. α; дорофѣꙗ 140 об. α; матфѣꙗ 148 α; матфѣю 149 об. α; матфѣи 152 об. β; афанасии 158 α; феѡдосии 161 об. α; ёвстафьꙗ 165 β; соѳью 97 β; соѳьи 98 α, 131 α; соѳьꙗ 106 α; ѥоуѳросиньꙗ 131 об. β; никиѳоръ 132 β; никиѳору 138 β; соѳроньꙗ 132 об. α; перѳурии 137 α; перѳюрии 137 β; ѳевралѧ 137 об. β; иѡсиѳа 145 α; ѳокъı 146 β.

Особо отметим написание матѣꙗ 129 α.

12. В летописи встречаем для *шт* только лигатуру щ.

13. В рукописи последовательно употребляется после шипящих и *ц* — *ю* (написаний с *у* не встретилось): межю 102 α, 125 об. β; кожюховъı 106 α;

надежю 108 α, 127 об. β; важюще 130 β; преложю 161 α; вижю 162 об. β; положю 168 β; к дорогобужю 171 об. β; погорѣвшю 97 об. α; бывшю 97 об. α; шюрину 99 β; шюрина 102 об. β, 125 об. β; скопившю 101 об. β; пришедшю 106 об. β; послушавшю 108 α; с шюмомь 119 об. β; шюмъ 169 β; колахшю 130 α; прошю 162 об. β; зашедшю 163 α; хотящю 98 β; хотящюю 122 α; пирогощюю 100 β; свитающю 106 β; приступающю 111 β; идущю 113 α; творящю 114 α; пиришють 119 β; сѣдящю 120 β; кощюньникъ 167 об. β; чюду 139 об. α; чюдныи 97 об. β; барочю 98 β; ѡлговичю 99 α; хочю 99 об. α (два раза); чюдь 100 α; прочюю 100 об. α; чюга 103 α; мстиславичю 103 β; вабячю 108 α; дѣдвичю 113 α; изаславичю 113 об. α; андрѣёвичю 118 об. β; гюргевичю 120 β; к сѣмычю 120 об. β; кличюче 127 β; кличючи 134 α; грѣшничю 135 β; к галичю 141 об. α; ѡчютили 171 об. α; ѡщю 99 β, 103 β, 106 об. β, 107 α, 109 об. β, 145 α; оушицю 103 об. β; в пересопницю 108 об. β; заступницю 119 β; стую бщю скорую помощницю 121 об. β.

После шипящих всегда *а:* дщи всеволожа 96 β; всеволожа 143 β; стужающи 147 α; прислашася новгородци 117 об. α-β; ростовци посадиша 126 об. α; володимерци въѣхаша 127 α; шатеръ 150 об. β (два раза), 169 об. α; ѡ галича 103 об. β; сѣча 113 об. β; чадью 125 α; торопча 154 α.

После же *и* — как *а*, так и *ѧ*: мца 96 β (четыре раза), 97 α, 141 об. α, 171 об. α; скопца 101 β (два раза); стаа бца 118 об. β, 122 α; ѡца 141 α; 141 об. α; старьца 160 α; конца 172 β; мца 98 α, 100 об. β, 102 об. α, 117 α, 123 β, 123 об. α, 124 об. α, 134 α, 137 α, 137 об. β, 140 об. β, 141 α; стаа бца 119 α, 126 β, 134 α, 138 β; чернцамъ 124 β; сновца 128 об. β; страньнопримца 129 β; миродержьца 132 об. β; до конца 137 β; ѡца 142 об. α.

При неизменном после шипящих и *и* — *и:* жита 99 об. α; ближи 109 α; княжити 117 об. β; живого 128 об. α; животу 147 α; лишиша 116 β; щитъı 110 об. β; защититель 147 α; ѡполчитса 147 α; наоучиныı 150 α; полци 103 об. β — встретилось ъı после *ж:* жажъı ради воднъıа 146 об. α.

14. *ъ*. Писец Суздальской летописи строго придерживается традиционной графики и сохраняет *ъ* как в корнях слов, так и в суффиксах и флексиях.

Те отступления, которые встречаются в рукописи, объясняются фонетически и будут нами отмечены в отделе фонетики. Приведём примеры, подтверждающие высказанное выше утверждение о правильном (за некоторыми исключениями) употреблении буквы *ъ*.

ѣ в корнях: рѣка мѣлка 103 об. β; ѣхати 109 α; приѣдемъ 116 α; послѣди 113 β, 170 об. β; бѣжаша 116 α; смѣрꙗ грѣшникы 120 α; смѣри ꙗ до зѣла 122 α; смѣреныѥ 132 об. α; смѣрен же 132 об. α; смѣренаго 138 β, 157 об. β; ѡчивѣсто 122 α; конину ѣша 121 об. β; снѣмы 136 β; плода праведнаго снѣсть 145 об. β; ѣлъ 163 β; изьѣдь 170 α; добродѣꙗныꙗ 124 β; вмѣни 124 об. α; дрѣманыꙗ 125 β; ѡбрѣте 125 β; ѡбрѣтошѫ 135 об. α; ѡбрѣтеса 171 α; прѣщеныꙗ 127 об. β; прѣщеньѥ 133 β, 142 β, 156 β; мѣзинии 128 α; оутѣшаꙗ 132 об. α; колѣбаньѥ 133 β, 161 об. α; поколѣбашѧ 157 α; желѣзы 135 об. α; срѣтоша 136 об. β — 137 α; вѣнець 142 β; зѣло 147 об. α; пѣсокъ 147 об. α; сѣмени 147 об. α; звѣзда 153 об. β, 157 β, 172 об. α; звѣздъ 153 об. β; рѣша (аорист) 108 об. β, 102 об. β, 121 α, 126 β.

ѣ в суффиксах словообразования и в суффиксах, изменяемых при склонении и спряжении: ѡбитѣль 143 α, говѣньѥ 121 об. β; повелѣнью 126 β; хотѣныꙗ 142 β, 147 β; истлѣньѥ 145 об. β; оузрѣвше 134 α; не ѡскудѣѥть 139 α; видѣвъ 126 α; видѣ 136 β; видѣти 154 об. β; оузрѣша 132 α; постыдѣхѡсѧ 133 β; призрѣ 138 β; не презрѣ 164 β, 171 α; погорѣ 148 β, 171 об. α; оусумнѣсѧ 156 α; лѣжѣ 98 об. β; старѣѥ 127 α; при[с]траньнѣѥ и страшнѣѥ 133 β; развѣѥ 150 об. β, 155 α; батѣшему 125 об. α; нелзѣ 130 α; доколѣ 129 об. α; ѿтолѣ 143 α, 147 α, 172 α; възлѣ 140 об. β, 145 об. β; внѣ града 156 α; двѣстѣ 104 α; по ꙗрославѣ 98 об. β; по сеи сторонѣ 103 об. β; ѡ рѣцѣ 109 β; по сулѣ 113 об. β; в городѣ 126 α-β; на хрѣньскѣ родѣ 161 об. α; в своѣ дѣлѣ 170 об. α; ѡ сицѣх бо рѣ 145 об. β; рѣ собѣ 108 об. α; к дружинѣ 126 α; приключиса и мнѣ 154 об. β; самѣхъ прогна 111 об. α и мн. др.

Отдельно отметим правильные написания, где *ѣ* в результате слития *е* отрицания и *е* корня: нѣту 107 α, 125 об. α; нѣ 134 об. β; нѣси 142 β, 147 β; нѣкуда 170 α; нѣкто 168 об. α, 169 α.

При постоянном *е* в словах: володимерь (город) и володимеръ (имя), в том же суффиксе *мер*, в словах: токтомѣрь 171 α, ратмѣръ 169 об. β — находим *ѣ*, что объясняем влиянием корня *мѣр* (мѣра, мѣрить и др.).

Отступает писец от традиционной графики в написании неполногласных форм, последовательно употребляя *ре*, вместо *рѣ*: без вреда 108 об. α; стрегоми 133 об. α; стрежеть 146 β; стрещи 146 об. α; врема 110 об. β, 111 α (два раза), 117 β, 120 об. α, 129 об. α, 140 об. β, 143 β, 146 α, 150 об. β, 154 β, 157 β, 158 α, 169 об. β; временъ 153 β; особо следует рассматривать сребро 129 об. β,

159 об. β; сребро 125 α, 126 об. β; сребра 171 об. α и мн. др., где и старославянские памятники не имели ѣ: сърeбро, но древнейшие памятники южнорусские и севернорусские XI—XIII в. имеют часто срѣбро.

В неполногласных формах с *лѣ* встречаем и *ѣ* и *е*.

ѣ: и принесоша и лѣ (еле Р, ельи А) жива 132 α; плѣненъ 133 α; плѣнующе 145 об. α; плѣнилъ 168 об. α; плѣню 168 об. β; поплѣнѧть 153 β; полѣниша 153 β; поплѣниша 162 α; плѣниша 159 об. β, 162 α, 164 об. β; п[л]ѣнити 169 об. β; плѣни 154 об. α; плѣноваху 159 об. β; поплѣнивша 159 об. β.

е: ѡблече 106 β; извлечете мѧ 117 α.

К графическим приемам писца относим мы и написания имен: ѡлексѣꙗ 138 об. α; моисѣꙗ 140 об. α; на памѧ҃ ст҃оѥ мц҃и ѥвдокѣи 142 α; ѥремѣꙗ 155 об. α, 160 α; андрѣи 107 об. β; андрѣю 125 об. α; андрѣꙗшь 168 об. α; дорофѣꙗ 140 об. β (однако — григореи 98 об. β; лаврентеи 172 об. β) с *ѣ*, вместо ожидаемого *е*, при — матфѣꙗ 148 α; матфѣю 149 об. α; матфѣи 152 об. β; пантелѣимана 105 α, где *ѣ* исконное.

Написания имен с *ѣ*, вместо *е*, встречаются в рукописях XIV века весьма часто и не могли поэтому не оказать влияния на писца Суздальской летописи.

Появление их объясняется аналогией имен с *ѣ* (из греческого αι).

15. *ъ* и *ь*. Ко времени написания Суздальской летописи процесс утраты глухих и замены их чистыми закончился.

Вопроса о том, насколько этот процесс находит себе подтверждение в исследуемом нами памятнике, мы коснемся в отделе фонетики.

Сейчас отметим лишь некоторые моменты графического характера.

а) Отсутствие *ъ* (а иногда и *ь*) в конце слов, к которым примыкают частицы и энклитики (как правило, *ъ* и *ь* в конце слов писцом сохраняются): изѧслав же 99 α, 113 α; ѡн же 99 об. α, 100 β, 153 об. α; ростислав же 103 β, 117 β; мстислав же 143 β; видѣв же 108 α, 169 β; слышав же 120 об. α, 171 β; заступил мѧ 105 об. α; бѧхут бо 155 об. α; ѡ сицѣх бо 145 об. β; стѧжет бо 162 об. β; бжьим же 111 об. α; потом же 123 α; хочеш ли 116 α; дам ти 142 β; избавим ны 134 β.

Однако: честенъ же 98 об. β; оулѣбъ же 105 β; митрополитъ же 105 об. β; володимеръ же 135 β; рюрикъ же 144 об. α и др.

б) Отсутствие *ъ* в предлогах: в сл҃нци 97 β; в переꙗславль 100 β; в володимерь 131 α; в русскомъ переꙗславли 140 об. β; в мене мѣсто 151 об. β; в станы 164 об. β; в прелесть 168 α; с побѣдою 101 α; с братьѥю 102 α;

с людми 120 об. β; с полоно҃ 122 об. β; с нима 126 α; с сыно҃ 164 β; с мечемъ 169 об. α; к городу 99 об. β, 108 β; к собѣ 129 β, 131 об. α; к торжьку 130 об. β; к оубогы҃ 150 α; над нимь 124 об. β; из новагорода 96 об. β; из володимерѧ 97 α, 100 β; пс кыёва 102 об. α; из гробници 104 α; бес покаꙗньꙗ 119 об. β.

Примечание. В последних пяти примерах мы и не ожидали бы ъ: в древнейших церковнославянских памятниках эти предлоги (а также *въз* и *раз*) пишутся без ъ на конце. Отмечаем эти случаи без ъ потому, что рядом находим эти предлоги и в форме *изъ, безъ*.

Значительно реже: въ .і҃. дн҃ь 97 β; въ всеи 142 об. α; въ ѡч҃ство 172 β; къ ꙗрополку 98 об. β, 101 об. β; къ андрѣю 123 α; подъ шерньскымъ лѣсо҃ 129 об. α; чересъ рѣку 113 об. β; исъ кльчьска 99 α; безъ оутеча 120 об. β; безъ храма 139 α.

в) ъ после приставок перед гласным корня: изъимаша 101 α, 106 об. α, 107 об. α, 113 α, 114 α (два раза), 118 об. β, 121 α; изъима 114 α; изъимни 134 об. α; подъꙗша 127 β; подъоучаꙗ 98 об. β; подъиюдѣискую 168 об. α; въѣха 141 об. α (ѣха в Р, А); въѡбр҃жаꙗ чюднъıми въображении 152 α; съѣхасѧ 111 об. α; съѣхашасѧ 125 об. α; разрѣши съоузу неправдъı 139 α; ѡ҃|тъѥмше 113 β. Но: ѿидоша 101 α, 103 β, 160 α; ѿꙗ 104 об. β; ѿиметь 119 α; ѿѣха 143 об. α; изидоша 101 α; изити 147 об. β; разидошасѧ 102 α, 137 α; ѡбидоша 155 об. β; ѡбисѣдоша 136 α; ѡбиступленъ бѣ 108 β.

г) Как графическую особенность, следует отметить написание приставки *въз-* с ъ в середине: възлюби 97 об. β; възмуть 103 об. β; възвратиси 116 α; възвратишасѧ 123 α, 123 β, 142 об. α-β, 159 об. α; възвратисѧ 131 об. β, 148 α; въсхочеть 132 об. α; въздаꙗ 150 α; въсходѧщю 157 β; въздохнувъ 162 β; въскрежташа 162 об. β; възбрани 168 об. β.

Хотя рядом встречаем формы: взношашесѧ 97 об. β; вземъ 100 α; вземше 96 β; взе҃ше 164 об. α; взѧша 96 об. α; на вздусѣ 128 об. β; всхотѣ 101 об. α, 119 β (два раза); всприимше 136 α; вскр҃ньꙗ 148 β; вспита в наказаньи 142 α, вздасть 156 β; взвратиша҃ 155 об. β.

Формы с *о*, вместо ъ, редко: возложьше 106 α; возпиша 101 об. β; возвратисѧ 168 об. α.

д) Отсутствие глухого в причастных формах перед *ш*, в глагольных формах перед *сѧ*, в именах существительных и числительных перед окончанием твори-

тельного падежа множественного и двойственного числа и др.: дошедше 96 α; пришедше 113 β, 136 α, 171 β; налегшїи 96 об. α; воёвавше 103 об. α; слышавше 103 β, 117 об. α; пѣвше 124 об. β; оувѣдѣвше же 125 об. β; бывше 134 об. α; бывшю 129 об. α, 130 об. β; бывшїй 155 об. α; оуслышавше 135 β; рекше 115 об. α; прибѣгшю 129 об. α; поёмше 99 об. β; вземше 96 β; ѿтъемше 113 β; положше 126 об. α; боимсѧ 125 об. α; лишаётсѧ 100 β; кланаютсѧ 132 α; приближаётсѧ 151 об. α; нарицаютсѧ 168 об. α; радуётсѧ 172 β; з дѣтми 112 α, 136 об. α; дѣтми 151 β; с людми 120 об. β; с сынм̃ 146 об. α; с сынми 113 α; четырми 99 α.

Однако: налѣзъше 124 об. β; възложьше 127 об. β; ѿемше 133 α; попущьшю 133 α; бы҂хутьсѧ 121 об. α; з дѣтьми 156 β.

е) Графическим приемом является сохранение писцом ъ в суффиксах *-ъск-* и *-ъств-*.

В данном случае этот графический прием находил поддержку в мягкости предшествующего согласного (не всегда).

Суффикс *-ъск-:* черниговьскыи 96 β, 118 β, 119 α, 140 об. β; черниговьскаго 111 об. α; черниговьскому 119 α; полотьскыи 96 об. β; 99 об. α; полотьскыѣ 100 α; переѧславьскыи 97 α, 118 α, 118 об. β; переѧславьскїй 111 об. β; переѧславьскы҃ 120 об. α; чернечьскыи 97 об. β — 98 α; поповьскыи 98 α; хр҃ьѧньску 98 об. β, 134 β; тысачьскыи 99 β, 105 об. β; тысачьскаго 101 α; цр҃ьскую 99 об. β; печерьскыѣ 100 об. α; печерьско҃ 150 α; печерьска҃ 158 α; кыёвьскаго 101 α; кыёвьского 148 β; кыёвьскои 103 α; кыёвьско*му* 122 β; городецьскыи 103 α; новгородьскую 106 β; оугрьскаѧ 107 об. β; половечьскы҃ 108 α; половечьскыѣ 121 α; половечьского 121 об. α; половецьскымъ 120 об. α; половецьскою 141 об. β; половецьскаго 146 об. α; сѣверьскому 113 об. α; галичьскыѣ 114 α (два раза), 141 об. α; галичьскую 116 α, 117 β; галичьскаѧ 133 об. β; галичьскыи 143 об. α; ростовьскою 117 об. α; лѡѿтианьскаѧ 118 α; сужьдальскому 118 α; сужьдальскыи 118 α, 149 об. α; смолиньскыи 118 об. β, 121 об. β; вышегородьскыи 138 α; володимерьскыѣ 141 об. α; рѧзаньскыи 121 об. β, 125 об. α, 139 об. β, 159 об. α, 171 об. β; рѧзаньскаго 129 об. α; рѧзаньскыѧ 149 α (два раза); рѧзаньскую 159 об. β (два раза); муромьскыи 121 об. β; *му*ромьскыѣ 125 об. α; бо҃любьскыи 124 об. β; юрьёвьскоё 129 β; болѧрьскаѧ 129 β; болѧрьскыѧ 170 α; шерньскымъ 129 об. α; шерньского 162 об. α; ламьскому 131 α; болгарьскы҃ 132 α; туровьскыи 133 об. β; лучьскаѧ 133 об. β; римьского 141 об. β;

лѧдьскаꙗ 143 об. α; торъцьскому 145 β; черноризьцьскъıи 149 α; мїрьскую 150 α; мордовьскъı҃ 155 об. α; мордовьскую 155 об. α-β; аєрьскъı҃ 159 α; въıдобытьскъıи 158 α; сп҃сьскъıи 158 α; феѡдоровьскъ҃и 158 α; поганьско*му* 162 об. α; татарьского 168 α; морьскаꙗ 169 α; тфѣрьскии 171 β; московьскии 171 β.

Значительно реже встречаем формы: русскии 96 β; русскъıи 97 α, 97 об. α; русскую 102 β, 135 β, 141 об. α; русскиѣ 103 об. α; русскъıмъ 133 об. β; в русскомъ 140 об. β; в русско҃ 165 α; черниговскъıи 97 β; черниговски҃ 105 β; половечскъıѣ 96 β; половечскаꙗ 102 об. α; половечскиѣ 102 об. α; полотскаго 103 об. α; тысѧчскому 105 β; тысѧчскъıи 105 об. β; тысѧчского 106 α; тысѧчскаго 106 α; ростовскъıи 138 α.

-ьств-: множьство 113 β, 124 об. α; мьножьствомь 114 об. α; множьства 130 об. β; мужьству 124 β; непокорьство 116 об. α; непокорьству 147 об. β; пьıаньствомъ 124 β; ёстьствомъ 125 α; послѣдьствуꙗ 132 об. α; старѣишиньство 142 об. α (два раза); повѣстьству 159 α; величьство҃ 153 об. β; черньчьс*тво*вавъ 150 α; праздьньство 151 α.

Редко: множство 134 об. β, 150 об. β; суётствомь 150 α.

Отметим форму с *е*, вместо *ь*, — множество 134 об. α (следствие аналогии форм, где *е* на месте *ь* возникло фонетически).

ж) Случаи графического смешения *ъ* и *ь* (в чем мы видим влияние церковнославянской письменности) сравнительно редки. Большинство примеров на смешение *ъ* и *ь* объясняется фонетически или морфологически. По всей вероятности, графического характера: въсь сборъ 98 об. β (*ъ* на месте *е* из *ь*); ѿиде володимерь 96 об. β; переступи кр҃ь 99 α; кр҃ь 105 β (два раза), 112 α (три раза), 112 об. α, 116 α, 140 α (вместо — кр҃тъ 101 об. β, 126 об. β); напередь[1] 107 об. β; дождъ 130 об. β; храбръству 169 об. α; назадь[1] 172 β, 171 α; передь[1] 120 об. α.

В примерах — к вьıханю 107 α; ѡбьсѣкшимъ 116 об. α; ѡбьѣхавше 121 α; ѡбьѣхаша 160 об. α, где *ь* после губного, видим тоже графическую мену *ъ* и *ь*.

з) Смешение *о* и *е* с *ъ* и *ь*: вълости 103 β; сътъенуша си 103 об. β; чересъ рѣку сьртъ (серетъ Р, А) 113 об. β; володимерковичь жь 115 об. β: всѧкъ бъ даръ свъıше 120 α; бѣжа в гомъıи (гомеи Р, гомии. А) 116 об. β — 117 α; кнѧзь жь 129 β; бъ҃мъ 119 об. β; рогъволод же 96 об. β (при по-

[1] Возможно, здесь имеет место словообразование как основы мягкого различия.

стоянном употреблении в качестве соединительной гласной — *о* и *е:* роговолоду 99 об. α; роговолода 99 β, 99 об. β, 103 об. α; вышегородѣ 96 об. α; вышегороду 104 β; вышегородьскыи 118 об. β; вышегорода 143 об. β; вышегородъ 144 об. α; кровепролитыа 135 об. β; меченошю 148 α; нелипемѣренъ 149 α; черноризьчьскыи 158 об. α).

и) ъ и ь в конце строки. Говоря об употребления ъ и ь, нельзя пройти мимо одного явления, свойственного всем древним рукописям, — вставки ъ и ь в конце строки.

В тех случаях, когда не было места написать слово на строке и приходилось дописывать его на другой строке, писец разделял слово так, чтобы в конце строки был чистый гласный или глухой: цѣлова|лъ 105 β; та|тарове 164 об. α; и|доша 164 об. β; мужь|ства 123 β — об. α.

Но зачастую слово имело группу согласных, умещались же на строке только первые буквы этой группы. Таким образом, писец вынужден был бы закончить строку на согласном. Чтобы избегнуть этого, писец вставлял ъ или ь. Писец Суздальской летописи из этих букв наиболее часто употребляет последнюю.

Так как, во многих случаях, ъ и ь вставлялись там, где они были в старину, то создается впечатление старинного написания. Однако, смешение ъ и ь в одном и том же слове, отсутствие этих букв в тех же словах в строке свидетельствует о том, что мы имеем дело лишь с графическим приемом.

ъ в конце строки: дъ|щери 99 об. α; тудъ|ковича 101 α; вборъ|зѣ 109 α; анъ|дрианъ 118 α; апъ|дрѣевичь 118 об. β; коръ|мителѧ 124 об. α; подъ|молви 129 об. α; торъ|жку 131 об. α; юргевъ|ну 143 об. β; мордъ|вы 159 об. α; волъ|гу 160 α; правъ|ду 163 об. α; ѡлексанъ|дру 166 α; съ|мерть 166 об. α.

ь в конце строки: мь|стиславъ 99 об. α, 117 α, 144 об. α; мь|стислав же 127 об. α; мь|*стиславъ* 153 об. α; мь|стиславу 112 β, 127 α; мь|стиславу же 129 об. α; мь|стиславичь 114 β; мь|стиславомь 114 об. α; мь|стиславо̃ 121 об. β; мь|стислава 135 об. α-β; андь|рѣѥви же 101 об. α; андь|рѣи 116 α, 124 α, 171 α-β, 172 об. α; *ань*|дрѣи 111 α; ань|дрѣѧ 116 об. β; дивь|но 103 α; вь|сѣми 103 α; половь|ци 108 α, 116 α, 134 об. α; переѧславь|лѧ 109 α; мь|ножьствомь 114 об. α; мь|ножьство 130 об. α; тѧжь|ко 115 α; гюрь|ги 116 α, 116 об. α; сужь|дальскому 118 α; сужь|далци 125 об. α; празь|дникы 119 α (два раза); праздь|ньство 151 α; праздь|новавше 156 α; ѿ земь|лѧ 119 об. α; земь|ли 128 α, 145 об. α; ёмь|люще 121 об. α; праведь|на 129 α; странь|нопримца 129 β; торь|жекъ 131 об. α;

ѥсь|мы 132 α; различь|ными 135 об. α; жалость|ныꙗ 142 об. β; не ѿверь|жесѧ 156 об. α; архимань|дритъ 158 α; на сонь|мѣ 158 α-β; цр҃квь|ныꙗ 158 об. β; всточь|ныѣ 159 об. β; старь|ца 160 α; василь|ко҃ 160 α; пожь|гоша 164 α; мь|стѣ 170 об. β.

Примечание. Как исключение, встречаем на конце строки и согласный, если слово написано полностью и нет места поставить глухой: ѿ тѣх | приде 168 об. α; при бл҃говѣрнѣм | 166 об. α; имене҃ моим | 131 α.

16. *г* в словах: гюргевьскыи 97 β; гюрги 100 β (два раза), 100 об. β, 107 β, 107 об. α, 108 об. β, 109 α, 109 об. β, 111 α, 111 об. α, 111 об. β (два раза), 112 α, 112 β, 113 об. α, 115 об. β (два раза), 116 β, 117 α, 118 об. β, 122 об. β, 123 об. α, 149 β, 149 об. α, 152 β, 152 об. β, 153 α, 154 α (три раза), 159 β; *гю*рги 110 β, 116 α; гюргю 103 об. α, 128 об. α; гюрга 109 α, 109 об. α, 147 об. β; гюргеви 109 об. β, 110 α, 110 β, 110 об. α, 115 α передает звук, близкий к *j* (а именно греческую γ), а не *г*, что доказывают формы (значительно более редкие): юргевичь 123 β, 137 об. β; юргю 125 об. β, 153 об. α; юргевичю 130 об. β, 131 β, 136 β; юргевъ 133 об. β, юргевиче҃ 137 об. β; юрги 149 β.

Возможно, что появление *г* вызвано влиянием полного имени—георгий: геѡрги 97 α; геѡргии 108 об. α; геѡргиꙗ 118 об. α; геѡргію 149 β; георгиꙗ 153 об. β.

Нестяженные формы. Встретившиеся нам нестяженные формы имен прилагательных: тѣм же блж҃ныимь єпп҃мь ивано҃ 139 об. α; дѣло створи бъ҃ изрѧдно кирило҃ сщ҃ныимъ єпп҃омъ 159 β объясняются исключительно, как графический прием: эти написания единичны, и, следовательно, нестяженные формы были чужды языку писца.

Самые слова — блж҃ныимь, сщ҃ныимъ — подтверждают мысль, что написания эти — следствие влияния церковнославянского языка и церковнославянской письменности.

Фонетика

Полногласие. 1. Полногласные формы (*-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-ело-*, *-еле-*, *-оло-*), одна из главных особенностей русского языка, в исследуемой нами рукописи несомненно преобладают. Церковнославянские формы (*-ра-*, *-ла-*, *-рѣ-*, *-лѣ-*) представлены значительным количеством случаев в религиозных рассуждениях

и в церковных текстах, помещенных в летописи, и, как результат влияния, встречаются и в других местах, на ряду с формами живого русского языка.

Имена употребляются только в полногласных формах.

Церковнославянское *-ра-:* гра̂ 122 α, 126 β, 127 об. β; гражанъı 127 об. β; гражане 159 β, 160 об. α, 166 β, 168 об. α; правъı 97 об. β, 148 об. β, 151 об. α, 151 об. β, 163 об. β; възвратиса 111 β, 113 об. α, 165 α; възвратишаса 99 β, 120 об. α, 123 α, 136 β, 137 об. β, 142 об. α-β, 159 об. α, 169 β; врата 146 об. β, 152 об. β; *стр*анъı 97 об. α; странъı 148 об. β, 153 β, 159 об. β, 168 об. α, 169 об. β; хранить 97 об. β; хранити 97 об. β; в храминѣ 99 об. β; храмину 137 об. β; без храма 139 α; врагъı 97 об. β (два раза), 148 об. β; врагъ 103 β, 162 β; храборъ 99 об. α; каменьıи драгаго 116 α; ѡмрачнъı̃ 142 об. β, 163 α; с срамо̂ 143 об. β; възбрани 168 об. β, стража 169 α и т. д.

Русское *-оро-:* вышегородѣ 96 об. α; город 96 об. β (два раза), 98 β, 99 об. β (два раза), 116 об. β, 121 β, 127 об. α, 171 β; горо̂ 171 об. β; к городу 99 об. β; города 97 β, 107 β, 118 об. β (два раза); городѣ 96 об. β, 97 об. α; в городѣ 126 α-β; городъı 109 об. α, 127 об. α; .г. городъı 96 об. β; пригороди 127 об. β; пригородъ 127 об. β; приго̂ро̂ 170 об. α; горожане 124 об. β, 135 β, 145 α; из новагорода 96 об. β, 100 β; новъгородъ 121 об. β; повѣгородѣ 96 об. β, 99 об. α; 103 β, 113 об. α; новгородци 102 об. α; из городка 99 α; городець 106 β; городца 100 об. α; цр̂югороду 100 α; бѣлугороду 100 β; городокъ 100 об. β; за ѡгородъı 107 β; ѡгородъı 111 α; ѡгородиша 160 об. β; ѡгородилоса 171 об. α; норовъ 170 об. α; воротиславъ 99 β; воротишаса 96 α, 98 β (два раза), 100 об. β (два раза), 103 об. α, 104 об. β, 109 об. α, 117 β, 124 об. β; воротиса 98 β, 100 α, 100 об. α, 105 β, 112 об. α, 113 α, 113 об. α, 172 β; вороти̊̃ 97 α; воротивъса 104 об. β; возворотишаса 98 об. β; вороти 102 об. β, 128 β; оувороти 105 об. β; поворотиса 106 об. β; ворочю 128 β; воротилиса 136 β; извороча 137 β; ѡборотиша 111 β; в воротѣхъ 105 об. β; на воретѣ̂ 140 α; воротѡ̂ 160 β; воротъ 165 об. β, 166 β; передъ золотъıми воротъı 111 α, 151 β; передъ золотаıа ворота 128 об. α; на золотъı̂ воротѣхъ 118 α; сторону 109 α, 120 об. β (два раза); по... сторонѣ 103 об. β; сторонѣ 110 об. β (два раза); на сеи сторонѣ 130 β; на ту сторону 136 α; посторонь 141 об. α; похороненъ 103 α; похорониша 103 α, 117 β; похоронили 106 α; хоромъı 99 об. α; хороми 155 об. α; хоромовъ 171 об. β; ворогъ 105 об. α, 107 α (два раза);

ворогы 107 β, 130 об. α; ворогѡ̃ 106 об. α; ворога 130 об. α; ворози 106 об. α, 121 α, 170 об. α; г дорогобужю 171 об. β; дорогобужьцемъ 171 об. β; морочно 134 β; добудѣ̃ сорома 108 α; соромъ 109 β; соромлати 122 β; сторожѣ 104 об. α, 110 α, 110 β, 112 β; сторожем же 110 α; сторожѣ̃ 110 β; сторожеве 105 об. α, 106 об. α, 171 об. α; в сторожи̃ 133 об. β; бородъı 119 об. α; измощена мороморомъ краснъı̃ разноличнъı̃ 159 об. α; вороно̃ 168 α.

Церковнославянское *-рѣ-:* престависа 96 β (три раза), 96 об. α (два раза), 97 α. . .; прѣ̃ 144 об. α; чресъ 111 об. β, 157 β; без вреда 108 об. α; стрещи 146 об. α; врема 110 об. β, 111 α (два раза), 117 β, 120 об. α, 129 об. α, 143 β, 146 α, 150 об. β, 154 β, 157 β, 158 α, 169 об. β; сребро̃[1] 129 об. β, 159 об. β; сребро[1] 125 α, 126 об. β; сребра[1] 171 об. α; в средъı 118 α, 119 α; посредѣ 148 об. α, 168 β, 169 α, 169 β; оучредивъ 143 α, 148 α, 151 β; оучреди 147 β; оумрети 152 α, 156 об. α, 160 об. α, 162 β и т. д.

Русское *-ере-:* переступишь 98 об. β; переступи 99 α; переступили бѧху 129 об. α; перебреде 107 об. α; перебъı 104 β; передашаса 99 α, 144 об. β; перешедъ 104 β; перешелъ 99 об. α; перестапъ 99 α; перебродиса 105 β; перем 171 β; перепровадилиса 171 β; напередъ 105 α, 121 β; передъ 99 α, 111 α, 128 об. α, 168 об. α; с переднею дружиною 122 об. β; оупереди 141 об. α; переже 134 об. β, 136 об. β, 142 β, 144 β; чересъ 96 об. α; 105 β; достерегъса 170 β; серебра[1] 104 α, 116 α; сребро̃[1] 104 α, 161 β; в середу 132 об. β; в серѣ̃ 134 β; середи 169 об. α; берего̃ 110 об. α; берегъ 131 об. β; по деревью 170 α.

Церковнославянское *-ла-:* младъ 111 α; владѣющю 99 об. α; злато 125 α, 133 α, 164 α; глада 126 β; до ѡблакъ 119 об. β; ӧбла̃ вели̃ 157 β; глава 129 α; гла̃ 169 β и т. д.

Русское *-оло-:* молодъıхъ 130 α, 169 об. α; молода бѧста 126 об. β; молодии 155 об. β; молодъ 173 α; володимеръ 96 α, 96 об. α (четыре раза), 96 об. β (три раза), 144 об. α; володимера 159 об. β; володїмеричь 96 об. α; володимеричь 96 об. α-β; володимерь 127 об. α, 165 об. α, 166 об. α; володимерю 96 об. β, 97 α, 97 β; к володимерю 126 α; володимера 97 α, 97 β, 99 α; володимерь (прилагат.) 96 об. β, 97 α; володимерьскъıи 97 β, 101 β;

[1] Начальная форма — сърѣбро, откуда сьрѣбро. Вследствие сходства этой формы с формами на *ре* (из *рѣ*), возникло чередование -сребро (как неполногласная форма) и серебро (как полногласная русская форма).

всеволодъ 96 β; всеволожа 96 β, всеволодичь 96 об. β; володиславу 103 β; володиславъ 121 α, 121 β — 121 об. α; володиславомь 122 об. α; володара 97 β; володарь 97 об. α; роговолода 99 β (два раза), 99 об. β, 103 об. α; роговолодъ 99 об. α; волость 99 об. α, 100 об. α, 101 об. β, 102 β, 123 об. β; пургасову волость 155 об. β; вса волость изъимана 170 α; волости 100 об. α; 102 β (два раза), 115 об. α; противатса волости 125 α; золота 106 α, 116 α, 171 об. α; золотъими 111 α; золотоверхам 117 об. β; на золотъ 118 α; золото 126 об. β; до золотника 128 β; передъ золотам ворота 128 об. α; золотъ 160 β; золотъ 165 об. β, 166 β; золотоверхии 169 об. α; с голода 121 об. β; не мори са голодомъ 136 β; оболоци 157 β; голову 107 α, 163 β, 170 α; головъı 115 об. α, 130 об. α; болота 103 об. β, 153 об. β, 171 об. α; в болотѣ 104 об. α; колодникъ 114 α; колодникъı 122 об. α, 127 об. α, 129 β; волочиша 110 об. α; волочане 170 об. β; волокъ 171 α; ѣха к ламьскому волоку 131 α.

Церковнославянское *-лъ-*: ѡблече 106 β; извлечѣте ма 117 α; и принесоша и лѣ (еле P, ельи A) жива 132 α; въсплещѣте 142 об. α; плѣню 168 об. β; поплѣнать 153 б; полѣниша 153 β; поплѣниша 162 α; плѣниша 159 об. β, 162 α, 164 об. β; п[л]ѣнити 169 об. β; плѣни 154 об. α; плѣноваху 159 об. β; поплѣнивша 159 об. β.

Русское *-ело-*, *-еле-*, *-оло-* (на месте ц.-слав. *-лъ-*): шеломъ 111 об. α; шелс 111 об. α; пеленъı 158 об. β; полонити 98 β; полонъ 96 об. β, 97 α, 100 α, 100 об. β, 121 β, 131 α, 154 β, 155 об. β, 161 β, 164 об. β, 166 β, 170 об. β; полона 104 об. β, 154 об. α-β; полоно 99 β, 120 об. β, 122 об. α; с полономь 113 α; с полоно 121 β, 148 β; полони 96 об. β (два раза), 99 об. β; ѿполони 113 об. α; ѿполоненъıм 113 об. β; полонении 121 об. α, 130 α; молока 119 α; възволоченъ 108 β; волокоша 106 α; паволокъı 96 об. α, 133 α; волокоша 106 α.

2. На месте сочетаний *-ър-*, *-ър-*, *-ъл-*, *-ьл-* в летописи мы находим *-ор-*, *-ер-*, *-ол-*, *-ел-*.

-ор-: на торговищи 106 α, 151 α; челку стаговую сторгоша 121 β; гордости 101 β; гордость 122 α; вборзѣ 106 β, 106 об. α, 122 об. β, 127 α; вборзѣ 110 об. β, 114 об. β; борзо 122 об. α, 127 β; наборзѣ 141 об. β; кормника .в. 110 об. α; на кормѣ 110 об. α; по кормъ 146 об. α; кормителя 163 α.

-ер-: церкъı 96 об. α, 152 β; церковь 98 α; оу церкви 118 об. α; церкви 118 об. β; .к. верстъ 122 об. β; ѿ младъı верстъı 124 α; за .е. верстъ

127 β; за версту 156 об. β; поверзше 117 α; поверзѣте 117 α; изверже 119 α, 119 β; повергоша 127 β; свергоша 169 об. α; повержену 162 об. β; ѿверзлъ 124 α, 142 об. β, 163 α; ѿтверзеши 139 α; ѿверьжеса 156 об. α; ѻтвержеса 167 об. β; поверзи 140 α; ѵмерлъ 98 α; мертви 112 β; по оумертвии 117 α; мертвъ 124 об. β; смерть 125 об α; оумерлъ 114 об. β; 115 α, 146 α; мертва 162 об. α; съмерть 166 об. α; мертвъı 169 об. β; оумершю 129 α; дерзну 119 β; дерзи суще 121 β; дерзновеньѐ 125 об. α; дерзость 148 об. β; дерзнеть 133 об. α; твердь 110 β, 112 об. β; твердъ 110 об. β; оутвердившеса 126 α; оутвердивъса 128 β; твердью 130 α; твердо 135 об. α; твердити 135 об. β; тверда 140 β; твердость 146 β; в тверди 155 об. β; первѣѥ 107 об. α; первоѥ 120 β; первии 121 α; первъıи 126 об. β; перваго 147 об. α; держа 102 об. β; в держаньи 119 об. α; держахутса 126 об. β; держи 128 β; держащю 152 об. α; гⷭ вседержителю 162 об. β; оудержаша 167 β; держати 170 α; держаса 170 β; держава 173 α; верхъ 116 α, 119 об. β, 146 β, 153 α; верхуславу 138 α; ѿ верха 148 об. α; золотоверхии 169 об. α; до чертова лѣса 109 об. α; на̂ черторъıѥю 105 β; чернии 111 α; с черньци 138 β; чермъıи 144 об. α; черлени 157 β; червленъ̂ 169 β; блг̑осердъ 128 об. β 131 об. α; серпъ 131 α (два раза); истерти 131 α; четвергъ 146 об. β; жертва 146 об. β; стерпѣ 108 α; претерьпѣвъ 151 α; терпа 172 α; сверши 154 α; ѡскверниша 161 β; ѡскверньноѥ 162 об. α; вечернии 171 об. α.

-ол-: ст̑ополкъ 96 α, 102 об. α, 109 об. α, 114 α; ст̑ополчь 96 β, 96 об. α; ст̑ополчичь 97 α, 97 β; ст̑ополчаı 97 об. α; ıрополкъ 96 β, 96 об. β, 98 β, 100 β; ıрополка 126 α; полкъ 97 α, 111 об. α, 132 α, 168 об. α; полку 103 β, 170 β; исполчившеса 98 β; исполчивъса 107 β; исполчивъ 111 β; полчище 101 α; с полкомъ 127 α; ѡполчитса 147 α; с полкъı 123 β; на полку 128 β, 153 β; ис полковъ 144 β; со всѣми полкъı 141 об. β; исполчиша̂ 154 β; ис полку 169 об. α; середи полку ихъ 169 об. α; полчищи 171 β; исполчиса 168 об. α; на болгаръı 97 α; болгаръ 132 α; болгаръı 152 об. α; болгарьскъıи 155 об. β; болгаре 156 β; болгарьскаго 159 об. α; исполниса 99 об. β, 156 об. β; исполнь 130 β; исполни 164 α; наполнитса 157 об. α; исполненъ 167 об. α; наполни 168 об. β; толче 111 α; молвити 98 об. β, 126 об. β, 160 β; молвать 105 об. α; подмолвѝ 106 об. β; розмолвиша 108 об. β; молвивъ 111 об. α; молвящю 110 α, 118 α; ızмолвѝ 119 об. α; молвахуть 126 об. α, 128 об. β—129 α, 136 β; молчаливъ

132 об. α; ȣмолчаша 160 β; долго 102 об. α; добрыны долгаго 129 α; долготу дн҃и 142 β; столпъ 169 об. α; волкъ 150 α.

-ел-: челку стѧговую сторгоша 121 β.

3. На месте общеславянских *ор-, ол-* в летописи мы находим в начале слов как русские *ро-, ло-,* так в равной мере и церковнославянские *ра-, ла-* (ал).

Русское сочетание *ро-:* розути робичича 99 об. α; робичица 99 об. β; роботы 119 об. α; роботѧщи҃ 149 α; роботѧще 167 об. α; розмолвиша 108 об. β; роспустившю 109 об. β; розираꙗ нарѧдъ ѥго 110 α; роставлѧ 112 β, 146 об. α; роставлѧлъ 112 об. β; на розгонѣ 114 α; роздаꙗ 115 об. α, 156 β; роздаꙗла 126 об. β; роздавъ 131 об. α; розбѣгошасѧ 115 α; розбѣжалъсѧ 172 α; розбѣжашасѧ 170 об. β; на розглѧду 116 α; роздѣливше 126 об. α; рознати ратны҃ 127 β; росудилъ 129 об. α; россуди҃ 170 об. β; розоимаша 136 об. α; ростричи 143 об. β; россунушасѧ 166 β; розъѣхашасѧ 156 α; розоидоша҃ 170 об. α; розбое҃ 170 об. α; розбилъ 170 об. α; розбити 170 об. α.

Церковнославянское *ра-:* разно 102 α, 104 α; разноличны҃ 159 об. α; равнитьсѧ 120 α; тоꙗ работы 121 об. α; не поработихомъ поработившесѧ 133 β; възрасту 168 β; взрастъ 168 β; развратниковъ 127 об. β; разуменъ 128 α; разумѣша 128 α; разумна 147 β; разумѣваꙗи 142 об. β; разумивъ 145 об. β; в разумѣ 149 α; разумѣваꙗ 152 α; распустиша 145 об. α; распусти 147 β; разводьꙗ 131 об. α; разлитьё 147 об. α; распѧтсѧ 150 α; раздаваꙗ 152 α; раступисѧ 157 α; расудивъ 165 α; разбои 170 об. α; раскопати 172 β.

Русское *ло-:* в лодью 107 α; лодьѣ 110 об. α; лодьꙗми 110 об. α; к лодьꙗмъ 131 об. β, 146 об. α, 146 об. β; в лодьꙗ҃ 132 α; на лодьѣ 132 α, 132 β; в лодью 132 β; с лодеиникы 146 об. β; ѿ лодьи 146 об. β; лодеиници 146 об. β.

Церковнославянское *ла- (ал-):* алкахо҃ 138 об. β; алканьꙗ 138 об. β; алчете 138 об. β; алченъ 142 об. β; в алчбѣ 169 α.

4. *Ѣ.* Отожествление звука *ѣ* с звуком *е* является одним из крупнейших событий в истории русского языка. К выяснению вопроса, в какой мере этот факт находит себе подтверждение в языке летописи, мы и считаем необходимым перейти в настоящей главе.

В отделе графики мы, отмечая ту последовательность, с которой писец употребляет *ѣ,* указали и на ряд случаев, когда, вместо *ѣ,* стоит *е.*

Тогда же мы объясняли отклонение от старинного написания причинами фонетического характера.

Приведем еще ряд примеров на смешение *ъ* и *е*.

е вместо *ъ:* оустрете и 114 α; телесн҃ыми[1] 132 α; телеса ѥго[1] 163 β; целованьи 157 об. α; приѥха 167 α (два раза); приѥхаша 167 α (два раза), 167 β; поѥхаша 167 β; поѥха 167 β (при формах: по|ѣха 166 об. β — 167 α; сѣмо приѣхалъ 167 β; ѣхалъ 167 β; ѿтолѣ приѣздаху 111 об. β); некто 169 α; нареша има ѥму данилъ[2] 165 β; метати 96 об. α; метахуть 102 об. β; смета 143 об. β; наметаша 169 об. β (но — бъ̃ любащ҃и ѥго вмета[ѣ]ть 108 β); за премногую ѥго добродѣтель 116 об. β; всакыи бо держаса добродѣтели 124 β, 164 α; многы добродѣтели показа 159 α; в чт҃нѣи добродѣтелнѣи сѣдинѣ 167 об. α; погыбель 134 об. β, 135 α.

ъ вместо *е:* на безъимѣньнои нѣ̃ 172 об. α (возможно, под влиянием *имѣ-ниѥ*); ис трубѣча (трубьча Р) 134 об. α (*ъ* на месте *ь?* Возможно, — описка).

Примеры на суффиксы наречий вряд ли показательны, так как мы имеем почти исключительно смешение *-де-* и *-дъ-*, причем последний суффикс — результат влияния местного падежа (по аналогии с *индѣ* стали писать и *идѣ же*) — встречаем и в других др.-русских памятниках.

В летописи находим: гдѣ 173 α; кдѣ 130 α; сдѣ 153 β, 159 α, 161 об. α; здѣ 157 об. α (два раза), 163 об. β, 168 об. β, 169 об. β; здѣ же 169 β; идѣ же 118 об. α, 122 об. β, 125 α, 152 β; ѡндѣ 97 α; индѣ пѣши а индѣ конникъ 112 об. β — и рядом: сде 97 α; иде же 124 об. β, 129 об. β, 130 α, 153 об. α, 162 α, 169 об. β.

Отметим весьма частое *е* вместо *ъ*, употребляемого там, где ст.-славянское А, в родительном падеже единственного числа местоимений и имен прилагательных.

Так, в постоянно повторяющемся обороте: тоѥ же зимы; тоѥ же весны — неизменное *е:* тоѥ же зимъ҃ 112 об. α, 115 α, 116 β (два раза), 117 об. α, 118 об. α, 122 β, 122 об. β, 159 об. β, 165 об. α, 171 α (два раза); тоѥ же зимъ҃ 113 об. β, 121 об. β, 123 α; тоѥ же весны 115 об. α, 148 β; тоѥ же ночи 98 β.

Еще примеры: не жда иноѥ помощи 98 β; бывъ оу братьи своѥ̈ 103 об. α; и не ѡбрѣтше кѣ̃ 113 об. β; почаша просити братьѣ своѥ̈ их же бѧху изъимали берендѣи 115 об. α; чюдо новоѥ сто̃ѥ бц̃и володимер-[с]коѥ 118 β — 118 об. α; и бы҃ помощь хр҃та и сто̃ѥ мт̃ре бж̃ьи десатиньноѥ бц̃и 121 об. α; и положиша и оу сто̃ѥ бц̃и 123 α; и положиша и оу чюд-

[1] Здесь, возможно, явление ассимиляции предыдущего *ъ* следующему *е*. Тем более, что — тѣлꙋ 125 β, 163 β; тѣла 150 β, 160 об. α.

[2] Возможно, что в слове нареша описка — пропуск *ко*.

ноє̈ и хвалы достоиноє̈ оу ст҃ыꙗ бц҃и златоверхоє̈ 125 α-β; в .г҃. д҃нь мѧсопу̑ноє̈ недѣ̑ 126 об. α; оу володимерьскоѥ цр҃кве 128 β; на канунъ ст҃оє̈ бц҃и 138 α; не оуправи своє̈є̈ рѣчи 140 β; притворъ ст҃оє бц҃и 159 об. β; оу ст҃оє̈ бц҃и 165 об. α; по велицѣ дни порожнеє̈ нѣ̑ 166 об. α; блюсти ѡч҃инъı своє̈є̈ 171 об. α.

Как видно из приведенных выше примеров, смешение *ѣ* и *е* наблюдается довольно часто только в положении после гласных или в начале слов, где развивалась йотация.

Следует заметить, что находим мы его не только у главного писца, но и у того, кем написаны несколько листов.

Так, второму писцу принадлежат написания: приѥха 167 α (два раза); приѥхаша 167 α (два раза), 167 β; поѥхаша 167 β; поѥха 167 β; в чт҃нѣи добродѣтелнѣи сѣдинѣ 167 об. α.

Отметим ту последовательность, с которой писец пишет *е* в неполногласных формах, в сочетании *-рѣ-*.

Полногласные формы к 1377 году, несомненно, укрепились на письме, и писец чаще встречается с написаниями, когда после *р* — стоит *е*. Влияние сходных написаний и привело к вытеснению *ѣ* и в неполногласных формах южнославянского происхождения, следовательно, чуждых писцу. В тех же случаях, когда не было полной аналогии (на месте старославянского *-лѣ-* в русском обычно *-оло-*, *-ело-* и реже *-еле-*), этого вытеснения *ѣ* не произошло (формы с *е* весьма редки).

Такое влияние аналогичных форм может быть объяснено только тем, что в произношении писца *ѣ* являлось звуком, отличным от *е*, только в словах живого языка и буквы *ѣ* и *е* употреблялись в них не только на основании графических традиций, в словах же, заимствованных из церковного или древнеболгарского, он подставлял свои *е* вместо *ѣ* (*пре-* вместо *прѣ-* под влиянием живого *пере-*).

Еще более убеждают нас в высказанной мысли другие приведенные примеры. Так, суффикс имен существительных женского рода *-ѣль* был заменен писцом суффиксом *-ель* на основании аналогии с суффиксом имен существительных муж. рода *-тель* (ст҃итель, сѣꙗтель и т. д.).

Отметим частые случаи с *е* вместо *ѣ* (из праслав. ię в родительном падеже единственного числа женского рода местоимений и имен прилагательных, объясняемые йотацией, при верном употреблении *ѣ* в других склоняемых формах.

5. *ѣ* и *и*. Случаи с *и* вместо *ѣ* и с *ѣ* вместо *и* немногочисленны и находят объяснение в том влиянии южнорусской письменности и севернорусской, которое, несомненно, испытывала письменность среднерусская. Так, мы встречаем

написания: 1) загорисѧ[1] и горѣ 140 об. β; 2) не стерпяче безо кнѧза сѣдити[1] 102 об. β; 3) назади 121 α, 122 об. α и — назадѣ[2] 111 об. α (сравним великорусские назаде, на лошаде вместо обычных в литературном языке назади, на лошади). В то время, как у первого писца, более последовательно сохраняющего старинные формы, находим: апрѣ 97 β, 100 β, 139 β; апрі 158 α; априлѧ 132 об. β, 148 об. α, 155 β, 156 об. α, — у второго писца: мц̑ѧ апр̑т 157 α; апрѣ 157 β.

змиѣвъıѧ 134 β (у первого писца) — только с *и*.

В летописи встретилось и несколько случаев употребления *и* рядом *ъ* в именах: 1) оулавчиѧ 167 α при — оулавчѣѧ 167 α; 2) алексиѧ 96 об. β; алексии 97 α при ѡлексѣѧ 138 об. α; 3) помочь володимиркова 107 об. β при володимерко 107 об. β; 4) ѥремиѧ 153 об. β; при — ѥремѣѧ 155 об. α, 160 α.

6. *ъ* и *ь*. Особенно подробно считаем необходимым остановиться на чрезвычайно важном вопросе — судьбе глухих *ъ* и *ь*.

Во всех тех случаях, когда глухие стояли в слогах, за которыми следовал слог с чистым гласным или с *ъ* и *ь* сильными, *ъ* и *ь* в слабых слогах мы не находим.

В этом отношении исследуемая нами рукопись не представляет ничего нового, и многие из приводимых нами примеров встречаются уже и в древнецерковнославянских памятниках: книгъı 118 об. β, 133 α, 142 α; книгами 152 α; кнѧзь 96 β, 97 β, 140 об. β; кнѧ̑ 151 α, 147 об. β, 149 α; кнѧза 103 об. β; кнѧзю 130 об. β; кнѧзи 96 β, 133 об. β, 159 об. α; кнѧзии 105 β; много 105 об. β, 162 об. α, 164 об. α; многъı 116 об. α, 137 α; мнози 158 α; со многою 162 об. α; многаждъı 119 α; множество 134 об. α; множьство 113 β, 124 об. α; множьства 130 об. β; многое множство 134 об. β; дщерь 99 об. β, 103 об. α; дчерь 137 β, 138 α, 140 α (но — дочерь 125 об. α); дщере 99 об. α; дщи 96 β, 142 α, 164 об. β; дчи 172 α; дчери 160 об. β; дчерью 161 α; ко мнѣ 105 об. α, 116 α, 142 β; мнѣ 168 об. β; два 99 α; двѣма 108 β; кдѣ 132 α; нѣкто 168 об. α, 169 α; никто же 133 об. α, 135 об. α; псомъ 117 α; сдѣ 103 об. β, 116 об. α; что 110 об. α, 136 об. α; ничто же 115 об. β, 123 β; мстислав же 145 β; мстислава 140 об. α; мстислави̑ 140 об. β (и радом: мьста 142 β; ѿмьстать 153 β); и нѣ̑ мѣста ни вси ни селъ таци̑ рѣдко 162 α; церкви 118 об. β; цр̑кви 158 об. α.

[1] Возможно, здесь мы встречаемся с особым глагольным образованием.

[2] Возможно, здесь имеют место два разных образования — от задъ (назадѣ) и от основы на *ъ* (назади).

В тех же случах, когда ъ и ь стояли под ударением или же перед слогом с слабым ъ и ь, вместо ъ и ь, возникали чистые *о* и *е*. Прояснялся глухой и в словах, в которых стечение согласных требовало сохранения гласного. Так, находим: токмо 142 об. β, 108 β, 110 об. α, 126 об. β, 142 об. α, 163 об. β; кождо 137 α, 142 об. β, 149 α, 150 об. β; нонѣ 105 об. α, 134 об. α; доскми 110 об. α (но и — дска 140 об. α; возможно, писец так и говорил); .ѳ҃. сотъ копии 121 β; сотники 167 α; кровь 98 α, 129 α; грдось 128 α; городо 110 β; черньс*тв*овавъ 150 α; в черньцѣ 149 об. α; в черньцѣ 172 α; в черньци 155 β, 167 α; гостешбу 156 β.

Рядом старинные формы: городъкъ 109 α; възлѣ 111 α, 145 об. β; 146 α; исъ кльчьска 99 α; чьрньска 103 об. α; в половьцьскую 132 α; половьцьсскъı 134 α (вследствие описки — два *с*); черноризьцьскъıи 149 α; черньчьс*тв*овавъ 150 α; черноризьчьскъıи 158 об. α.

Под влиянием слов, где чистые на месте глухих возникли фонетически, находим формы: местиславу 98 об. β (всюду — мстиславу 98 об. β и др.); а суздаль буди нама ѡбче (общь Р, А) 128 об. β.

Это же следует сказать о форме — мы бьёмсѧ (сѧ бьемъ Р, А), где *е* на месте ь из *и* (бьёмсѧ 112 β; бьётьсѧ 146 об. β; избьёно 153 об. α).

Из образований: за шью 118 α (шию Р, А. В Суздальской летописи в другом месте тоже — шиꙗ 130 об. β); глмь въпьёте 138 об. β; первъı кнѧзьи 142 α, получившихся в результате ослабления *и*, возникли формы с *е* на месте ь.

Переход глухих в чистые нашел отражение и в написании местоимений *сь* и *тъ* (им. и вин. п. ед. ч. муж. р.): памятник почти исключительно употребляет *се* и *то*.

Примеры: тако же и се бес покаꙗньꙗ пребъı 119 об. β; се же кнѧзь избраникъ бж҃ии бѣ 123 β; се же сщ҃ньıи ёпп҃ъ кирилъ оукраси ст҃ую цр҃квь ст҃ъıꙗ бц҃а 158 об. β; такоже и се именемь андрѣꙗшь 168 об. α; се наѣха на шнеку 169 об. α; се наѣха многаждъı 169 об. α; се наѣха на полкъ 169 об. α; на нъı буди то грѣхъ 98 об. β; то да кого всхотѧть то имъ буди кнѧзь 128 об. β; да то (гюрги) въı буде в мене мѣсто 151 об. α-β; леѡнтии ѹбо ст҃ъıи сщ҃ньıи ёпп҃ъ то *про*свѣти ст҃ъıмъ кр҃щньє гра ростовъ 158 об. α-β; снидошасѧ в ст҃ую цр҃квь на чтньıи то праздни 159 β; хотѧ видѣти дивньıи то взрастъ ѥго 168 об. α.

сь и *тъ* (им. и вин. п. ед. ч. муж. р.) редки и являются церковнославянизмами.

Примеры: сь посла к роговолоду 99 об. α; сь же не токмо не всхотѣ поставленьꙗ 119 β; тако и сь феѡдорець 120 β; сь д҃нь иже створи гь

142 α; сь же глѣбъ прѣ прихода ихъ изнаради свои слугы 150 об. β; сь ѡканьныи дыяволъ въздвиже нѣкую котору злу 150 β; сь бы иного языка 156 β; а ини идоша на переяславль и тъ взаша 162 α; тако и тъ во истину стыи стослав бии угодникъ 123 об. α; повелѣ и тъ зажещи 147 об. β.

Так как в одном и том же слове, но в разных его формах, глухой мог то исчезать, то переходить в чистый, создалось чередование форм без *о* и *е* с формами, имеющими эти гласные.

1) ложь 137 β, но: лжею 137 β; лжаго 119 β, 168 α; лживы 137 β; лжють 130 об. β; 2) на соньмѣ 158 α; сонма 120 об. β; соньмася 109 об. α — снемъ 116 α, 172 α; снѣ 120 об. α (два раза), 120 об. β; на снемъ 115 α, снемшися 150 об. α, 156 α; 3) оугони 106 об. α — гна 154 β; изгна 119 α; гнаста 108 β; въгна 143 об. β; въгнаш 126 об. α; въгнаша 135 об. α; 4) золъ 108 α, 164 об. β, 168 α — зла 135 α, 135 об. β; злымъ 119 об. β; злаго 119 α; злодѣю 119 об. α; злыя 150 об. β; злѣ 119 об. β; 5) (кыевьскыи) солъ 118 α; пожидающимъ и посолыя 108 α — сли 126 α; слы 135 об. β; всѣмъ сломъ 118 α; пословъ 137 β; посломъ 120 об. α; посла 97 α, 103 об. α, 105 β, 106 α, 120 об. α, 121 об. β, 122 β, 135 об. β, 159 об. α; послаша 155 об. β; послав 155 об. α; послати 125 об. α; высласта 99 β; послалъ 166 об. β; 6) весь 103 об. α, 118 об. β, 126 об. α, 142 об. β, 151 об. β, 152 β — все 113 β; всею 111 β; вса 102 об. α; всю 102 β, 135 β; всѣ 96 β, 165 α; всѣмъ 118 α; въ всеи 142 об. α; вса 96 об. α; вси 102 об. α, 133 об. β; всакому 124 β, 125 α; всеи 149 об. α; всакыми 152 α; всеволодъ 96 β, 102 об. α, 103 об. α; всеволоду 130 об. β; всеволожа 96 β; 7) пожегъ 129 об. β; пожегше 164 об. α — жгуще 145 об. α; зажгоша 113 β; пожгоша 111 об. β, 131 α, 155 об. β, 159 об. α, 160 α, 164 об. β; 8) меншюю 103 β; менши 108 β, 149 α — мнии 116 об. α; мнеи 157 β; 9) шедше 102 об. β; пришедше 113 β, 171 β; пришедъ 99 об. β; прише 172 об. β; прошедъ 168 об. α; дошедше 96 α; ѿшествие 151 об. α — пришли 132 α; вышли 132 α; дошли 96 об. α, 98 об. α.

Ту же картину чередования форм с *о* и *е* и без них находим и в суффиксах: 1) городо 110 β, городокъ 172 β; но: городка 131 об. β; к городку 106 об. α; 112 β; 2) в любовь 109 об. β — 110 α, 115 об. β (два раза) — в любви 151 об. α; 3) пс половець 151 об. α; ѿ половець 101 об. α; половець 101 об. β, 113 β, 114 об. α, 150 об. β; половечскиѣ 102 об. α; половецьскою 141 об. β; половецьскы 120 об. α; половець-

скъімъ 120 об. α; половечьскы҃ кнѧзе҃ 108 α; половечьскую 113 β — половци 120 об. β, 132 α, 134 β, 134 об. α, 135 β; половпе҃ 115 об. α, 120 об. α; к половце҃ 116 α, 120 об. β; в половцѣ 120 об. β; половцѣ 96 β; с половци 96 β, 105 α; ведешь половци 112 α; 4) новгородець (род. п. мн. ч.) 129 об. β; новгородець (им. п. ед. ч.) 169 α — новгородци 102 об. β, 123 α, 129 об. α, 131 об. α, 135 об. α; новгородьци 100 об. β; 5) нѣмець (род. п. мн. ч.) 172 β — нѣмци 172 β; 6) ꙗрославець 97 α (им. п. ед. ч.) на ꙗрославца 96 об. β; 7) сн҃овець (им. п. ед. ч.) 122 об. β — с своими сн҃овци 145 α; сн҃овцѧ 131 α; сн҃вца 108 об. β; 8) в городець 106 об, α; на городець 162 α; городецьскъіи 103 α — городца 100 об. α; в городцѣ 110 β; на городьци 122 об. β; 9) правовѣренъ 135 об. β — правовѣрны҃ 124 об. α; 10) силенъ 168 об. α — силно 96 об. α; 11) на торжекъ 148 α; торьжекъ 131 об. α; в торжекъ 166 об. β — до торжку 162 α; на торжку 131 об. α; к торьжку 130 об. β; к торъжку 131 об. α; 12) логожескъ 99 α — оу логожьска 99 α, β; 13) в мѣнескъ 100 об. α — к мѣньску 96 об. α, 100 об. α; оу мѣньска 96 об. α; 14) в луческъ 109 об. α; 112 β, 115 α, 115 об. β (в лучьскъ 107 об. β — старинное написание) — к лучьску 109 об. α, 107 об. β, 108 α, 115 об. β; лучьску 107 об. α; 15) дреютескъ 96 об. α; на дрьютескъ 99 α — из дреютьска 136 об. β; 16) на витепескъ 140 α — витепьскаго 126 об. α; 17) полтескъ 99 об. α; на полтескъ 99 об. β; в полтескъ — полотьску 99 β; в полотьскѣ 100 β; 18) во смольнескъ 126 об. α — ис смолиньска 171 об. β; смолиньска 100 об. α, 102 β, 140 α; из смолиньска 136 об. β; смолиньску 106 β, 115 α, 126 об. α, 164 об. α.

Примечание. Интересно отметить в последнем примере появление *и* на месте *е; и* (вместо ожидаемого *е* — смоле́ньска и др.) по аналогии с другими образованиями с суффиксом *ин*.

Вследствие действия аналогии, такое чередование возникало и в словах с исконными чистыми. Старинное *ледъ* не подверглось действию аналогии. Согласно с тем, что мы видим в современном украинском — *лідъ*, белорусском — *ледъ* — *леду*, находим — во всѧкомь леду 127 β.

Примечание. Возникновение в суффиксах чистых привело к нарушению стройной графической системы. Поэтому в тех формах слов, где глухие в суффиксах исчезли, написание ъ и ь встречаем редко: новоторжьци 130 об. β; гребьци 110 об. α; миродержьцѧ 132 об. β; с городьчанъі 135 об. α.

Формы слова с вновь возникшими чистыми оказывали воздействие на формы тех же слов с утраченным глухим гласным.

Этот процесс также нашел отражение в памятниках. Так, возникли формы: по досцѣ 169 об. α; з доскы 169 об. α; крове 162 об. β; крови 111 β, 146 β; двери (вин. п. мн. ч.) 158 об. β. Затем — от *тьсть* в форме родительного падежа (ударение стояло на конце — тьсти́ — и только впоследствии было перенесено на первый слог): тестѧ 131 β; тести 134 α; ѿ тести 117 об. α; но рядом и — тьсти 124 α.

Стремлением сохранить старое написание объясняем формы с глухим гласным в тех случаях, когда он должен был проясниться.

Так, при форме лесть 105 β, 145 об. β, 147 об. α; лестью 105 β, 105 об. α, 135 об. β; лестнъıми 101 об. α — находим формы: на льсти 136 об. α; слушаꙗ *нѣ*кыихъ льсти 156 α; льсти (ъ при переносе. Род. п. ед. ч.) 125 об. α.[1]

Ценность последнего примера умаляется тем, что он имеет характер описки в Р, А — мсти.

Примечания. 1) Форма лесть|ца 119 α-β возникла фонетически, без влияния формы лесть: из — льстьца́. Первое ъ прояснилось перед слогом со слабым ъ.

2) В словах с приставками находим: прелести (род. п.) 150 об. β (не без влияния формы — в прелесть 168 α; прелестнаго свѣта 151 об. β) при — перельсти (аорист) 104 α.

3) От *чьсть*, при — честен же ѿ мстислава 98 об. β; честью 166 α — форма — не приложивъ чти 104 об. β. Глагольные формы: почти 165 α; чтити 127 об. α. Формы — чть (вин. п.) 134 об. β — очевидно, описка: писец забыл вынести над строку с҃.

В заключение отметим 1) формы: угль 134 β; ѡгнь 130 β, 133 α, 171 об. α, 120 α; ӧгнь 157 β (два раза); смъıслъ 124 α; помъıслъ (вин. п.) 136 α; хъıтръ 154 α, 163 β; зломъıслъ 163 об. β; из всѣхъ земль 117 об. β, не отразившие на письме процесса возникновения новых глухих; 2) написания: на лтѣ (на алте Р, А) 98 α; иде гюрги на льто (на олтъ Р, на олту А) 112 α, свидетельствующие о том, что плавные согласные в начале слов не превратились в слоги *ор, ол*.

[1] Однако, вполне вероятно предположение, что ударение стояло на втором слоге, и формы — фонетически правильные.

Отдельно остановимся на предлогах и приставках, которые тоже дают возможность проследить судьбу глухих.

1) В тех случаях, когда предлог стоит перед словом, в котором произошла утрата глухого в первом слоге, встречаем в предлоге вместо *ъ*, — *о*. Это же следует сказать и о приставках. Примеры: со многы҃ полоно҃ 99 β; со мстиславичемъ со всеволодомъ 99 β; во всю тварь 99 об. β; безо кнѧзѧ 102 об. β, 123 об. β, 127 об. β; ко всеволоду 104 α; ко мнѣ 105 об. α, 130 об. β; со мь|пожьствомь 114 об. α; подо мною 114 об. β; со кнѧзи 113 α; во вторни҃ 116 об. β; со всеволодо҃ 122 об. α; во смольнескъ 126 об. α; предо всѣми 127 об. α; со кнѧземъ 132 α; во нь же 139 α; со всѣми болѧры 151 β; ко встоку 153 об. β; со многою нужею 162 об. α; со мно҃ство҃ полона 164 об. α; со всѣ҃ своимъ житье҃ 172 α; совкупи 98 об. β; совкупивъсѧ 113 об. β; совкупѧсѧ 146 α; совкуплѧти 160 α-β (даже: совокупивъсѧ 103 об. α; совокупи 103 об. α); сождасѧ 129 α; не согбенѣ руцѣ 150 α; созда 152 α; создана 153 α.

2) По аналогии с указанными формами, а также под влиянием предлогов на гласный (*до, на* и др.), стали употребляться предлоги с чистым гласным, вместо глухого, и в других случаях. Это явление также нашло отражение в памятнике: со изѧславомъ 131 об. β; со андрѣе҃ 110 β; ко изѧславу 105 β, 115 β; со игоремъ 118 об. β, 131 β — 131 об. α, 131 об. β; во имѧ 140 α; ко граду 136 β, 140 об. α; ко ѡлговиче҃ 141 об. β; во истину 152 α, 168 β; во ѡдинъ мц҃ь 162 α; со иѡвомь 133 β; ко ѡринины҃ 161 α; ко ѡлексанъдру 166 α; ко тфѣри 171 β; во ѡружьи 168 об. β; во ѡсенинѣ 172 α, 172 об. α; со изѧславо҃ 118 β, 147 об. β; со ѡлговичи 143 об. β, 146 об. β; 109 об. α, 110 об. α. Несколько иная картина в отношении приставок. Писец Суздальской летописи последовательно употребляет написания приставок без *ъ* или *о* во всех тех случаях, когда за приставкой — слог с чистой гласной (примеры — розоимаша 136 об. α; подоѡстри 135 об. β исключительны). Примеры: сборъ пёрѣискыи 98 об. β; в сборъ ст҃хъ ѡц҃ь 148 α; звахуть ёю к собѣ на свѣтъ 135 об. β; на свѣтъ (совѣтъ) 136 β; свѣтника гюргѧ 107 об. β; сзижеть 146 β; сскочи с конѧ 106 α; схраненъ бы҃ 111 об. α; схраненъ бг҃мь 111 β; сступишасѧ 113 об. β; сступивши҃ же сѧ 154 β; встоку 153 об. β; ѿ всточьныѣ страны 159 об. β; *ст*вори *ѥму* встокъ 125 β; межю встоко҃ и сѣверо҃ 153 β; ссуды цр҃квными 117 об. β; ссуды св҃щныꙗ 142 α, 161 β; на ст҃ѣи трѧпезѣ ссуди же 158 об. β (однако: согрѣваꙗ 152 α).

Примеры с *ъ* в приставках: съзови 105 β; въшедъ 106 об. α; надъстигши҃ 110 β; передъгородьё 111 об. β (но: передгородьё 113 β); подъни-

матиса 113 об. α; създа 124 α; подъбѣже 124 об. β; съсудъ 167 об. β; подъсѣче 169 об. α; сътснувшеси 99 β (при: сотснувшеси 98 об. β) — графический прием, так как рядом мы встречаем: изъхитꙗ 110 об. α; изъспроверже 119 об. β; изънезапа 125 об. β; безъмтвъ съи 119 об. α, где появление ъ исторически не оправдывается.

Ряд примеров указывает на то, что ъ, утратив свое значение буквы, передающей гласный звук, употребляется для обозначения мягкости предшествующего согласного: лжѣё 99 об. β; изьимана 112 α; изьимани 137 α; аньбалъ (амбалъ P, A) 124 об. β; геньвара 140 об. α; сь ꙗрославомь 157 об. α; изьѣдь 170 α. Тем не менее мы имеем ряд случаев, когда ъ пропущен после предполагаемого мягкого согласного, причем не только перед следующим мягким согласным (в этом можно было бы видеть графический прием), но и перед твердым согласным: возма 111 об. α; возмемъ 120 об. β; возмевѣ 128 об. β; кузму 148 α; клазмѣ 164 об. β; тма 139 α; ѕнше 132 об. β; горко 157 β; селцѣ 107 об. α (рядом: сельца 107 β); велми 108 об. α, 151 об. β, 157 β; болшю 136 α (но: больми 101 об. β); нелзѣ 130 α; силно 96 об. α; велможа 148 β; болну 122 β; сѣделнъи 108 β; недѣлнъи 127 об. α; волнаꙗ 126 об. β; молбою 104 α, 142 β; молбъı 132 об. β, 150 α.

Случаи, когда ъ отсутствует после л (примеры с 9-го и далее) объясняются графически: мягкость л не обозначается и в других памятниках. Примеры: вборъзѣ 109 α, 106 об. α (но — вборзѣ 110 об. β); ѡкртънъı 158 об. α; пълмную 168 об. β — свидетельствуют, по всей вероятности, о том, что и ъ употреблялся не в качестве буквы, обозначающей гласный звук, а для показания твердости предшествующего согласного.

7. Переходим теперь к менее значительным особенностям в области гласных звуков. К числу их принадлежит русское начальное *о* при старославянском ѥ. Его мы находим в следующих словах: *одинъ* — в одинъ дн҃ь 99 α; и ту сѣде лѣ ѡдино 101 β; ѡдиного 105 об. α, 130 α, 170 β; ѡдиного 157 α; ѡдинъ 113 об. β, 150 β, 170 β; ѡдини 120 β; ѡдиноꙗ 129 об. α; ѡдино 141 об. β; ѡдина 146 об. α; ѡдинѣ 153 об. α; ѡдинои 170 об. α; на ѡдно 171 об. β. При старославянских: ѣдин же 108 об. α; ѣдинъ 110 об. α, 150 об. α 156 β, 168 об. α; ѥдинъ 130 об. β, 162 β, 169 β; ѥдїн же 111 α; ѣдинои 146 об. β; ѥдиного 147 α, 147 β, 168 об. α; ѥдина 150 об. α; в ѣдином 116 α; ѣдиному 135 об. β, 169 β.

Осень. — ѡсень 100 об. β, 113 об. β, 114 β, 122 β; тоѥ же ѡсени 102 α, 140 β, 141 β, 141 об. α, 165 β, 165 об. β (два раза); въ ѡсенинѣ 172 β;

во ѡсенинѣ 172 об. α (два раза); доидоша града ѡсенева 96 β. *Озеро.* — озеро 110 об. α; на ѡзерѣ 154 β, 164 об. β. *Оже.* — оувѣдавъ ѡже идеть ѥрополкъ 100 об. β; и оувѣдѣша ѡже ѥрополкъ 101 об. β; ѡже ти брате не досыти 102 β; и рекоша ѡже к на̑ не пустить ѡлговичь 102 об. β; и видѣвше ѡже нету ѿ изѧслава вѣсти 107 α; бѣ бо ѥму тогда ѡже иде̑ ѥму в помочь 111 β; мстислав же то слышавъ ѡже даѥть под ни̑ переѧславль 114 об. β; думаша ѡже дамы симъ животъ 121 α; радъ бы̑ ѡже на него чт̑ь вскладывають 126 об. β; приде вѣсть ѡже глѣбъ шелъ 129 β; оуслышавше русь ѡже пришли на ни̑ 133 об. β; слышавше ѡже городъ твердать 135 об. β; слышавше ѡже хочеть ити 136 об. β; слышавше ѡже король стоить оу володимерѧ 144 β; слышав же вси кнѧзи ѡже володимеръ гна в галичь 144 об. α; то же слышавъ рюрикъ кн̑а ѡже всеволодъ 147 α; слышав ѡже побѣжени нѣмци 172 β. При ст.-слав. ѥже: се же створи ст̑ославъ ѡдинъ без ѡлга и творѧшесѧ добро ѵчинилъ а на болшюю пакость ѡлгу и собѣ ёже послѣди скаже̑ 170 β. *Одъва.* — ѡдва 118 об. β, 121 об. β, 135 β.

Из приведенных выше примеров можно сделать заключение о вытеснении старославянских форм русскими. Многочисленные случаи употребления слова ѥдинъ объясняем влиянием церковнославянской письменности, где часто встречалась эта форма.

Отдельно отметим *о* в именах на месте греческого ε (это не является исключительно русской особенностью) — ѡленъ 168 α (при: ёлена 104 α, 142 α); ѡлешню 170 об. β; кнѧгыни ѡлга 131 об. β.

8. Приставку *в* к начальной гласной мы находим в следующих случаях: на своёи воѡчинѣ 102 β; в воѡ̑чину свою 144 α; оженисѧ в вордѣ 167 α; идоша в ворду 167 α; ида в ворду 171 об. α; в вугрѣхъ 110 α.

9. Замена *в* неслоговым *оу* встретилась только у второго писца: с ноугородци 167 α; ноугородци 167 β и едва ли может быть признана, ввиду незначительного количества примеров, характерным явлением для среднерусского произношения XIV века.

Вряд ли мы имеем фонетическое явление в смешении предлогов-приставок *в* и *оу:* и бывш̑и им в оужеска 146 об. α; да в | нас и в руси лихо разбои оу|чинити 170 об. α; власти мирьскыѧ ѿ ба̄ | вчиненъ суть 142 β, так как примеры имеют характер описок (часть случаев в конце строки или в начале строки).

10. Примеров на переход гласного *и* в *ꙗ* под влиянием предыдущего твердого согласного нам встретилось только три: с ъною дружиною 101 об. α; в ъно̑ дворѣ 137 об. α; михалко с ъванс̑ 172 β.

После приставок — *ꙁı* на месте *и* не встречаем (кроме случаев стяжения): разидошасѧ 104 α; взищу 147 α-β; взискаѥши 132 об. β; взищѣ 162 α; ѿиде 96 об. β; изъимаша 101 α, 106 об. α, 107 об. α и др.; ѡбидоша 155 об. β, что объясняется выдержанностью графического приема.

11. Стяжение гласных. а) Стяжение *ꙁıи* в *ꙁı*, *ıи* в *и:* вꙁıти 113 β; вꙁıде 143 об. β, 144 об. α; вꙁıдоша 104 об. α, 114 об. β, 126 β; (при формах: въıиде 110 об. α, 168 об. β; въıидоша 127 об. α); блг҃овѣрнъıи и хр҃олюбивꙁı кнѧзь 140 об. α; и да ѥму ѡц҃ь крт҃ъ ч҃тнꙁı | и мечь 142 β; приде 104 β, 114 об. β, 115 об. β, 117 β, 127 β, 131 об. α, 132 α, 145 об. β, 151 α, 156 α; прити 143 об. β, 155 об. β, 159 об. α, 169 об. β; прида 170 об. β (на ряду с — приıде 151 об. α, 169 α; приıми 161 β, 162 об. β, 168 об. β; приıмуть 143 об. α; прииму 155 α; приıмеши 107 об. α; приıмаı 98 α); в передниı (передниıи P, A) лукъ в сѣделнъıи 108 β; данилъ 167 β; данııа 96 об. α; къ сну ѥго данилу 143 об. β; на оутриı же днь 112 об. β; геѡргıи 116 β; в добродѣтельствıи 163 β (при: в добродѣтельствııи и посѣдѣ 164 α); ıзаслвже поѣха противу володимерка се ми є бліжıи (ближıи P, A) поѣду к тому 109 α.

б) *аа* в *а:* всако даньıе 133 об. β, 139 β; на вданьѣ 150 α; ѡканьııи же 124 об. α, 124 об. β; ѡканьнъıи 150 β; ѡканьне 150 об. α; ѡканьнъıи 152 об. α; ѡканııи 153 β (два раза); ѡканьııи 167 об. α; ѡканнъıи 168 α; ѡканьнѣмь 150 об. α. Стяжение произошло после исчезновения *j* между двумя *а*.

в) Стяжение двух *е* в *ъ* в формах нѣсмь, нѣси — еще на праславянской почве и потому имеет место и в старославянском и в русском языке. Примеры в Суздальской летописи: нѣ чл҃вку мдр҃тıи ѥго ни є мужства ни є думы противу гр҃ви 134 об. β; им же нѣ числа 133 α; ѡнѣм же кленущııсѧ и ротащıı ꙗко нѣ то тако 146 α; и хотѣныı оустъ ѥго нѣси ѥго лишилъ 142 β, 147 β; ѥже нѣ было в ростовѣ 159 β.

12. Случаи с отпадением и выпадением йота довольно часты: аропорку 123 α; ако 100 β (два раза), 103 об. β, 105 об. α, 107 β, 107 об. β, 112 α, 114 β; акъı 147 об. α; андрѣа 102 β, 108 β, 108 об. β, 125 об. β, 164 об. β (при постоянных: ꙗрополкъ 100 β; андрѣıı 102 β; ꙗкѡ 127 β; ꙗкъı 168 β; ꙗко 133 об. α, 135 об. α).

13. Отпадение чистых гласных. Отпадения конечных: *ъ* в род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений ж. р., конечного *у* в твор. п. ед. ч. слов ж. р. и *е* в формах сравнительной степени мы в памятнике не наблюдаем. Рукопись последовательно сохраняет старинные формы.

В наречиях мы находим отпадение гласного *е* или *и:* идуща прочь 144 β; бѣжа прочь 155 об. β; ѿѣхаша прочь 156 α; ѿступиша ѿ него прочь 112 об. α; попровадилъ прочь 170 α; ѿинудь 150 α; близь 125 об. α, 126 об. α, 150 об. β, 151 об. α, 171 α, 171 β (два раза); ꙗже бѣ ѥму внутрь 155 β; передь 120 об. α; напередь 107 об. β; назадь 171 α, 172 β; ѡсобь 105 α; нѣтуть 129 α (нѣтъ Р, А). Следует отметить: в наречиях окончание не отпадает, так как наречия или происходят от тех или иных падежей имен прилагательных и имен существительных (тако, сѣмо—формы ср. р.) или похожи на формы имен существительных и прилагательных (тамо). Впоследствии связь утратилась, и стало возможно отпадение. В летописи находим формы без отпадения: тако 104 об. α, 114 об. α, 115 об. α, 119 β, 119 об. α (два раза), 120 β, 122 α, 125 β, 126 β, 130 α, 132 об. α, 135 об. β, 151 β, 153 β, 156 β, 161 β, 164 β, 169 об. β; тако же 119 β, 119 об. β, 152 β, 156 об. α; како 127 α, 135 об. α, 136 β, 145 об. α, 170 об. β; гораздо ꙋмѣꙗ 163 β; сѣмо 136 β; тамо же 100 об. β; тамо 110 об. α, 118 α, 103 об. α, 120 об. β, 104 β, 151 об. β, 157 β; нѣту 107 α (два раза), 110 α, 125 об. α, 144 β; любо 130 об. α (два раза); противу 98 β, 98 об. β, 100 α, 101 α, 110 об. α (два раза), 110 об. β, 111 α, 111 β, 112 об. β, 113 α, 114 α, 114 об. β, 115 об. α, 120 α, 121 β, 126 β, 128 об. β, 133 β, 136 об. β, 152 об. α, 154 β, 160 β; оуже 168 об. β; излише 163 β; сюдѣ 161 α (два раза); ѿтудѣ 104 об. α; подлѣ 103 об. β; сквозѣ 132 α; ѿтолѣ 144 α, 112 α; ѿѡнолѣ 144 α; посредѣ 148 об. α, 169 α, 169 β; переди 118 β; послѣди 113 β, 170 об. β; домовь (из — домови) 134 β, 117 об. α; коли 105 об. β.

14. Русские *ъи (ои), ьи (еи)* в именах существительных и прилагательных, на месте *ъıи* и *ии,* встречаем в примерах: строёмъ мои҃ 106 об. α; с строёмъ 106 об. β — 107 α, 107 об. α; строѥви 114 об. β; к строёви 103 об. α (при формах: стръıи ѥго 108 об. α; к стръıѥви 101 β, 109 об. α; к стръıёви 115 β; стръıꙗ 119 α, 129 α, с стръıѥмъ 111 об. β; с стръıе҃ 165 β); перфюрьи 137 β; лаврентеи 172 об. β; григореи 98 об. β; и нача юрьи кнѧ҃ великъıи совкуплѧти воѣ 160 α-β; и ту оубьєнъ бъı҃ кнѧ҃ великъıи юрьи на сити 162 об. α; въıѣха юрьи 160 α; бѣ юрьи сн҃ъ блг҃овѣрнаго ѡц҃а всеволода оукрашенъ добръıми нравъı 163 об. β; се бо чюднъıи кнѧ҃ юрьи 163 об. β; первъı҃ кнѧзьи 142 α; изъимано людеи 170 α (при старинном: людии 142 об. α); а на заоутреи в понѣ҃лникъ 170 об. α; а копьи сѧ не снимали (копьи не снимавшесѧ Р, А) 134 об. β.

15. Судьба безударных гласных *а, о, е*. В летописи мы совершенно не находим данных, говорящих о судьбе безударных гласных *а, о, е:* как первый, так и второй писец сохраняют старинные написания. В этой последовательности можно было бы видеть только устойчивость орфографии, если бы мы не встречали многочисленных случаев смешения *ъ* и *е*, неправильных написаний слов с *ѣ* и *ъ* и т. д. Но при ошибках в других случаях, правильное употребление *а, о, е* является само по себе чрезвычайно показательным.

Все те случаи, где мы находим *а* вместо *о* (и наоборот), *и* вместо *е* и т. д., не могут свидетельствовать об «акающем» произношении писца Суздальской летописи, так как в большинстве объясняются причинами другого характера.

а) Смешение *а* и *о* в словах иностранных: манастырь 104 об. α, 148 об. β, 155 об. α, 155 об. β, 160 об. β, 164 α; в манастырѣ 104 об. α, 141 β; манастыра 105 об. β, 116 об. β, 143 β; в печерьстѣмь манастыри 109 об. α; в печерьстѣмь манастырѣ 116 β; в ѡтни ѥму манастыри 114 об. β; въ манъчинѣ манастыри 122 β; в манастыри 139 об. β, 143 β, 150 α, 150 β, 152 об. α, 154 α, 156 об. β; манастырѣ 111 α, 159 об. β, 161 β, 164 об. α; манастыри 118 об. α, 124 α, 142 α, 160 α, 164 об. β при: монастырьскꙋ 105 об. β; монастыра 105 об. β. Формы: ѡндрѣи 109 об. β; ѡндрѣевичь 117 об. α; ѡлексѣи 138 об. α; ѡлексичь 169 об. α; ѡгафьи 152 β, 152 об. β; ѡксиньи 152 об. β; ѡ҃иньёю 170 об. β; ѡфонасии 164 β; ѡлександръ 164 β, 165 β, 165 об. α, 165 об. β, 166 α, 166 β, 168 об. α (два раза), 166 об. β, 169 β; ѡлександръ 167 β (два раза); ѡле҃андръ 168 α, 168 об. β, 169 β, 170 об. β, 171 об. β (три раза), 172 β; ѡлександра 166 об. β, 168 β (два раза), 169 об. β, 171 об. β; ѡле҃андра 168 об. α, 169 α, 169 β (два раза), 169 об. β; 171 об. β; ѡлександру 166 α; ѡле҃андру 168 об. β, 169 β; ѡле҃андровичь 172 β при формах: андрѣи 122 β; андрѣи 164 β, 165 об. α, 171 α, 171 β; андрѣевичь 117 об. α, 122 β; алексии 97 α; афанасии 158 α; александра же 167 β; але҃андръ 168 об. α; александровѣ 169 об. β. Форма — нопикадила 313 α, при: паникаи̑ла 157 α.

Отметим также написания: ѡлтарѣ̑ 168 об. β; сотонаила 119 об. β; сотонѣ 167 об. β; сотоною 150 об. α.

Все эти случаи употребления в иностранных словах *о* и *а* встречаются в древнейших русских памятниках и объясняются произношением *о* открыто, близко к *а*, вследствие чего иностранное *а* передавалось как *а*, так и *о*.

Этой непоследовательностью написания иностранных слов вызвано употребление: в татаръı 165 об. α, 166 α, 166 об. β, 170 β; татарове 164 об. α (два

раза); татарского 170 β и: тотарскыи 171 α; ис тотаръ 171 β; с тотары 170 об. β.

б) Написания: пантелѣимана 105 α; ѡполѣла в великыи пожаръ 139 об. α, объясняются: первое перетолкованием иностранной формы, второе — образованием от того же корня *пол-*, что в полома — полымя (ст.-слав. пламъ, из праславянского *pol — men, как ѡпалѣла от *пал-:* палити).

Написания: праславъ 167 α; со всеволодичимь 109 об. α (со всеволодичемъ P, A), в виду их исключительности, следует признать описками, как описками являются и написания: въскрежташа (без *е* после *ж*) 162 об. β; почашьсѧ[1] (почашасѧ P, A) 136 об. α.

в) Форма — пре*и*телевъ 104 α (*е* заменило коренное *и*) — под влиянием аналогии с приставкой *пре;* в форме — из*в*истью бѣлити 171 α — второе *и* или под влиянием первого *и* или *и* в слове — бѣлити (возможно здесь видеть и влияние акающих говоров).

г) Написание — ласковъ 163 β; ласков же 132 об. α, возможно, не без влияния распространенного суффикса *-ов*.

В заключение остановимся на одном моменте — употреблении союзов *оже* и *аже* (второй встречаем редко). По нашему мнению, безразличное употребление союзов *оже* и *аже* не свидетельствует о судьбе неударных гласных: удареше, по всей вероятности, стояло на первом слоге, но в *аже* рядом с *оже* следует видеть разницу морфологическую, параллельную разнице в образовании других союзов местоименного происхождения, напр. *-та, таже* (очень часто в древнерусском) и *то, тоже, ко* и *ка, до* и *да, доже, дожи* и т. п. Примеры: на тѧ будеть грѣхъ аже переступишь хр҃ьноѥ цѣлованьѥ 96 об. β; да аще бг҃ не дасть въ ѡбиду чл҃вка проста. ѥда начнуть ѥго ѡбидѣти аже своѥѥ мт҃ре дому 121 об. α; слышав же галичане с романовичема аже идеть рать на нѧ 144 α; мы вѣдаѣ аже того бра твои не казалъ ни велѣлъ творити но мы хочѣ оубити игорѧ мы вѣдаѣ ѡже не кончати добр҃ с тѣмъ племенѣ 105 об. α-β; володимеръ сн҃ъ всеволожь слышавъ аже иду половци к пере*и*славлю 149 об. β.

Отметим написания: доже и до галича 162 α; доже и до торжку 162 α.

В качестве примера устойчивости написаний можно указать на постоянное *а* в глаголах многократного вида: изнемагающю 108 об. α; помагающю 127 об. α, 128 α; помагашеть же 119 α; изнемагающа 132 β; изнемагаху 136 β; изнемагахусѧ 145 β; помагающи 126 β; помагаѧ 159 α (два раза); пома-

[1] Здесь возможно видеть и влияние форм настоящего времени на формы аориста.

гавъıи 162 об. β; ствараѣса 147 α; ствараѣ 147 α; вълагаше 97 об. β; възлагаше 148 об. β; покараше 97 об. β; покарающеса 148 α; впрашати 121 α; поламалѣ 157 β; загарахуса 153 об. β; загарахутса 171 об. α; поклананьё 173 α; написание — до заоутрока 106 об. α и многие другие.

16. В области согласных главнейшей особенностью русского языка является смягчение зубных в *ж* и *ч*.

В языке летописи на месте группы *dj* находим последовательно *ж*. Церковнославянское *жд* не встречается даже в религиозных рассуждениях. Примеры: сн҃ъ всеволожь 149 α, 149 β, 150 β, 153 α, 154 об. α, 165 β; 8 всеволожа 113 об. α; дщи всеволожа 96 β; кнагъıни всеволожа 143 β; дружина же всеволожа 130 об. β, 131 об. α; всеволожа полку 130 α; на всеи воли всеволожи 131 об. α; брата всеволожа 160 β; внука всеволожа 168 β; роговоложи 100 α; с нужею 99 β, 100 об. α, 133 об. α, 162 об. α; принужен же 112 α; межю собою 102 α, 103 α, 125 об. β, 153 β, 156 α, 172 β; межю ими 113 об. β — 114 α, 136 об. α, 146 α; межю 139 β; межи 103 α, 103 об. β, 107 β, 108 об. β, 109 об. α, 110 об. α, 111 β (два раза), 116 об. α, 120 β, 126 α, 127 β, 127 об. α, 129 β, 150 β; промежи 131 об. α, 171 об. α; преже 108 β, 111 об. α, 116 об. β (два раза); прежнѣ 158 об. α; переже 134 об. β, 136 об. β, 142 β, 144 β; пр҃е 110 α, 120 об. α, 121 об. α, 122 α, 144 об. α, 148 об. α, 150 об. β; 158 об. α (два раза), 159 β, 162 β, 163 об. β (два раза); преже же 102 об. α, 122 α, 128 α, 150 об. β; ввожу 168 β; невреженъ 111 β; побѣженъ 115 α, 140 β; побѣжени 134 β, 134 об. α, 135 α, 153 об. α; побѣжаи 168 об. α; в роженьё свое 113 об. β; рожьство 118 α; ржтво 138 об. β, 140 β; роженъ 168 β; ѡ ржтва 123 β; горожане 124 об. β, 135 β; гражаны 127 об. β; гражане 156 об. β, 159 β, 160 об. α, 166 β, 168 об. α; надежа 120 β; надежю 108 α, 127 об. β, 148 об. β; надежи 163 α; не предажь 122 α, 133 α, 137 об. α, 138 α, 155 α; подажь 159 α; дажь 143 α, 162 об. β, 163 об. α; свобожени 122 α; свобожены 154 β; жажъı ради воднъıи 146 об. α; ѡсуженье 150 об. α; постражеть болѣзнью 123 об. α; досаженыи 130 β; досаженьё 136 α; потвержаими 135 об. α; оутвержеиьё 158 об. α; ѡдежи 139 α; в ѡдежа 169 β; нахожеиье 160 об. β; хожаху 169 об. α; въсхожеиыи 151 α; сзижеть 146 β; зижющеи 146 β; цр҃кви зижа 164 α; посажавъ 146 об. β; вижю 162 об. β; оучреженыи 157 об. β.

17. На месте сочетания *tj*, а также *gt*, *kt* и *xt* + *i* или ъ находим как церковнославянское *щ*, так, в равной мере, и русское *ч*. Ц.-слав. *щ*:

сщ҃ена 96 об. α, 138 α; свѣщами 156 об. β; хощеши 99 об. α, 142 β; ѿвѣщати 123 об. β; .р҃. и .п҃. и .е҃. тысѧщь 169 об. β; пещисѧ 139 об. α; рещи 133 об. α, 135 об. α; нощи 98 об. α, 99 β; нощь 102 α, 102 об. α, 105 α, 106 β, 132 об. α, 144 β, 146 об. α (два раза), 151 об. β, 155 об. α, 164 β, 169 β; нощью 110 α; дщи 96 β, 142 α, 164 об. β; дщерь 99 об. β, 103 об. α; дщере 99 об. α; стрещи 164 об. α; помощникъ 142 β; их же не бѣ мощи ищести 158 β; не бѣ мощи и сказати 158 об. β; зажещи 147 об. β (два раза); пострищи 104 об. β; ѿврещисѧ 156 β, 156 об. α и др. Русское *ч:* свѣ҃мі 157 α; хочю 99 об. α (два раза), 102 β, 107 β, 145 об. α; хочемъ 104 β, 125 об. α, 125 об. β; хоче҃ 102 об. β (четыре раза), 105 об. α (два раза); хочешь 102 β; хочеши 105 α; хочеть 108 об. α, 136 об. β; хочете 136 α; тысѧчю 104 α; полторы тысѧчи 121 α; .з҃. тысѧчь 121 α, 134 α; полторы тысѧчѣ 121 об. α; с полторы тысѧчѣ 126 β; .і҃. тысѧчь 153 об. α-β; ночи 98 β, 170 об. α; ночь 116 α, 124 об. β, 160 об. β; полъночи 138 об. β; до полуночи 147 об. α; дчи 172 α; дчерь 137 β, 138 α, 140 α; дочерь 126 об. α; дчери 160 об. β; с дчерью 161 α; помочь (имя существительное) 103 β (два раза), 104 β, 109 α, 109 об. β, 111 β, 112 β, 117 β, 123 β, 125 об. β, 136 α, 154 об. α, 164 об. β; помочи (имя существ.) 123 β, 136 α, 144 α, 153 об. α; немочь (имя существ.) 156 β; помочи (глагол) 106 α; постричи 140 α; ростричи 143 об. β.

18. После губных перед *j* в летописи мы постоянно встречаем *л*. Находим его, — как результат влияния форм, где *л* перед *j*, и в формах слова, в которых губной стоит не перед *j:* ѡживлѧꙗ 120 α; землю 99 об. β; землѧ 120 α; землѣ 132 об. α; крѣплѧхусѧ 121 β; совкуплышюсѧ 122 об. β; поставлѧѥ̈ть 129 α; ставлѧти 112 об. β (ставити Р, А); ѡставльше 114 об. α, 147 α; оуꙗзвлѧѥми 146 об. α; приѥ̈млеть 125 α; ѻзлобленьѥ 120 α; пограбленъ 123 об. β; грабленьꙗ 155 α; прославлени 133 β; куплени 133 β; срубленъ 138 об. β, 139 об. β; томленьꙗ 167 об. α. Впрочем, в производных формах *л* находим не всегда: сн҃ъ разумивъ чтѧи ѡц҃а 145 об. β; в изумѣньѥ положи свѣтъ 98 β (в издоменитые Р, в издменитое и А). Отсутствие *л* после губных перед *j:* оумерщвѧꙗ 120 α.

19. Шипящие и *ц*. Последовательность, с которою писец употребляет написание *ю* после шипящих и *ц* (см. стр. 17, 18), а также тот факт, что после шипящих и *ц* — постоянно *и* (жажы ради воднъıꙗ 146 об. α — единичный пример и может быть объяснен влиянием *ъı* в следующем — воднъıꙗ), заставляет нас видеть в этом факте не графическое, а фонетическое явление: мягкое произно-

шение шипящих и *ц* у писца Суздальской летописи. *а* после шипящих и *ц* не показывает твердости их, так как уже давно смешивалось с юсом малым и употреблялось в указанных случаях и в церковнославянских памятниках. Поэтому примеры с *а* после шипящих, а также после *ц* (при менее распространенном после *ц* — ѧ) не противоречат высказанному выше предположению.

20. Сочетания *ги, ки, хи*. В рукописи, при старославянских сочетаниях *гъı, къı, хъı*, встречаем не меньшее количество случаев с *ги, ки, хи*. На основании этого заключаем, что *г, к, х* могли становиться средненебными, сочетаясь с *и*, и затем мягкими.

Сочетание *гъı* — кнѧгынѧ 97 β, 112 об. α, 141 об. α; кнѧгынею 155 β; лгыню ѿ мукы 161 об. α; могылы 104 об. α; волгы 106 β; поꙗ же пакы ины жены многы 98 об. β; многыми 125 β, 164 α; под стѧгы 118 β; видѧщи҃ стѧгы 108 α; оу сапогынѧ 112 α; с печенѣгы 113 об. α, другымъ 119 об. α; другыꙗ извѧзаша 122 об. α; погыбнеть 120 β; каменьє҃ драгы҃ 129 об. β. Сочетание *къı* — къıєвъ 96 об. α; къıєвѣ 98 α, 100 β, 107 α; къıёву 106 β; къıёвѣ 105 β; оу къıёва 100 об. β; в къıёвѣ 148 β; в къıёвъ 102 α, 104 β, 104 об. α, 115 α, 122 об. α; на къıꙗны 106 β; къıꙗно҃ 107 β; къıꙗне 109 β; къıꙗны 114 об. α; церкы 96 об. α; цр҃кы 117 об. β; метати паволокы 96 об. α; с полкы 102 об. α; пакы 108 α; 124 β, 142 об. β (два раза), 144 об. α (два раза), 145 об. β — 146 α, 148 α; акы 96 β, 103 α, 108 β, 119 об. α, 128 об. β, 139 об. α, 142 об. α, 145 α, 147 об. α, 152 β, 159 об. α, 160 об. β, 161 β; оугрьскымь 112 об. α; с торкы 113 об. α; на *оу*сть ѡкы 122 об. β; из рукы 126 α; пасынкы (совокупивъ) 128 об. α; тѧжкыми 137 об. α; великыи кнѧзь 139 об. β; ѿ великыꙗ бѣды 167 об. β; пекысѧ 151 об. β и др. Сочетание *хъı* — на лѧхы 104 β; в лѧхы 112 об. α, 115 об. β; расхытаньё 117 α; въсхытають 133 β; въсхытаю҃ 164 α; за наши грѣхы 122 об. β; ѡсвитающю пасхы гн҃ѧ 171 об. β. Сочетание *ги* — кнѧгини 98 об. α, 105 α, 156 об. β, 158 β, 159 β, 167 β; кнѧгиню 123 об. α, 123 об. β; кнѧгининѣ 140 об. β; кнѧгинею 155 β; кнѧгинѣ 158 об. β, 167 β; погибели 116 об. α; началъ ѥсмъ писати книги 172 об. β; многими 135 об. α. Сочетание *ки* — киёвъ 172 α; киёва 172 α; киёву 98 α; в киѥвѣ 157 α; киёвьскому 105 α; киꙗне 106 α; киꙗнъ 107 α, 110 β; киꙗномъ 123 об. β; киёвьскы҃ 144 об. α; паки 101 β, 142 α, 169 об. α; цр҃ки 104 α; всѧкимъ оузорочьє҃ 129 об. β; аки 157 β; мужи ростовьскиѣ 158 β; и ставиша десѧтники и сотники и тысѧщники и темникї 167 α (вин. п.); прошедъ страны и ꙗзыки 168 об. α (вин. п.); съ грѣхо҃ ве-

ликиⷨ 99 об. α; великиⷨ кнѧзеⷨ 134 об. α-β; с великиⷨ кнѧзеⷨ 163 β; с срамо великимъ 143 об. β; ѿ великиⷯ бѣдъ 123 об. β. Сочетание *хи* — по лѧхи 110 α (винит. пад.); въ цр҃кви ст҃ыꙗ бц҃и златоверхиꙗ 149 α; изъхитиⷨ 110 об. α; хитаꙗ 150 α; в злохитру дш҃ю 168 β; хитростью 172 β.

21. Отвердение конечного *м*. Об отвердении конечного *м* свидетельствуют многочисленные случаи с *мъ* в твор. и местн. п. ед. ч. (не меньше, чем с *мь*), *мъ* в 1 л. ед. ч. глаголов (форм с *мь* не встретилось), а также случай с *мь* (вместо *мъ*) в дат. п. мн. ч. Последний говорит о том, что писец не различал, где *м* — мягкое и где твердое. Таким образом, употребление *ъ* после *м* поддерживалось исключительно графической традицией. Следует отметить, что отвердение *м* в твор. п. ед. ч. встречается в памятниках рано — даже в XI веке.

Формы с *мъ*: твор. п. — за въіремь 98 об. α; с нимь 121 α; гоними гнѣвомь бж҃ьимь 127 β и др.; предложный падеж — томь же лѣⷮ 96 β; затѣмь (наречие) 110 β; на берестовѣмь 116 об. β; оутвердивсѧ в своёмь чⷮтнѣмь кнѧженьи 143 β, 163 об. α и др. Глагольные формы с *мь* отсутствуют.

Формы с *мъ*: твор. п. — битисѧ с вѧчеславомъ и с андрѣёмъ 99 α; со мстиславичемъ 99 β; съ ёпⷭ҇пмъ 102 об. β; ёпⷭ҇пмъ (поставиша) 96 об. α; с сн҃мъ 96 β, 104 об. β; с тѣмъ племенеⷨ 105 об. β; с братомъ своиⷨ андрѣёмъ 107 об. β; с своимъ 108 α; пособьѥⷨ бж҃ьимъ 108 β; с стрыѥмъ своимъ 111 α; подъ городомъ 113 об. α; с ст҃ославомъ 114 об. β; со хрⷭ҇ьнымъ цѣлованьеⷨ 115 об. β; со игоремъ 118 об. β; с михалкомъ 121 α; ѣха на нь изъѣздомъ 123 об. α; ѡни же словомъ суще по ниⷯ а дѣломъ далече суще 126 об. β; промысломъ бж҃ьимъ 127 β; инѣмъ путемъ 127 α; не мори сѧ голодомъ 136 β; и покръіта бⷭ҇ы ѡловомъ 139 об. α; имуще ѥго ѡц҃мъ и гⷭ҇нмъ 156 α; предложный падеж — томъ бо дни изгнанъ бⷭ҇ы 119 об. α; ѡ всемъ 120 β; потомъ 135 об. β, 163 об. α (наречие); в ст҃мъ кр҃щении 166 об. α; при ёпⷭ҇пѣ нашеⷨ хⷭ҇олюбивеⷨ сщ҃енномъ диѡ[ни]сьѣ 172 об. β — 173 α; 1 л. ед. ч. глаголов — ёсмъ 114 β, 128 β, 162 об. β, 168 β, 168 об. β, 170 об. α; ѥсмъ 107 об. α, 124 α, 167 β (два раза), 172 об. β (два раза); дамъ 124 α. Пример — дам ти 142 β не показателен, так как здесь возможен пропуск (графический прием) как *ъ*, так и *ь*. *Мь* в дат. п. мн. ч.: не по|коршимся ростиславичемь | кнѧзю андрѣю и в воли | ѥго не ходѧщиⷨ 123 α-β.

22. Отвердение *т*. В рукописи в формах 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. почти исключительно *ть*. 3 л. ед. ч. — избавить и гⷭ҇ь 97 об. β; ꙗко внидеть ти ѿц҃ь 100 α; соблюдаѥть землю 101 об. β; идеть володимерко 112 β; стоить къіёвъ 123 об. β; кнѧзь бо не туне мечь носить 125 α; а ѡнъ головъі

твоѥꙗ ловить 129 α; бъ҃ бо казнить 133 α, 163 об. β, 170 α; казнить на҃ бъ҃ 160 об. β; да никто же не дерзнеть рещи 133 об. α; тако подобаѥть блг҃му вл҃дцѣ казати 161 об. α и др.; основы на согласный — дасть 121 об. α, 115 β, 147 β; не дасть имъ воѥвати 155 об. α; въздасть на҃ 133 β, 137 об. α; вздасть бв҃и 156 β; подасть на҃ 133 об. β; бъ҃ же ѥдинъ вѣсть ихъ 153 β.

3 л. мн. ч. — ѡ семь познають вы вси чл҃вци 97 об. β; хотѧть тебе людьё 106 β; не вси слушають 110 об. β; да не наскакають нѣции 120 α; кнѧзи ѡбладають ими 143 α-β и др.

Случаи с *тъ:* ѡже к на҃ не пуститъ ѡлговичь ст҃ополка 102 об. α; рекоша кыꙗне молвита с чимь ва҃ кнѧзь присла҃ ѡна же рекоста тако молвитъ кн҃зь 105 об. α; имѣютъ 110 β; зане ѡнъ мнии буда не покоритъ ми сѧ 116 об. α.

Хотя примеры с *тъ* редки (случаи — попустѧт ны землю 136 об. β; противитсѧ 120 α; противѧтсѧ 126 α (два раза) при — кто равнитьсѧ 120 α; бь[ꙗ]хутьсѧ 121 об. α — не показательны), они все же свидетельствуют об отвердении *т*, так как писец Суздальской летописи вообще весьма последовательно сохраняет старинные написания.

23. Остановимся теперь на явлениях, происшедших в группах согласных (эти согласные, до исчезновения глухих главных, отделены были друг от друга гласным звуком). Одно из таких явлений — переход глухих в звонкие перед следующими звонкими — засвидетельствован многочисленными случаями написаний: здѣ 105 об. α, 110 α, 111 об. β, 127 об. α, 128 α, 157 об. α (два раза), 168 об. β; здѣ же 169 β; ни здѣ 125 об. β; здумавъ 106 α, 114 β, 114 об. α, 116 об. α, 117 β, 123 β, 132 α, 141 α, 144 β. 170 β; здумавши҃ 108 α, 110 об. β; здумавше 109 об. α, 113 α, 113 β, 116 об. β, 126 α, 144 β, 147 β; здумаш҃ 120 об. α; здумаша 120 об. β, 134 об. α, 136 об. β, 153 об. α, 166 об. β; здумаста 127 α; здума 166 α; здѣꙗсѧ 118 об. β, 135 об. α, 169 об. α; здѣꙗ 133 α; здѣꙗхо҃ 133 об. α; зданьми 116 об. β; зданьё 153 α; здоровъ 167 β (два раза); здорови 155 об. β; здравьё 148 об. β; иди з добромъ 102 α; з дѣтми 107 β, 107 об. α, 109 α, 110 об. β, 111 об. α-β, 112 α (три раза), 114 β, 116 об. α, 136 об. α, 141 β, 143 β, 154 об. β, 170 α; з дѣтьми 136 об. α, 156 об. β; з дружиною 120 об. α, 169 об. α; з доскы 169 об. α; з двѣма 146 α; згадавше 105 α; згорѣ 140 об. β, 153 α, 154 об. β, 155 α, 172 об. β; з голода 131 об. β; з женами 170 α; збѣгши҃сѧ 109 об. β; збѣжа 172 α; збора 169 α, зборънаꙗ 162 α; зборнаꙗ 132 об. β; зборнъıꙗ 156 об. β,

158 β; зборъ 152 β, 159 β, 168 α, 171 β (два раза); збирати 136 об. α; зборную 156 об. β, 158 β, 158 об. α; зборнѣи 157 α, 159 об. β; збирать 150 α; на свадбу 103 об. α; на свадбѣ 137 об. α; створивъ свадбу 114 α; гдѣ 134 об. β (два раза), 135 α, 173 α; гдѣ же 154 об. α; многаждъı 108 β, 119 α, 169 об. α. Рядом этимологически правильные: сдумають 127 об. β; сдумавъ 102 β; сдумавше 102 об. β; сдѣıсѧ 101 β, 164 β; сдѣı 134 α, 164 β; сдѣ 97 α, 103 об. β, 119 об. β, 153 β, 161 об. α; сдраву 118 β; с дѣтми 161 α; с дѣтьми 100 α; с дружиною 132 α; сгорѣ 148 об. α; сгорѣша 155 об. α; с города 118 об. β; сборнаı 117 об. β; сбъ̑ıсѧ 122 об. α, 164 об. β; сборъ 148 β; сборнъıı 151 β; сблюде 108 β; кдѣ 102 об. β, 103 α, 108 об. β; 130 α, 132 α, 133 об. α; никдѣ 112 об. α.

Примечание. Случаи — г бѣлугороду 147 об. β; г дорогобужю 171 об. β, как исключительные, объясняю влиянием распространенных форм — г кыıеву и т. п., где *г* из *к* в результате диссимиляции.

24. Памятник строго придерживается этимологических написаний, и примеры, свидетельствующие о переходе звонких в глухие перед следующим глухим, немногочисленны: витепьскаго 126 об. α (откуда — витепескъ 140 α); оу зупцева 168 об. α (и в то же время — зубчане 170 об. β).

25. Некоторые явления в группах согласных. а) Диссимиляция согласных: 1) Переход *к* перед следующим *т* в *х*: хто 100 α, 164 об. β, 170 α (при — кто 113 об. β, 120 α (два раза), 123 об. α, 133 β, 135 α, 137 об. α, 138 α, 153 β, 155 α, 155 об. β, 163 β); 2) Переход *к* перед следующим *к* в *х* (на письме это *х* обозначается и буквой *г*): г кыıеву 101 β, 100 об. β, 112 β, 115 α, 115 об. β, 120 β, 123 β, 132 β, 135 β, 141 об. β, 145 β; г кыıеву 104 α, 107 об. α, 109 α, 109 β, 109 об. α, 110 α (два раза), 113 α (два раза), 113 об. α, 114 α, 114 об. β, 115 α, 115 β (три раза), 121 об. α, 135 β, 138 β, 143 об. β; г киıеву 110 об. α; г королеви 112 об. β (три раза); г каневу 115 об. α, 135 β; г которъ̑ı 120 об. α; г корсуньскъ̑ı половцѣ̑ 120 об. α; г корсуню 120 об. β; г коломнѣ 136 β, 147 α; г костантиновѣ̑мъ 157 об. α; г каменьцю 164 об. α; г курьску 170 об. α; 3) Отметим диссимиляцию в соседних слогах — Феврала 151 об. β. б) Вставка согласных: *стр* вместо *ср* — оустрѣтоша 102 об. α; оустрѣте 104 α; оустрете 114 α; оустрѣныı 151 об. α (при — оусрѣтоша 121 β, 122 об. α, 128 β; оусрѣтошасѧ 131 β; оусрѣте 131 об. α; срѣтоша 134 об. α, 145 α; срѣте 145 об. β). в) Выпадение согласных: *д* — празни̑ 157 α; празнословець 167 об. β (при — празднику 109 об. β;

праздникъ 151 об. β; празднъıѣ нѣ҃ли 157 об. β); *в* — полторы тысѧчи 121 α; полторы тысѧчѣ 121 об. α (выпадение еще в старославянском языке). Не имеем ли мы в слове — раздно (дш҃и кр҃ıаньскъıѧ раздно ведоша 170 об. α неудачную попытку восстановления *д* между *з* и *н*? г) Слитие согласных (большей частью после отпадения глухих): 1) *сс* в *с:* рускую 145 об. α; рускаѧ 145 об. α; рускои 153 β; рускъıи 155 об. β; рускъ҃ı 154 об. α (при — русскии 96 β, 117 об. α; русьскъ҃ı 126 об. β; русскъ҃ı 144 β, 153 β и др.).

Примечание. В случае — потроша ико҃ и паника҃пла [без *с*] *свѣ҃ми* и свѣ҃лна 157 α — графический прием, возможно, не без влияния слития групп *сс* в *с*.

2) *тч* в *ч:* въ ѡчину 103 α; на своеи ѡчинѣ 102 β (отчине Р, А); на своеи воѡчинѣ (отчинѣ Р, А) 102 β (при: ѡтчина 115 β, 141 α, 165 α, ѡтчинѣ 120 β). 3) *зжж* в *жж* — ражже 103 β. 4) *дьск, тьск* в *цк* — дѣдьцкимъ 126 об. β, дѣтьцкъıѣ 125 α (*д* и *т* — результат этимологизации, во втором случае ошибочной). 5) *чш* в *тш* — лутшиѣ ихъ мужи (вин. п.) 114 α (при: и погнаша по ни҃ володимерича дружина лучшаѧ 101 α). 6) Корень *чы*, обратившись перед следующим суффиксом *ть* в *чьст*, переходит в *чт* — от чьсть — чти (форма род. п.): не приложивъ чти 104 об. β. д) Переходное смягчение согласных: шлѧ 146 об. β; шлющи҃ 108 об. β, 111 β; пошле҃ 125 об. β.

26. Как русскую особенность следует отметить изменение основной группы *ск* перед *ѣ* (из *ої*) в *ст*, а не в *сц*, которое вообще отсутствует: дунаистѣмь 96 об. β; половечьстии 104 об. α; черниговьстии 105 α, 105 β; русстѣи 107 α, 110 α, 141 об. β; русьстѣи 141 об. β; русстии 133 об. β, 134 α, 153 об. α (два раза); русьстии 158 α; русстиѣ 144 α; печерьстѣмь 116 β; людьстѣи 116 об. α; галатиистѣи 138 об. α; рѧзаньстии 145 об. β; суждальстѣи 148 об. β, 156 β; хр҃ıаньстѣи 162 β. Здесь мы тоже наблюдаем слитие *сс* в *с:* рустии 163 об. α; рустѣи 145 об. α.

27. Явления ассимиляции и диссимиляции в предлогах-префиксах *из, въз, раз (роз), без.*

Вследствие того, что *из, въз, раз, без* не имели конечного *ъ* и потому тесно примыкали к следующему слову, еще в старославянском языке они претерпели ряд изменений. Фонетические явления нашли отражение в старинных памятниках и повели к созданию графической традиции: перед словом с глухим согласным — в предлоге-приставке пишется *с*, при стечении двух *з* (предлога-приставки и именной

формы) — пишется одно *з* и т. п. Все эти графические приемы, нашедшие поддержку в произношении писца, отразились и в изучаемом нами памятнике.

Переход *з* в *с* перед глухими согласными: испущашеть 98 α; исковавъ 104 об. β; ис переꙗславлѧ 100 об. α, 144 β; ис чернигова 105 α; пс кыѥва 109 α; ис кыёва 110 β, 116 об. β, 118 об. β, 147 α; бес пакости 99 β; бес правды 162 об. β; бесконечныꙗ 162 об. β; въскликнѣте 143 α; въсходащи 153 об. β; всприиметѣ 151 об. α; распатсѧ 150 α и мн. др.

Слитие группы *сс* в *с:* исуждалѧ (вместо — из суждалѧ) 106 β, 106 об. α, 115 об. β, 118 об. β, 128 β (последний пример не показателен, так как после *и* перенос, и случай похож поэтому на описку); исмолиньска (вм. — из смолиньска) 118 об. α, 140 α, 144 α; исѣкоша (вм. — изсѣкоша) 118 β, 121 об. β. 122 об. α, 122 об. β, 161 β; исѣче (вм. — изсѣче) 98 об. α; роставлѧ (вм. — розставлѧ) 112 β, 146 об. α; росудилъ (вм. — розсудилъ) 129 об. α; ростричи (вм. — розстричи) 143 об. β; расудивъ (вм. — разсудивъ) 165 α; расмотреньѐ (вм. — разсмотреньѐ) 132 об. α; расѣкше (вм. — разсѣкше) 152 об. β; раступисѧ (вм. — разступисѧ) 157 α; растрѣлаху (вм. — разстрѣлаху) 159 об. β.

Слитие группы *зз* в *з:* безаконьници (вместо — беззаконьници) 119 об. α; безаконьѐ (вм. — беззаконьѐ) 143 α, 146 β; безаконыꙗ (вм. — беззаконыꙗ) 133 β, 137 об. α, 138 α, 155 α; безаконью (вм. — беззаконью) 133 β, 137 об. α, 162 об. α; безаконьнъıи (вм. — беззаконьнъıи) 152 об. α; безаконьнъıми (вм. — беззаконьнъıми) 153 об. α; безаконнаго (вм. — беззаконнаго) 168 α; безлобьѐ (вм. — беззлобьѐ) 151 об. об. β (два раза).

Слитие группы *зч* (через промежуточные *сч* — *шч*) в *щ:* бещисла (вместо — без числа) 117 об. β, 150 об. β, 166 β; бещислено (вм. — безчислено 156 об. α, 160 об. α; бещисленую (вм. — безчисленую) 112 об. β; ищести (вм. — изчести) 158 β; ищтоша (вм. — изчтоша) 167 β; бещестыꙗ (вм. — безчестыꙗ) 137 β.

Слитие группы *зш* (через промежуточную *сш*) в *ш:* ишли (вм. — изшли) 153 β.

Слитие группы *зж* в *ж:* ижигаѥть (вм. — изжигаѥть) 124 об. α.

и на месте группы *сщ:* ицѣленыꙗ (вм. — исцѣленыꙗ) 124 α.

Все отмеченные нами случаи возникли фонетически. Только — ицѣленыꙗ (мы ожидали бы — исцѣленыꙗ из — изцѣленыꙗ) возникло нефонетически, под влиянием форм типа — ишли, ижигаѥть.

Остановимся еще на одном явлении. В тех случаях, когда предлоги-префиксы примыкали к слову с начальным *р*, в старославянском возникал взрывной зубной согласный. Примеры находим и в Суздальской летописи: неиздреченьно 125 β; неизреченьному 161 об. α; заздрушивъ (первое *з* — вместо *р*) 153 α; всаку въздрасть 158 об. α.

Примечание. Сходную судьбу претерпела и приставка *объ*, которая в древнецерковнославянских памятниках употреблялась как в форме *объ*, так и в форме *об*.

Примеры — обетша (без *в*) 157 β; обетшала 157 β; до ѡблакъ 119 об. β; оболоци 157 β; обла вели 157 β; ѡборотиша 111 об. β; ѡбратилъ 145 α; ѡбладають 143 α-β — отражают явление, вызванное отсутствием *ъ* после приставки.

На ряду с приведенными выше случаями слития группы — согласный предлога-приставки и согласный имени, — встречаем интересные образования: бесщисла (вместо — бес числа) 123 об. α; бесщисленаа (вм. — бесчисленаа) 145 β; исщетоша (вм. — исчетоша) 167 α.

Эти написания с неслившимися предлогами и приставками (на этих написаниях не могло не отразиться произношение писца, вследствие чего и находим в перечисленных формах — *щ*) под несомненным влиянием: 1) тех предлогов-приставок, которые сохраняли свою форму (чересъ днѣпръ 105 β, 111 α; чересъ горы 144 α (два раза), чересъ ѡку 131 α; в порубѣ 104 об. β и т. п.), 2) случаев, когда предлоги-приставки *из, въз, раз (роз), без* сохраняли свою форму (из *му*рома 146 α; възнесше 119 об. β; разгорѣсѧ 168 об. β; роздаа 156 β и др.).

Так как писец зачастую прибегал к постановке *ъ*, то возникали формы: исъ кльчьска 99 α, где глухой *с*, употребленный вместо звонкого *з*, отделен от глухого *к* — *ъ*-ом (это лишний раз свидетельствует об исчезновении глухих).

Формы, где слития согласных не произошло, в исследуемой нами рукописи весьма многочисленны: изъ цр҃аграда 97 β, 116 α; изъ цр҃кве 168 об. β; изъ селуна 148 об. β; из смолиньска 136 об. β; из челмата 132 α; ис суждала 167 об. α; ис смоленьска 171 об. β; ис селуна 140 об. α; ис свободы 170 β; ис сѣнии 106 α; без храма 139 α; без покровенъ 161 об. α; иконами безъцѣньнами 124 α; иконами безъцѣннъими 164 α; иссѣкоша 160 об. β, 161 об. α; бесчислено 169 β; рассѣдѣ 157 α; россунушаса 166 β.

На основании этого можно говорить о непоследовательности написания предлогов-префиксов: *из, въз, раз (роз), без.*

Графический прием — постановку ъ после приставок в тех случаях, когда слово начинается гласным, — мы уже отметили выше (стр. 21). Поэтому укажем только, что возникновение этого приема обусловлено 1) постановкой ъ после предлогов-приставок в других случаях, 2) необходимостью отметить неслитное произношение многих начальных гласных имен с предыдущим согласным приставки. Последняя причина — главная.

28. Дополнительные замечания. 1) Еще праславянскому языку известны сочетания šö, žö. В старославянском на месте этих сочетаний находим *ше, же,* в русском — *шо, жо.* Примером с *о* на месте старославянского *е* может служить — перебредшома 110 об. β.

Случай: да внимаѥмъ мы собѣ кто жо (кождо А, кождь Р) на҃ и не противи҃сѧ бы҃ю закону 119 α — имеет характер описки.

Пример — дождове 155 об. α, 171 об. β, если это не результат влияния твердого склонения на мягкое, свидетельствует о появлении *о* на месте старославянского *е* и после других согласных. Ввиду господствующего в восточно-великорусских говорах *жж* твердого, можно видеть в написании *жд* книжную традицию.

2) *иё*: на иёва 156 β при греческом *иѡ:* по иѡву 152 α не свидетельствует о каких-либо фонетических явлениях: первое написание — древнерусское, второе — греческое.

3) *ф* на месте *хв:* тьфѣри 148 α; ко тфѣри 171 β; на тфѣри 170 об. β, 171 об. α; въ тфѣрь 171 α; тфѣричи 170 об. β; тфѣрьского 170 об. β; тфѣрьскыи 172 α, 172 β; тфѣрьскому 171 об. β.

4) *за* вместо *зѧ*: на изаслава 102 β — объясняется не фонетически: мы здесь имеем народное перетолкование — слово поставлено в связь с предлогом *за.*

5) Форма — крилошанъ 167 α вместо клирошанъ (с клирошаны 125 α, 162 об. α; клирикы 139 об. α) тоже объясняется не фонетически: влиянием слов — раскрили 159 α; в крилу мѣсто 159 α.

6) хр҃ноё цѣлованьё 116 об. α; хе҃ноё цѣлованьѥ 125 об. β; хр҃тилъ 120 β; хрь҃наго цѣлованьꙗ забывъ 128 об. β — вследствие взаимного влияния слов: Христос, крест и крестить.

7) Форма — коснѧтинъ тысѧчьскыи 101 об. α (костѧнтинъ Р, коскьтнятинъ А) под влиянием — къснѣти.

8) Форма — болѧрьскыѣ 170 α; болѧръ 153 об. β. Очевидно, это слово поставлено в связь с — болѥѥ.

9) Повидимому, в результате осмысления образована форма — гольꙗда 161 α.

10) Следует указать форму — чюръ 146 β — при обычной — кюръ 150 об. β и отдельные формы: а) паоучины 150 α; б) до ёфранта 153 β; в) с свѣщами же и *кандилы* 158 β; г) мюромьскую 167 α; д) сампсона 129 β, но: ѿ силы самсонѧ 168 об. α; е) суздаль 128 об. β при постоянной древней форме — суждаль; ж) с луциною чадью 125 α (лучиною Р, А); з) тогды же 112 об. β; и) на рси (на рши Р, А) 110 β.

11) Отметим старинные формы: а) и ѿторгоша на нѣ кр҃ь и *чепи* в гри҃ну золота 106 α; б) женчюга 116 β; женчюгомъ 124 α; в) топерво (теперво Р, А) 121 β; г) товара *ючного* 171 β.

Морфология

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. Взаимное влияние основ на *й* и основ на *о*. Вследствие влияния основ на *й*, имеющих в род. п. ед. ч. — *у*, это окончание встречается и у многих существительных с основою на *о* со значением неодушевленных или собирательных: прибѣгъ с полку 115 β; а оу всеволода полку 129 β; всеволожа полку 130 α; ис полку 132 α, 169 об. α; ѿ полку 143 об. α; держасѧ полку 170 β; середи полку 169 об. α; ис торжку 148 α; до торжку 162 α; посредѣ роду 169 α; с которого стану 170 β; бою не бы҃ 171 об. α.

Обратное влияние — основ на *о* на основы на *й*: бѣ бо в то времѧ послалъ сн҃а своѥго мс*ти*слава 110 об. β; ѿ верха 148 об. α, при правильных: и та загорѣсѧ сверху 133 α; ѿ верху 139 α; своёѥ мт҃ре дому 121 об. α; из низу 156 об. α; ѿ полудне 145 α.

В дат. п., при обычном окончании *у* (по лугу 110 об. α; гюргю 103 об. α; королю 144 α; кесарю 159 β; ѡлеѯандру 169 β), весьма часто, под влиянием — сн҃ови 107 об. α, 119 α, 123 α; сн҃ви 109 об. β, 158 об. β, 163 об. α; сынови 100 α и др., — окончание *ови, еви*. Наиболее употребительно это окончание у имен и у названий предметов одушевленных: андрѣеви 100 об. β, 101 об. α, 102 β, 108 α (два раза), 110 α (два раза), 111 α, 117 об. α, 117 об. β; андьрѣѥви 101 об. α; гюргеви 102 об. β, 106 об. β, 107 об. α, 108 об. α, 109 α, 109 об. β (два раза), 110 β; гюргеви же 108 об. β, 110 α,

110 об. α, 110 об. β, 111 β, 112 α, 113 α; игореви 103 β, 104 α; к лазареви 105 β; глѣбови 106 об. β, 120 β (два раза), 125 об. β; василкови 115 об. α, 158 об. β; к михалкови 128 α; дв҃дви 136 β, 147 об. α; романови 141 об. β; к рюрикови 141 об. β; ѡлександрови 164 об. β; ѡлекс҃ндрови 165 об. α, к батыѥви 165 α (три раза), 165 об. α; к батыѥви 165 α; к канови 165 α; к стрыѥви 101 β, 109 об. α; к стрыѥви 115 β; к строѥви 103 об. α; гв҃и 133 β, 160 об. α, 164 β; бв҃и 127 об. α, 128 α, 129 об. α, 130 об. β, 134 α, 156 β, 157 β; королеви 112 α, 112 об. β (два раза), 144 α, 169 β; г королеви 112 об. β; кесареви 159 α. Редко: по лугови 110 об. α; дати миръ мирови 124 об. α; мирови 150 α; ѡгневи 159 об. β, 160 α, 165 β.

При местн. п. на *у* у основ на *й* (в дому 147 β (два раза), 151 α и др.), встречаем *у* и у основ на *о* (обычное окончание — *ѣ* с последовательным смягчением задненебных, в мягком различии — *и*): потопе в руту 111 об. β; в велицѣ полку 120 об. β; во всякомь леду 127 β; в мнишьскомь чину 143 β; ѡ миру 166 об. β; на шнеку 169 об. α; на броду 171 β; на ѡдн҃ часу 171 об. β; в торжку; даже и в среднем роде: в рацѣ на мѣсту (на мѣсте А) 96 об. α.

В им. п. мн. ч. основы на *о* нередко имеют *ове (еве)*, причем не только слова, обозначающие названия народов, сословие, должность: лахове 107 об. β (два раза), 144 α (два раза), лахове же 112 об. α, 143 об. α; берендѣеве 109 β, 121 α (рядом: берендѣи 115 об. α); берендѣѥве же 115 об. α, 120 об. β, 121 β; ѥмакове 132 α; татарове 159 об. α, 160 α, 160 β (два раза), 160 об. α, 162 β, 164 об. α (два раза), 164 об. β (два раза) (рядом: татари 159 об. α, 159 об. β, 160 β); татарове же 171 α; попове 104 об. α, 127 об. α, 149 α, 156 об. β, 158 β, 163 об. α; сторожеве 105 об. α, 106 об. α, 110 об. β, 132 α, 156 об. α, 171 об. α; сторожеве же 112 β, 131 β; дарове 143 об. α; стрыѥве 146 β; борове 153 об. β, 171 об. α; дымове 153 об. β; дождове 155 об. α, 171 об. β; громове 171 об. β.

Нередко у основ на *о* и окончание *овъ (евъ)* в род. п. мн. ч.: лаховъ 103 об. α; берендѣѥвъ 120 об. β, 133 об. β; перенльѣѥвъ 104 β; прентелевъ 104 α; до полковъ ихъ 111 α; полковъ 144 β, 168 об. β; ис полковъ 144 β; тиоуновъ 125 α; чиновъ 125 β; до притворовъ 139 об. α; мастеровъ 139 об. α; городовъ 141 об. α, 147 об. α, 162 α, 167 об. α; поповъ 160 об. β; погостовъ 162 α; игуменовъ 167 α; черньцовъ 167 α; из лѣсовъ 171 α; хоромовъ 171 об. β.

Примечание: *о* вместо *ъ* у основ на *й*, объясняемое фонетически, — не без влияния основ на *о*: с меншимъ сн҃омъ 123 об. α;[1] сномъ 125 β; с сыно҃ 134 α, 164 β; двѣма сн҃ома 146 α; сн҃ома ѡго василку и всеволоду 149 β.

2. Влияние основ на *jo* на склонение основ на *ĭ* мужского рода. Основы на *ĭ* ж. р. сохраняют в Суздальской летописи свое древнее склонение: ис сѣнии 106 α; подъ сѣньми 124 об. β; въбивше двери 129 об. β; напастьми 133 α; казньми 133 α; болѣзньми 137 об. α; в полъночи 138 об. β; на *оу*сть ѡкы 122 об. β. Основы же на *ĭ* м. р. перешли в склонение *jo*-основ: вода с собою и брачислава зата своего 99 α; поима зата своего 116 β; оу петра оу кучкова зата постигши 124 об. α; и подъмолви глѣба разаньскаго кназа зата своего 129 об. α; повелѣ затю своему ꙗрославу 115 об. β; в помочь затю своем*у* 140 α; слушаꙗ теста своего с҃тослава 131 β. На ряду с приведенными формами в летописи встречаем и старое склонение: и ѿ тести своего ѿ андрѣꙗ 117 об. α; кобака руками ꙗша ѡколука барака тарга данила башкърта тарсука изу глѣба тирьѣвича. дв҃два тести с сыномъ тѣтиꙗ с сыно҃. кобакова тьсти турундаꙗ 134 α; ко тьсти своему 146 β.

Значительно меньшее влияние имели основы на *jo* на основы на *ĭ* во мн. ч. Так, в род., вин. и твор. п. мн. ч. мы обычно встречаем древние окончания: дѣла людии 118 β; озлобленьꙗ людии 120 α; людии дѣла 130 об. α; не могшю оудержати людии 130 об. β; ѿ всѣ҃ людии 147 α; села вса взаша и пожгоша и люди по селомъ псѣкоша 121 об. β; с гостьми 109 β. Но: четырми пути 99 α.

Примечание. В формах — инѣмъ путемъ 127 α; инѣмъ путе҃ 137 β; люде҃ 96 β, 96 об. α, 102 α, 113 β, 121 об. β, 128 β, 145 β, 147 об. β, 159 об. α, 171 α; людемъ 104 β, 122 α, 163 об. α; ѡ люде҃ 162 β — *е* на месте *ъ* (*е* проникло и в слова ж. р. — на льсте҃ 145 об. β) объясняется фонетически, хотя не могли не оказать влияния и формы *jo*-основ.

Отметим принадлежность к основам на *jo* слова *разань*: из разана 146 об. β; оу града разана 147 об. β; к разаню 128 β, 129 об. α, 131 β (три раза), 152 об. α; разаню 129 об. α, 129 об. β; на разань 147 об. β.

[1] Древнерусский язык во всех говорах знал в форме тв. п. ед. ч. только *ъмь* как от основ на *й*, так и от основ на *о*.

3. Влияние основ на *ĭ* на склонение основ на *jo*. В свою очередь, и основы на *ĭ* оказали влияние на основы на *jo*. Так, в род. п. мн. ч. мы встречаем окончание *ии, ьи* (откуда *еи*): лесть черниговскиⷯ кнѧзии 105 β; и инѣхъ кнѧзии .а҃і. 118 об. β; рѣчь кнѧзии половецьскы҃ 120 об. α; и инѣхъ кнѧзии .к҃. 123 β; бу҃ наказавшю кнѧзии 127 об. α; кнѧзии ѡдинѣхъ было половьцьсскы҃ .у҃. и .з҃і. 134 α; ѡстатоⷯ кнѧзии 147 β; .г҃. кнѧзии 150 об. β; ѡдинѣⷯ кнѧзии .г҃. 150 об. β; и интⷯ кнѧзии .з҃. избьёно бы҃ 153 об. α; и порты бл҃жныхⷯ первы҃ кнѧзьи (кнѧзеи Р, А) 142 α; ѡн же оутаивъсѧ всѣⷯ мужии пословъ всеволожиⷯ 137 β; и ины҃ мужии много ꙋбиша оу всеволода 160 α.

В твор. п. мн. ч. *-ьми:* с мужьми своими 116 об. α; и да ёи много имѣньꙗ и свободы купленыꙗ и зданьми и села лѣпшаꙗ 116 об. β.

В предл. п. мн. ч. *-ехъ:* избранъıи въ всѣⷯ кнѧзехъ 123 об. α. Последний пример может быть объяснен и влиянием твердого различия *о*-основ. Отметим принадлежность к 3 склонению слов *оусть* и *вѣчь:* заложи граⷯ на оусть ѡкы 153 α; заложи великъıи кнѧⷯ гюрги камену цр҃квь на оусть ѡкы 154 α; поставї на волзѣ оусть ѡкы 164 α (но: на оустьи 122 об. β); изволиша вѣчь и выгнаша из городовъ 167 об. α.

4. Влияние основ на *а* на основы на *о, ъ, ь*. Нам встретилось только четыре случая влияния основ на *а* на другие основы: к стръıёвѣ своѥму 115 об. β (два раза); всѧкъıми оузорочьꙗⷨⷨ (исправлено из — оузорочьи) оудиви 124 α; с своими думцами 146 α. Кроме того, в дв. ч. — велику же вѣру стѧжа к бд҃ и сродникома своима к ст҃ыма мч҃нкама (мученикома Р, А) борису и глѣбу 98 α. Обычно же встречаем: добро творѧше врагоⷨ своимъ 97 об. β; противу ꙗрославлиⷨ внукоⷨ 100 α; къıꙗноⷨ не хотѧщиⷨ 107 β; изѧславлиⷨ стороже стоꙗщиⷨ на ѡнои сторонѣ 110 об. β; добръıми нравы прослувъıи 97 об. α; посла с торкы 99 α; со всѣми болѧры и с къıꙗны 103 об. α; с полкы своими 123 β; преⷣ золотъıми вратъı 160 об. α; въскрежташа зубы 162 об. β; всѣми дѣлы 150 α; с мужи 114 об. α, 117 β; с берендѣи 121 об. α; чюднъıми въображенїи 152 α; всѧкъıми оукрашении 152 α; ѡ праздницѣхъ 118 β и др.

Отметим редкий случай — влияние основ на *а* на основы на *ĭ:* и ёще на мьстѣ створисѧ радоⷭ дьꙗволу 170 об. β.

5. Влияние основ твердого различия на основы мягкого различия. В местн. п. ед. ч. основ на *jo* мы встречаем весьма часто формы на *ѣ*, возникшие под влиянием твердых основ. Старинные формы: въ сл҃нци 96 β, 97 β; сташа на

супои 101 α, в городци 112 об. α; на полчищи 114 α, 171 β; ѡ сѣдѣньи 115 β; ѡ пролитьи крови 116 об. α; и нарекоша и в крщнии 122 β; в переꙗславли 102 β, 138 об. α; на оустьи 122 об. β; в полюдьи 138 об. α; ѡ спньи 142 α; в печерьстѣмь манастыри 109 об. α; в манастыри 150 α, 152 об. α; на торговищи 151 α; в володимери 151 α, 154 об. α; по ѿпѣтьи заутрени 151 β; в добродньствии 164 α. Новые формы на *ъ:* изломи копьё своё в супротивьѣ своѣ 108 β (супротивне Р, противне А); изꙗславъ возма брата на полчищѣ и несе и чернигову 111 об. β; стоꙗху же пѣши съ стою бщею на полчищѣ 118 β; в печерьстѣмь манастырѣ 116 β; в манастырѣ 141 β; в печерьскѣ манастырѣ 150 α; в володимерѣ 130 об. α, 164 α; в градѣ володимерѣ 142 α; и плакаса по ѿцѣ своёмь 165 β; при нашѣ хлюбивѣ сщенномъ диѡ[ни]сьѣ 172 об. β — 173 α.

Слово с основой на *ĭ* — господь — часть форм образует как основы на *о* твердого различия: ѡ гдѣ ходаи 124 β; ѡ гдѣ 142 об. β; ѡ гдѣ нашемь їсѣ хѣ снѣ бжьи 168 α-β.

В местн. п. мн. ч. основ на *jo,* при обычных — бы моръ в кони во всѣ воихъ 114 β; в черньци и в скимѣ 155 β, — встречаем формы, образованные под влиянием твердых основ: в черньцѣ и в скимѣ 167 α, 172 α, 172 об. α.

Основы на *а* твердого различия также оказали влияние на основы на *а* мягкого различия. В Суздальской летописи это влияние особенно заметно в формах род. п. ед. ч. В летописи мы находим, как древнерусские формы на *ъ* и рядом церковнославянские на ѧ (*а* — после шипящих и *и*), так и формы с *и,* явившиеся в подражание *ꙗ* в твердом различии.

Формы на *ъ,* ѧ (*а* — после шипящих и *и*): заложи црквь мстиславъ стыꙗ бца 100 α-β; в црквн стыꙗ бца 123 об. α; в црквн стыꙗ бца 142 α, 143 об. α, 149 α, 149 об. β, 152 β, 154 об. α; на введенье стыꙗ бца 147 α; ржтво стыꙗ бца 148 об. β; ѿ ржтва стыꙗ бца 149 об. α; въ имѧ стыꙗ бца 149 об. β; оу стыꙗ бца 150 β; црквь стыꙗ бца 156 об. β; в црквi сборнѣи стыꙗ бца 157 α; црквы стыꙗ бца 159 β; церкы стыꙗ бца 152 β; сташа оу бѣлы вежѣ 107 α; ставшн имъ оу муравицѣ 107 об. β — 108 α; поима прокъ дружины вячеславлѣ 104 об. β; почаша просити братьѣ своеѣ 115 об. α; ѿ земьля 119 об. α; смѣряꙗ грѣшникы до земля 120 α; творяи ѿ ноши днь а ѿ зимы весну и ѿ бура тишину и ѿ суша тучю 120 α; въ врема литургиѣ 140 об. β (а также — во врѣ стыꙗ лiргiꙗ 157 α).

Формы на *и:* из русскыѣ земли 97 α; всеꙗ ростовьскыꙗ земли 127 об. α-β; гн нби и земли 128 α; изъ болгарьскоѣ земли 156 об. α; ис

кану земли 167 α; а что дружины всеволожи повѧзаша всѣ 136 об. α; на памѧ ста пррк захарьи 138 об. α; на памѧть стыꙗ мчнци фотиньи самарѧнъıни 167 α; из гробници 104 α; на памѧ стоє мци ёвдокѣи 142 α; ѿ братьи 101 об. α; ѿ своєє браи 144 β; и лишиша и єппьи 116 β; из єппьи 119 α; ѿписасѧ єппьи 149 об. α; памѧ стоє мчнци єоуѳимьи 137 β; на памѧ стоє мчнци матронъı 139 об. β — 140 α; на памѧ стоє мунници капетолинъı 140 β; на памѧ стоє мци євгеньи 141 β; на памѧ стыꙗ мчнци агрепинъı 172 об. α; оу стоѥ бци 109 об. α, 166 об. α-β; чюдо новоє стоє бци 118 β; в црькви стоє бци 118 об. α; приѣхавъ до стоє бци 118 β; оу церкви стыꙗ бци 118 об. α; и бы помощь хрта чтнаго и стоє мтре бжьи десѧтиньноє бци 121 об. α; оу стоє бци 123 α, 126 об. α, 128 об. α, 138 β, 140 об. α, 148 об. α, 165 об. α, 165 об. β, 166 α; игуменъ стоє бци 125 α; оу стыꙗ бци 125 β; чюдо стоє бци 127 α; гнѣвомь бжьимь и стоє бци 127 β; володимеръ же бжьєю и стоє бци и дѣда своѥго сто млтвою оукрѣплѧѥ 134 α; гнѣвомъ бжьимъ и стоє бци 134 α; на канунъ стоє бци оуспеньꙗ 138 α; црькы стоѥ бци 139 об. α; млтвою стоє бци 139 об. α, 154 β; ѿ клевретъ стоє бци 139 об. α; црькы ржтво стоє бци 140 β; в црькви стоє бци 141 β; оу чюдноє стоє бци 141 α; црькы стоє бци 141 об. α; вѣнчасѧ оу стоє бци 165 об. α; млтвою стоѥ гжи бци 168 β; ѿступиша ѿ лодьи 146 об. β; изидоша из лодьи 152 об. α; по ѿпѣтьи заоутрени 151 β; на памѧ стго андрьꙗна и натальи 152 об. β; въ сборъ стхъ ѡць .з. нє по па по литургии 148 β; на памѧ стыꙗ ѡксиньи 152 об. β; в манастъıри великиѣ кнѧгини всеволожиѣ 156 об. β; оукрашеньꙗ стыꙗ црькви прчтыꙗ влчца нашеꙗ бци 158 об. α; мтри стоє федосьи 168 β; причетникъ стоє софьи новгородьскъıѣ 172 α.

Нередки в Суздальской летописи в мягком различии и формы дат.-местн. п. на *ѣ* (под влиянием твердого различия).

Старинные формы мягкого различия: к братьи 100 об. α (два раза); и порѧдъ *ств*оривъ всеи братьи 131 об. α; и кланѧсѧ стѣи бци и єппу кирилу 167 β; и кланѧ стѣи бци 167 β; исполчивъсѧ перед городомь на болоньи 103 об. β; бѣ старѣи тогда в братьи 111 об. α; в єуальи глеть 128 α; в стмъ єульи 159 α; в своєи єппьи 149 об. β; по ѿпѣтьи заутрени 151 β; в чюднѣи стѣи бци 154 об. β; в стѣи софьи 158 β; на суждальскои земли 162 α; положиша и в гро каменъ в стои бци в гробници 163 об. β. Формы на *ѣ:* свитающи велицѣи пѧтницѣ 110 β; паче же бу не хотѧщю ѥго и стѣи бцѣ 119 β; и приѣхаша к полному к стѣи бцѣ граду 120 об. β; стѣи

бц҃ѣ помагающи҃ (помагающи и҃) 126 β; и въѣха в городъ к ст҃ѣи бц҃ѣ 127 об. α; оупованьё к ст҃ѣи бц҃ѣ 127 об. β; противѧщесѧ бу҃ и ст҃ѣи бц҃ѣ и правдѣ бж҃ьѣ 127 об. β; бу҃ извольшю и ст҃ѣи бц҃ѣ и кнѧзю всеволоду 132 об. α; к ст҃ѣи бц҃ѣ 167 β; много зла створивъ землѣ рустѣи 145 об. α; приде володимеръ сп҃ъ всеволожь ис половець к братьѣ своѥи 151 об. α; хо҃любцю кнѧзю василкови и кнѧгинѣ ѥго и сп҃ви ѥго борису 158 об. β; и кланѧсѧ ст҃ѣи бц҃и и ёпп҃у кирилу и мт҃ри своѥи кнѧгинѣ великои 167 β; и постави ю в ст҃ѣи бц҃ѣ володимери 118 об. α; постави кивотъ в ст҃ѣи бц҃ѣ зборнѣи 159 об. β; на столѣ в ст҃ѣи бц҃ѣ 126 об. α; ꙗко жестокъ ѥси и шиꙗ желѣзна (предлог *о*, Р, А) въıѣ твоёи 130 об. β; и в темницѣ бѣ҃ посѣтисте мене 142 об. β; бы҃ митрополитомь в ст҃ои соѳьѣ къıёвѣ 153 об. β.

Иногда встречаются в им.-вин. п. мн. ч. от слов мягкого различия формы на *и* (влияние твердого раличия): и ёпп҃ъ и игумени и черньци и *черници* и мно҃ство народа 143 β; все то потре каменьё дробноѥ сверху падаꙗ і столъı и *скамьи* 157 α; а черньци и *черници* старъıꙗ и попъı и слѣпъıꙗ и хромъıꙗ и слукъıꙗ и трудоватъıꙗ и люди всѣ иссѣкоша 160 об. β; и оубьёнъ бы҃ пахоми архимандритъ манастырѧ ржт҃ва ст҃ы бц҃а да игуменъ оуспеньскъıи феѡдосии сп҃сьскъıи и прочии игумени и черньци и *черници* и попъı и дьꙗконъı 161 β — 161 об. α; велику пагубу людемъ творѧхуть работѧще резъı и многъı *дш҃и* крт҃ꙗньскъıꙗ раздно ведоша 167 об. α.

Примечание. Некоторые примеры могут быть объяснены не влиянием твердого различия на мягкое, а употреблением форм именительного и винительного падежей, одной на месте другой.

Рядом и старинные образования: бѣ бо изъхити҃ изѧславъ лодьѣ 110 об. α; бѧхуть бо лодьѣ покрытъı доск҃ми 110 об. α; по золотьчи же внидоша в днѣпръ лодьѣ ихъ 110 об. α и др.

6. Замечания о некоторых формах имен существительных и кратких прилагательных.

1) Перед *ѣ* и *и* (из *oi*) последовательно находим переход задненебных в свистящие как у имен существительных, так и прилагательных: чл҃вци 97 об. β; мнози бо вѣрнии чл҃вци 145 α; пострадаша человѣци 119 об. α; блг҃вѧть чл҃вци 120 α; прокленуть чл҃вци 120 β; познаю҃ въı вси чл҃вци ꙗко мои оуч҃нци ёсте 163 об. β; оуч҃нци 97 об. β; чернии клобуци 141 об. α; вси ꙗзъıци 142 об. α; ꙗвиша҃ ꙗзъıци 153 α; ꙗзъıци 161 β; стоꙗша полци 144 β; полци ѡлександрови 169 об. α; полци тотарьскиꙗ 171 α; безбожнии ино-

племенници 148 β; потреблаютъ бо сѧ грѣшници ѿ земьла и беззаконьници 119 об. α; здумаша ѡлгови внуци 134 об. α; то су были ворози 106 об. α; врази мои 147 α; то бо сѹ мои ворози 170 об. α; первии ворози 121 α; се ворози твои 130 об. α; ѹмножишаса грѣси наши 133 α, 135 об. α; грѣси разлучаю 139 β; ѡчищаютсѧ грѣси 142 об. β; ѡчищаюсѧ грѣси 151 об. β, 163 α; прикхаша численицї 167 α; прикхаша численици 167 β; поидоша численици 167 β; бахут бо дождове велми мнози 155 об. α; мнози сѹ 122 об. α; мнози оубѣжаша 127 β; мнози ѿ ѡбоихъ оукзвлакми баху 146 об. α; мнози ѿ ѡбоихъ падоша 149 об. β; мнози ѿ руси избьёни быша 149 об. β; мнози мнаху 157 β; игумени мнози 158 α; ини мнози кнази 158 β; придоша к ни мнози 144 α; мнози 169 об. β; мнози же 170 α; друзии же и роботы добыша 119 об. α; друзии изъимни 134 об. α; друзи конѣ пустиша 135 α; друзии придоша 120 β; друзии мнахуть 157 β; оубозии 163 об. β; да не наскакають нѣции 120 α; нѣции мнаху 148 об. α; а инии глють таѹменъı а друзии печенѣзи 153 α; ѳболоци малиї частиї 157 β; в городцѣ 110 β; в русско ѩзыцѣ 165 α; на волоцѣ 100 об. β, 171 α; на михалцѣ 125 об. β; на вздусѣ 128 об. β; на березѣ па полого 146 α; в оузцѣ мѣстѣ 158 об. β; помагаѩ излю в полцѣ 159 α; в велицѣ бѣдѣ ёсмъ 162 об. β; по велицѣ дни 166 об. α, 170 β, 171 β; во иноплеменницѣ 165 β; ни селъ тацѣ 162 α; и стоѩвъ стано на ѹполозѣ 159 β; мнѣ ѡчнъı нѣту в вугрѣхъ ни в ласѣ 110 α; в порозѣхъ 114 α; к рѣцѣ 96 об. β, 112 об. β; противу мачесѣ 113 об. β; 114 α; по дорозѣ ихъ 121 α; поѣхаша по дорозѣ 122 об. α; к рѣцѣ ѡцѣ 131 β; к волзѣ 132 β; тако подобаѥ блгому вльцѣ казати 133 β — 133 об. α; в зноп и в тузѣ 135 α; и тако подобаѥть блгму вльдцѣ казати 161 об. α; плѣниша все по волзѣ 162 α; и възъѣха по досцѣ 169 об. α; в рацѣ 96 об. α; на волзѣ 100 об. β, 128 об. α; в силѣ тажцѣ 168 об. β; стрѣлающисѧ ѡ рѣцѣ ѡ стугну 109 β; ѡ рѣцѣ 114 об. β; на рѣцѣ 130 α, 131 об. α, 149 об. β, 162 об. α; в луцѣ мора 121 об. α; в вѣчнѣи муцѣ 150 β; поставї на волзѣ 164 α; в старости в глубоцѣ 167 об. α; не согбенѣ руцѣ имѣѩ 150 α; свои руцѣ простре 159 α; вда бъ под руцѣ ѥго 97 об. β. Но: на хрьıньскѣ родѣ 133 β; посадилъ курьскѣ 98 об. α.

2) Звательный падеж употребляется верно: поиди кнаже 104 β, 109 β, 128 об. α; не лежи кнаже 106 об. α; мириса кнаже 107 β; что твориши кнаже 108 α; поѣди кнаже 113 об. β, 129 α; кнаже не ѣзди 120 об. β; кнаже великъıи 125 об. α; кнаже промъıшлаи 126 β; мъı кнаже на полку томь со мстиславо не были 128 α-β; кнаже правъ ѥси 128 об. β; кнаже не

ходи 129 об. α; кнѧже мы тобѣ добра хочемъ 130 об. α; рци выступѧ ѿче ѥда ѥдинъ мнишисѧ ходѧ 100 α; река брате се заꙗлъ волость мою ст҃ославъ 105 α; ѡже ти брате не досыти всю землю русскую держаще 102 β; брате въведи мѧ 109 об. β; поиди брате 110 α, 127 α; брате ѡже тѧ привели 128 об. β; брате глѣбе повели грести 169 β; блг҃вн҃ъ ѥси бе҃ бе҃ 119 об. β — 120 α; бе҃ мои положи ꙗ 130 β; ги҃ бе҃ силъ свѣтодавче 161 α; бе҃ придоша ꙗзыци 161 β; ги҃ бж҃е мои на тѧ оупова҃ 162 β; гл҃ѧ іс҃е хе҃ помагавыи ми многаждъı 162 об. β; блг҃одарю тѧ ги҃ бе҃ мои 162 об. β; нача молитисѧ со слезами бе҃ хвалнъıи и праведнъıи бе҃ великъıи и крѣпкъıи бе҃ превѣчнъıи 168 об. β; ты же стр҃тпче молисѧ к всемогущему бу҃ 124 об. α; а не вѣси ли ѡканьне 150 об. α; и ре҃ єму ꙗрославе буди ты 165 α; но поиде҃ дружино моꙗ к изѧславу 105 об. α — 106 α; всприꙗлъ ѥси андрѣю[1] мужьству тезоимените 124 β; радуёшисѧ андрѣю[1] кнѧже великъıи 125 об. α; ты бо вѣси влк҃о 133 β; ѿ тебе бо влк҃о 133 об. β; ѿ тобе бо ѡ влк҃о 139 β; ты бо свѣси влк҃о 155 α; на кого ги҃ послалъ ѥси 131 α; ги҃ в печали помѧнухо҃ тѧ 133 об. α; и ре҃ сн҃у мои костѧнтине 142 β; ги҃ се ли бы годѣ 162 β; ги҃ луче бы ми оумрети 162 β; ги҃ оуслыши мл҃тву 162 β; ги҃ вседержителю[1] и нерукотворенъıи цр҃ю[1] спс҃и любѧщи҃ тѧ 162 об. β; ги҃ іс҃ хе҃ вседержителю[1] приими дх҃ъ мои 162 об. β; ги҃ сп҃и любѧщи҃ тѧ 163 α.

3) Под влиянием имен существительных ср. р. с основой на *о*, и существительные ср. р. на *ес* образуют свои формы по 1-му склонению: зрѧще таковаго чюда 128 об. β; и ту ѡбрѣтоша мужа стоꙗща с колы и возложьше и на кола везоша и на подольё 106 α.

Рядом старинные формы: лестнъıми словесы 101 об. α; с нб҃се 131 α; трепещющаго словесъ моихъ 157 об. β; сего перваго словесе дѣтели написати 158 об. β; слышавъ словеса ихъ 168 об. β.

4) Имена существительные с основою на *о*, имеющие суффикс *ин*, образуют им. п. мн. ч. последовательно на *е*, отбрасывая суффикс *ин*: печерѧне 99 об. α; полочане же 100 β; кыꙗне 109 β, 114 об. α, 141 об. β; болѧре 113 об. β, 126 об. β, 128 об. α, 156 об. β; галичане 114 α, 143 об. α, 144 α; хр҃ꙗне 119 об. β, 122 α; хр҃ꙗне 121 об. β, 123 α; хрь҃ꙗне же 121 об. α; болгаре 122 об. β; горожане же 124 об. β; гражане 156 об. β, 166 β; дворане 124 об. β; смолнѧне 126 об. α; боꙗре 130 об. α; пронѧне же 146 β; ладожане 166 об. α; бесурмене 170 α.

[1] Здесь влияние основ на *й* еще на почве праславянской.

5) Уменьшительные имена имеют *ко* (*ка* тоже встретилось — выступи добрънка 105 об. α) и склоняются как основы на *о*: володимерко 109 α, 110 α, 111 β, 112 β (два раза), 113 α, 133 об. β; володимерко же 112 α, 113 α; михалко 128 β; михалко же 128 β (два раза); василко 113 об. α, 140 α, 153 об. α, 155 β, 159 β, 162 об. β; романко 140 α; присла володимерко к андрѣеви василка ѡполчича 110 α; ѡстава сѫа своего василка 113 об. α; на василка 113 об. α; кназа василька 153 об. α; ѡжидающю володимерка 111 β; пошедъ изаславъ на володимерка 112 об. α; на володимерка 112 об. α, 112 об. β; за михалка 128 α; володимерку же не дадучю 112 об. α; брату твоѥму михалку 129 α; с михалкомъ 121 α; на михалцѣ 125 об. β.

6) Отметим суффикс *ло* в именах: михаило 158 α, 164 β, 165 α-β, 165 об. α, 171 β (два раза), 172 α, 172 β; михаило же 165 β; даниило 164 β, 171 β, 172 об. α; рагуило 105 об. β; радило 105 об. α; гаврило ѡлексичь 169 об. α.

7) Форма им. п. ед. ч. — *мать* вместо *мати* (мт҃и би҃а 119 β): и мать и҃ мр҃ы кнагини 167 β.

8) Форма: мт҃рь их с *снохома* (и со снохами Р, А) 127 об. α под влиянием склонения основ на *о*. Здесь, возможно, имело значение и то, что форма дв. ч. перестала существовать в живом языке.

9) Отметим обычные формы слова *дънь*. Род. п. ед. ч. — дн҃е и дн҃и: въ .а҃. ча҃ дн҃е 96 β; деватаго дн҃е 129 α; ѿ полудн҃е 145 α; и сложи путь с бориша дн҃и 104 β; того҃ дни 107 об. α. Дат. п. ед. ч. — дн҃и: свитающю дн҃и 106 β; и бывшю дн҃и 151 β.

Местн. п. ед. ч. — дн҃и: по малѣ же дн҃и 130 об. α; ѡже на дн҃и цѣлують крт҃ъ чт҃нъıи 130 об. β; по велицѣ дн҃и 166 об. α, 171 β.

В род. п. мн. ч. не только — дн҃ии: и сѣде гюрги дн҃ии .и҃. 100 β и стояша .и҃. днии 100 об. β; .є҃. дн҃ии 133 об. β; .ı҃і. дн҃ии 143 β; дн҃ии много 144 β; много дн҃ии 156 β, но҃ и — дн҃и (форма вин. п.): тако же и бъı по мьного дн҃и 156 об. α.

10) При старых формах род. п. ед. ч. имен с основою на согласную, встречаем и новые, образованные под влиянием основ на ĭ. В род. п. мн. ч. — формы основ на ĭ. Старые формы род. п. ед. ч.: проси оу него дщере 99 об. α; во дворъ мт҃ре своѥ҃ 106 α; своѥ҃ мт҃ре дому 121 об. α; предъ лице҃ мт҃ре своѥ҃ 145 об. β; мт҃ре бж҃ıа 127 об. β; и прч҃тъıа ѥго мт҃ре 153 β; не хота крове пролıати 128 об. β, 131 об. α; цр҃кве десатиньнъıа 120 β; ст҃ъıа збор-

пыꙗ цр҃кве 156 об. β; оу володимерьскоѥ цр҃кве 128 β; клиросъ зборнъıꙗ цр҃кве 158 β; дивна҃ то҃ чю҃се 157 α; не забывають любве 126 α.

Новые формы род. п. ед. ч.: проси оу него дщери 117 об. α; кроткаго кнѧзѧ великого ꙗрослава и мт҃ри ст҃оѥ федосьи 168 β; мл҃твы мт҃ри ѥго 171 α; ис цр҃кви 107 β; изъ цр҃ькви 133 α; ст҃ыꙗ цр҃ькви 158 об. α; до нбс҃и 142 об. α; ѿ камени драгаго 142 β; которого племени 153 α; црквии ѥдинѣхъ изгорѣ близь .г҃. сотъ 97 об. α; цр҃квии числомъ .л҃. и .в҃. 132 об. β; паче инѣхъ цр҃квии 117 об. β; цр҃квии изгорѣша .д҃і. 138 об. β; цр҃квии изгорѣ .є҃і. 148 β; прекрасн҃ы бж҃иихъ цр҃квии 151 об. β — 152 α; цр҃квии згорѣ .з҃і. 152 об. β — 153 α; цр҃квии згорѣ .к҃з. 154 об. β.

11) Форма — мно҃ство всѧк҃ы оузорочеи 158 об. β.

12) Форма — приѣха на *московь* 129 об. α (москву Р, А) но: на москву 145 об. β.

13) Приставка *су* в именах существительных: в супротивьѣ своѥ҃ 108 β; супротивника 132 об. β; в сусѣде҃ 125 об. α; сумежьѥ 136 об. β. Встречаем ее и в других образованиях: супротивно 132 об. β; супротивити 101 об. α.

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

1. Личные местоимения и возвратные. Родительный падеж единственного числа сохраняет церковнославянскую форму: пустиша новгородци гюргевича ѿ себе 102 об. α; выгнаша ѿ себе 150 β; хотѧть тебе (форма род. п. вместо формы вин. п.) людьѥ 106 β; оу тебе дружины мало 109 β; а мы хоче҃ тебе (форма род. п. вместо формы вин. п.) 128 об. α. Наряду с этим весьма часто встречаем и русские новообразования: посадиша оу собе мстислава 126 об. α; выгнаш҃ ѿ собе ꙗрополка 126 об. α; ѡстави оу собе 147 об. α; тобе (форма род. п. вместо формы вин. п.) ростовци привели и болѧре а мене былъ с братомъ бъ҃ привелъ 128 об. β; бра҃ твои шелъ володимерю а тобе въдавъ 136 об. α.

В дат.-местн. п. мы находим русские формы — тобѣ, собѣ: полони собѣ ꙗсыню 96 об. β; просѧще и собѣ кнѧзе҃ 99 β; переиму волость собѣ 107 об. β; ре҃ собѣ 108 об. α; на помочь собѣ 108 об. α; и стоꙗша противу собѣ 107 об. α; велѧ имъ ѣхати к собѣ 109 α; примири҃ к собѣ 114 об. α; поꙗша оу него сн҃а мстислава кнѧзѧ собѣ 115 α-β; к собѣ 108 α, 116 об. α, 117 α, 129 β, 131 об. β, 135 об. β, 141 об. α, 146 β, 150 β, 150 об. β; да внимаѥмъ мы собѣ 119 α; держи҃ колодникы сѣ собѣ на см҃рть 122 об. α; на бол-

шюю пакость ѡлгу и собѣ 170 β; повелѣ по собѣ ити 106 об. β; оувѣдѣвъ по собѣ идуща володимерка 110 α; и помысли в собѣ 168 об. α; да не будѣ̂ ѥго тобѣ ни тому 108 об. β; река мнѣ ѡтчина кыёвъ а не тобѣ 115 β; приѣдемъ к тобѣ 116 α; к тобѣ 116 α, 125 об. β, 131 β; тобѣ своѧ шюрина а наша кназа 125 об. β; на тобѣ бъ̑ положилъ переже старѣишиньство 142 β — 142 об. α. Церковнославянские формы редко: бъ̑ положилъ на тебе старѣишиньство в братьи твоёи 142 об. α.

В дат. п. ед. ч., после управляющих слов, находим энклитические формы *ми, ти:* се ми хочеть быти ꙗрославича см̑рть 108 об. α; а повелита ми 114 об. α; не створи ми пакости 115 β; зане ѡнъ мнии буда не покорить ми сѧ 116 об. α; какова ми вѣсть будѣ̂ ѿ нѣ̂ 124 α; приде к нему вѣсть *стрꙑи* ти оумерлъ вячеславъ 114 об. α-β; ꙗзъ ти даю старѣишиньство 142 об. α; помогу ти г кыѥву 104 α; глѣбъ ти *при*шелъ на тѧ 106 об. α.

В дат. п. мн. ч. употребляются, как энклитические формы, — *нꙑ* и *вꙑ:* дай нꙑ шюрина своѥго м*стис*лава 102 об. β; поидѣ̂ к брату ако же нꙑ велить 105 об. α; ако поити нꙑ суждалю 112 α; рекуще дабꙑ нꙑ оупередити до гюргѧ 114 об. α; како нꙑ с ними бъ̑ дасть и с̑тѧ бѣ̂ѧ 127 α; кажеть нꙑ добрѣ вл̂ка бл̑гꙑи 133 β; а много *нꙑ* зла створать попустат нꙑ землю идучи до насъ 136 об. β; тогда вꙑ дамъ ѿвѣтъ 124 α.

Энклитические формы вин. п. ед. ч. утратились. Сохранилась только сѧ. Употребление ее не только после глаголов, но и в других местах указывает на местоименный характер этой формы: пострижесѧ в скиму 156 β; гюргеви не хотащю и ёще битисѧ 111 β; то хочю сѧ бити 107 β; ростиславу же с̑ну гюргеву с гюргемь с ꙗрославомь не дадущю сѧ мирити 108 об. β; шлющ̑ слꙑ межи собою ѡ мирѣ ѡлговичѣ̂ и половцѣ̂ не дадущи сѧ мирити зане скори бахуть на пролитьё крови 111 β; тꙑ ѥси оу насъ кназь ѡдинъ ѡже тобѣ сѧ что створить то что на̂ дѣꙗти 113 об. β; а тогда сѧ затвори̂ в городѣ с тобою 113 об. β; ѡже сѧ с ними начнѣ̂ бити то се на̂ будуть первии ворози 121 α; и посли глѣбови рекуще глѣбъ сѧ кланаёть 128 β; се же сѧ здѣꙗ гр̑ѣ ради наши̂ 133 α; начаша сѧ гнѣвати на нь 136 α; аще сѧ миришь с братьёю своёю а мои люди чем*у* вꙑдаёшь 136 об. α; а того ради гл̑ть бу̑ слуга ёсть мьста злодѣѥмъ хощеши ли сѧ власти не боꙗти злаго не твори и похвалить тѧ 142 β; а что сѧ ѥму ѡста то роздаꙗ любимꙑ и нищи̂ 156 β.

2. Местоимения с мягкою основою. Склонение местоимения *и* — ꙗ — ѥ особенностей не представляет. Отметим наряду с формой ꙗ в вин. п. мн. ч.: по-

бѣди ꙗ 96 β; испостиже ꙗ оу полкъстѣнѧ 98 β; избиша ꙗ 115 об. α; и избїша ꙗ всѣ 121 α; оутѣши ꙗ 148 об. α; введе ꙗ в великую любовь 150 β — 150 об. α; позва ꙗ к собѣ 150 об. β; ѿпусти ꙗ в своꙗ си 165 β; смѣри ꙗ до зѣла 122 α, — форму *ѣ:* и ѿтуда же изѧслава дв҃двича посла в половцѣ повести ѣ (в Р, А нет *ѣ*) на володимера 103 об. α; дабы ѣ оукроти и воротилъ ѡпѧть 109 об. β.

Об *е* на месте *ѣ* — и не ѡбрѣтше ѥ҆ѥ҆ възвратишасѧ ѡпѧ҃ 113 об. β и др. — было нами сказано в отделе фонетики (стр. 31, 32).

После предлогов местоимение всегда с приставкой *н:* и посади в него мѣсто 114 β; ѿ него 119 β; ꙋ него 153 об. α; ѿ неꙗ 119 β; к нему 114 об. α, 114 об. β; на нь 100 α, 120 об. β, 123 об. α, 135 α, 136 об. β, 144 β; по нь 115 об. β; за нь 116 β, 132 об. α, 143 об. β; во нь 147 α; под нимъ 116 об. β; с ни҃ 146 β; в не҃ 100 β; в не҃ 100 β; в немь 143 об. β; по не҃ 117 β; оу ни҃ 144 β; ѿ ни҃ 124 α; к ни҃ 153 об. α; на нѧ 153 об. α; с ними 109 об. β; по ни҃ 115 об. α, 121 α.

Местоимение *сь — се — си* сохранило старинные формы: сь ѡканьныи дьꙗволъ въздвиже 150 β; сь бѣ бл҃жныи кнѧ҃ 151 об. β; зимусь (сь — форма среднего рода) ѥси ночи на свободу разбоѥ҃ оударилъ 170 об. α; си же вѣсть приде ѥму 127 β; си же бл҃жнаꙗ кнѧгыни лежа в немощи 143 β; си же злоба сключисѧ 150 об. β; се же створи ст҃ославъ ѡдинъ 170 β; с младенце҃ симь 99 об. β; над симь створи бъ҃ 119 β; си же пришедше ⁱне ѡбрѣтше ѥго бродишасѧ по не҃ 117 β; аще ты ратенъ си рат*ни* же аще ты миренъ а си мирни же 136 об. α-β; си же придоша 145 β; си .г҃. ѥ҆ приходиша с мітрополитомъ 157 об. α; и си вси схранени быша 164 β — 164 об. α; и первѣѥ побѣгоша поршане пото҃ дв҃двичь по си҃ кыꙗне и переꙗсл҃вци 107 α.

Отметим отдельно форму вин. п. ед. ч. м. р. — *си:* ꙗко҃ ре҃ пр҃ркъ *си* дн҃ь иже створи гь҃ възрадуѥ҃сѧ и возвеселисѧ во нь 147 α, где *и* под влиянием местоимения *и*, а также аналогичного образования ж. р.: *си* нощь.

В форме *сѣ* (вин. п. мн. ч. м. р.): держи҃ колодникы сѣ собѣ на смрть 122 об. α видим образование вместо *сиѣ* (из — сиѩ).

Отметим формы местоимения *чьто, ничьто: чего* то хощеши 147 α; и не оуспѣ *ничего* вымчати 171 об. α; не ѡста ничи҃ же прежни҃ ѥ҆пп҃ъ 158 об. α.

3. Местоимения с твердою основою особенностей не имеют. *О* на месте *ъ* в им. п. ед. ч. м. р. местоимения *тъ* объясняем фонетически (см. стр. 34, 35).

Местоимение *тъ:* то (тотъ Р, А) имъ буди кнѧзь 128 об. β; то бѣ мнихъ

образомь 167 об. β; ѿдаѥтсѧ согрѣшеньꙗ земли тои 129 α; ни тѣмь хвалѧсѧ 150 α; томь лѣ 167 об. β; в том же градѣ 136 об. α; сжалиси ѡ томь 145 об. α; в тои сѣчи 169 об. β; ти сѣдать 102 об. β; половци же ти 120 об. α; и ти тако цѣловаша крѣтъ 126 β; впраша же и тѣхъ 121 β; ѡстатокъ бьенѣ тѣ 134 об. β.

Форма: повелѣ паломници тѣ пустити. а портъı повелѣ даѥти паломникѣ избитъı боꙗръ 170 α — под влиянием косвенных падежей, где *ъ* из *oi*.

Отметим формы других местоимений: ѡни же то видѧще 114 об. β; ѡни възвратишасѧ 135 β; ѡни же придоша 145 β; и ѡни ѡступиша 145 об. α; ѡнѣма вѣнець исходатаистѵова 150 об. α; ѡнѣмъ не стерпѧщѣ 102 об. β; к ѡнѣмъ половцѣ 120 об. β; ѡнѣм же не оумѣющи что ѿвѣщати 123 об. β; ѡнѣмъ безбожнѣı пробѣгши прочь 140 об. β; ини кнѧзи 117 об. α; с ıною дружиною 101 об. α; иде инѣмъ путѣ 137 β; а ꙗрополкъ инѣмъ путемъ ѣха на москву 127 α; паче инѣхъ цр҃кви 117 об. β; инѣхъ избиша 122 об. α; и инѣхъ .ѕ҃. городовъ 147 об. α; а инѣхъ загнаша 153 β; ѿ инѣхъ 169 об. β; а инѣ изимаша 149 об. β. Но: а инъı изъимаша 155 об. β, 170 об. β; и самого ꙗша 99 об. β; самого ли четверта 107 α; а самого ѡлеѯандра ранили 171 об. β; а сами ѣхаша 110 об. β; с самѣ с ни 169 об. α; с самѣ воєводою 169 об. α; самѣхъ (форма род. п. вместо формы вин. п.) исѣкоша 118 β; самѣхъ (форма род. п. вместо формы вин. п.) избиша 121 β; а мъı в земли и҃ ѥсмъı самѣхъ (форма род. п. вместо формы вин. п.) избили 134 об. β.

Форма: сами поганъı избиша а другъıм изъимаша 122 об. α — под влиянием местоимений мягкого различия.

и нѣ мѣста ни селъ тацѣ 162 α; ѡвѣмъ бо брать избита и изъимана а другъıм ѡци и ближники 135 α, но: а ѡвъı избиша 170 об. β. ѡдинѣ кнѧзии .ѕ҃. 150 об. β; ꙗко къıнъ ѡдинѣ изгъıбло на полку то .і҃. тысячь 153 об. α-β; ѡчина ѡднѣ рускаꙗ земла 145 об. α.

Отметим формы: 1) с нѣколико дружинъı своєю 113 об. α. Образование под влиянием именных основ; 2) при форме — ѡ сицѣх бо рѣ дѣдъ 145 об. β — находим формы: бъı и смрть ѥго сица 117 α; гл҃а сице 117 α. В последних случаях *и* проникло из форм, где *и* — результат смягчения *к* (это явление — старославянского языка); 3) не ѡстал бо сѧ башеть оу ни никаковъ кнѧзь 115 α.

Местоимение *сьсь — вься — вьсе* по старинному образует все формы: чл҃вкъ просить 8 ба всѣ срѣмь 128 α; со всѣ своимъ житьѣ 172 α; всѣ желаньѣ 151 об. β; снашасѧ вси 103 β — 103 об. α; вси поидоша 113 α; побѣгоша вси 114 об. β; и рекоша приѣдемъ к тобѣ заоутра

вси и на ту нощь бѣжаша вси 116 α; вси поꙗша 116 об. β; народи же вси дивишасѧ 117 β; вси хрьꙗне 119 β; всовашасѧ в ложницю вси 124 об. β; ходиша бо кнѧзи русстии вси 133 об. β; погорѣ ростовъ и цр҃кви всѣ 117 об. β; дружина ихъ всѧ изъимна и всѣ (согласование по форме) вельможи ихъ 130 об. α; паче всѣ 108 α; преже всѣ 111 об. α; всѣ грѣ прощени будемъ 133 об. β; ѡн же оутаивъсѧ всѣ мужии 137 β; всѣ людѣ 96 β; то на ворогъ всѣмъ 107 α; ко всѣ сущи под нимъ 116 об. β; сущи ту оу цр҃ѧ всѣмъ сломъ 118 α; путь всѣ людѣ симъ 122 об. β; плакасѧ того всѧ дни живота своѥго 99 α; да живу в дому гн҃и всѧ дн҃и живота моѥго 109 об. α; ѿꙗ городы ты всѣ 109 об. α; и иссѣкоша всѣ 122 об. α; творѧ всѧ премудрено 120 α; цр҃кви всѣ в володимери [повелѣ] затворити 119 β; всѧ бо зломыслы ѥго вда бъ 97 об. β; со всѣми своими дѣтми 107 об. β; бѣ любимъ всѣми 116 об. β; оукрашенъ всѣми добрыми нравы 151 об. β; по всѣ землѧ 97 об. α.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В Суздальской летописи мы находим, как церковнославянские формы полных (членных) имен прилагательных (всегда стяженные; случаи — бл҃жнъıимь єпп҃мь 139 об. α; сщ҃нъıимь єпп҃омъ 159 β объясняются графически — см. стр. 25), так и русские, сходные с формами местоимений.

Интерес представляют формы родительного, дательного и местного падежа единственного числа и родительного-местного двойственного числа.

В род. п. ед. ч. м. р., наряду с ц.-слав. *аго, ѧго:* другаго сн҃а 99 α; полотскаго кнѧзѧ 103 об. α; чт҃наго кр҃та 104 об. α, 109 об. β; туровьскаго єпп҃а 104 об. β; добраго и кроткаго кънѧзѧ черниговьскаго 111 об. α; демьꙗна каневьскаго 115 α; ст҃аго ап҃ла 116 об. β; до великаго города 118 об. β; всеволода чермнаго 144 об. β; перваго дн҃е 147 об. α; старѣишаго сн҃а 151 об. α; лжаго прр҃ка 168 α; втораго цр҃ѧ 168 β — 168 об. α; до последнѧго издыханьꙗ 119 об. β и др., и русские на *ого, его:* другого скопца 101 β; видѣ и нагого 106 β; игумена печерьского 119 α; стѧговника половечьского 121 об. α; на живого кнѧзѧ 128 об. α, дмитриꙗ суждальского 150 β; ѿ кіѥвьского кнѧзѧ 157 об. α; великого града 159 об. α; на великого кнѧзѧ 162 α; до шерньского лѣса 162 об. α; мстислава рыльского 164 об. β; кнѧзѧ рѧзаньского 166 β; кн҃зѧ рѧзаньского 172 β; сн҃а своѥго милого 169 α; бесурменина злого 170 α; полку татарьского 170 β; тфѣрьского

влкы 170 об. β; великого кн҃зѧ 170 об. β; черниговьского кнѧзѧ 149 об. β; ѡтрочьего манастырѧ 143 β.

В род. п. ед. ч. ж. р. встречаем как *ꙑѣ* (= ц.-слав. *ꙑѣѧ*), *ꙑꙗ* (= *ꙑѣѧ*) — из рускыѣ земли 97 α; из володимерѧ ѿ ст҃ыꙗ бц҃ѧ црв҃е златоверхыꙗ и ѿ всеꙗ землѧ ростовьскыꙗ 119 β; в цр҃кви ст҃ыꙗ бц҃а 141 об. α; мц҃а априлѧ ст҃ыꙗ нѣ҃лѧ празднꙑꙗ 155 β; ѿврещисѧ хс҃а и вѣры хр҃ьꙗньскыꙗ 156 β; в манастыри великыѣ кнѧгини всеволожиѣ 156 об. β; цр҃кыꙗ (ꙗ — лишнее) ст҃ыꙗ бц҃а 157 α; созда краснѣишю первыꙗ 157 β; ѿ всточнꙑѣ страны 159 об. α; ѿ всточьнꙑѣ страны 159 об. β; ѿ поганꙑꙗ литвы 165 об. α; люди ростовьскіꙗ земли 167 об. α; млт҃вами стыꙗ бц҃а 104 об. α, так и *оѣ* (откуда *ое*), *еѣ* (откуда *ее*): ꙋ ст҃оє софьи 105 β; 114 об. β; ст҃оє бц҃и володимерьскоє 126 об. β; рѣчи ростовьскоє и болѧрьскоє 128 об. β; праздноѣ недѣ҃ 131 α; володимерьскоє дружины 136 α; в срѣ҃ вербноє недѣли 137 об. β; по велицѣ дни порожнеє нѣ҃ 166 об. α.

Дат. п. ед. ч. м. р. имеет только окончание *ому, ему:* к новугороду сѣверьскому 113 об. α; пп҃у сужьдальскому 118 α; кнѧзю черниговьско*му* 119 α; кнѧзю кыєвьско*му* 122 об. α; черниговьскому кнѧзю 123 об. β; к ламьскому волоку 131 α; к великому кнѧзю 166 об. β; ко всемогуще*му* и ба҃тыхъ ба҃тѣише*му* на высокꙑ҃ сѣдѧще*му* 125 об. α.

Дат.-местн. п. ед. ч. ж. р. — как ц.-слав. *ѣи* (*ии* не встретилось) — в рустѣи земли 141 об. β; к рѣцѣ зовомѣи 96 об. β; на масленѣи недѣ҃ 130 α; в ст҃ѣи бц҃и 131 об. β, 148 β; в ст҃ѣи соѳьи 131 α; в ст҃ѣи соѳьи 158 β; свитающи велицѣи пѧтницѣ 110 β; много зла створивъ землѣ рустѣи 145 об. α; в велп҃і цр҃кви зборнѣи ст҃ыꙗ бц҃а 157 α; в суждальстѣи ѡбласти 156 β; в земли русьстѣи 141 об. β; в чт҃нѣи добродѣтелнѣи сѣдинѣ 167 об. α, так и *ои, еи* — мт҃ри своѥи великои 167 β; в суждальской земли 160 об. α; во всеи земли суждальскои 166 β; в земли жжерскои 169 α; на полуд҃ньнои странѣ 158 об. β; на ст҃ои нѣ҃ 171 об. α; на безъимѣньнои нѣ҃ 175 об. α.

В местн. п. ед. ч. м. р. встречаем и ц.-слав. *ѣмь* (*имь* не встретилось) — *прі* блг҃овѣрнѣмъ и хс҃олюбивѣмъ велицѣмь кнѧзи всеволодѣ 140 α; при бл҃жнѣмь єпп҃ѣ 138 об. β; в стѣмь кр҃щнии 134 α; в ст҃ѣмь кр҃щньи 138 β, 139 об. β, 148 α, 148 β; на первѣмь падшаꙗ цр҃кве 149 β; в своє҃ ѡканьнѣмь помыслѣ 150 об. α; в своє҃ чт҃нѣмь кнѧжении 163 об. α; по братѣ любимѣ҃ 152 β; по заходѣ слн҃чнѣмь 153 об. β и др., и русские *омь, емь* — на велико҃ дворѣ 112 об. α; в ст҃омь кр҃щньи 140 об. α, 149 об. α; в ст҃омь кр҃щнии 149 об. α, 164 об. β.

Род.-местн. п. дв. ч. всегда на *ою, ею* (ц.-слав. *ую, юю* не встретилось): не слушаху дѣдилцѧ и бориса рѧзаньскою послу 125 об. β; на всеволода и с҃тослава на меньшею брату (меншюю братью Р, А) 135 об. β; никому же развѣё тою зломысльною кнѧзю 150 об. β; цр҃кы с҃тою мч҃нку бориса и глѣба 166 об. α.

Отметим контаминацию формы им. п. и формы вин. п. мн. ч. м. р. (исключительно в прилагательных м. р.): рѧзаньскыи кнѧзи и *му*ро҃скыи 159 об. α; рѧзаньскыи кн҃зи 171 об. β; а лутшиѣ ихъ мужи веде с собою 114 α; придоша новгородци лѣпшиѣ мужи 141 α; вышедши҃ же переꙗславьски҃ пѣшимъ битъсѧ многыи избиша ратнии и передъгородьё пожгоша 111 об. β; и сторожеве болгарьскыи прибѣгоша бьёни ѿ татаръ 156 об. α; на҃ суть кнѧзи *му*ромскыѣ и рѧзаньскыи (если это мн. ч.) близь в сусѣде҃ 125 об. α, при верных: 1) Им. п. мн. ч. м. р. — просѧхуть на сѧ с҃тии ап҃ли и с҃тии мц҃и 123 об. α; старѣишии сдумають 127 об. β; кнѧзи же русстии не оутѧгли бѧху 134 α; и придоша кнѧзи вси русстии 144 α; безбожнии татари 159 об. α, 159 об. β; 2) Вин. п. мн. ч. м. р. — про гд҃ьскыѣ праздникы 119 α; не ѡбрѣтоша кнѧжеѣ вои (форма вин. п. вместо формы род. п.) 101 α; ѿполонѐныꙗ ѿпусти 113 об. β; изъима галичьскыѣ мужи 114 α; в гд҃ькыꙗ праздни[кы] 118 α; видѣвъ поганыꙗ болгары 118 β; во древьнѧꙗ дни 169 об. β; в бесконечныꙗ вѣкы 125 об. α; ключѣ полатнии (форма им. п.) цр҃квныꙗ ѿꙗста 126 об. β; сѣкуще поганыꙗ бохматы 132 β; в прежнѧꙗ дн҃и 135 об. β; поима городы вѧтьскыѣ 140 β.

Из области прилагательных отметим еще употребление форм кратких прилагательных, встречающихся на ряду с полными: иконами чт҃нами 147 β; иконами многоцѣньнами 158 об. β; со многами слезами 162 об. α.

Возможно, в перечисленных случаях сказалось влияние стоящей рядом именной формы.

Сравнительная степень. Формы им.-вин. п. ед. ч. ср. р. прилагательных сравнительной степени часто встречаются в Суздальской летописи на месте других форм. На основании этого можно говорить об употреблении этих форм, как неизменяемой части речи.

Форма им.-вин. п. ед. ч. ср. р.: то ёсть лѣжѣё неже прольꙗти кровь хр҃ьꙗньску 98 об. β (форма употреблена верно); чему сѧ ѡпѧть воротишь. луче того ѡстанисѧ высокооумьꙗ своѥго 101 об. β; всеволод же то слышавъ ꙗко вниде в сѧ и ре҃ луче є҃ смиритисѧ ба҃ ради 101 об. β; са҃ воло-

димерко приступилъ бѧше ближе к шюмьску 107 об. β; изѧслав же молвѧщю имъ луче братьıа измремъ сдѣ нежели соромъ възмѣ 109 β; тъı еси старѣё в братьи своёи 127 α; и тако истопоша боле тъıсячи ихъ 132 β; и се пристраньнѣё и страшнѣё ѩко на хр҃ьıаньскѣ родѣ стр҃а и колѣбаньё и бѣда оустраниса 133 β (форма употреблена верно); и им же паче ѩрость въздвиже на ньı ѩко паче вс҃ь почтени бывше горѣё вс҃ь здѣѩхо҃ грѣхъı 133 об. α; брань славна луче ё҃ мира студна 136 об. β, 163 об. β; того же дни и ча҃ бы҃ тако и того грознѣё в кыёвѣ 157 β (форма употреблена верно); оувъı мнѣ г҃и луче бъı ми оумрети нежели жити на свѣтѣ семь 162 β; а руси с ними боле .л҃. члв҃къ 170 β; не вѣдущю ихъ никому же развѣё тою зломъıсльною кназю и ихъ проклат҃ъı думець 150 об. β.

Рядом встречаем и верные формы (сюда входят и помещенные выше примеры на форму им.-вин. п. ед. ч. ср. р. при словах ср. р.): и андрѣи тако р҃ё сдумавъ с дружиною своёю лѣплѣ (*ѣъ* на месте *ѣѥ*) ми того см҃рть 102 β; брань славна лучьши (лучеше P, лучьшi A) ёсть мира студна 137 β. Интересно отметить, что и форма им. п. ед. ч. м. р. тоже употребляется как неизменяемое слово: нѣции видѣ҃. рано въсходѧщю сл҃нцю. бы҃ на .г҃. оуглъı. ѩко и коврига. пото҃ мнеи бы҃ аки звѣзда 157 β.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Летопись дает нам крайне незначительный материал для выводов о склонении числительных. Приходится ограничиться некоторыми отдельными замечаниями.

Правильное согласование — и да володимеръ всеволоду тъıсячю гривѣ҃ серебра и двѣстѣ 104 α; з двѣма сънома 146 α; четърми пути 99 α; пре трии лѣ҃ 122 α. Правильное склонение находим в примере — и вкова в ню боле триидесѧтъ гривенъ золота 116 α.

Имя существительное *дн҃ь* после числительных часто стоит в форме вин. п., с которой совпадала форма род. п. в случае стяжения ее: и стоѧ гюрги .г҃. дни 107 β; пребывъ .г҃. дни 107 об. α; и стоѧша оу города .г҃. дни 118 об. β; пограбиша и церкви и манастърѣ за .г҃. дни 118 об. β; ставъ ѡколо города .г҃. дни 132 β; за .в҃. дни 144 β; бишасѧ .г. дни 134 об. β; тако .з҃. дн҃и и по .з҃. дни 153 об. β; пребы҃ тако .д҃. дни 153 об. β; за .г҃. дни 144 β; акъı мц҃ь четърь дн҃и 159 об. α.

После числительного — полтора находим единственное число: глѣбъ же посла брата своѥго михаила и с нимь переѩславець .р҃. а берендѣевъ пол-

торы тысѧчи 120 об. β — 121 α; и ꙗша их руками полторы тысѧчѣ 121 об. α; ѣхали бо бѧху по повелѣнью ростовець противу кнѧзема с полторы тысѧчѣ 126 β. В последнем примере можно видеть и форму множественного числа.

Числительное — четыре имеет в род. п. мн. ч. — вместо ъ — ь — акы мц҃ь четырь дн҃и 159 об. α.

Отметим форму — ѡдини (одни Р, А) придоша к переꙗславлю 120 β.

ПРИЧАСТИЯ

1. Причастные формы действительного залога настоящего времени на ъı в краткой форме в Суздальской летописи почти не встречаются: паче же всего дивную любѧ и славную мл҃тню и цр҃квьноє *стро*ѥньє и ѡ то҃ пекысѧ дн҃ь и нощь 151 об. β. В полной форме: пекыисѧ 150 α; вѣдыи 151 α.

Обычно же находим причастие настоящего времени на *а*, что указывает на полное вытеснение церковнославянских форм на ъı. Следует отметить, что многие из причастий настоящего времени употребляются и в значении причастий прошедшего времени.

Причастия на *а*: в то҃ лѣто присла володимеръ изѧслава дв҃двича ис чернигова слы ко изѧславу києвьскому река 105 α; изѧслав же слышавъ то посла к сн҃у своѥму мс*ти*славу река 109 α; на оутрии же дн҃ь присл҃а володимерко к андрѣєви василка ꙗрополчича река 110 α; рюрикъ же посла к великому кнѧзю всеволоду река 140 α; и *оу*кори ꙗ река 168 об. α; ѡн же ѿпрѣсѧ река 170 об. α; не мога поити ни сѣмо ни онамо 99 β; ѡн же не мога ихъ минути 105 об. β; рюрикъ же не мога ста*ти* противу 144 об. β; мстислав же не мога терпѣти 145 об. α; посла и к нему зова к собѣ 106 β; изѧслав же тогда ида заꙗ погорину 109 об. α; изѧслав же ида мимо первосопницю пожже зарѣческъ 110 α; и принесе ида икону ст҃ую бц҃ю 116 α; престависѧ блг҃овѣр*нъı*и кнѧзь ростиславъ сн҃ъ мстиславль ида и-смолиньска 118 об. α; ꙗрославъ кнѧ҃ сн҃ъ всеволожь престависѧ во иноплеменницѣ. ида ѿ каповичь 165 β; бѧшеть іѡа҃ кнѧ҃ сн҃ъ дмитриєвъ ида в ворду приказалъ 171 об. α; оулѣбъ же внида черниговъ и оувѣдавъ 105 β; тогда же володимерко поида ѿ него прочь поꙗ оу него сн҃а мс*ти*слава 109 об. α; прида ѡлегъ из ордъı с татары и оуби ст҃ослава 170 об. β; пожга городъ дмитровъ възвратисѧ 131 об. α; поима ихъ поиде к велико*му* городу 132 α;

поиди вборъзѣ поима берендичѣ 109 α; не бы кто и вѣсть принеса за наше согрѣшеньє 135 α; не помѧна злобы ихъ цѣлова к ни крть 148 α.

2. Не редки в Суздальской летописи причастия на *мъ* и *нъ* от глаголов с носовым гласным в основе неопределенной формы: вземше 96 β, 156 об. α; взеше 98 об. β, 164 об. α; вземъ 100 α; взе 104 β; ємше 104 об. α; поимше 99 β; поимъ 154 об. α; поченъ ѿ старѣиши 104 α.

3. От глаголов производных на *ити* встречаем причастия на из *jъ* (со смягчением губных и зубных): створше 123 об. β, 148 β; створь 154 об. α; створшему 119 об. β; поклоншесѧ 143 α; тако пожениши ꙗ гнѣвомъ твоимъ исполнь лицѧ ихъ досаженьꙗ 130 β; сего по праву ѡдаровалъ бѣ бъ кротостью двдвою мудростью соломонею исполнь сы аплкаго правовѣрьꙗ 152 α; ѡставль 156 об. α; оставльше 147 α; ѡставльше 144 об. α бу извольшю 132 об. α; дивльсѧ 158 об. β; ѡн же во торопѣ вскочь по ни; начатъ ригати 124 об. β; весь порѧдъ положше 126 об. α; бу попущьшю 148 β; приключьшеёсѧ 153 об. β; приключьшаꙗсѧ 107 α.

4. В Суздальской летописи причастия обычно согласуются со словами, к которым они относятся: въиде вѧчеславъ ис переꙗславл и иде ѡпѧть турову не послушавъ брата 100 об. α; всеволодъ приведъ брата 102 β; приде изѧславъ слышавъ пришедшаго гюрга 107 β; ѡн же видѣвъ гюргѧ совокупившасѧ с сыновци своими цѣлова к ни крь 116 α; си же претерпѣвши и преложисѧ на будущеѥ житьё с миро 143 об. α; и цркы згорѣ ту сущиꙗ стго михаила 155 α; в соу на ночь ѡсвитающи нели фоминѣ 171 об. α; и воротишасѧ половци и поидоша исполчившесѧ противу 98 β; шедши бо ти же ѡлговичи с половци взѧша треполь 101 β; и придоша по нь плесковичи сдумавше с новгородци 101 β — 101 об. α; и хотѣша и оубити свои пѣшци не знаюче ѥго 111 об. α; слышавше же болгаре в малѣ дружинѣ кнѧзѧ мьстислава пришедша 122 об. β; и поидоша мстиславичи кличюче ꙗко пожрети хотѧще 127 β; ѡни не пустѧчи (пустѧче Р, А) к вежѣ срѣтоша ихъ 134 об. α; ѡни же бьꙗхутсѧ излазѧщи из града 146 об. α; та сказаша на самовидці бывши та 157 β и другие.

Особенной устойчивостью отличается согласование причастия с именем существительным в обороте дательный самостоятельный: а володимеру сущю новѣгородѣ дѣтьску сущю ёще и погану 99 об. α; вѧчеславу же нудѧщю брата на миръ 107 об. β; ростиславу же гюргевичю с братомъ свои андрѣёмъ ходѧщю напередь с половци 107 об. β; андрѣѥви же не послушавшю ихъ но възложившю надежю на ба прежда до свѣта 108 α; володимеру же брату

изѧславлю изнемагающю с людми своими в городѣ 108 об. α; володимерку же не дадучю вни*ти* в свою землю рати 112 об. α; мьстиславу же прибѣгшю новугороду рекоша ѥ*му* новгородци 129 об. α; ѡному же оумедлившю и встави дьꙗволъ вражду 166 об. β; а друж[пн]ѣ ѥго не сущи с нимь 121 α; всхотѣвши ёи в манастырь 155 об. α; шлющи же имъ межи собою и цѣловавши крⷭ҇тъ веснѣ приспѣвши миръ створиша 108 об. β.

Тем не менее многочисленны случаи, когда причастие не согласовано с тем словом, к которому относится. Встречаются примеры и с оборотом дательный самостоятельный, в которых нет согласования причастия с именем. Чаще всего употребляется форма именительного падежа единственного числа мужского рода и именительного падежа множественного числа мужского рода.

Примеры: а) слышавше володимеръ разгнѣвасѧ 99 об. β; видѣвъ же то галичане сътъснуша си рекуще 99 об. β; а глѣбъ и романъ сп҃ъ ѥго и игорь и ꙗрополкъ перешедъ колахшю (колакшю Р, А) и поидоша ко всеволоду на прускову гору 130 α; оуслышав же романъ игорь и володимеръ ѡже воротилисѧ ѡнѧть и бра҃ ихъ шелъ володимерю на свѣтъ к всеволоду юргевичю идоша ко граду 136 β (здесь, возможно, синтактическое явление — согласование с одним первым подлежащим); прислашасѧ новгородци к великому кнѧзю всеволоду просѧ ꙗрослава володимерича 137 об. β; слышав же вси кнѧзи ѡжи володимеръ гна в галичь възвратишасѧ вспѧ҃ 144 об. α; вшедъ (говорится о нескольких князьях) в землю мордовьскую пургасову волость пожгоша жита и потравиша и скотъ избиша полонъ послаша наза҃ 155 об. α-β; видѣвше же чл҃вколюбець бъ҃ послуша моленьꙗ мт҃рнѧ избави люди своꙗ ѿ великыꙗ бѣды 167 об. α-β.

б) Дательный самостоятельный: ѡно*му* же боле ёмшюсѧ и мольбѣ и болѧры подъоучаꙗ и дары даꙗ 98 об. β; мстиславу же боле палѣгающю на всеволода река ѥму 98 об. β; а ѡнѣмъ не стерпѧщ҃е шедше к гюргеви 102 об. β; гюргеви же послушавшю болѧръ выведъ из вышегорода сп҃а своѥго андрѣꙗ и да и вѧчеславу 108 об. β (чеславу — дописано на 33-й строке); мстиславу же не вѣдуще (вѣдущу Р, А) и ставшю ѥму оу сапогынѧ 112 α; гюргеви же идущю в русь пришедъ ста оу глухова 113 α; бы҃ же и см҃рть ѥго сица ꙗко оумираючи (умирающу Р, А) ё*му* призва к собѣ ёпп҃а 117 α; дружинѣ постигающи ѥго михалку не доѣхавше (доѣхавшю Р, А) володимерѧ (со бра҃мъ всеволо҃мъ Р, А) 127 β; михалку доспѣвающю (с брто҃м своимъ всеволо҃мъ Р, А) и нарѧжаючи (наряжающимъ Р, А) полкы своꙗ 127 β.

Интересны случаи (если только не описка): андрѣи же поклоншюсѧ (поклонивъсѧ Р, А) ѿцю и шедъ сѣде в пересопници 109 об. β; изѧслав же (изѧславу Р, А) молвѧщю имъ 109 β.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

Писец Суздальской летописи весьма последовательно употребляет формы двойственного числа. Так, мы находим формы двойственного числа при числительных *два* и *оба:* два сорочинина послана цр҃мь 96 об. β; и бывшю сступленью ѡбѣма полкома 101 α; переёмъ два города оушицю и микулинъ 103 об. β; двѣма копьёма 108 β, 121 об. α; ст҃ослава же ѡба 117 β; ст҃ослава же ѡба посласта к ростиславу 117 β; и кнѧжи в кыёвѣ .в҃. лѣта 122 об. α-β; .в҃. нѣ҃ли 122 об. β; ѡбоимъ межи собою полкома 127 β; кнѧзѧ два 127 об. β; съ двѣма сн҃ома 134 об. α; молѧщемасѧ има ѡбѣма 137 α; взѧ .в҃. города лѧдьскаꙗ 143 об. α; оба кнѧзѧ гюргии и ꙗрославъ 157 об. β; и ина .в҃. ёпп҃а 158 α; не мало ѡбою страну взѧша 159 об. β; рекоста ѡба кнѧзѧ 160 об. α; ѡставѧ брата своꙗ .в҃. 170 β; самѣ .в҃. братеника бесерменина та оутекла а руси избилъ .к҃е. и .в҃. бесерменина 170 β; при числительном — двенадцать: в нѣ҃лю на памѧть .в҃і. ап҃лу 124 об. β. Когда поименовываются два лица или предмета, — употребляется двойственное число: заложи цр҃квь камену ст҃ою мученику 96 об. β; приспѣвшю же празднику ст҃ою мученику 112 α; божницю ст҃ою мч҃нку зажгоша 115 α; на пренесеньё ст҃ою мч҃нку бориса и глѣба 137 α; бы҃ оу ст҃ою мк҃у бориса и глѣба 139 об. β; цр҃кы ст҃ою мч҃нку бориса и глѣба 151 β; в праздни҃ ст҃ою мк҃у бориса и глѣба 158 об. α; на памѧ҃ ст҃ою ап҃лу петра и павла 124 об. α; на памѧ҃ ст҃ою мч҃нку павла и оульꙗны 162 об. α; и ста межи валома 107 β; а хочемъ ростиславичю мстислава и ꙗрополка твоёю шюрину 125 об. β; но слушаху дѣдилцѧ и бориса рѧзаньскою послу 125 об. β; и присла к нему ст҃ославъ всеволодичь сн҃а своꙗ в помочь ѡлга и володимера 129 об. β; а самъ кнѧ҃ великыи ста за рѣкою с полѧ половецьского с сынм҃ своима юрге҃ и володимеро҃ 146 об. α; (принесе) и мощи ста҃ логина мч҃нка сотника ст҃ѣи ѥго руцѣ ѡбѣ 151 α; сущю ту бл҃городно*му* кнѧзю гюргю и з дѣтми своими и братома ѥго ст҃ославу іѡану 154 об. β; тоё же зимы. великыи кнѧ҃ геѡргии. ѡжени сн҃а своꙗ володимера и мстислава 159 об. β; и с҃пси рабы твоꙗ чада моꙗ бориса и глѣба 162 об, β; совкупи б҃ъ телеси ѥю (двух князей) 163 β. Но: тогда сущю великому кнѧзю в переꙗславли з дѣтми своими с костѧнтиномъ и юргемъ 141 β; аз бо вѣ҃ сн҃а моꙗ. ꙗко ѿшес*тви*ё моё близь приближаётсѧ

ѿ свѣта сего и се поручаю ва бу и прчтѣи мтри 151 об. α; великыи кнѧ гюрги и ꙗрославъ и костантиновичи василко всеволодъ идоша на мордву 155 об. α; и иде володимеръ к звенигороду и ста по сеи сторонѣ города а володимеръ ѡб ону страну сшедъ з горы а межи ими (има P, A) рѣка мѣлка 103 об. β.

Иногда и сами поименованные предметы (оба или один) стоят в двойственном числе: црквь камену во има акыму и анны 140 α; бы в цркви борису и глѣба 141 об. α; на памѧ стго апла петру и павла 172 α. Возможно, однако, что в перечисленных примерах мы имеем дательный принадлежности.

При словах в двойственном числе, а также при двух предметах, лицах определение и сказуемое тоже стоят в дв. ч.: мстислав же с ꙗрополкѡ совокуписта воѣ 98 об. α; воротиславъ андрѣевъ тысачьскыи и иванко вячеславль въсласта ѡтрокы своѣ в городъ 99 β; тогда же гюргевичь аньдрѣи с володимеромъ с андрѣевичемъ ѣхаста к лъбеди 111 α; а мстиславъ и стославъ всеволодичь бѣжаста г кыеву 115 α; володимеръ же и ꙗрославъ придоста 115 об. β; сѣдящема ростиславичема в княженьи земла ростовьскаꙗ роздала баста по городомъ посадничьство русьскы дѣдьцкимъ 126 об. β; ѡна же затвористасѧ в градѣ 135 об. β; всеволодъ же с братѡ своимъ стославомъ посласта ис прыньска в володимерь 136 α; ѡна же ѵвѣдаста почаста городъ твердити 135 об. β; романовича же видѣвша матежь в земли великъ и оубоꙗстасѧ. 144 α; посла великыи кнѧ гюрги стослава ивана брату свою на мордву и побѣдиста мордву и взаста нѣколико селъ и възвратистасѧ с побѣдою 154 об. α; всеволо же и мстиславъ баста 160 β; всеволодъ же и мстиславъ стоꙗста на золоты воротѣ и познаста брата своего володимера 160 β.

Однако весьма многочисленны случаи, когда определение и сказуемое стоят во множественном числе, вместо двойственного числа.

Следует отметить, что случаи с причастиями во множественном числе, вместо двойственного, могут быть объяснены и вытеснением одних причастных форм другими.

Примеры: и не доѣхавше игорь с братѡ изаслва побѣгоста 104 об. α; андрѣеви же приѣхавшю к нему и снемшюсѧ с ни оу мыльска пустиста сторожѣ передъ собою и поидоша по ни 110 α (здесь, возможно, как безличный глагол); володимерковичь жъ и володимеръ (в слове еще одно — лишнее — *ло*) мачешичь не оуспѣша ему ничто же воротишасѧ ѡпа 115 об. β; изаслв же дѣдвчь и изаславъ андрѣевичь слышаша (слышавше P, A) возвратившесѧ ихъ 117 об. α; и прислашасѧ ѡбои к глѣбу глще 120 β; и сна-

шасѧ ѡбои 121 β; и вшедши҃ (вшедша Р, А) в городъ оутѣшиста володимерцѣ и роздѣливше волость ростовьскую сѣдоста кнѧжитъ 126 β — 126 об. α; слыша же мстиславъ и ꙗрополкъ и здумаста с дружиною своѥю 127 α (здесь, возможно, синтактическое явление — согласование только с первым подлежащим); михаило кнѧ҃ черниговьскыи со внуко҃ своимъ борисо҃. поѣхаша в татары и бывши҃ имъ в станѣ 165 α-β.

Слова, обозначающие парные предметы, всегда стоят в дв. ч.: рогома 96 β; бъ҃ покарѧше под нозѣ ѥго всѧ врагы 97 об. β, 148 об. β; а игорѧ поверзъше за нозѣ волокоша 106 α; ѿверзлъ ѥму бъ҃ ѡчи ср҃дчнѣи 124 α; не вда бо в животѣ своёмъ тѣлу свѥму покоꙗ и ѡчима своима дрѣманьꙗ 125 β; ѿверзенѣ бо ѥму бѣста ѿ ба҃ ѡчи ср҃дч*нѣи* на цр҃квную вещь 139 об. α; бѣ же василко лице҃ красенъ. ѡчима свѣтелъ и грозенъ 163 β; стоꙗше҃ трепетенъ дондеже насадъ ѡчью ѥго 169 β; ѡн же видѣвъ кнѧзѧ ѡлеѯандра радостныма очима 169 β; всѧ бо зломыслы ѥго вда бъ҃ под руцѣ ѥго 97 об. β; и иде шюрину своѥму в руцѣ 99 β; не ѡставить бо гь҃ праведнаго в руку грѣшничю 135 β; и всѧ зломыслы ѥго вда бъ҃ под руцѣ ѥго 148 об. β; и бѣста руцѣ держаста на рамѣ 169 β; и паде нѣколико ѿ руку ѥго 169 об. α; падъ на колѣну 168 об. β; бѧше же ѥ*му* лице измѣнилосѧ акы почернѣло ѿ недуга оустнѣ ѡтолстѣли и носъ 156 β; и схраненъ бг҃мь и мл҃*тв*ою родителю своѥю 111 β. Но: бж҃ьим же заступленьёмь и мл҃твою родитель своихъ схраненъ бы҃ без раны 111 об. α.

Иногда слова, обозначающие парные предметы, стоят в дв. ч. и тогда, когда эти предметы принадлежат многим лицам: и впадоша ѡлговичемъ в руцѣ 101 α; рекоша се бъ҃ вдалъ є҃ кнѧзи русскиѣ и полкы ихъ в руцѣ наши 133 об. β; тако и сего бъ҃ избави из руку поганы҃ 135 об. α; и плѣноваша и до проньска поплѣнивша рѧзань весь и пожгоша и кнѧзѧ ихъ оубиша их же ёмше ѡвы растинахуть другыꙗ же стрѣлами растрѣлѧху в нѧ а ины ѡпакы руцѣ свѧзывахуть 159 об. β; ꙗко гь҃ избавилъ ны є҃ ѿ врагъ наши҃ и покори врагы наша под нозѣ наши 134 β. Чаще, однако: и ꙗша ихъ руками 121 об. α; и ту самого глѣба ꙗша руками 130 β; а кнѧзѧ володимера ꙗша руками сп҃а юрьёва 160 α; а василка ꙗша руками безбожнии 162 об. α; а иныхъ руками изъимали 172 β.

Многочисленность случаев с определением и сказуемым во мн. ч. при словах, стоящих в дв. ч., позволяет сделать заключение, что к середине XIV века употребление дв. ч. поддерживалось только книжной традицией. В живой речи оно было заменено, за исключением некоторых форм при *два, оба,* — множественным числом.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СКЛОНЯЕМЫХ ФОРМАХ

1. В примерах — посадилъ курьскѣ 99 об. α, гюрги же затворисѧ в городкѣ 112 β; мстислав же ѡставѧ брата ꙗрослава в лучьскѣ а са҃ иде в лѧхы 115 об. β; на хр҃ьаньскѣ родѣ 133 β; и бѣ видѣти стра҃ и трепетъ ꙗко на хр҃ьꙗньскѣ родѣ 161 об. α — *к* (вместо *ц*) в местном падеже вызвано влиянием других падежей, где смягчение задненебных не имело места.

2. Форма — по пасцѣ 151 β (три раза), — предполагающая форму им. п. — паска, вместо — пасха, — вызвана влиянием многочисленных слов на *ка* (форма же на *ха* является исключительной).

3. Имена существительные собирательные. Ряд слов в ед. ч. употребляется в Суздальской летописи с собирательным значением.

Чаще всего это слова ж. р. на *а*, ꙗ: а болѧре и велможа (велможи Р, А) и всѧ дружина избита 135 α (и здесь же: и дружина ихъ всѧ изъимана и всѣ велможи ихъ 130 об. α); всѧ дружина 125 об. α; бисѧ с угрою 152 об. β; принесоша бра҃тꙗ 96 об. α; бра҃ꙗ ѥго всѧ радовахусѧ 108 об. α; и положиша и братьꙗ 110 β, 117 α; кнѧзь нашь и братьꙗ наши погыбли 130 об. α; бра҃ꙗ наша ходили с ст҃ославомъ 134 об. α; бра҃ꙗ же проводиша и 141 α, 141 β; и проводиш҃ и всѧ бра҃ꙗ ѥго 144 об. β; промышлѧите бра҃ꙗ 126 об. β; бывъ оу братьи своѥ҃ѥ 103 об. α; ѿ своѥ҃ бра҃и 144 β; и совокупи всеволодъ братью свою 104 β; игорь с братьѥю 104 β; совкупивъсѧ с братьѥ҃ю своѥю 113 об. β; с братьѥ҃ю своѥ҃ю взѧша кыѥ҃въ 118 об. β; здумавъ с братьѥ҃ю своѥ҃ю 123 β; романъ с братьѥ҃ю своѥ҃ю 123 об. β; с своѥю бра҃ѥю 144 α (два раза); давше ѥму старѣишиньс*тво* во всеи братьи ѥго 166 α; възвратисѧ г кыѥву со всею кнѧзьѥю 135 β; со всею кнѧзьѥю 134 об. α; и нынѣ гд҃а ѿци и бра҃ꙗ ѡже сѧ гдѣ буду ѡписалъ 173 α.

Нередки и слова ср. р. на *иѥ*: а с города акы дождь каменьѥ҃ метаху на нь 108 β; и оукраси ю дивно многоразличнъıми иконами и к (*к* — лишнее) драгимъ каменьѥ҃ бещисла 117 об. β; иконъ золотомъ кованъı҃ и каменьѥ драгъıмъ 133 α; каменьѥ драгъı҃ 129 об. β; все то потре каменѥ҃ дробноѥ сверху падаꙗ 157 α; оукрашену злато҃ и серебро҃ и каменьѥ҃мь драгъı҃ 161 β; по селомъ дубьѥ҃ подрало 172 об. α; вземше ѡружьѥ҃ ꙗко звѣрьѥ҃ 124 об. β; положиша трупьꙗ рабъ твоихъ брашно птица҃ нбн҃ъı҃ 161 β; ѡбрѣтошасѧ трупьꙗ мертвъı всѧ 169 об. β; трупьꙗ мр҃твъıхъ своихъ наметаша кораблѧ 169 об. β; а трупьꙗ боꙗръ тѣ҃ повелѣ по деревью извѣшати 170 α. Как видно из приведенных выше примеров, собирательные слова склоняются в единственном

числе. Только в четырех последних примерах собирательное слово — трупьꙗ — поставлено во множественном числе (в им. п. или сходном с ним вин. п.).

При подлежащих-собирательных словах сказуемое стоит обычно во мн. ч. Определение к собирательным словам (в особенности, если определение выражено местоимением) — чаще в ед. ч., но встречается и во мн. ч. Примеры на сказуемое и определение: дружинѣ же не вѣдущи҃ ѥго 108 β; ѡже тѧ привели старѣишаꙗ дружина 128 об. β; дружина же всеволожа начаша кнѧзю жаловатисѧ 130 об. β; дружина ѡполонишасѧ 134 β; бра҃ꙗ наша ходили с ст҃ославомъ велики҃ кнѧзе҃ и билисѧ с ними зрѧ (зряче Р, А) на переꙗславль 134 об. α-β; ѡстатокъ (останок Р, А) бьёнъı҃ тѣ҃ бѣжаша 134 об. β; и весь зборъ оубогъı҃ плакахусѧ 152 β; воѥваша литва новгородьскую волость и поимаша мно҃ство много .з҃. хр҃ꙗнъ и много зла створиша 154 α; видѣвше же литва исполчиша҃ 154 β; а мордва вбѣгоша в лѣсы 155 об. β; а мордва давше и҃ путь 155 об. β; придоша мордва с пургасомъ 155 об. β. Примерами могут служит также и приведенные выше случаи на собирательные слова.

4. Отметим несклоняемость слова і҃съ, употребленного, как приложение: поюще и славѧще га҃ на҃го і҃съ ха҃ 151 β; в праздникъ оустрѣньꙗ га҃ на҃го і҃съ ха҃ 151 об. β; в праздни҃ чт҃наго бо҃ꙗвленьꙗ га҃ на҃го і҃с ха҃ 155 β. Однако: ѡ гд҃ѣ нашемь ї҃сѣ хѣ҃ сп҃ѣ бж҃ьи 168 α-β; гл҃ѧ ги҃ і҃се хе҃ помагавъıи ми многаждъı 162 об. β.

СПРЯЖЕНИЕ

1. Замечания о личных окончаниях глаголов. 1 л. ед. ч. основ на согласную — *мъ*, что объясняется фонетически (примеры см. на стр. 48).

У основ на гласную — *у, ю:* иду 112 об. α; реку 163 α; ворочю 128 β; призрю 138 β; приѡбрѧщю 159 β; прошю 162 об. β; бл҃годарю 162 об. β; вижю 162 об. β.

2 л. ед. ч. у основ на согласные — *си:* даси 99 β, 129 α, 139 α; вдаси 104 α; вѣси 133 β, 137 об. α, 170 об. α; вѣси ли 150 об. α; свѣси 155 α; ѥси 113 об. β, 146 α, 155 α.

У основ на гласные — как *ши*, так (довольно часто) и *шь*. *Ши:* хощеши ли 99 об. α, 142 β; хочеши 104 α; надѣѥшисѧ 101 об. β; сѣдиши 103 α; держиши 107 α; приимеши 107 об. α; твориши 108 α; совкупишисѧ 120 об. β; пожениши (поженеши Р, А) 130 β; имаши 132 об. β; взискаѥши 132 об. β; назриши 137 об. α, 138 α; преклониши 139 α; постелеши 139 α;

видиш 139 α; взопьёши 139 α; ѿверзеши 139 α; насытишисѧ 139 α; поклонишисѧ 143 α; можеши 168 об. β. *Шь* — хочешь 102 β; хочеш ли 116 α; избавишь 107 об. α; приведешь 112 α; ведешь 112 α; ѿдаѥшь 114 β; погребешь 117 α; держишь 130 об. α; ѡбличишь 136 α (два раза); сѧ миришь 136 об. α; въідаёшь 136 об. α; творишь 142 β; поидешь 144 об. α; идешь 170 об. β.

3 л. ед. и мн. ч. имеет окончание *ть* и редко *тъ*, объясняемое фонетически (примеры см. на стр. 48, 49).

Случаи — всѧкыи бо держасѧ добродѣтели не може (не можеть Р, А) без многыхъ врагъ быти 124 β; не взможе 154 об. α, где в форме 3 л. ед. ч. отсутствует окончание *ть* — единственные. Возможно, что здесь описка или же *т* было над строкой и стерлось.

В 1 л. мн. ч. у основ на гласные — окончание *мъ:* мы вѣдаѥмъ 105 об. β; ѣздимъ 113 β; хочемъ 130 об. α; избьёмъ 134 об. β; скажем же 168 α. У основ на согласные — *мы:* вѣмы 101 об. β, 153 β; дамы 121 α, 129 α; ѥсмы 133 β, 133 об. α (два раза), 134 об. α, 134 об. β, 135 об. α; снѣмы 136 β.

2 л. мн. ч. имеет *те:* прави ѥсте ци хотите мене дѣлѧ погынути 126 β; бра҃ꙗ что тако дѣлаёте 136 α; и в дн҃и бо алканьꙗ вашего ѡбрѣтаёте свою волю и повиньныꙗ своꙗ томите в прѧ и в сваръі алчете и бьёте пѧстью смѣренаго 138 об. β; гл҃мь въпьёте ко мнѣ 138 β; бу҃ же какъ ѿвѣтъ дасте 162 об. β; аще любите дру҃ друга 163 об. β.

2. Формы прошедшего времени.

Прошедшее совершенное, сложное из причастия на *лъ* и формы глагола *ѥсмь*, в изучаемом нами памятнике употребляется реже, чем аорист и имперфект. Тем не менее, эта форма, несомненно, вытесняет формы аориста и имперфекта. Об этом свидетельствует обилие форм прошедшего совершенного в приписке писца, написанной живым русским языком, употребление их в разговорах действующих лиц.

В прошедшем совершенном часто отсутствует вспомогательный глагол.

Примеры на прошедшее совершенное: ѡн же не всхотѣ надѣꙗсѧ на мно҃ство вои гл҃ѧ добылъ ѥсмъ го[ло]вою своѥю кыёва и переꙗславлѧ 107 об. α; тогды же посласѧ изѧславъ к нему река ци са҃ ѥсмъ сѣлъ кыёвѣ посадили мѧ кыꙗне 115 β; оч҃е ст҃ыи твоѥю мл҃твою и тамо в новъгоро҃ ѣхалъ ѥсмъ здоровъ и сѣмо приѣхалъ ѥсмъ твоѥю мл҃твою здоровъ 167 β; началъ ѥсмъ писати книги сиꙗ. гл҃емыи лѣтописець 172 об. β; и кончалъ ѥсмъ мц҃ѧ марта в .к҃. 172 об. β; и приде ꙗрославъ изъ мурома и поклонисѧ местиславу река

хр҃ь ѥси ко *мнѣ* цѣловалъ 98 об. β; про что ми ѡбреклъ ѥси кыѥвъ а преꙗтелевъ ми не вдаси пріимати 104 α; а к глѣбови пославъ ре҃ иди к ѡлговиче҃ к тѣ ѥси пришелъ ати ти дадѧть волость 106 об. β; изѧславу же присылающю к нему кр҃ь ѥси цѣловалъ како ти ити суждалю 112 α; и ре҃ на кого ги҃ послалъ ѥси серпъ сии 131 α; възлюбїлъ ѥси правду и възненавидѣ безаконьё 143 α; ꙗко҃ ре҃ пр҃ркъ. желаньё ср҃ца моѥго далъ ѥси *ему* и хотѣньꙗ оустъ ѥго нѣси ѥго лишилъ 147 β; и посла к ст҃ославу река. чему ѥси затерѧлъ правду възложилъ ѥси имѧ разбоиниче на мене и на себе 170 об. α; и нынѣ затерѧлъ ѥси правду мою и свою 170 об. α; ꙗко ꙋмерлъ ѥсть володимеръ кнѧзь 98 α; да не будеть кого тако бъ҃ любить ꙗко же ны възлюбилъ е҃ и възнеслъ ѥсть никого же 133 об. α; и оубоꙗшасѧ лѧхове и оугри рекоша ко изѧславу не вси сѧ ѥсмы совкупили нынѣ 107 об. β; и сказаша ѥму рѣчь кланѧютсѧ кнѧже половци ёмѧкове пришли ѥсьмы со кнѧземъ болгарьскы҃ воѥватъ болгаръ 132 α; а нонѣ не имѣи на на҃ гнѣва аще ѥсмы воѥвали на своѥго брата ѡже на҃ не слушаѥть а тобѣ сѧ кланѧѥ҃ а мужѣ твои пущае҃ 136 об. β; се оуже ёсте оубили 106 α; бу҃ же какъ ѿвѣтъ дасте ёму же многы дш҃а погубили ёсте бес правды 162 об. β; а понѣ хотѣли мѧ оубити лестью но бъ҃ заступил мѧ и кр҃ь чт҃ныи ѥго суть ко мнѣ цѣловали 114 α.

Без вспомогательного глагола (большинство случаев — 3 л. ед. и мн. ч.): ѡни же рекоша ѥму ты ѥму добра хотѣлъ (хочешь Р, А) а ѡнъ головы твоѥꙗ ловить 129 α; и оувѣдѣша ѡже ꙗрополкъ доспѣлъ с братьёю своѥю и идоша ѡпѧ҃ к чернигову 101 об. β; и бывши҃ имъ оу коломны приде вѣсть. ѡже глѣбъ шелъ володимерю инѣмъ путемъ и воюѥть ѡколо володимерѧ и с половци с погаными 129 об. β; рѧзанци же прислашасѧ к нему с поклоно҃ молѧщесѧ дабы не приходилъ к городу 146 об. β; и оукраси ю дивно иконами и писаньѥ҃ и принесъ доску гробную изъ селунѧ 148 об. β; престависѧ бл҃женыи и млт҃ивыи оучителныи ёпп҃ъ симонъ. суждальскыи и володимерьскыи пос*тр*игъсѧ в скыму 154 β; никто же бо ѿ боꙗръ кто ѥму служилъ и хлѣбъ ѥго ѣлъ. и чашю пилъ и дары ималъ. тотъ никако҃ оу иного кнѧзѧ можаше быти за любовь ѥго 163 β; того҃ лѣ҃ было мирно ⁘ 163 об. α; ꙗрославъ иде смолиньску на литву. и литву побѣди и кнѧзѧ ихъ ꙗлъ 164 об. α; кнѧ҃ же борисъ поѣха в татары. а ѡлександръ кнѧ҃ послалъ дары 166 об. β; ѡлеѯандръ глѣбовичь. ис смоленьска приходилъ ратью г дорогобужю. и ѡступѧ горо҃ воду ѿꙗлъ 171 об. β; и весь киёвъ разбѣжалъсѧ 172 α; мы кнѧже на полку томь со мстиславо҃ не были

128 α-β; и сказа ѥму ѡже ѥго ѿступилисѧ кнѧзи черниговьстии и цѣловали на нь кр҃ь 105 β; и повѣда имъ како бѣжали ѿ града 136 β; самъ кнѧ҃ перепровадилсѧ чересъ рѣку а товара ючного не оустигли перепровадити 171 β; а смолнѧнъ оубили .с҃. чл҃вкъ 171 об. β.

Аорист и имперфект весьма распространены в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. Примеры на эти формы мы можем найти на любом листе.

Аорист: а ꙗзъ не радуюсѧ погибели ѥго. ни прогн҃нью ѥго но рек҃о введу и в хр҃тноѥ цѣлованьѥ 116 об. α; и поразихъ вы зноѥмъ и различьными казньми то и ту не ѡбратистесѧ ко мнѣ. сего ради винограды ваша и нивы ваша и дубравы оустроихъ а злобъ ваши҃ не могохъ. истерти 130 об. β — 131 α; нынѣ же что ради ѡста҃ азъ ѥдинъ 162 β; гн҃ бж҃е мои на тѧ оупова҃ и сп҃с мѧ 162 β; престависѧ ст҃ославъ 96 об. α; володимеръ ꙋстрои мостъ 96 об. α; геѡрги бра҃ ѥго ходи на болгары и взѧ полонъ многъ и полкъ ихъ побѣди 97 α; и землѧ потрѧсесѧ мало 97 β; бы вода велика. потопи люди. жита. и хоромы оунесе 99 об. α; рогъволод же вбѣже в городъ 99 об. β; видѣв же то ꙗрополкъ оуладисѧ с братьѥю и да переꙗславль вѧчеславу. и изѧслава выведе пужею 100 β — 100 об. α; тоѥ же зимы погремѣ мц҃ѧ. дека҃. в .і҃. 100 об. β; се же сдѣꙗсѧ мц҃а авгу҃. въ .и҃. дн҃ь 101 β; изѧслав же створивъ свадбу поꙗ ю женѣ 114 α-β; и пришедъ мстиславъ в переꙗславль поима жену свою 115 α; ср҃це же ихъ не бѣ право с нимь 145 об. β; тоѥ же зимы ꙗрославъ сп҃ъ всеволожь ходи из новагород҃ за море на ѥмь гдѣ же ни ѥдинъ ѿ кнѧ҃ рускы҃ не взможе бывати 154 об, α; ꙗрославъ оусумнѣсѧ 156 α; прославлени бывше. не прославихомъ почтени бывше не почтохомъ (не почтихомъ Р, А) ѡст҃ившесѧ не разумѣхомъ куплени бывше не поработихомъ поработившесѧ (не поработахомъ породившеся Р, А) 133 β; їсаꙗ *пр*р҃къ гл҃ть. ги в печали помѧнухо҃ тѧ и прочаꙗ ꙗко *ст*ворихо҃ тако и приꙗхо҃ 137 об. α; алкахо҃ и оузрѣ и смѣрихо҃ дш҃а наша и не оувѣдѣ 138 об. β; ѥже пре҃ сказахо҃ ѥже є҃ и до сего дн҃е 159 β; и тако скончасѧ ꙗко҃ слышасте 163 β; и оусрѣтоша и аньдрѣѥва дружина и бишасѧ с ними 102 об. α; погании бо възвратишасѧ вспѧть 123 α.

У глаголов корневых, имеющих основу инфинитива на гласную, встречаем в 3 л. ед. ч. окончание *тъ:* ростислав же видѣвъ множьство половець оубоꙗсѧ начатъ слатисѧ къ изѧславу мира просѧ 114 об. β; ѡн же всѣдъ на конѣ и с дружиною начатъ будити оугры 112 β; ѡн же во торопѣ (въ оторопе Р, А) вскочь по ни҃ начатъ ригати и гл҃ати в болѣзни ср҃цѧ 124 об. β;

здумавъ с братьёю своёю приѣха в ночи противу свѣту г кыєву ꙗтъ брата кнѧзѧ 123 β; призва к собѣ єп҃па черниговьского антоньꙗ заклѧтъ гл҃ѧ сице 117 α; и тако без мл҃ти ѿ нечт҃ыхъ заколенъ бы҃. и конець житью приꙗтъ 165 β.

Имперфект: а са҃ стоꙗше оу мѣньска 96 об. α; тѣмь и бъ҃ всѧ прошеньꙗ ѥго свершаше 98 α; митрополита бо в то времѧ не бѧше 98 об. β; и стоꙗше всеволодъ на днѣпрѣ 102 об. β; и печаленъ бы҃ изѧславъ и жаловашесѧ на кыꙗны 106 β; изѧслав же не хотѧше дати ѥму мира 113 α; мстислав же стоꙗше доспѣвъ оу липиць 129 β; подобаше на҃ со иѡвомь гл҃ати 133 β; володимеръ же глѣбовичь внукъ юргевъ. ѣздѧше на переду 133 об. β; гдѣ бо бѧше в на҃ радо҃ 135 α; а дьꙗволъ ёдинъ плакаша своёꙗ погыбели 150 об. α; того поспѣхо҃ ѡкапныи лишенїкъ творѧше хр҃ꙗно҃ велику досаду 168 α; наши же бъ҃ёю помощью и ст҃ою бц҃ею крѣплѧхусѧ 121 β; а здѣ городъ старыи ростовъ и суждаль и вси болѧре хотѧще свою правду поставити не хотѧху створити правды бж҃ьꙗ 127 об. α; оузрѣша наши сторожеве полкъ в поли и мнѧху болгарьскыи полкъ 131 об. β — 132 α; изнемагаху же людьё в градѣ безводьёмь 136 β; рыдаху же множство народа правовѣрны҃ 142 об. β; бѣ ведро велми и мнози борове и болота загарахусѧ и дымове силни бѧху ꙗко недалече бѣ видѣти чл҃кмъ бѣ бо ꙗка мгла к земли прилегла ꙗко и птица҃ по аёру не бѣ лзѣ лѣтати но падаху на земли и оумираху 153 об. β; и сами не вѣдѧху и гдѣ хто бѣжить 164 об. β; гребци же сѣдѧху аки мглою ѡдѣни 169 β.

Отметим формы: бѣ бо роговолодъ перешелъ изъ заморьꙗ имѣꙗше волость свою полотескъ 99 об. α — β; имѧше 116 об. β; сь бы иного ꙗзыка не руска҃ хр҃ьꙗн же сы имѣаше имѣньѥ много 156 β.

В 3 л. ед. и мн. ч. часто находим *ть:* чтѧшеть же излиха чернечьскыи чинъ и поповьскыи 97 об. β — 98 α; да ѥгда в цр҃квь внидѧшеть и слыша пѣньё и абьё слезы испущашеть 98 α; бѧшеть бо в ты дн҃и григореи игуменъ ста҃ андрѣꙗ 98 об. β; и думашеть з дружиною своёю 120 об. α; володимеръ в то времѧ бѧшеть ꙗко .в҃і. лл҃ 120 об. α; мстисл҃в же не послуша рѣчи всеволода стрыꙗ своѥго хотѧща ѥму добра но слушашеть (слушае҃ Р, А) добрыны долгаго матѣꙗ щибутовича и ины҃ злы҃ чл҃вкъ 129 α; и хотѧшеть и жену свою ростричи 143 об. β; оугри же пьꙗни величахутьсѧ 112 β; оугри же лежахуть пьꙗни 112 β; не вѣдѧхуть котории суть побѣдили 114 α; посла изѧславъ сн҃а своѥго мстислава на половци к песлу запе пакостѧхуть тогда по сулѣ 113 об. β; переꙗславци же бьꙗхутьсѧ с ними

крѣпко 114 об. α; кдѣ вози стоꙗхуть противу мстиславу 130 α; и людьё изнемогошасѧ в городѣ з голода и конину ꙗдѧху҃ 131 об. α-β; дружина же всеволожа хотѧхуть крѣпко ѣхати на ст҃ослава 131 об. α; бѧхут бо дождове велми мнози дн҃ь и нощь 155 об. α.

Несмотря на такое обилие форм аориста и имперфекта (основная масса в тех местах летописи, которые заключают изложение жития святого, написаны славянским стилем; см. житие Александра Невского), следует признать, что формы аориста и имперфекта в живой речи XIV в. не употреблялись. Для такого заключения дают достаточный материал случаи употребления ед. ч. аориста вместо мн. и наоборот, затем случаи смешения 3 л. ед. ч. имперфекта и 3 л. мн. ч. аориста, неправильные образования. Приведем примеры: и ту взѧ (ꙗрополкъ 96 об. β) полонъ многъ и .г҃. городы взѧша (взя Р, А; в Суздальской летописи, возможно, как безличный глагол) половечскыѣ. галинъ. чешюёвъ и оугровъ 96 об. β; ѥго же выгна (выгнаша Р, А) новгородци ѿ себе (возможно, — описка) 101 β; поѣха митрополитъ в новъгородъ великыи ко ѡлексанъдру съ єпп҃мь кирило҃. и оумоленъ бывъ новгородци поставиша (может быть, как безличный глагол) бл҃жнаго далмата ёпп҃омь 166 α; кн҃зь же ѡлександръ възвратишасѧ с побѣдою 169 β; и сташа не дошедше города и стоꙗше (стоꙗша Р) нѣколико дн҃ии и воротишасѧ ѡпѧть мц҃ѧ ноꙗ҃ 100 об. β; и придоша г къıёву хотѧще битисѧ с с (лишнее с) володимеричи и прольꙗти кровь хотѧще хр҃ьꙗньскую хвалѧшесѧ (хвалящеся Р, А) в гордости своёи 101 β; и по семь пакы *ств*ориста миръ ꙗрополкъ со свеволодо҃ (переставлены буквы) ѡлговичемь и даръı многъı межю собою даꙗше 102 α; и пришедъ ста по стрѣкви и много пакости *ств*ориша села пожгоша и жита попасоша и стоꙗше .в҃. мц҃ѧ 103 β; не противу же ростиславичема бьꙗхутсѧ володимерци но не хотѧше (хотяще Р, А) покоритисѧ ростовце҃ 126 об. α; и бра҃ꙗ ѥго видѣвше с радо҃ю поклонишасѧ ѥ*му* и цѣловаше и любезно вси людьє 145 α; но никако же не покориша҃ (василко) ихъ безаконью и много сварѧше (татарове) ꙗ гл҃ѧ 162 об. α.

Отметим отдельно формы: 1) приде из володимерѧ и сѣде в коломнѣ и почашьсѧ (почашася Р, А) воѥвати и бы҃ ненависть межю ими люта 136 об. α, образованную не без влияния *шь* (вместо *ши*) в окончании 2 л. ед. ч. настоящего времени; 2) и повелѣ лазарь взѧти [тѣло] игорѧ и понести и в цр҃квь ста҃ михаила в новгородьскую божницю и ту положивша (вложиша Р, А) и в гробъ ѣхаста на гору 106 α-β, как результат влияния причастных форм.

Давнопрошедшее. В Суздальской летописи мы еще встречаем значительное количество форм давнопрошедшего, в состав которого входит причастие на *лъ* и имперфект или аорист вспомогательного глагола *быти:* падесѧ цр҃кы каменнаꙗ переꙗславли ст҃а михаила юже бѧше создалъ и оукраси҃ преблж҃ныи ёпп҃ъ переꙗславскыи ёфрѣмъ 97 β — 97 об. α; послали бо бѧхуть послы ко всеволоду 98 об. α; то бо бѧшеть ѥго осталосѧ передьниѣ волости ѥго 100 об. α; зане бѧхуть ѡстали ѥго вси половци 111 β; бра҃ ѥго бѣжалъ бѧшеть ст҃ополкъ и с володимеро҃ и сп҃ъ ѥго мстиславъ 114 α; того҃ лѣ҃ выгнаша ростовци и суждальци леѡна ёпп҃а зане оумн҃жилъ бѧше цр҃квь грабѧи попы 117 α; и дѣлатели же бѧху пришли к дѣлу 124 об. β — 125 α; и что бѧше боꙗръ ѡсталосѧ оу него 128 об. β; ѥго же переступили бѧху ростовци и болѧре 129 об. α; сторожеве же романови перебродилисѧ бѧху чересъ ѡку 131 β; кдѣ бѧху пѣши вышли из города 132 α; и болгаре выслали сѧ бѧху к нему с миромъ 132 β; и бы҃ брань крѣпка зѣло бѧше бо сѧ затворилъ в не҃ ꙗрославль сп҃ъ володимерича 145 β; пре҃ мѣненыꙗ безбожныꙗ татары ѿтпущаше ѡдарены бѧху҃ бо пре҃ прислали послы своѣ 163 об. β; и положиш҃ и оу цр҃кве ст҃ыꙗ тр҃ца. юже бѣ самъ создалъ 101 об. α; тогды же выслалъ бѣ ѥму володимеръ питьё много оугромъ и ѥму 112 β; изѧслав же бѣ послалъ брата ростислава в помочь изѧславу дв҃двичю чернигову 113 α; бѣша бо ѡбѣщалисѧ дань дати ѥму новоторжьци и не оуправиша 130 об. β; не бѣ бо приспѣло ёще времѧ ѥго 150 об. β; сего по праву ѡдаровалъ бѣ бъ҃ кротостью дв҃довою 152 α; оучала бѣ рушитисѧ старостью и верхъ ёꙗ впалъ бѣ 153 α; бѣша бо новгородци в то времѧ приѣхали по ꙗрослава кнѧзѧ 154 β; бѣ бо тогда тит҃ѧ приѣхалъ ѿ цр҃ѧ татарьского имене҃ кутлубии 168 α; далъ бѣ ѥму бъ҃ прмдр҃ть соломоню 168 об. α. Давнопрошедшее с *былъ ѥсмь* (*былъ ѥсмь* вместо имперфекта или аориста) редко: оударилъ ѥси пѧтою новъгородъ и шелъ ѥси былъ на стрыꙗ своѥго на михалка поваблнъ ростовци 129 об. α; а мене былъ с братомъ бъ҃ привелъ и володимерци 128 об. β; а болгарьскыи кнѧ҃ прише҃ былъ на луреша ратника юргева 155 об. β. Во втором и третьем примере — *ѥсть* опущено.

3. Сослагательное наклонение образуется правильно: игорь же слышавъ в порубѣ сыи ѡже иде҃ изѧславъ на брата ѥго домолисѧ пославъ къ изѧславу гл҃ѧ ѥда бы҃ сѧ постриглъ 104 об. β; и радъ бы҃ исповѣдалъ ст҃оѥ житьё и чт҃ноё. и славноё. но ꙗко҃ приточни҃ ре҃. в злохитру дш҃ю не вниде҃. прмдр҃ть. на высокы҃ бо краихъ е҃ 168 β; а ꙗрополкъ собра вои многы

с братьѥю своёю моглъ бы сѧ бити (со братьею моглъ Р, А) с ними 101 β; и рѣ҃ ѡже бы пришелъ са҃ толико з дѣтми то котораꙗ бы ѥму волость люба ту же бы взѧ҃ но же на мѧ привелъ половци и ворогы моѣ ѡлговичѣ то хочю сѧ бити 107 β; попусти бъ҃ поганыꙗ. не акы милуꙗ ихъ. но на҃ кажа. да быхо҃ встѧгнулисѧ ѿ злы҃ дѣлъ 160 об. β; людѣ҃ силно налегши҃ а быша легко дошли цр҃кве 96 об. α.

Условное наклонение без вспомогательного глагола (замена союзом *дабы*): того҃ лѣ҃. бл҃говѣрнии кнѧзи василко. и всеволодъ и володимеръ послаша к ѿцю своѥму гюргю. и къ ёпп҃у митрофану по кирила игумена и архимандрита манастырѧ ст҃ыꙗ бц҃а рж҃тва дабы и пустилъ на ёпп҃ьство ростову 156 об. β.

4. Будущее время. Будущее совершенное мы встречаем в летописи единственный раз: и нынѣ гд҃а ѿци и бра҃ꙗ. ѡже сѧ гдѣ буду ѡписалъ или переписалъ или не дописалъ. чтите исправливаꙗ ба҃ дѣлѧ. а не клените (приписка на листе 173 α).

Иногда будущее время выражается при помощи неопределенной формы спрягаемого глагола и настоящего времени глаголов: иму, хочу, пачьну (почьну), буду — но же на мѧ привелъ половци и ворогы моѣ ѡлговичѣ то хочю сѧ бити 107 β; а хоще҃ с тобою порѧдъ положити ѡ всемъ и оутвердитисѧ межи собою и внидемъ в роту а ты к на҃ да ни вы начнете боꙗти҃сѧ насъ ни мы васъ 120 β — 120 об. α; сн҃окъ ѥго в новѣгородѣ а бра҃ꙗ ѥго в руси по кого хочемъ послати в своихъ кнѧзе҃ 125 об. α; рекуще чего ихъ додержати хочемъ слѣпити и 130 об. α—β; тако молвите кто иметь держати споръ с своимъ баскако҃ тако ѥму буде҃ 170 α. Возможно, что в некоторых примерах — *хочу* имеет модальный характер.

Чаще всего будущее время выражается при помощи форм настоящего времени глаголов вида совершенного: андрѣи же рѣ҃ тако *ство*римъ атъ ꙗзъ почну дн҃ь свои 113 β; злыи бо злѣ погыбнеть ∴ 120 β; не по безаконью нашему створи на҃ ни по грѣхо҃ наши҃ въздасть на҃ 133 β; и ꙗко чадомъ своимъ подасть на҃ всѧ прошеньꙗ наша 133 об. β; но сами поидоша ѡ собѣ рекуще мы ѥсмы ци не кнѧзи же такы же собѣ хвалы добуде҃ 134 об. α; ꙗко҃ пр҃ркъ солом[он] гл҃ть кажа злыꙗ приёмлеть собѣ досаженьё ѡбличишь безумнаго поречеть тѧ 136 α; но аще безаконьꙗ назриши ги҃ то кто постоить 137 об. α; кажет ны добрѣ бл҃гыи вл҃ка не по безаконью наше*му* створи на҃ ни грѣхо҃ наши҃ въздасть на҃ чл҃вклбць 137 об. α; ꙗко же гь҃ гл҃ть на кого призрю не на кроткаго ли и на смѣренаго и трепещющаго словесъ мои҃

138 β; и в дн҃ь во нь же смѣрить чл҃вкъ дш҃ю свою аще преклониши въю свою и ꙗригъ и попелъ постелеши по҃ собою то и то не наречетсѧ алк҃ньѥ приꙗто бо҃мь 139 α; тогда взопьёши и бъ҃ оуслыши҃ тѧ 139 α; и насытишисѧ ꙗко помышлѧѥть дш҃а твоꙗ и кости твоꙗ разъвлажѣють и будуть ꙗко ѡгради на поли ꙗко источникъ ѥму же не ѡскудѣѥть вода 139 α; и причастѧтсѧ сн҃ве твои и сн҃ве сн҃въ твоихъ 139 α; да аще не ѡбрати҃сѧ всѣ҃ ср҃цмь к нему другъ друга тѧготу носѧще то ѡружьѥ своѥ ѡцѣстить 139 β; ꙗко то є҃ бъ҃ твои и поклонишисѧ ѥму 143 α; сего ради приимуть цр҃твиꙗ красоту и вѣнець доброты ѿ рукы гн҃ѧ ꙗко гь҃ покрыѥть ꙗ 143 об. α; и пакы ре҃ не оубоюсѧ зла ꙗко ты ѥси со мною ги҃ 145 об. β — 146 α; да всѧ приѡбрѧщю 159 β; преложю праздникы ваша в плачь пѣсни ваша в рыданьё 161 α; оуже плѣню твою. (з. — землю) 168 об. β; и скаже҃ вкратцѣ 169 α-β.

Иногда и формы настоящего времени глаголов вида несовершенного имеют значение будущего времени: оугри же пьꙗни величахутьсѧ рекуще аще на ны приду҃ бьёмсѧ с нимь 112 β; а поѣди кнѧже к городу ат мы беёмсѧ сами со изѧславомъ 113 об. β; и цѣлова кр҃ь к ни҃ ꙗко иду оуже суждалю 112 об. α; река пождѣте мене ту иду к переꙗславьлю оумирюсѧ с тѣми половци приду к ва҃ на миръ 120 об. α; а по ꙗрополка посла гл҃ѧ рѧзанцемъ вы имѣте нашего ворога. али иду к вамъ 130 об. α; пакы ли не поидешь добро҃ иду на тѧ ратью 144 об. α.

5. Повелительное наклонение. У глаголов с основой настоящего времени на гласную во 2 л. ед. ч. всегда *и*. Таким образом, на влияние формы 2 л. и 3 л. ед. ч. повелительного наклонения глаголов с основой на согласную на те же формы глаголов с основой на гласную памятник не дает указаний.

и находим не только под ударением: рци 100 α; иди 102 α, 102 β, 103 α; поиди 102 об. β, 127 α, 129 об. α, 170 об. α; пусти 102 об. β; не губи 108 об. β; чти 114 об. α; пожди 126 α; ходи 129 об. α; не мори сѧ 136 β; разрѣши 139 α; не ищи 144 об. α; простри 161 α-β; приими 161 β, 168 об. β; възбрани 168 об. β, но и не под ударением: поѣди 109 β, 126 α, 128 β, 144 об. α; ѣзди 120 об. β; не ѡстави 133 β; не буди то кого тако любить 135 об. α; се ти буди схраньникъ и помощникъ 142 β; и даниилъ ре҃ свѣтъ мои годѣ ти буди цр҃ю 143 об. α; лѣзи 136 β; избави 162 об. β; стани 168 об. β.

От глаголов *дамь, предамь, подамь* (основа на согласный) находим как старинные формы: не предажь мене 122 α; не предажь 133 α; не предажь (не

предаи же Р, А) на҃ до конца 133 β; но см҃рти не предажь (не предаи же Р, А) мене 137 об. α; см҃рти не предажь (не предаи Р, А) на҃ 138 α; но не предажь на҃ до конца 155 α; су҃ твои цр҃ви дажь 143 α; прошеньꙗ ѥго же азъ прошю дажь ми 162 об. β; су҃ твои цр҃ви дажь 163 об. α; но паче молитвы своꙗ подажь ми 159 α, так и новые формы: ѡни же рекоша оуже не оубии ёꙗ дѣтати дѣла сего но въздвїгни ѡтчину ёꙗ и даи ёи с сыно҃ своимъ 100 α; даи на҃ сн҃ъ свои 102 об. β; даи ны шюрина своѥго мстислава 102 об. β; даи на҃ 130 об. α; даи мою дружину добро҃ 135 об. α; но не предаи же на҃ до конца 164 β.

Под влиянием ед. ч. на *и*, глаголы, образовывавшие мн. ч. на *ѣте*, дв. ч. на *ѣта*: поидѣте со мною 107 β; поидѣте ко мнѣ на миръ 116 α; извлечѣте мѧ из града и поверзѣте мѧ псомъ на расхытаньё 117 α (*извлечѣте* вместо *извлецѣте* под влиянием форм настоящего времени); пождѣте мене ту 120 об. α; пождѣте мало 124 α; а по ꙗрополка посла гл҃ѧ рѧзанцемъ вы имѣте нашего ворога али иду к вамъ 130 об. α; поидѣте по свою бра҃ю 135 α; придѣте ко мнѣ бл҃гвлнии наслѣдуите оуготованоё ва҃ цр҃тво нб҃ное ѿ сложеньꙗ всего мира 142 об. β; придѣте возрадуе҃сѧ гв҃и въскликнѣте бу҃ сп҃су нашему и прочаꙗ 143 α; всплещѣте руками въскликнѣте б҃у 142 об. α; и моꙗ нравы всѧ всприимѣте 151 об. α, получили формы на *ите, ита*: а поѣдита к на҃ кнѧжитъ 125 об. β; и будита в любви межи собою и б҃ъ мира буди с вама 151 об. α; возлюбленѣи мои чадѣ будита межи собою в любви 151 об. α.

Следует отметить, что некоторое влияние оказали глаголы, имевшие во мн. ч. *-ите*, в дв. ч. *-ита* (не презрита 151 об. α; не ѡтлучаитасѧ 151 об. α; любита 151 об. α; слушаита 151 об. α; не стрѣлѧите 160 β и др.).

В 1 л. мн. ч. *ѣ* заменилось звуком *е*. Таким образом, форма повелительного наклонения и форма настоящего времени у глаголов первого спряжения совпали.

6. Неопределенная форма всегда на *ти (чи, щи)*: поча молитисѧ 98 об. β; почаша битисѧ 99 α; и нача ёи негодовати 99 об. β; и ключисѧ ѥму оубудитисѧ 99 об. β; начаша воёвати 101 α; и б҃ъ не вда имъ того створити 101 β; и всхотѣ лишитисѧ переꙗславлѧ 101 об. α; повелѣ и погрести над стыремъ 108 об. α; велѧ ѥму ѿтолѣ переꙗславьлѧ добыти 109 α; и не возмогъ противитисѧ 116 β; страшно бѣ видѣти чл҃вкмъ знаменьё б҃жьё 134 β; и сама с҃мрть не ѡблѣнитсѧ прити 137 об. α; ꙗрослав же и ѡлговичи не могуще стати противу ѥму поклонишасѧ ѥму 140 β; повелѣ имъ сѣсти в шатрѣ 146 α; но б҃ъ не попусти лиху быти 156 α; и повелѣ

изѧславъ пострищи и ёпⷭ҇пу переꙗславскому ёоуфимью 104 об. β; повелѣ и тъ зажещи 147 об. β; не бѣ мощи ищести 158 β; просто рещи 159 β; михаль же видѣвъ то сскочи с конѧ хотѧ помочи володимеру 106 α; и смѧтошасѧ бьючисѧ 121 β; повели кнѧже сѣчи 122 об. α; начаста сѣчи преже кнѧзи 150 об. β; и хотѧшеть и жену свою ростричи 143 об. β; хотѧшеть ю постричи 140 α.

7. Супин в Суздальской летописи представлен большим количеством случаев (обычно после глаголов движения): приведе ꙗрополкъ брата своѥго андрѣꙗ из володимерѧ переꙗславлю кнѧжитъ 101 α; тоё же зимы выгнаша новгородци ѡлговича из новагорода. а гюргевича поꙗша ростислава кнѧжитъ 100 об. α; ѡни же кликнувша поидоша оубитъ игорѧ 105 об. β; половци же всѣдше на конѣ в бронѧ҇. за щиты с копьи ꙗко же битъсѧ въбредоша в днѣпръ и покръıша днѣпръ ѿ мноⷭ҇ства вои 110 об. β; тогда же все множьство половець ѣхаша к городу битъсѧ 113 β; изѧслав же перешедъ к ни҇ чересъ рѣку сьртъ и сступиша сѧ битъ 113 об. β; и ѣхаша за кыѥвъ воѥватъ 120 об. β; тоѥ же зимы посла андрѣи кнѧ҇ кыёву кнѧжитъ романа ростиславича 123 α; и посла к ни҇ *му*жа своѥго михаила борисовича ѡмиритъ и҇ 146 β; новгородци же поꙗша к собѣ ꙗрослава. всеволодича ис переꙗславлѧ кнѧжитъ 153 α. От глаголов с основой на задненебные супина (на *ть*) не встретилось.

8. Некоторые замечания. 1) Примеры с верным употреблением суффиксов *ова, ева, ыва, ива* свидетельствуют о том, что ко времени написания летописи установилось их различение: головы порѣзываꙗ и бороды 119 об. α; берендѣёве же не даша ихъ рекше мы того дѣлѧ оумираѥ҇ за русьскую землю и головы свои складываёмъ 115 об. α; того же лѣ҇ приде гюргеви галичьскаꙗ помощь зане бѣ почалъ рать замышливати дв҃двичь 115 об. β — 116 α; глѣбъ же слышавъ радъ бы҇ ѡже на него чⷭ҇ть вскладывають а шюрину ѥго хотѧть 125 об. β; кнѧже мы тобѣ добра хочемъ и за тѧ головы своѣ складываѥмъ 130 об. α; чтите исправливаꙗ 173 α; престависѧ велїкыи кнѧ҇ всеволодъ именовавыи в ст҃омь кр҃щении дмитрии 148 об. α; кнѧживъ в суждальстѣи земли лѣ҇ .л҃. и .з҃. много *му*жствовавъ и дерзость имѣвъ на бране҇ показавъ 148 об. β; и плѣноваху и до проньска 159 об. β; ѡнѣма вѣнець исходатаи*ств*ова 150 об. α; сего по праву ѡдаровалъ бѣ б҃ъ 152 α; и взѧша городовъ .д҃.і. ѡпрочь свободъ и погостовъ во ѡдинъ мⷭ҇ць. февра҇ кончевающюсѧ .м҃.е. тому лѣту 162 α; любѧше же помногу черноризьцьскыи и поповьскыи чины. тѣ҇ и дарова ѥ*му* б҃ъ чада добромыслена 149 α.

2) Следует указать некоторые глагольные и отглагольные формы: а) *взѣти:* не смѣша взѣти 113 β; б) причастие прошедшего времени страдательного залога ѡдѣни (вместо ѡдѣти, под влиянием причастий, образуемых при помощи суффикса *нг*): гребци же сѣдаху акы мглою ѡдѣни 169 β; в) форма инфинитива — *ставлати* для выражения многократности действия: король же нача ставлати (ставити P, A) противу *ему* свои полкы на бродѣх же 112 об. β; форма инфинитива — сѣдити 102 об. β (при — сѣдѣти 126 об. β; ѡ сѣдѣньи 115 β) под влиянием форм: изаславъ сѣдить 116 α; присѣдить 168 β; г) форма — разъвлажѣють 139 α. Предполагали бы, вместо *ѣ*, — *а*, так как *е* из *ē* (обыкновенно *ѣ*) переходит после шипящих в *а*. Очевидно, здесь вторичное — подражательное образование (влияние форм *имѣють* и др.); д) *н* 1) в глаголе *нати:* не моглъ нати ни ѡдиного князя 170 β; 2) в глаголе *снѣсть:* ци снѣмъı та 136 β подъ влиянием глаголов с приставкой — снати и др.; е) переход *г* в *ж* (а не в *з*) в повелительном наклонении под влиянием формы настоящего времени — пожжи 146 об. β.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИЗВЕСТИЯ КОМИССИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ · ТОМ I

С. П. ОБНОРСКИЙ.

Сочетание *чн* в русском языке

Согласно с историей русского языка звукосочетание *чн* в русском языке нового, исторической поры, происхождения. Всякое *чн* именно предполагает древнейшее *чьн*, с редуцированным гласным переднего ряда между *ч* и *н*, объясняющим возникновение в предшествующие эпохи самого *ч*, в порядке именно палатализации перед гласным переднего ряда образовавшегося из *к*. К XII—XIII вв. относится процесс исчезновения в русском языке всяких редуцированных звуков. Исчезновение редуцированных звуков в положении между согласными, не в абсолютном начале или конце слов, вызвало появление в языке впервые рядов новых групп согласных, таких, которые до этой поры в языке не существовали. Языку предстояло либо приспособиться к произношению новых рядов оказавшихся в смежном положении согласных звуков, либо в том или ином отношении их переработать, подвергнув их процессам ассимиляции, диссимиляции и под. Таким новым звукосочетанием, впервые в отмеченную пору явившимся в языке и соответственно требовавшим приспособления органов речи к его произношению, было и сочетание *чн*. Это сочетание представляло для известных диалектических групп трудности для произношения благодаря тому, что в его состав входила аффриката (ч = т'ш'), т. е. все сочетание в целом представляло собою как бы согласный трифтонг (т'ш'н). Обычное изменение согласных трифтонгов в направлении их упрощения происходит таким путем, что подвергается редукции один из компонентов трифтонга, при этом наиболее устойчивым оказывается конечный элемент трифтонга, из двух же предшествующих его согласных элементов наибольшей устойчивостью обладает фрикативная часть (соотносительно с взрывной частью). Таким образом теоретически можно ожидать троякой возможной судьбы сочетания *чн* в языке: а) это сочетание сохраняется в языке; б) в результате редук-

ции взрывной части трифтонга из него получается согласный дифтонг *шн*; в) в результате редукции фрикативного элемента трифтонга из *чн* образуется также согласный дифтонг — *тн*. В единогласном утверждении историков русского языка[1] из сочетания *чн* «на общей русской почве» получилось *шн*, свидетельствуемое памятниками русского языка уже с XIV—XV в. (Собол., 107: клюшник, из ев. 1394—1412 г.; Карский, II, 1, 498: опришными, опришне, из сб. XV в.). Однако русская письменность и современный язык представляют огромное количество слов с сохранением в них звукосочетания *чн*. Весь подходящий материал обычно объясняется, как возникший аналогическим путем, воздействием именно родственной группы таких образований, в которых те же темы выступают с нормальным *ч*, не подлежащим изменению благодаря положению перед гласным или в абсолютном конце слов и под. Напр., *начну*, не *нашну*, объясняется влиянием неопр. н. *начать*, или *дачный* — влиянием *дача*, *ночной* — влиянием *ночь*, и под. (Собол., Дурново, назв. соч.). Это объяснение безусловно имеет долю вероятия. Однако один этот принцип с удовлетворительностью вряд ли мог бы быть приложим ко всей громадной численности фактов русской лексики с звукосочетанием *чн*. Ср., напр., у Соболевского объяснение случаев *отличный*, *сочный*, *точный*, с *чн*, по связи с *отличить*, *сочить*, *точка*. Но семантически *отличный* далеко отстоит от *отличить*, как и *сочный* от *сочить*, и еще с бо́льшими трудностями для языкового ощущения соединялась бы последняя пара — *точный* и *точка*, и под. Все это с ясностью свидетельствует о том, что в разрешении вопроса о русском *чн*, помимо принципа аналогического воздействия, необходимо опираться еще на какие-то критерии более прочного характера.[2]

Если обратиться к лексике современного литературного языка, содержащей произносимое сочетание *чн*, то, приходится сказать, твердое установление этого круга лексики очень трудно. Большое число соответственных слов мы нередко произносим колеблющимся образом — и с *чн* и с *шн*. Ср., напр., *баночный* и *баношный*, *боченочный* и *боченошный*, *булавочный* и *булавошный*, *булочный* и *булошный*, также — *бутылоч(ш)ный*, *веревоч(ш)ный*, *водоч(ш)ный*, *войлоч(ш)ный*, *зажиточ(ш)ный*, *игрушеч(ш)ный*, *карточ(ш)ный*, *крошеч(ш)ный*, *лавоч(ш)ный*,

1 Соболевский. Лекции, 107; Шахматов. Др. период, 285; Дурново. Очерк, 167.

2 По поводу московских *личный*, *точно*, с *чн*, при *конешно*, *нарошно* и под. Черных (Русские говоры Илимского края, 18) высказывает предположение, что в данном случае перед нами явление «омонимического отталкивания»: в языке сознательно поддерживалось произношение *чн* в этих словах, так как иначе оказалось бы совпадение их со словами *лишний*, *тошно*. В отношении этого объяснения следует сказать, что его нельзя обставить сколько-нибудь прочными доказательствами.

и т. д.[1] Более или менее устойчивое произношение с *чн* из слов, относительно широко употребляемых в речи, представляют следующие: *брачный, (под)венечный, вечный, (без)облачный, побочный, увечный, третичный, (четвертичный, пятеричный* и под.), *заграничный, удачный, (без)конечный, (без, на, от, при)личный, благополучный, (благо, без, при, со)звучный, злачный, колесничный, кубичный, околичный, мухоадочный, взрачный (при-, про-), срочный, (без, не) порочный, (по, над, под)строчный, ручной, (за, при) речной, сердечный, сочный, печной, поперечный, прочный, встречный, беспечный, (за)очный, млечный, мрачный, мучной, месячный, ночной, восточный, источник, язычник, (без)человечный, проточный (протечный), скоротечный, темничный, точный, тучный* и нек. др. Анализируя состав этих слов, нельзя не обратить внимания на то, что в поглощающем большинстве эта лексика узко-литературного характера и употребления, а генетически — старого книжного происхождения. Это обстоятельство принципиально должно иметь свое значение в объяснении общей причины сохранения в данной лексике сочетания *чн*. Понятно, что книжные слова, в частности древнеболгаризмы (а их не мало в приведенном перечне), в традиционном своем произношении в классе грамотеев были обеспечены от изменяемости. Отсюда, обобщая это положение, в отношении большого числа современной литературной лексики с сочетанием *чн* можно думать, что эта лексика сохраняет свое старое обличие, как именно лексика книжного происхождения и бытования в книжной среде. Ср. между прочим многообразные наши заимствования позднейшей поры, в которых нормально *чн*, согласно с традиционным произношением иной книжного происхождения лексики, не подвергается изменению в *шн*: *картечный, ясачный, публичный, тактичный, поэтичный, лаконичный, трагичный, симпатичный, энергичный* и под. Среди приведенного перечня однако содержится ряд слов заведомо не книжного характера. Это — *личнóй, мучнóй, ночнóй, печнóй, речнóй, ручнóй*. Почему здесь мы находим выдержанное литературное произношение с *чн?* Обращает на себя внимание однотипность всех этих слов в отношении места их ударяемости. Очевидно, необходимо сделать вывод о том, что ударяемость слова на слоге непосредственно за сочетанием *чн* фонетически обеспечивала сохранность *ч* в данном сочетании. Можно думать, что общие причины этого явления лежали в условиях неодинакового в живом произношении деления слова на слоги, различавшегося в зависимости от места ударения в слове.[2]

[1] Ср. некоторую иллюстрацию этого колеблющегося произношения слов с *чн* и *шн* у поэтов (по данным рифм); материал имеется у Кошутина, Граматика рус. јез. I, 440 и сл.

[2] Замечательно, что в украинском, где в соответствии с старым *чт* наблюдается и *чн* и *шн*, в лексике с ударяемостью отмеченного типа оказывается также *чн*. Ср. с отмеченными

Изолированное исследование судьбы сочетания *чн* на почве одного литературного языка невозможно. Необходимо связать это явление, как явление литературного языка, с соответственным явлением, протекавшим на почве живой диалектической речи. Дело в том, что рост и развитие литературного языка, книжного в своем остове, протекало и протекает в условиях непрерывного воздействия на него со стороны диалектической стихии, этой основной питающей среды, дающей силы и жизненность самой литературной базе языка. Однако обращаясь к фактам диалектов с отражением старого *чн*, нельзя и здесь не подчеркнуть очень больших трудностей в разрешении вопроса. Эти трудности заключаются в недостаточности материала, фактически находящегося в нашем распоряжении, для четкого установления граней распространения тех или иных рефлексов сочетания *чн*.

В великорусском языке судьба *чн* должна была различаться в среде цокающих (большая часть северновеликор. наречия) и нецокающих (часть северновеликор. говоров и южновеликор. наречие) говоров. В нецокающей среде, как уже об этом замечено выше, *чн* либо а) подлежало сохранению, либо б) изменялось в *шн*, либо в) давало *тн*. В соответствии с этим в среде цокающей *цн*, как нормальный эквивалент *чн*, в дальнейшем могло либо а) сохраняться без изменения, либо б) измениться в *сн*, либо в) дать то же *тн*, что теоретически получалось и из *чн*. Мы не имеем твердых данных для определения районов, в которых в соответствии с старым *чн* живет нормальное произношение *цн* в цокающих или *чн* в нецокающих говорах. Представление об этом можно было бы составить лишь дедуктивным путем из предварительного учета областей, занятых иными рефлексами старого *чн*. Впрочем, можно заметить об относительной устойчивости *цн* в Беломор. крае (Васильев, 25), Пуд. (Мансикка, 154), Тотем. (в Мольском приходе, пр. 192), Верейск. (в Вышегор. вол., Изв. 10, 2, 368), Керен. (МДК IX, 83). Данные с фактами отражения *цн* в виде *сн* собраны проф. Селищевым (стр. 56, 189—190). По материалам проф. Селищева, с некоторыми дополнениями, рефлекс *сн* известен в Арханг. г. — в Белом. крае (Васильев, 25), Онеж., Печор. (*попересной*, Онч. Ск. 235), Холмог., Шенк.; в Олон. г. — Вытегор.; в Волог. г. — Грязов., Кадник. (*молосной*, Колосов, 330), Тотем.; в Новгор. г. — Кирил.; в Костр. г. — Буйск.,[1] Костр. (*еисьница, пшенисной, столесник, молосник,-ный*, Виногра-

литературными русскими: *личнóй* и т. д. украинские — *личний, мучни́к-и́ця, пічни́й, пічни́й ручни́й*, ср. еще *свічни́й, січни́й* (в великор. иное ударение) и др. В белорусском, повидимому, всякое старое *чн* сохраняется без изменения (*рушни́к* — украинизм?); приводимый у Карского, l. c., материал с *шн*, извлеченный почти исключительно из фольклорных текстов, свидетельствует тем самым об особом своем происхождении.

[1] Ср., кроме данных, приведенных проф. Селищевым, — *нослет* (пр. 18).

дов, 27; пр. 44); в Вятск. г. — Котельн. (*яисной* и др., Тр. Вят. Пед. И. III, 47), Малм. (*молосной*, пр. 105), Яран.; в Пермск. г. — Кунгур.; в Яросл. г. — Ростов. (*молосной, русник, столесник, пошениснай*, РФВ 65, 288); в Тверск. г. — Зубцов. (*пшинисный*, пр. 60), Кашин. (*молосный, насьлег*, Смирнов, 45); в Сибири — Барнаул., Краснояр., Нижнеуд. (*молоснай*, Вин. и Черных, 9).[1] Из этих данных, немногочисленных, подчас в свидетельствах непосредственного материала представленных в единичных фактах, можно думать, что рефлекс *сн* вообще с давней поры находится в процессе исчезновения; он, очевидно, замещался и замещается, под общим книжным воздействием (ср. утрату цоканья), через *чн*, откуда восстановление — *шн*, или через *шн*.

Очень сложна картина распространения *шн* в соответствии со старым *чн*. Этот рефлекс известен не только в районах южновеликор. говоров, где он нормален, но и в области северновеликор. наречия, где, в значительной части областей, на цокающей территории, он не должен был бы иметь места. Материал с распространением *шн* из старого *чн* представляется в следующем виде.

Арханг. г. Беломор. — *востошьной* (Васильев, 25); Кем. — *горншина* (Онч. Ск., 156); Онеж. — *мошно* (пр. 262), *яшшницу* (Опч. Ск., 566); Печор. — *овешник, столешничу* (ib., 90, 131); Шенк. — *коршневато, мошно́* (пр. 235; Мансикка, 100).

Олон. г. Каргон. — по всей *подсолнешной* (Колосов, 197), *мошно* (пр. 106); Петроз. — *вешный, конешно, тошно, востошный, сердешный, грешная* (от «греча»), *подрушный, песошный, скушно*, — ср. здесь — *барычня, барычны* (пр. 30), *мошно, табашный, яшшницю, подсоўнышьно* царьсво (Онч. Ск. 236, 259, 330, 339); Повен. — *мошно* (ib. 353); Пуд. — *мошно*, ср. — *сердешьной* и под. («вообще *шн* нет», Мансикка, 154, 165; Смирнов, 238).

Волог. г. Великоуст. — *мушной, сердешно, яшной, лавошник, молошной, булошная*, веки *вешныё* (РФВ 18, 231), *рушной, нарошно, заошно, сердешной, подсвешник, празьнишной* (пр. 28), *мошно* (пр. 199, 202), *мушни́к* — часть избы (МДК XI, 90); Вельск. — *сердешным* дитонькам (ЭС V, 41), *башмашника,-ный, нарошно, тошно* так, *лавошник* (Смирнов, 135—148); Волог. —

[1] Представленный материал можно дополнить еще следующими данными, извлеченными из XI-го выпуска Трудов Московской Диалектологической Комиссии. Здесь соответственные сведения, в большинстве в единичных фактах, даются для следующих районов: Арханг. г. Пинеж. (*молосьной, -ник, песьник, одлавосьник*, стр. 5 и сл.), Шенк. (*исьница* — яичница, стр. 26); Волог. г. Волог. (*молосьной* — в колебании с *молошной*, стр. 75, 78, 80); Вятск. г. Слобод. (*мусник*—род печенья, стр. 131); Костр. г. Галич. Варнав., Костр. и Нерех. *молосной*, стр. 155, 160, 178, 181); Владим. г. Ковров. и Шуйск. (*молосной*, стр. 39, (122).

молошной (пр. X, 52) *мушник, молошной* (при *молосной*, МДК XI, 77, 80); Грязов. — *мошно, (веко)вешный, сошный, востошный* (пр. 36), *заграншной, рушная, привышно, аўшной* (МДК III, 76); Кадн. — *мушной, яшной, лавошник, истошник* (Колосов, 330), *востошный, нишкни,* в заговорах — *прожитошно,* денно и *ношно, солнешны* лучи (пр. 25; ср. здесь — *вечный, сочный*), *вешный, востошный,* ср. — *соцьной* (пр. 26), *нарошно,* река *Молошнянка* (Смирнов, 186, 190); Никол. — *сошный, востошный, конешно, привышно, вешныё* веки, *дурашливый, драшливый* (пр. 266), *привышно, решная, сердешноё, внешныё, ношная, дившник, песошной* (Мансикка, 202); Тотем. — *мушной, сердешной, яшной, лавошнік, молошной, булошная,* веки *вешные* (РФВ 18, 231), *нарошно, востошной* (Брок, 39), *мошно, вешный* (пр. 198, 201), звезда *востошная* (пр. 203); Ярен. — *мошно* (пр. 194).

Новгор. г. Белоз. — *вековшная, мошнó* (пр. 162, 184, 191), *конешно, порядошно, подколпашный, сердешный, привышно, полномошный,* так *тошно, пшанишный, цигарошник, мошнó* (МДК II, 57), *сказошника, горншной,* так *тошно, нарошно, заграншный, мошно, неприлишно, мелошная, порядошная, подвенешное, пешной, лавошник, подрушной, детошная, посутошно, истошник, почешной,* ср. еще — *лодошка* (Соколовы, Ск., passim); Борович. — *нарошно, заграншным* (Смирнов, 247, 278); Кирил. — *мошнó* (пр. 152), *скушно, отлишной, девишник, пшеншными, публишные,* во всем *подсолнешном* царстве, *бездетошной, кирпишней* пол, *вековешное, фабришные,* ты звезда моя *востошная* (Соколовы, Ск., passim); Новгор. — *мошно* (пр. 20), *живушник* (Колосов, 32), *конешно, тошно, грешневик, гашник, матошный* и др. (Соловьев, 5, 28, 39), вы заводы мои... вы *кирпишные, горемышные* (Новг. Сб. III, 9); Черепов. — *подрушной* (пр. 268), *девишник, потсвешник* (Еремин 17), *ласкутошный, вешной, конешной, мелошной, подвенешной, удашно, мрашно, достатошно, ношной, наконешник, обышной, протошная, матошник, полавошник* (Герасимов, 10, 14, 56, 72).

Костр. г. Буйск. — *конешно, грешневый, дурашной,* ср. — *вечный, сочный, восточный* (пр. 18; *ц* и *ч* различаются); Галич. — *угурешник* (пр. 55; *ц* и *ч* различаются); Кинеш. — *порядошный, горемышную, петишницу* (пр. 66); Костр. — *скушно, решной, алошной* (пр. 264; *ц* и *ч* различаются), *порядошно, яблошник, привышны, свышной, рушник, лопатошник, крошышной, пешник, подсолнышник, скушница* 2 л. ед., *конешно, достатошно, грешневая, мешошной, решной, добышник, табашник, протешная* вода, *скушно, тушнóй, рушнóй, срушно, проселошной, штушной, сердешной,*

налишник и др., *дурашливой, драшливой, скушливое* (время) — постоянно (Виноградов, 27; *щ* и *ч* различаются); Макар. — *вешный, сошный, востошный, пешник, кузнешное, грешневый, подсвешник, сердешный, соскушнилась, решной, посрушнее, нишни и др.* (пр. 56; *щ* и *ч* различаются).

Вятск. г. Вят. — *кирпиш(ъ)на, достатош(ъ)но* (Тр. Вят. Пед. И. III, 29), *зарешный* (Зеленин, 58), *детошный, кишешник, мелошник, нарушник, привышной, яшной* и др. (Васнецов), *сердешной*, по *кумашнищу, привешные* муки, все *фабришны* собираются (Колосов, 250—272), *заошно, лишно, нарошно, копеешную* (Зеленин, Ск. 307—320); Котельн. — *вешный, сошный, востошный* (пр. 35), *тошно, востошной*, ср. *вещной, сощной*, ср. *напрашно* (пр. 46), *конешно, порядошно* (Тр. Вят. Пед. И. III, 47), саван *вешный* (ЭС IV, 89), *кишошные* пироги, *загранишной, сердешной, сундушники* (Зеленин, 122—153), *прожитошно, благополушно, мельнишной, пустяшно, лышный* (id. Ск. 151—179); Малм. — *вешной, сошной, востошной* (пр. 38), *молошьной* (пр. X, 78), *мошно* (пр. 105); Нолин. — *вешной, востошной, сошной, сердешной, горемышной, загранишной* (пр. 52), *скушно, безвешно, десятишную* цяшу, *несрушен* (Колосов, 226—276); Орл.-Вят. — *вешной, сошной, востошной, решной* (пр. 37; также — с *чн*), *девишник, бесприметошно*, (Смирнов, 389, 410); Слобод. — *вешный, востошный, пустяшноё, нишкни* (пр. 222), *подвенешное, подоплёшник, подсердешник* (Зеленин, 118, 119); Уржум. — *лышной* (Магницк. 32); Яран. — *сошьни, пешьная, ношьною* (Зеленин, Зап. Юрьев. У.), *вешной, востошной, сошной* (и *сочной*), *разлушнички* (пр. 59; *щ* и *ч* различаются), *вешной, востошной* (пр. 101), *мушной, пешьной, сутошные* (Зеленин, 83, 113, 154).

Пермск. г. Верхотур. — *своерушно* (Зеленин, Ск. 430); Екатеринб. — веки *вешные, безостатошно, литовошник* (ib. 38, 264, 285); Камышл. — *вешьный, сошьный, коротешьный* (пр. 89; здесь *ч* = *ш'*); Красноуф. — *мошно*, ср. также — *друшно, долшно* (пр. 137, 139, 209); Кунгур. — *мошьно* (пр. 134; здесь *ш* вообще твердо); Соликам. — *ношная, свишное, подсвишник* (пр. 180), *мошно*, ср. также — *долшно* (пр. 207); Чердын. — *вешный, востошный* (пр. 258), *строшной* = срочный (Онч. Ск. 496), *крылешной* столб (Перм. Сб. I, 2, 22); Шадр. — *решная, горшешницы, мешешницы, платошницы* (ib. 111, 182).

Яросл. г. Любим. — *пешной, портошница* (Доп. Якушк.); Молож. — *оброшной, рушная* (Изв. 30, 234), *вековешныё, востошную, вешноё, бесконешноё, горемышнёё, неудашноё* (ЭС I, 144—148); Мышк. — *конешно, нарошно, наволошно, клюшник, разлушник* (пр. 78); Ростов. — *скушно,*

конешно, сердешной (РФВ 65, 288; *ц* и *ч* различаются); Углич. — *троешной*, вообще — всегда *ш* (МДК IX, 101; *ц* и *ч* различаются); Яросл. — *свешной, стрешной, подвенешное* (Тихвинск. 39, 40, 62), *поперёшной*, ср. *фстречнóй* (Изв. Лгр. Пед. И. I, 140).

Владим. г. Александров. — так *тошнъ, конешнъ*, при — так *точнъ* (МДК II, 141); Владим. — *зарошник, порушница* (Черныш. 29); Меленк. — *скушно* (пр. 247); Покров. — *вешный, востошный, нишни* (пр. 10, 244); Судогод. — *канешно, сердешнай*, ср. *нашну*, также «в книжных словах» — *бесконецна, фстрецнай* (Бубрих, 329); Сузд. — *рушной, привышны, ношнина́, лышны, песошница, срушно, достатошно* и др., *недолговешен* (Черныш. 17, 24); Юрьев. — *порядошно, привышны* (id. 10, 12).

Псковск. г. Остров. — с *солнышным* закатом (пр. 39); Псков. — *мошно* (Смирнов, 356, 359), *помошник, молошный*, (пр. 175); Торош. — *вешный, скушный, молошный, помошник*, также *помочник* (пр. 233); Холм. — *вешный, востошный, нишни* (пр. 54).

Тверск. г. Вышневол. — *мошно* (МДК III, 136; *ц* и *ч* различаются); Зубцов. — *конешно, привышно, полномошный, пшиншиный, горемышная, дурашливый*, но — *вечный, точно, молочный, драчливый* и под. (пр. 60; *ц* и *ч* различаются); Кашин. — *алошный, бутошник, грешневая, дотошный, девшник, конешно, ношное* дело, *пешник, подсвешник, привышный, пятишница, рушник, решнóй, сердешный, скушный, судашничать, табашный,-ник, удашник, яшник,-ица, нарошный, улишный*, и др., *дурашливый, драшливый*, но — *вечный, прочный, сочный*, ср. *востошный* и *восточный* (Смирнов, 44); Ржев. — *порядашнай* (ЭС I, 248), *смашный* (РФВ 75, 255), *дакушнэй, кирпишнэй, нашнэй, прошнай, рушьник*, ср. — *скутна, хвабритнъй* (Изв. 18, 3, 252, 255); Твер. — *решные, пшиникоф, грешневая, мешошны*, но — *печной* (Черныш. 4).

Ленингр. г. Луж. — *востошный, солношны* лучи, *решной* (РФВ 40 109, 123).

Смол. г. Дорогоб. — *помошник, яешня* (Смирнов, 557, 565).

Моск. г. Богородск. — *сердешному* (Черныш. Мат. VII); Бронниц. — *фабришной, конешно, сердешной*, «и проч.» (Каринск. 363); Верейск. — *канешно*, ср. *фабричный, палнамочны*, вообще — *ш* (Черныш. 368), *падрушный, девшник, парядошная, кумашный, скушнай, дашникоф, дабышник, кирпишнай, праздншинаи, пшеншинаи, дашнай, удашна, фабришные, баранашник, позажитошнее* (ib. 288, 130—144); Воскрес. и Можайск. — *рушная, патсол-*

нъшнъ, конешно и *конечно* (МДК IX,130); Дмитров. — *дашник* (Черныш. Мат. VII); Звенигор. — *кручёшная, щеташная, порядашная, щетошники, крючешники, кирпишныи, закусашнаю* (id. 149, 152); Клин. — *канешно, решная, срушно, дабышник, недостатошно, табашник, скушно, тушный, ношной, незадашный, разлушница, трехкапешный* (id. 13 и сл.); Колом. — *аброшная, дашники* (Ушаков, 503); Моск. — *нашная, малашна́я* лафка, *дашники, тирпишнай, привышны, парядашных, рушную, тушнай, скушно,* ни *падрушна, канешна, решную, загранишнаи, буташник, пратешна́я* вада, *нулишнай* = наличный, *башмашник, пешник, брусошник, прасёлашнай, исканивешная, палнамошнай, патсолнашная, кумашнаи, трехмесишнай, аброшнай, прошнаи* полосы, *петровашнай* день, *дастаташна, скушнитись, дурашливай* (Черныш. 7, 14, 37 и т. д.); Руз. — *кумашнъй, клюшник, разлушник, помошник, скушнъй, писошнъй, пишной, запешнъй, сирдешнъй, пълуношнъй, канешна, нашной* и др., но — *начной, точнъ, урочный, нинарочный, вечно, начну, качну* и проч. (РФВ 45, 249).

Казанск. г. Казан. — *девишник, мелошныи* лавочки, *пешник, конешно* (РФВ 32,97), *конешно, привышное* дело, *полномошный, тошно, молошный, пшанишный,* но — на *вечные* веки (пр. 92, 94); Царевококш. — *ватошник* (МДК XI, 141); Цивил. — *привышный, зажитышный, канешно, пылнамошный, тошна, пшенишный,* на *вешны* веки, *дурашливый* (пр. 143); Чебокс. — ва *кумашном* сарафане, *китаишный, сердешныво, лышный, клюшница, ларешница, девишничек* (Магницк. 26 и т. д.).

Нижегор. г. Нижег. — перед *останошным* концом (Нижег. Сб. III, 274); Семен. — *привышный, конешно* (пр. 118), *скушно, мешешникам, решна́* вода, *дашники* — с твердым *ш*, при исконных *ш* и *ж* мягких (Изв. Нижег. Ун-та III, 351—6).

Симб. г. Буин. — *вешный* (редко), обычно *чн* — *сочный* (пр. 57); Симб. — *пешьной* (Сб. Форт. 166), *конешно, ношной, обрушник, сердешник, дашник* (Мотовилов, 9, 19).

Пенз. г. Инсар. — *конешно, привышно, тошно, пшынишный, уполномошный* (пр. 231); Мокш. — *конешно, дурашливый* (пр. 230), *поперешник, нишни* (пр. 232); Чембар. — *конешно, привышно, бутылошный, дурашливый* (пр. 229).

Сарат. г. Балаш. — ат *сирдешнай* радости (Смирнов, 682); Кузнец. — *сирдешная* (МДК III, 23); Сарат. — *конешно, крошъшный, беспортошный,* но — *натну* 1 л. ед. (Slavia VII, 499).

Тамб. г. Ром.-Борисогл. — *кулашные* бойцы (Кузнецов, 7).

Рязанск. г. — *падвянешнай, табашнай, скушно, аʼнурешнай, святошнай, дабышнай* (РФВ 27, 248); Данков. — *порушны* (МДК X, 57); Егорьев. — *конешно, пшенишиновый, дурашливый* (Петровская в., пр. 133), *канешна, нáношно* заведение, *урошливый*, — «иногда» (ак., Черныш. Мат. VII), *вешно, гарношный, ниудашная, грешневай, сундушникаф* (Лекинская в., Шахматов, 184, 210), *плотнишнай* (Тростянск. 96); Зарайск. — *молошнай* (МДК III, 18), *скушно, грешник* (печенье), *конешно, разлушник* (Петровская, 35, 57); Касим. — *привышнай, конешно, сердешнай* (пр. 47), *сердешный, тушный, тошно, конешно* (пр. 109) *грямышная, малашную* (лавку), *башмошница, датóшный, малошнинькяй, кузнешная, кирпишная, нашной* (Будде, 130, 360); Спасск. — *гарямышная* (id. 180).

Калужск. г. Жиздр. — *разлушнай, канешно, сьвишной, привышнай, пашанишнай, кумашнай* и др., *нашлех* (РФВ 47, 183); Медын. — *конешно, пшанишнай, лавашнаму, дурашливый*, но — *привычно, полномочный*, на *вечнаи* веки, *сочный, восточный, драчливый* (пр. 263); Мещов. — *кулашный, кирпишный, бýлышный, конешно, дурашливый* (пр. 150), *малошная* рика (Черныш. 146), *зажитошнее*, но — *скучно* (id. Доп. 3, 14).

Тульск. г. Белев. — *танощная, рушник, пшанишный* (Будде, 833, 838, 881); Крапив. — *пенёшный, нашнáя* (id. 876, 1292); Крапив. и Тул. — *грешневый, вешный, конешно, сердешный, запешный* (РФВ 10, 31); Новосил. — *калпашны, празнишнай*, 3 мн. *нашнуть* (Будде, 13, 26, 32), *канешно, привышна, палнамошнай, тошна, пшанишнай, малошнай, пешной, дурашливый, драшливый* (пр. 77).

Орловск. г., Брян. — *бутошник, тряпишник, привышно* «и т. д.» (пр. 259); Елец. — *канешна, пшанишнай* (пр. 111); Мцен. — *дабышникаў, рушник, скушна* (Будде, 46—49), *конешно, пшанишный, дурашливый*, но — *точно*, на *вечнаи* веки (пр. 188).

Курск. г. Дмитриев. — *конешно, привышно, полномошный, дурашливый, драшливый* (пр. 125); Обоян. — *венешнай, празнишная, рушнички, Ильинишна* (РФВ 90, 112), на *вешнаи* на веки, *сирдешнаю* таскою (ЭС V, 49, 60); Судж. — *канешна, привышнай*, на *вешнаи* веки, *пашанишнай, нарошна, рушник, дявишник, малошнай*, но — *сочнай, восточнай* (Резанова, 239); Щигр. — *скушна* (Халанск. 61).

Ворон. г. — *сярдешнай, запешнай, месяшнай, налишнай, скушна, вешнай* «и др.» (РФВ 38, 308); Бобров. — *кумашнаи, загранишнаи, пыша-*

нишнай (ib. 37, 181, 40, 4), *нарошна, скушна* (Вор. Юб. Сб. I, 602, 609); Грайвор. — *привышный, тошно, пшанишный, канешно* (пр. 279); Земл. и Задон. — *царямышная, сердешнай* (Тростянск. 11, 22), *канешна, скушна, малуошнай, паперёшнай, парядашнай* (id. К изуч. 14), *мошна* (ИРЯС II, 1, 91); Коротояк. — *зашнéть, кашнýлся, прóшная, привышни, скýшная,* век *вéшнай* и т. д. («постоянно», ИРЯС III, 567); Льгов. — *конешно, тошно, пшанишный* (пр. 76).

Харьк. г. Старобельск. — *пешник* (РФВ 30, 152).

Терск. обл. — *канешно, яшница* «и т. д.» (Караулов, 15), *привышно, палнамошнай, пшанишнай, дурашнай, дурашливай, станишник, станишный,* но и — *станичный,* веки *вечнаи, драчливый* (РФВ 64, 76).

Сибир. — *пустяшное* дело (Смирнов, 877); Тобол. — *яшна* мука (Селищев, 169), *сошный, вешный, востошный,* «и т. д.» (пр. 21, 43); Тюмен. — *мошнó* (пр. 27); Акмол. — *мошно* (пр. 75); Алтай — *язышник,* ночь *морошная* (ЭС VI, 3, 24,); Томск. — *áлошна, горемышну, бездокладошна* (ib. 39, 74, 98); Иркут. — *свитошник* (Тунк., Виноградов, 13), *канешно, ясашны, башны* бересты, *готашная, паперешник, зарешну* сторону, сажень *рушная, нашное* время, *привышный, кирпишный, заимошный, падполишный, улишный* (Илим., Черных, 10), *канешно, скушно, мушна, падвинешна, акошышны, вéшну, смашнá, алашнай* (Нижнеуд., Виноградов и Черных, 9), *мушной* (Барнаул., Селищев, 22), *шапошные* (Нерч., id. 55), *порушная* земля (из рукоп. 1689 г., ib.); Колым. — *листвешшны, заимошны, маломошны, нáрошной, припадошный, своебышной, табашник,* но — *личной, мучно* дерево, *мóрочно, слично* (Богораз, 22 и т. д.).

Уверенный анализ этого материала с точки зрения установления районов, которым *шн* принадлежало как черта органического происхождения, крайне затруднителен: сама пестрота современной картины распространения *шн* говорит о том, что старые нормальные соотношения в распределении между отдельными диалектическими группами тех или иных рефлексов *чн* взаимно переплетены и смешаны под перекрестными влияниями как смежных диалектических группировок, так и течений, направлявшихся от книжной и разговорной стихий литературного языка. Мы имеем в представленном материале ряды фактов, иногда единичных, иногда относительно численных, но засвидетельствованных лишь в показаниях памятников народно-поэтической речи (в песнях, сказках и проч.). Это, очевидно, формы с *шн* наносные. Такая лексика фиксируется памятниками не только северновеликор., но и южновеликор. происхождения. Таково же свидетельство непосредственного лексического материала,

содержащего сочетание *чн*. Здесь именно оказывается большое число слов заведомо «литературного» происхождения, лексики книжного характера, или связанной в том или другом отношении с городом, отражающей понятия специфической принадлежности к городской жизненной обстановке и под. Таковы, напр., из приведенного перечня данных слова, как — *алошный, востошный, (без-,веко-,искони-)вешный, истошник, конешно, мошно,* (так) *тошно, лишно, отлишный, неприлишный, полномошный, праздншиный, сердешный, крошешный, пустяшный, увешный, непрошный, полуношный, язышник, с(т)рошный, тушный* и под., или — *башмашник, булошник, бараношник, бутошник, дашник,-ный, цигарошник, улишный, сказошник, горншная, мелошная* (лавка), *кирпшиный, закусошный, судашничать, петшница* и под., или — *бездетошный, бесконешный, безостатошно, бесприметошно, беспортошный, незадашный,* или, особенно, — *публишный, смашный, таношный, фабришный, штушный, мрашный, благополушно* и др. Само собою разумеется, поскольку вся подобная лексика проникала в диалекты из литературного источника, она должна была проникать во внешнем обличии, типически свойственном литературному языку, т. е. в большинстве случаев с *шн*.[1] В этом виде она вошла в диалектическое употребление, первоначально в известные верхушечные слои носителей диалектической речи (торговый класс, слой «бывалых» людей из мужского населения, общающегося с городом в целях промысла и под.), откуда последовало дальнейшее ее распространение по «периферии». Нельзя не заметить в связи с этим, что благодаря указанным особенностям, характеризующим лексику с *шн* в показаниях диалектов, изучение последней приобретает важное научное значение. По анализу именно лексики с *шн*, в случаях ее неровного распространения в известных ограниченных районах, или в ограниченных слоях говорящих или в общих условиях ограничительного ее употребления, можно с большей или меньшей твердостью заключать о книжном происхождении того или иного элемента лексики современного русского словаря. Так в отношении наречия *мошно*, которое наблюдается в ряде говоров, но выступает вместе с тем нередко как единственный факт в данных говорах с *шн*, позволительно думать о книжном происхождении его в диалектах.[2] Такими же представляются в показаниях

[1] В некоторых случаях диалектическая речь дает нам иной фонетический критерий для определения данной лексики с *шн* в говоре, как лексики пришлой. Ср. напр. в Семен. у. Нижегор. губ. твердость *ш* в сочетании *шн* из старого *чн* (*скушно, мешешник, решна* вода, *дашник*), но мягкость *ш* в сочетании *шн* из старого же *шн* (*насьмешьник*) и под. См. Изв. Нижег. Ун-та II, 356. Такого рода факты могли бы быть извлечены и из показаний иных говоров.

[2] Слово, повидимому, составляло принадлежность старого канцелярского языка. Ср. его у Кантемира, Сат. III, 259, 320. Ср. еще в реляции 1739 г.: (неприятеля) из мелкого

диалектов слова вроде — *конешно,* (так) *тошно, нарошно, порядошный, привышный, пустяшный, солнешный, сердешный, по-сутошно, месяшный* и пр. Высказанное положение об общем проникновении интересующей лексики из литературного языка в диалекты в литературном обличии, с *шн,* не колеблется тем обстоятельством, что в ряде соответственных слов в самом литературном языке существовало и существует до настоящего времени не *шн,* а *чн.* Следует думать, что полученное диалектами из литературного языка *шн* в лексике, так именно звучащей в самом литературном языке (ср. *конешно, привышный,* так *тошно* и под.), на диалектической уже почве обобщилось и распространилось и стало общим типом произношения всякой притекавшей из литературного языка лексики с старым *чн.* Этому обобщению *шн* должно было содействовать отсутствие в известных диалектических группах (напр. в цокающих говорах) *чн* как такового. Понятно, что лексика с *чн,* приходившая из литературного языка, напр. в цокающие области, должна была здесь внешне перелицеваться, и слова в роде *бесконечный, мрачный, благополучный* и т. д. либо механически по нормам цоканья получали *ц* вм. *ч* (*бесконецной* и под.), либо выравнивались с рядами прочей литературной лексики типа *привышный, конешно* и под. (отсюда — *мрашный, бесконешный* и т. д.).

Если на основе изложенных соображений снять в представленном выше материале наносный слой пришлой из литературного языка лексики с *шн,* то рамки органического распространения *шн* на диалектической почве рисовались бы в следующем виде. В значительной мере в среде северновеликор. говоров мы не можем ожидать *шн,* как органического рефлекса исконного *чн.* Фактически *шн,* можно сказать, чуждо Архангельской и Олонецкой губ. В Вологодской губ. незначительное сгущение *шн* наблюдается лишь в Великоустюжском и Никольском уу. Далее формы с *шн* относительно дают о себе знать в Новгородском и Череповецком уу. Новгородской губ., в Вятском у. Вятской губ. В Пермской губ. их, можно сказать, нет. В Костромской губ. они известны лишь Костромскому и Макарьевскому уу., в Ярославской губ. — лишь Угличскому (?) и Ярославскому уу. В средневеликор. полосе можно миновать Владимирскую губ. (исключая Суздальский у.), Псковскую губ., Тверскую губ. (кроме Кашинского и, может быть, Ржевского и Тверского уу.), Ленинградскую губ., далее губ. Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую, Пензенскую, Саратовскую, где соответственный материал представлен в скудных или даже

ружья достать *мочно* было (Ломон. Соч., т. I, прим., стр. 84). В народной речи слово получило очень широкое распространение (см. данные перечня). Отсюда становится понятным своеобразное воздействие его на звуковую сторону наречий *должно,* даже *дружно,* по свидетельству отдельных диалектов (см. перечень) звучащих в виде *долшно, друшно,* с *шн.*

единичных фактах. Но формы обильны во всей акающей части Московской губ. В среде южновеликор. говоров формы с *шн* выступают также неровно: их нет в Тамбовской губ., почти нет в Калужской губ. (исключая Жиздринский у.), в Тульской губ. (исключая Крапивенский (?) , Новосильский уу.), в Орловской губ. (исключая Брянский у. ?), в Курской губ. и, видимо, в Воронежской губ. Относительно заметно употребление форм в Рязанской губ. и в Терской области. В Сибири формы дают о себе знать в Иркутской губ. В результате с отчетливой уверенностью можно считать *шн* органическою чертой Московской области, с вероятием также — Рязанского края. Полученный вывод, особенно в первой его части, весьма важен. Положение о *шн*, как типической московской черте, легко объясняет движение этой черты в районах южновеликор. речи, связанное с колонизацией и с общим влиянием здесь литературного языка, московского в своей исторической основе. Это положение с другой стороны делает ясной и наличность фактов с *шн* в области цокающей северновеликор. полосы, даже в районах с широким их здесь распространением. Мы должны всю эту наличность фактов с *шн* расценивать как наносный слой, пришедший в данные районы в конечном итоге через посредство литературной речи. Можно указать в этом отношении на свидетельства непосредственных наблюдателей говоров, подкрепляющие правильность сделанного вывода о вторичном по происхождению, наносном слое лексики с *шн* в черте цокающих говоров. Наблюдатель говора Костромского у. Н. Н. Виноградов отмечает очень большое здесь число лексики с *шн*, но оговаривает принадлежность такого произношения *(шн)* лишь грамотному слою говорящих; напротив, тот же наблюдатель отмечает принадлежность говору и отдельных слов с *сн*, но подчеркивает при этом, что это произношение свойственно лишь «самым серым людям».

Положение об органичности *шн* для московского наречия важно естественно и в том отношении, что объясняет типическую черту самого литературного языка, которому, как указано в начале статьи, в широкой мере свойственно употребление *шн*. Можно было бы со всею последовательностью ожидать появления из всякого исконного русского *чн* на московской и в частности на литературной почве *шн*. На почве московского диалекта, видимо, так и было. Что касается литературного языка, положение его и его эволюция представляли явление более сложное. В литературном языке существовала лексика с *чн* стороннего происхождения (древнеболгаризмы, архаические книжные новообразования, иноземные заимствования). Эта лексика естественно в устах книжных грамотеев долго сохранялась (сохраняется в значительной мере и до настоящего времени) в старом своем виде, с *чн*. Сохранению такого произношения не могла не содействовать сама письменность, в кото-

рой написания соответственных слов держались по старине, с *чн*. В этих условиях взаимного влияния старого произношения грамотных книжников и традиционной правописной нормы произношение известного круга слов с *чн* не только поддерживалось в своем существовании в литературной среде, но стало свое воздействие оказывать на круг иной лексики, ранее нормально произносившейся с *шн*. Последняя, в связи с все более упрочивавшейся общей правописной нормой соответственной лексики с *чн*, начала двоиться в самом произношении: рядом с нормальным произношением с *шн* в известном кругу слов стало зарождаться произношение их, согласно с их написанием, и с *чн*. Выше были приведены ряды слов (которые можно было бы значительно увеличить), существующих в современном литературном произношении в двойственном виде — с *шн* и с *чн*. Наконец, не следует опускать из виду еще того обстоятельства, что наш литературный язык, московский по исторической своей основе, на протяжении последних 200—150 лет постепенно, но неуклонно, ослабляет свою связь с чисто московскими особенностями речи, впитывая в известном преломлении соответственные черты в основе северновеликор. происхождения. Это не могло не отразиться, в интересующем нас вопросе, на общем ослаблении в употреблении лексики с *шн*, так как *шн* вообще чуждо природе северновеликор. наречия; это, иначе говоря, должно было повлечь за собою рост в литературном обороте лексики с *чн*.[1] Мы имеем красноречивое свидетельство постепенного, на протяжении последних 100—150 лет, роста норм произношения с *чн* за счет старейшего произношения соответственной лексики с *шн*. Замечательно, что эта эволюция в произношении идет параллельно с эволюцией в правописании соответственных слов. Свидетельство это содержится в данных наших печатных Словарей русского языка, последовательно издававшихся Академией Наук в 1789, 1847 и в 1890-х гг. В первом издании Словаря (1789 г.) наблюдается очень большое сравнительно количество слов, которые пишутся, т. е., очевидно, согласно произношению своего времени, с *шн*. Вот эти слова (их всего 60): *башмашник* и произв., *бочешный, воровошник* (название травы), *гáленошный, галстушный, грешневый* и произв., *грудншник, гудошный* и произв., *двойншный, деснишный, дудошник* = кто играет на дудке (но — *дудочник* = название травы), *девшник, китаешник, клееношный, колпашный, копеешный* и произв., *коршневый, криношный,*

[1] Замечательно, что Ломоносов, северянин, отразивший в своей речи ряд северновеликоруссизмов, отчасти впитавшихся в общий оборот литературного языка, оказался верен себе и в интересующем пункте, в отношении к лексике с старым *чн*. Соответственная лексика у Ломоносова имеет нормальное обозначение через *чн*. Отступления у него очень редки: *нарошно* (III, 278, 297), *Лукишна* (IV, 97), *шапошница* (IV, 100), *поперешника* (V, 118).

лавошник и произв., *ларешник, лодошник, лямошник, наконешник, сливошный* и произв., *медунишник, молошный* и произв., *мушной* и произв., *огурешник, оконнишник, оловянишник, перешный* и произв., *платошный* и произв., *портошный, прачешный, пробошный, прянишный, пуговошный, пупо́шный, пьянишник, однорядошный, рамошный, саешный, сайдашный, святошный, серпяношный, сертушный, соляношный, табашный* и произв., *терошная* колодка (от — терка), *титишный, фабришный, цевошный, чернишный* и произв., *чесношный, чулошник,-ица, шапошников, шляпошный* и произв., *яблошный* и произв., *яишница.*[1] Как видно, все эти слова широкого бытового значения и употребления в речи. Нельзя не заметить, что в данных этого старейшего издания Словаря наблюдается некоторая невыдержанность в написаниях. Отмеченная двойственность написаний *дудошник* и *дудочник,* видимо, искусственна (вызвана двойственностью значения слова). Ср. еще написания *лавочный,* но — *лавошников;* парность форм *мучной* и *мушной* с произв.; *перечная* трава, но — *перешный,-ица; чулочный,* но *чулошник,-ица; шапочник,-ников,-ный,* но и — *шапошников; яблочный* и *яблошный,-ник; яичный,-ник,* но — *яишница.* Можно думать однако, что эта двойственность написаний не случайна: она в большинстве приведенных фактов отвечала существованию уже в ту пору рядом с устойчивостью *шн* в одном слое лексики также диференцированного произношения отдельных слов и с *чн* и с *шн.* Пятьдесят лет спустя, в следующем издании академического Словаря (1847 г.), мы уже сталкиваемся с значительным поредением круга слов с *шн* (с 60 до 12). Устойчивое *шн* здесь имеют только 4 слова: *башмашник* и произв., *дурнишник, прачешный, соляношный.* Для остальных же слов здесь уже как нормальное явление отмечается возможность двойственного написания, следовательно и произношения. Таковы — *греч(ш)невый* и произв., *колпач(ш)ный* и произв., *копееч(ш)ный, молоч(ш)ный* и произв., *муч(ш)нить,-ся, оловянич(ш)ник, табач(ш)ник,-ица,-я, фабрич(ш)ный.* Последнее издание Словаря, примыкающее собственно к нашему времени (90-е, 900-е гг.), канонизует уже с орфографической стороны одни написания — с *чн* (Грот. Филол. разыск. II, 307). При этом оговаривается необходимость или возможность произношения тех или иных слов с *шн.*

[1] Можно отметить, что в живом литературном обиходе этого времени круг слов, произносившихся с *шн* был более широк. Ср. у Карамзина, помимо слов *яишница* (II, 33), *молошный,-ица* (II, 33, 137), *табашный* (II, 206), *лодошник* (III, 28), *башмашник,-ица* (IV, 172, V, 138), *лавошник* (V, 20), еще — *цветошница* (IV, 297), *луковошный* (V, 21), *горнишная* (V, 304); у Фонвизина — *сердешной* (Недор. II, 3), *конешно* (Кор. I, 5, II, 2; Бриг. I, 2, 3; ср. *всеконечно,* Бриг. I, 1), *скушный* (Бриг. I, 1, 4), *всеношная* (ib. I, 3), *нарошно* (ib.), *ношной* (ib. IV, 6); у Хемницера — *поперешник* (Письма, 48). См. еще Будде. Оч. ист. совр. рус. лит. яз. 87.

Такое произношение напр. обозначается для слов — *башмачник* и произв., *гречневый, двойничный, дудочник, дурничник, девичник, желудочный, каблучный, калачный, карточный,*[1] *кирпичный, ключник, колпачный, лавочный* и произв., и др. Можно сказать, что, хотя со времени последнего издания Словаря (собственно завершенного лишь на одну треть) прошло всего 25—35 лет, тем не менее и за этот период времени в живом литературном языке успели произойти известные сдвиги в дальнейшей эволюции интересующей черты, в том отношении, что в языке еще возрос контингент слов, могущих произноситься с *чн*.

Все изложенное можно резюмировать в следующем виде.

Исконное *чн* и его вариант в цокающей среде *цн* имели в последующем сложную судьбу. И *чн* и *цн* несомненно по говорам могли сохраняться без изменения. И *чн* и *цн* могли в порядке устранения трифтонгического произношения дать один общий рефлекс — *тн*. Ср. его в показаниях достаточно в территориальном отношении отстоящих пунктов — с одной стороны из Ржевского у. Тверской губ. *(скутно, хвабритнъй)*, с другой стороны из Саратовского у. *(натну)*. Конечно, в последнем случае не след какой-то аналогии (до которой трудно додуматься), как предположительно высказывается наблюдатель данного говора. Наконец, в том же стремлении освободиться от произношения трифтонга язык привел к рефлексу *шн* и в цокающей среде к *сн*.[2] На почве взаимодействия одних говоров с другими как *сн* стало заходить в область первоначального распространения *цн* и даже *шн*,[3] так и *шн* стало распространяться за счет иных рефлексов всяческого типа, причем распространение *шн* получило особенно широкие размеры (не только в черте средне- и южновеликор., но и в северновеликор. области) благодаря тому, что *шн* явилось рефлексом типически московским. Все это нарушило старые нормальные соотношения в распределении рефлексов *чн* || *цн*. Эта картина еще более нарушилась благодаря воздействию на говоры литературного языка, московского в своей основе, несшего с собою пласты книжной и иной городской лексики в московском обличии, с *шн*. Впрочем, литературный язык оказался проводником в диалекты не только *шн*, но и *чн*. Последнее обстоятельство объясняется из особого состава и своеобразной эволюции самого литератураого языка. Литературный язык, московский в своей основе, как норму, знал формы с *шн*. Но в нем имелись пласты старой книжной

[1] Это слово в форме с *шн* известно с очень старой поры. Ср. *картошные* игры в СПб. Ведом. за 1754 и 1755 гг. (Ломон. Соч. II, прим., стр. 114, 122). См. еще Будде, l. c.

[2] Попытка Еремина фонетически оправдать переход *цн* в *шн* для уломского (Череп. у. Новгор. г.) говора искусственна и сама по себе невероятна. См. Еремин. Оп. улом. и вауч. гов. 17.

[3] Селищев, 189.

лексики, по традиции, в книжной среде, сохранявшейся в старом виде, с *чн*. Слои новых заимствований, широкой волною вливавшихся в язык с XVI в. и далее, составляя книжный пласт языка, также вообще произносились с *чн*. В языке таким образом противостояли слой лексики книжного происхождения и употребления в книжной среде, с *чн*, и прочий слой лексики, жившей по нормам московского произношения, с *шн*. В связи с сложными течениями в жизни литературного языка в длительный период, начиная приблизительно с середины XVIII в., имевшими последствием постепенное разрежение московских устоев литературного языка и соответственное проникновение в него элементов общего северновеликор. происхождения, стали сглаживаться различия в употреблении лексики с *чн* и с *шн*, начался процесс роста в известных группах слов произношения с *чн* за счет старейшего их произношения с *шн*. Этот процесс был длительным, он оказался связанным с эволюцией самого правописания интересующего круга слов, приведшей к концу XIX в. к утверждению единой правописной нормы за данными словами, к написаниям их с *чн*.[1] Все это в совокупности объясняет смешанный характер интересующей лексики в современном литературном языке, которому известно и выдержанное произношение одних рядов слов с *шн*, иных рядов слов с *чн*, и колеблющееся произношение многих групп слов и с *чн* и с *шн*.

17 октября 1930.

[1] В истории нашей орфографии мы имеем следы этой эволюции нашего произношения, оказавшейся переплетенной с эволюцией самого правописания. Такова история слова *будничный*. Это слово имеет суффиксом — *ичн*, ср. *всегдашний, сегодняшний* и под. Поэтому Словарь 1789 г. дает правильную норму слова, согласно с его историей и произношением в ту пору,— *будничный*, с *чн*. Но уже в следующем издании Словаря (1847 г.) мы находим двойную форму слова, с *чн* и с *шн*, и Грот в новом своем издании Словаря (1890 г.) не смог не повторить этой двойственной формы, оговорив при этом «законность» одной из них и «незаконность» другой. Вариант с *чн*, действительно, исторически, т. е. этимологически, неправилен. Но он, очевидно, отражал новшество языка: в нем проявилась, пусть в данном конкретном факте исторически незакономерно, общая тенденция языка к диференцированному произношению старого *шн* — в виде как *шн*, так и *чн*. Ср. еще подобный факт с написанием *суматочный* вм. *суматошный* у С. Аксакова (Чернышев. Прав. и чистота рус. речи, I, 71). Можно еще указать на своеобразное отражение рассматриваемого явления с переплетением моментов живой речи и правописания в показаниях областного языка. Слово литературного языка *роскошный*, с исконным *шн*, перейдя в областной язык, в связи с двойственностью в литературном произношении лексики с *чн* и *шн*, получило вариант произношения с *чн*: *роскочный* Луж. (РФВ 40, 118), Клин. (Черныш. 13), Скопин. (РФВ 27, 248), Жиздр. (ib. 47, 183), Болх. (Сахаров); ср. еще, по связи с существительным *ро́скошь*, форму прилагательного *ро́скочный* Моск (Черныш. 39). Следует поставить вопрос, не на сходной ли почве возникли к литературным *изящный, жищный* областные варианты с *чн*: *изячный* Петрогр. (С. Обнорский), Кашин. (Смирнов, 60); *жичный* Сузд. (Черныш. 17), Жиздр. (РФВ 49, 326), Терск. (ib. 49, 76).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИЗВЕСТИЯ КОМИССИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ · ТОМ I

В. В. СТРАТЕН

Арго и арготизмы

I. Арготизмы в нашей речи

Кто у нас не знает, а подчас и сам не употребляет теперь таких слов, как *барахло, блатной, буза, бузотер, бузить, засыпался, крыть нечем, липа, липовый* (фальшивый), *малина* (воровской притон), *шпана, халтура, шамать, шамовка* и пр. Из них *халтура, бузотер* стали вполне литературными, а другие недалеки от этого. Мне пришлось слышать в обществе книжных людей, как один из книжников (правда, молодой и в Красной армии служивший) заявил: «Я эту книгу на барахолке купил». Никто этому выражению не удивился, и все его поняли. Либединский в «Неделе» говорит о «рынках и барахолках» от себя, а не от действующего лица. А действующее лицо этой повести аптекарь Сенатор, объявляющий себя буржуем, говорит коммунисту Робейке: «Ты был шпаной голопузой и всегда ею останешься». Этот буржуй в ярости заговорил довольно демократическим языком. Гладков в «Цементе» и Колосов в своих комсомольских рассказах настолько проникаются специфическим языком своих героев, что в авторских ремарках повсюду рассыпают такие выражения, как «шкет, шпана» и пр. Гладков говорит о «барахольной ночи», когда происходило изъятие излишков (барахла) у буржуазии. А вот, напр., в одном и том же номере «Правды» (№ 81, от 9 IV 29 г.) находим 1) в передовой: «.... на стол вытряхнут весь скарб, все «барахло» капиталистической дипломатии, относящееся к вопросу об ограничении вооружений», 2) в стихотворении Демьяна Бедного «Ясность — прежде всего»: «Экземпляр из породы революционных «лип»...». Правда, оба эти слова взяты авторами в кавычки, но они приведены, как всем понятные.

«Мы не острожная шпана», говорят рабочие Райлеса в том же романе Гладкова. Это выражение чрезвычайно любопытно. Это выражение, тонко подмеченное

Гладковым, указывает на чужеродный источник, откуда такие слова проникли в рабочую среду, и указывает на то, что рабочая среда подчас сознает их чужеродность. Любопытно также и то, что в рабочей среде такие слова меньше распространены, чем в комсомольской, и этим объясняется, что во всем романе Гладкова их гораздо меньше, чем в нескольких небольших рассказах Колосова. А между тем оба автора в достаточной мере насыщают свои произведения живым, разговорным языком своих героев.

Приведенные мною слова и целый ряд других представляют часть особого жаргона, argot. Это воровской условный язык, имеющий свою историю. Нынешний этап этой истории — проникновение его в среду беспризорных, откуда он в значительной мере просачивается в школьную и комсомольскую среду. Отдельные элементы его еще раньше попадали в рабочую и интеллигентскую среду, попадали разными путями — через люмпенпролетариат и другие промежуточные слои. Немногие, вероятно, догадываются, что такие выражения, как *загнать* (продать), *заговаривать зубы, задать лататы* (бежать), *держать фасон, дрéфить* (дрейфить), *арапа заправлять, для блезиру, завести волынку, очки втирать,* имеют общее с воровским жаргоном. Эти слова и многие другие, перестав быть тайными, еще в прежнее время отпали от воровского арго. Теперь таким же образом и еще в большей мере отпадает масса других слов. Слова эти в сильной степени засоряют язык широких кругов пролетариата, в особенности молодежи и подростков. Несомненно, в процессе переваривания этой неудобоваримой пищи наш язык все же кое-что усвоит (чему, как мы видим, есть уже примеры), а остальное отбросит.

На этом процессе, совершающемся на наших глазах, нельзя не остановиться. То, что в обычной жизни языка происходит под спудом, незаметно для глаза, теперь, в революционный период жизни языка, в период перемещения социальных пластов, бурно вырывается наружу. Создается обстановка естественного эксперимента. Не говоря о других путях изменения лексического состава языка, благодарное поле для наблюдения представляет уже это одно перенесение тайного языка от своих естественных носителей в широкие круги непосвященных. Мы присутствуем в середине эксперимента. Остается ждать его конца.

Но и теперь важно зафиксировать и изучить тот сырой материал, который вырвался на простор из подпольных тайников блатного арго и который потом в своей массе несомненно исчезнет и затеряется. Хотя происхождение этих «блатных» слов в недрах тайных жаргонов не всегда будет для нас ясно, но дальнейшие процессы — отпадение их от жаргона, когда они перестают быть тайными, и усвоение или неусвоение их общеразговорным языком — будут, таким образом, открыты для наших взоров.

«Наши слова возникают, как народные песни. Мы не знаем, откуда они происходят. Они живут долгой жизнью, прежде чем попадают в литературный язык и подвергаются соответствующему анализу. Только для незначительного количества слов мы можем указать источник и время их происхождения. Большая масса наших слов не имеет истории». Так говорит исследователь немецких условных языков Фридрих Клуге (Kluge),[1] имея в виду обычные слова. О жаргонных словах этого нельзя сказать. Это своеобразные неологизмы, новотворки, не требующие для своей истории углубления в праязык. А история их тем более важна, если они узакониваются. Узакониваются же они и могут еще узакониваться благодаря своей экспрессивности, которую уже потеряли привычные и стертые выражения. Такова диалектика языка. Она приводит к тому, что выразил в немудреных словах крестьянин в военной шинели: «Надо новых слов не стыдиться. Пока они тепленькие, свежие, в дугу согнуть их можно — себе на потребу».[2] Во всяком случае, на лицо факт усвоения нашим языком слов из определенного источника — из блатного жаргона, и с этим фактом нужно считаться, как бы мы ни относились к «вульгаризации», снижению языка.[3]

II. О происхождении арго

Блатной или воровской язык — это младший представитель условных, тайных жаргонов или арго. Тайные языки существуют у разных народов, и начало их уходит в древность. Существующие тайные языки развиваются в значительной степени путем преемственности и заимствования. Но причины возникновения тайной речи (криптоглоссон) коренятся в социальных условиях. По этим же причинам гораздо меньше распространена тайнопись (криптография), требующая прежде всего владения грамотой или технических приспособлений для условных знаков. Всякая обособленная социальная группа, имевшая свои специфические профессиональные интересы, создавала разными путями специальные слова, развивавшиеся в целый жаргон. А ограждение профессиональных интересов часто требовало сохранения этого языка в тайне от посторонних.

[1] Deutsche Studentensprache, Straszburg, 1895, S. 1.

[2] Софья Федорченко. Народ на войне, т. II. Революция. Изд-во «Никитинские субботники». М., 1925, стр. 127.

[3] Подобное явление — проникновение арготизмов в разговорную и даже литературную речь — в сильной степени сказалось в французском языке, особенно начиная со второй половины прошлого века. — См. об этом, напр., R. de la Grasserie. Etude scientifique sur l'argot et le parler populaire, Paris, 1907, p. 44; L. Sainéan. Le langage parisien au XIX siècle, Paris, 1920, p. 42, sq.

«Разные профессиональные классы», говорит французский ученый Л. Сенэан (Sainéan), «когда-то имели каждый свой специальный язык, насыщенный арготизмами: кровельщики, каменщики, жнецы, шелкоделы, сукноделы, льночесальщики, каменеломы, землекопы...

Это были настоящие жаргоны, т. е. тайные языки, доступные только профессионалам, членам замкнутых цехов. Такое положение вещей целиком переменилось с облегчением и ускорением средств сообщения. А раз бывшие некогда условия изоляции отпали, последовали сношения разных профессиональных классов, все более и более частые, а вместе с тем и постепенное смешение языковых особенностей»[1]

Сюда следует прибавить, что эти цеховые (а не классовые) языки, постепенно отмирая с ростом фабричной промышленности (а не только с ростом путей сообщения), не умерли окончательно, а оставили после себя преемников — жаргоны городского дна, мира преступников, различные арго, существующие и поныне как во Франции, так и в других странах, преимущественно в больших городах.[2] Франц. argot, langue verte, нем. Rotwelsch, Gaunersprache, англ. cant, slang и т. д. — все это специальные языки, имеющие родословную и происходящие, если не прямо от специальных средневековых цеховых языков, то от параллельных языков средневековых нищих, бродячих торговцев, бандитов и воров.

Итак, каждая обособленная группа заключает в себе потенциальные возможности к развитию своего условного языка, возникающего параллельно или, лучше сказать, палагающегося пластом на тот разговорный язык, который объединяет данную группу с остальной массой. Мы знаем, что в каждой семье бывают свои особые словечки и выражения. Школьники тоже в разные времена сочиняли свой тарабарский язык или язык «по херам» и т. п., сначала для забавы, а потом и с практической целью, например, чтобы скрывать свои высказывания от непосвященных.[3]

[1] L. Sainéan. Le langage parisien au XIX siècle, Paris, 1920. Цитирую по статье Б. А. Ларина «О лингвистическом изучении города» (Русская речь. Под ред. Л. В. Щербы. Новая серия, III, Л., 1928, стр. 67). — Интересную историю французских арго см. также в статье Clement Casciani (Dictionnaire d'argot et de principales locutions populaires par Jean La Rue, précédé d'une histoire de l'argot par Clement Casciani, Paris, S. A.).

[2] П. Тиханов в своей статье «Черниговские старцы» приводит любопытное сообщение: «Интересуясь воровским арго, мы обратились через один петербургский книжный магазин в Стокгольм с запросом — нет ли там каких словарей в этом роде, на что получен следующий ответ: «Da hier im Lande die Gaunerschaft... noch lange nicht so ausgebildet ist wie zum Beispiel in Berlin, Paris und London, so exestiert leider noch kein derartiges Lexicon, da die Sprache hiefür noch nicht entstanden ist». (Труды Черниговской губ. арх. комиссии, 1899—1900 гг. вып. II, стр. 121, прим. 1).

[3] Подробнее об этом см. у Г. Виноградова «Детские тайные языки» (Сибирская Живая Старина, 1926 г., вып. II (VI), стр. 87—112).

Но эти явления приобретают особое значение, когда возникают не в маленькой группе, а в значительной по размерам социальной среде. Образуется специальный язык, опирающийся на разобщенность социальных групп. Как правильно указывает М. Н. Петерсон, специальные языки являются результатом социального дробления. «В принципе их существование», продолжает он, «так же естественно, как и существование диалектов; различие заключается только в том, что они существуют не один около другого, как диалекты, — а один над другим.

Под специальным языком, согласно определению Vendryes, понимается язык, употребляемый группой индивидуумов, поставленных в особые условия. В большинстве случаев специальные языки создаются на основе какого-нибудь общего языка, отличаясь от него только словарем. Так, M. Cohen (Le langage de l'Ecole polytechnique) показал, как небольшая группа индивидуумов, поставленная в особые условия, может образовать специальный словарь (произношение и грамматика чисто французские): словарь этой политехнической школы состоит из французских элементов, видоизмененных и употребляемых особым образом.

К таким же заключениям приводит изучение языка преступников. У нас — это в основе русский язык. Различия только в словаре.»[1]

Надо добавить, что жаргонный словарь вовсе не перекрывает всего обычного словаря. Перепначиваются и наново создаются обыкновенно лишь те слова, употребление которых связано с профессиональными потребностями. Тут можно воочию убедиться, что язык создается на производственной основе. Труд земледельца создал один язык, труд ремесленника — другой, и воровская профессия тоже рождает свой язык. Дело дальнейшей эволюции языка, вызванной социальными перегруппировками, произвести то или иное соединение элементов этих языков.

Социальная динамика жаргонов рисуется, таким образом, в следующем виде: разобщенные профессиональные группы создают свои жаргоны; в процессе развития производства эти группы сливаются, и жаргоны уничтожаются; но обыкновенно они уничтожаются только частично, частью вливаясь в общеразговорный язык, частью сохраняясь в виде специальных терминов, частью переходя по наследству к новым обособленным группам. Так тянется нить жаргонов от средних веков и еще более давних к нашему времени.

[1] Язык, как социальное явление. Ученые Записки Лингвистической секции Института языка и литературы, т. I, 1927 г., стр. 14—15.

III. Русские, белорусские и украинские арго[1]

О восточнославянских тайных языках (русских, белорусских и украинских) мы не имеем документальных данных раньше конца XVIII столетия. Но, разумеется, языки эти существовали и раньше. Несомненно, отдельные слова этих языков проникали в народную массу, но не могли попасть в письменность и печать, пользовавшиеся «высоким штилем» привилегированных классов. Собирателей и исследователей тоже не было. В. И. Даль указывает на язык волжских разбойников, след от которого остался только в поговорках: «сарынь на кичку» и «дуван дуванить». «Са(о)рынь и ныне местами», говорит Даль, «значит чернь, толпа; кичка — нос судна; это было приказание бурлакам убираться в сторону и выдать хозяина, что всегда и исполнялось беспрекословно, частью потому, что бурлаки были безоружны и считали разбойников кудесниками, а частью и потому, что бурлакам до хозяина и товара его не было никакой надобности. Дуван дуванить — делить добычу».[2] Интересно отметить, что в народной памяти сохранились как раз, повидимому, самые важные термины из этого языка. Очень отдаленный отголосок того же языка находим мы в сцене на постоялом дворе в «Капитанской дочке» Пушкина.

Но это устные предания. Что касается старейших письменных источников, то их мы имеем два. Первый — это около сотни суздальских тайных слов, приведенных в «Сравнительном словаре» под ред. акад. П. С. Палласа (Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Petropoli MDCCLXXXVI—IX). Любопытно, что слова эти не выделяются, как тайные, и относятся словарем к суздальскому наречию. Отсюда видно, насколько еще необследована была область русских тайных языков.

Однако, к этому же времени относится и другое свидетельство, где автор уже прямо говорит о тайном языке. Это свидетельство осталось в рукописи 1786 года, откуда его извлекли некоторые исследователи. Рукопись эта найдена в библиотеке Казанского университета; написана она Андреем Мейером и называется: «Описание

[1] Библиографию см. у В. Ягича (Die Geheimsprachen bei den Slaven. Sitzungsberichte d. philosophisch-historischen Classe d. K. Academie d. Wissenschaft, B. 133, Wien, 1896, V, S. 1—80), в некоторых из упоминаемых мною дальше трудов и в энциклопедических словарях: старом и новом Брокгауза-Ефрона и Большой Советской Энциклопедии, под словом «Воровские языки». См. также главу «Искусственные языки» у П. К. Симони (Русский язык в его наречиях и говорах. Опыт библиографического указателя и т. д. Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1896, т. I, стр. 427—434).

[2] Словарь, ч. I, 1863 г., стр. XLIX. — С. В. Максимов (Сибирь и каторга, ч. I, 1871 г., стр. 439) приводит и другое объяснение: *сары на кичку*, т. е. деньги на голову, на шапку. Он указывает также и на другие отголоски старинного разбойничьего языка (там же стр. 439—442). «Дуван дуванить» упоминается и у Мельникова-Печерского в романе «На горах».

Кричевского графства или бывшего староства Гр. Ал. Потемкина, в ста верстах от Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерниею». Андрей Мейер пишет следующее: «Я думаю, что не противно будет, если я упомяну здесь о том наречии, которым все [?] кричевские мещане, портные, сапожники и других мастерств люди, а особливо живущие около польской границы корелы (не от корелов, а от грабежей своих так названные крестьяне) между собою изъясняются. Сие наречие подобно многим россійским, а особливо суздальскому, введено в употребление праздношатавшимися и в распутстве жившими мастеровыми, которые, привыкнув уже к лености и пьянству, принужденными находились для прокормления своего оное выдумать и сплесть, дабы посторонние их не разумели, и они всех тем удобнее обкрадывать и мошенничать могли. Оно не основано ни на каких правилах, и кроме множества произвольно вымышленных состоит еще из переломанных немецких и латинских слов. Употребляемая между ими таковая речь называется здесь отверницкою или отвращенною».[1]

Наряду с «отверницкой речью», т. е. белорусскими тайными языками, автор отмечает существование и «многих россійских», в частности суздальского тайного языка. Из приводимых им слов и фраз (примеры — дальше) ясно, что белорусские арго имели много общего с великорусскими; следовательно, те и другие могли иметь взаимное влияние и в настоящем, и в прошлом, К сожалению, автор не делает никаких сравнительных и исторических изысканий (повидимому, за отсутствием материала) и считает, что отверницкая речь создана чуть ли не сразу в готовом виде. Он даже не дифференцирует арго профессиональных группировок (ремесленников, контрабандистов, воров) и приписывает употребление отверницкой речи «всем кричевским мещанам».

Следующее по времени свидетельство относится к 1820 году. В «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» за этот год, в части 20-й, заполненной преимущественно диалектическими материалами (вошедшими потом в «Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым Отделением Академии Наук»), приводятся различными корреспондентами Общества слова «неизвестного языка», «отличные» слова, «скрытые от прочих», — из Владимирской и других центральных губерний. Два корреспондента — Д. И. Дмитревский и А. А. Успенский — впрочем говорят, что этот язык принадлежит «ходебщикам»

[1] Цитата эта приведена у С. В. Максимова (Сибирь и каторга, ч. I, 1871 г., стр. 442—443), П. Тиханова (Брянские старцы. Тайный язык нищих. Этнологический очерк. Брянск, 1895, стр. 2—3) и Е. Р. Романова (Катрушницкий лемезень. Условный язык дрибинских шаповалов. Сборник Отд. русского яз. и слов. Акад. Наук, т. XXI, 1902 г., № 3, стр. 2).

или «офеням» и называется «ходебским» или «офенским». Это тот же суздальский язык, на который указывают предыдущие свидетельства, потому что центром офеней или суздалы, известных в прежнее время бродячих торговцев, являлся бывший Суздальский уезд, составивший потом Вязниковский, Ковровский и другие уезды Владимирской губ.

Но и в списках приводимых тут же обычных слов из разных мест Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Рязанской губерний попадаются отдельные слова, принадлежащие офенскому языку. Это происходит, может быть, отчасти потому, что собиратели не отличали слов тайного языка и признавали их просто диалектизмами,[1] а отчасти потому, что некоторые слова действительно перестали быть тайными, отпали от арго. Кроме того, могло быть и обратное явление: некоторые слова офенского языка могли возникнуть из диалектизмов, иногда сохраняя прежнее значение, иногда видоизменяя его.

В дальнейшем исследователи уже вплотную подходят к офенскому языку. Тот же А. А. Успенский в «Трудах Общества любителей российской словесности» за 1828 год (ч. 7) приводит около ста офенских слов. Большой список приводится далее И. И. Срезневским (Отечественные Записки, 1839 г., т. V), который однако по неосторожной этимологии называет офенский язык «афинским». В 1857 году появляются две статьи: одна — Я. П. Гарелина «Суздала, офени или ходебщики» в «Вестнике Географического общества» (ч. 19), а другая — «Офени Владимирской губернии» в «Владимирском сборнике» под ред. К. Тихоправова. В обеих статьях дается довольно большой словарный материал. Наконец, в 1874 году И. Голышев печатает наиболее богатый офенский словарь, включающий около 800 слов (Владимирские Губернские Ведомости. Часть неофициальная. 1874 г., №№ 33 и 34).

Позже появляются еще некоторые менее значительные материалы. Сюда же примыкают материалы из других великорусских арго: из языка брянских нищих, пензенских шерстобитов, калужских портных и прасолов, тульских прасолов, стекольщиков-ходебщиков и др.

Гораздо позднее офенского языка идет собирание материалов белорусских и украинских тайных языков. Не говоря о более ранних небольших записях, для белорусских арго мы имеем: запись Ф. Сцепуры «Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда, Минской губернии местечка

[1] Это же отмечает и Даль в других случаях: «Покойный Макаров помещал в словаре своем, без разбора, офенские слова, приписывая их тому либо другому местному наречию: примеру сему последовала и Академия наша, поместив в областном словаре своем, безо всякой оговорки, несколько офенских слов». (Словарь, 1863 г., ч. I, стр. XLVIII).

Семенова» (Сборник Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. XXI, 1881 г.) и три статьи Е. Р. Романова — «Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык» (Этнограф. Обозрение, 1890 г., № 4), «Катру́шницкий ле́мезень. Условный язык шерстобитов м. Дрибина» (Живая Старина, 1890 г., вып. I) и статью о том же катрушницком лемезене в «Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. LXXI (1902 г.), где приводится около 750 слов. Кроме того, в статье В. Н. Добровольского «О дорогобужских мещанах и их шубрейском или кубрацком языке» (Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1897 г., т. II, кн. 2) мы имеем, повидимому, переходный язык между русскими и белорусскими арго.

Менее всего исследованы украинские арго. О них имеем: статью В. В. Иванова «Не́вли» (Статистический Листок. Изд. Харьковского губ. статист. ком., 1883 г., № 10), в которой приводится небольшой список, около 150 слов, из языка харьковских нищих — «не́влей»; статью К. Викторина (Студинского) «Дѣдо́вска (жебрацка) мова» в львовском журнале «Зоря» (1886 г., №№ 13 и 14), В. Боржковского «Лирники» (Киевская Старина, 1889 г., сент.), где дается около 450 слов из языка подольских нищих; Ф. Д. Николайчика «Отголоски лирницкого языка» (Киевская Старина, 1890, апр.); вторую статью К. Студинского «Лірники» (Зоря, 1894 г., №№ 14—17), в которой он расширяет первую, и статью П. Тиханова «Черниговские старцы» (Труды Черниговской губ. арх. ком. 1899—1900 гг., вып. II). В статье Ф. Д. Николайчика приводится язык черниговских шаповалов (шерстобитов), в остальных — язык нищих галицийских, подольских, черниговских и харьковских.[1]

Нельзя, конечно, думать, что все эти материалы полностью охватили существовавшие тайные языки. Но как бы то ни было, имеющиеся записи показывают ту основную базу, на которой издревле развивались наши арго. Это — с одной стороны, ремесленники и торговцы, с другой — нищие разных видов и профессий. По большей части, все эти профессионалы представляли собой подвижный, бродячий элемент населения. Нищие (старцы, деды, лирники, кубраки и пр.) — это, помимо своей основной профессии, в то же время бродячие певцы, музыканты, паломники

1 Есть еще старая запись пастушеского (чабанского) языка, приведенная Я. Г. Кухаренком в статье «Вівці й чабани в Черномор'ї» (Основа, 1862 г., май, стр. 36—39: «Чабанський словарь»; словарь этот перепечатан в новом издании: Я. Г. Кухаренко. Твори. Перше повне ілюстроване видання. Під ред. Г. В. Омельченка. Громада українців з Кубані Прага, 1928, стр. 88—91). Но это просто словарь специальных чабанских терминов, а не тайный язык. Этот чабанский словарь не имеет ничего общего с настоящими арго, и в нем встречаются между прочим обычные слова, как напр., *барило, гарба, отара, таган, ярка* и др. Некоторые обычные слова, как напр., *вим'ята вівця, цап* получают специальное значение.

«ко святым местам», собиратели на храм. Офени, называвшиеся иначе ходебщиками или коробейниками, — классический тип бродячих торговцев, заходивших иногда в самые отдаленные места. Прасолы, особенно мелкие, часто вели, подобно офеням, бродячую торговлю. Среди ремесленников тайный язык больше всего отмечен у шаповалов или шерстобитов, которые представляли из себя крестьян, уходивших на отхожий промысел.

Таким образом, не только сама по себе профессия, но и подвижность этих носителей арго обособляла их от остального населения и укрепляла существование условного языка. Исследователь катрушницкого лемезеня дрибинских шаповалов отмечает, например, что «лемезень свой катрушники-шаповалы употребляют только вне дома, в рабочих отлучках, и никогда не говорят на нем на родине».[1] Кроме того, постоянные путешествия носителей арго способствовали взаимному влиянию различных арго, чем и объясняется их большое сходство. Создалась целая база общих слов и словообразовательных форм, которая в значительной степени перешла и новые арго.

IV. Словарный состав арго торговцев, ремесленников и нищих

Уже в старейших записях мы можем отметить сходства и совпадения, говорящие о многом. В «Описании Кричевского графства» находим: *сумак* (рожь), *сумеха* (хлеб), *траить* (есть), *бусать* (пить), *ухлывать* (бегать), *хлизь в хаз* (иди в избу), *шихта* (девка), *алыда* (корова). Параллели в «Сравнительном Словаре» Палласа: *сумак* (*хлеб*), *трбить, тройка* (кушать, пища), «*бусать* (пить), *похли* (иди), *хас* (двор), *шиктора* (дева), *алынья* (корова). Это — на протяжении около 50 слов в первом источнике! Следовательно, офенский язык и белорусские арго уже в конце XVIII века были близки между собой. Эти же слова и много других общи и в дальнейшем различным арго.

В записях 1820 года («Труды Общества любителей российской словесности», ч. 20) дополнительно встречаем слова, общие с записью в «Описании Кричевского графства», но не имеющиеся в «Сравнительном Словаре». Таковы слова: *ховряк, ховрейка* — барин, барыня (в «Описании»: *каврюк* — господин), *клёвой, клёвый*— хороший, знатный (в «Описании»: *клёво* — хорошо). Встречаются также почти все слова, отмеченные выше из «Сравн. Словаря», и многие другие, не отмеченные.

[1] Катрушницкий лемезень. (Условный язык шерстобитов м. Дрибина.) Живая Старина 1890 г., вып. I, стр. 11.

Любопытно, что *клёво* в значении «хорошо» и *ховрян, ховрячка* в значении «барин, барыня, господин, госпожа» приводятся в списках обычных диалектизмов (не тайных слов) Владимирской и других соседних губерний. В словаре Даля и в Академическом словаре русского языка слова «*клёвый*», «*клёво*» также приводятся, как диалектизмы с подобными же значениями, причем в Академическом словаре они отмечаются и как арготические. Возможно, что это слово воспринято офенями из местного диалекта (как раз оно принадлежит диалектам Владимирской и соседних губерний) и из офенского языка пошло гулять по всем арго. Этимологически это слово легко объясняется рыбацким термином «клевать», клюет.[1] Что касается слова «ховрян», «ховряк», то тут, повидимому, обратное явление: это слово могло из офенского языка перейти в обычную речь.

Есть еще два арготических слова, приведенные как диалектизмы; *кубафся* — баба (в офенском языке *куба, кубасья* — женщина, баба) и *отначь* — отвесь или отмеряй. С одной стороны, можно думать, что собиратель ошибочно принял эти слова за диалектизмы, а с другой, у Даля имеем следующее: куба — казанский диалектизм — черемиска; кубёнка — черемисская девушка; кубе́нь и кубе́ка — толстуха, жирная баба или девка; отна́чить — приводится как диалектизм, в том же значении «отвесить» или «отмерить», и как офенское слово в значении «отдать», «отнести».

Из этих немногих примеров уже можно сделать три вывода: 1) на протяжении всей жизни арго отдельные слова от него отпадают и становятся достоянием языка той социальной группы, среди которой вращаются носители арго; 2) некоторые арготизмы, наоборот, заимствуются из диалектизмов, и 3) при этом эти заимствованные слова иногда меняют свое значение (напр., отначить).

Но наиболее важное, что бросается в глаза даже из небольших сделанных сопоставлений — это взаимное родство различных арго. Это родство наглядно выяснится из следующих более подробных параллелей, где сопоставляются офенский язык, язык орловских старцев, калужских портных и прасолов, катрушницкий ле́мезень могилевских шаповалов, любе́цкий ле́мент или ле́мех могилевских и минских нищих (любо́к — нищий), лирницкий или лебийский язык (леби́й — дед) подольских лирников, язык галицийских лирников, черниговских старцев, черниговских шаповалов и харьковских нищих (не́влей).[2]

1 Однако, К. Студинский («Лірники» Зоря, 1894 г., № 14, стр. 326) возводит это слово к греческому χλέος — слава, честь.

2 Сокращения: офенский язык — оф., язык орловских старцев — орл., калужских портных — портн., калужских прасолов — прас., катрушницкий лемезень — катр., любецкий лемент могилевских нищих — мог. нищ., лемех минских нищих — минск. нищ., язык подоль-

Различные записи офенского языка, а также и немногие параллельные записи одного и того же арго даются здесь в сводном виде, так как они не показывают изменения языка во времени, а лишь дополняют и подкрепляют друг друга. Ударения, к сожалению, имеются не у всех собирателей.

Оф. *хаз, хас, хазо́мка* — дом, двор (по наряду с этим словом в оф. есть *рым* в том же значении и *ряха* — изба); орл. *хаз, хаза* — хороший дом, в отличие от избы; портн. *хаз, хас, хазы* — двор, дворы; катр. *хаз* — хата, комната, *хазо́вка* — каморка; минск. нищ. *похос* — хата; под. лирн. *хаза́* — хата; гал. лирн. *хаза́* — хата, *по́хазь* — шинок; черн. нищ. *ха́за* — хата; черн. шап. *хаз* — двор, дом; хрк. нищ. *хаза́* — хата, дом. Отсюда в значении «хозяин», «хозяйка», оф. *поха́нья, поха́нка;* портн. *хазе́т, газе́т, газе́тка;* прас. *хазет*; катр. *поха́жщик, поха́жщица*; мог. нищ. *поха́щик, поха́щица, хозе́тка*; минск. нищ. *поха́зник*; под. лирн. *поха́зныk, поха́зныця*; черн. шап. *поха́зник*; хрк. нищ. *поха́зный, поха́зна.* У мог. нищ. есть еще *хозет* в значении «человек».

Оф. *хи́рья, хи́рыа, хи́рга́, ки́рга* — рука, *хи́рки*, — руки; орл. *хе́рка* — рука; портн. *хи́рки* — руки; катр. *хирка* — рука; мог. нищ. *хви́рка, хи́рка* — рука; минск. нищ. *фирка* — рука; гал. лирн. *херута* — рука; черн. нищ. *хи́рка, хвирка* — рука; черн. шап. *хи́рка* — рука. Отсюда оф. *нахиреги, нахирежницы, накирёшницы, накирёмницы* — рукавицы, *нахирёшник, нахирежник* — кольцо, перстень; катр. *нахи́рница* — рукавица; мог. нищ. *нахви́рница* — рукавица, *нахви́рник* — перстень. Даль отмечает диалектическое *нахире́ги* в Нерехте и Галиче (Словарь, 1863 г., ч. I, стр. XLVIII).

Оф. *ходара, ходора́* (Ср. Слов.), *стухара́, стухарь* — нога, *оходары, ходары, стухары* — ноги; орл. *ходара́* — нога, *ходарники* — онучи, портянки; портн. *ходарка* — нога; катр. *ходу́ха, ходу́ла* — нога; мог. нищ. *ходы́рка* — нога, колено; минск. нищ. *ходы́рка* — нога; под. лирн. *ходу́ха* — нога; черн. нищ. *хо́дня, ходы́ла*; черн. шап. *ходы́рка* — нога; хрк. нищ. *хвиде́рка* — нога. От «*стухара*», «*стухарь*» — оф. *настухарники* — чулки, башмаки.

Словообразование, подобное, «нахирежницы», «настухарники»: катр. *насты́жница* — юбка; мог. нищ. *насты́жник* — юбка, *насты́жники* — штаны; минск. нищ. *насты́зники* — штаны; черн. нищ. *насты́ги, насты́жники* — штаны, хрк. нищ. *настыжни́к* — штаны. Ср. катр. *сты́га*, мог. нищ. *сты́га*, под. лирн. *стыз, стыл*, черн. шап. *сты́га* — зад.

ских лирников — под. лирн., галицийских лирников — гал. лирн., черниговских нищих — черн. нищ., черниговских шаповалов — черн. шап., харьковских нищих — хрк. нищ.

Оф. *хлить* — итти, *ухлить* — уйти, также слышать; орл. *хлить* — ходить, *ухлива́ть* — уходить; портн. *хлить* — итти, *пахлили* — пошли; глинотопов Калужской губ.:[1] *прикря́ть на хаз* — вернуться домой; катр. *похли́ть* — пойти, *отхли́ць* — отойти; мог. нищ. *ихли́ць, хлиць* — итти; в «Описании Кричевского графства»: *хлизь в хаз* — иди в избу, *ухлывать* — бегать; хрк. нищ. *хлиять* — итти. «Хрять» (тожественное с «хлить» по значению, но не этимологически) приводится Далем, как диалектизм, между прочим, в смысле «тащиться», «переваливаться» («куда хряешь, похрял?»).

Оф. *отначить* — отдать, отнести; глинотопов Калужской губ.: *вына́чивать* — выносить («из хаза выначивай»), *уна́чить* — украсть; портн. *уначить* — унести; прас. *начить* — играть, *проначить* — проиграть. В белорусских и украинских арго этого корня не находим, зато есть другой: катр. *на́хтить* — найти, находить; мог. нищ. *нахты́рить, нахты́ривать* — находить; минск. нищ. *знахтэ́рить* — находить; под. лирн. и хрк. нищ. *нахты́ты* — найти. У глинотопов Калужской губ.: *знахтырить* — знать. Вряд ли можно это слово сопоставлять с диалектическим «тырить» — итти (укр. «тирити» — тащить, волочить): здесь скорее своеобразное растяжение слова «найти» путем инфикса.

Оф. *зетить* — говорить, *зечу* — говорю; *зетун* — язык; *не зеть* — не говори; *зеть* — смотри; *зехло́* — стекло, окно, *зехлы́* — окна; орл. *зета́ть* — просить; прас. *зерить* — смотреть; катр. *зита́ць* — просить; мог. нищ. *зита́ть, зе́цицъ* — просить; под. лирн. *зита́ты* — просить; гал. лирн. *зита́ты* — просить. Параллельно с «зехло» (окно) можно отметить: катр. *зякро́*; мог. нищ. *якро́*, минск. нищ. *зякро́*; под. и гал. лирн. и хрк. нищ. *зикро́*; черн. нищ. *зекро́, якро́*. Диалектическое: «зетить», «зекать» — смотреть, высматривать (см. у Даля и в Акад. Словаре).

Оф. *ховряк, хавряк, ховрей, ховрейка, хаврейка, хаврячка* — барин, господин, помещик, барыня, барышня, госпожа, помещица. В том же значении: орл. *ковре́й*; катр. *кавре́й, кавре́йка, кавраи́ха*; мог. нищ. *ковре́й*; гал. лирн. *гавриій, гавриійка*; черн. шап. *кавре́й*; хрк. нищ. *ко́врий, ковриійха*; в «Описании Кричевского графства» — *каврюк*. Между прочим, у мог. нищ. «коврей» значит также «поляк» (потому что эти нищие видели поляков только в образе пана, чиновника, помещика).

Оф. *сума́к, сума́рь, су́маря, сумар* — хлеб; орл. *сыма́рь* — хлеб; мог. нищ. *сума́х, сума́рик* — хлеб, *сума́к* — тесто; в «Описании Кричевского граф-

[1] В. Н. Добровольский. Некоторые данные условного языка калужских рабочих. Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. IV, кн. 4 (1899 г.).

ства»: *сумак* — рожь, *сумеха* — хлеб. В нынешнем говоре Ярославля отмечено слово *сумка́рь* — хлеб, собранный нищим.[1]

Оф. *кре́со, крёсо, кореса́* — мясо, говядина; орл. *кре́со* — мясо; катр. *кре́со* — мясо, сало, *кре́ся* — мясо; мог. нищ. *кре́со, крес* — сало; минск. нищ. *кре́асо* — сало; под. и гал. лирн. *кри́со* — мясо; черн. нищ. *кре́со* — сало; хрк. нищ. *кресло́* — сало.

Оф. *трои́ть* — есть, кушать; в «Сравн. Слов.»: *тро́ить* — кушать, *тройка* — еда; орл. *трои́ть*; портн. *троить*; прас. *тройка* — хлеб; катр. *трои́ць*; в «Опис. Крич. гр.» *траить*; мог. нищ. *тро́иць*; минск. нищ. *тро́иць*; под. и гал. лирн. *тро́ить, трийка*; черн. нищ. *трои́ть, тройма́н* — рот; хрк. нищ. *трояшить*. На ряду с этим словом в офенском в том же значении *брявить, брясть, бряя́ть, бряйка*.

Оф. *бу́са́ть* — пить, *бусво́* — питье, *бусьяный, буsóй* — пьяный, *бусы́га* — пьяница; орл. *буса́ть* — пить; портн. *бусать* — пить; прас. *бусать* — пить, *бужа* — вино; глинотопов Калужск. губ.: *бус* — пьяница; в «Опис. Крич. гр.»: *бусать* — пить; катр. *буса́вить* — гулять; мог. нищ. *гальбуса́ць* — гулять. Диалектизм у Даля: «*буси́ть*» — между пр. в значении «моросить». Но арготический корень скорее можно отнести к татарскому «*буза́*» (хмельной напиток, брага), откуда также диалектическое «бузыга» — пьяница. Кроме того, мы еще встречаем: оф. *буза* — небогатый, прас. *буза* — бедность, *буземь*, — беднеть.

Оф. *гомыра, гомзыра, гомза, гомзо* — водка, вино; орл. *гамы́ра* — водка; портн. *гомыра* — вино; мог. нищ. *гаме́ра* — водка. Есть еще в оф. *дря́бка*, (*дря́ба* — вода), а в белорусских арго — *га́рдзия, га́рдзя, га́рдзь, гардзема́ха*. В Ярославской губ. бытует и теперь слово *гаму́ра* — самогон;[2] еще один случай превращения арготического слова в диалектизм.

Оф. *скри́пота, скры́пы, скрыпула* — двери, ворота; портн. *скрипо́ты* — ворота; катр. *ры́пни* — двери; мог. нищ. *ри́пни, рипу́ты, скри́пни* — двери; минск. нищ. *скрыпу́ты* — двери; под. лирн. *скрипота́* — ворота; гал. лирн. *скрипота́* — двери, *одскрипота́ты* — открыть; черн. шап. *скрипцы́* — ворота.

Оф. *стёпак* — печка; орл. *степа́к* — печка; портн. *стеба́к* — печка; катр. *сце́пра* — печка; мог. нищ. *сте́пля, сце́пра* — печка; минск. нищ. *стэ́пра* — печка, *сце́пурить* — жарить; под. лирн. *сте́пур* — печка; гал. лирн.

[1] И. Голанов и С. Копорский. Дополнение к словарю Якушкина. Труды Ярославского педагогического института, т. I, вып. II (1926 г.).

[2] Там же.

остепи́р — печка; черн. шап. *сте́пня* — печка. Диалектическое у Даля: «стёпка» — кладовая, клеть (укр. «сте́пка» — рубленный амбар с печкой). Замечательно, что от этого же арготического корня и фамилия собирателя слов минских нищих — *Сцепуро*.

Оф. *кима́ть* — спать, *кима́льница* — постель, кровать, спальня; орл. *кима́ть, покимать* — спать, поспать, *кима́чь* — ночь; катр. *кима́ць* — спать, *ки́мка* — ночь; мог. нищ. *кима́ць* — спать, ночевать, *ки́мочь* — ночь; минск. нищ. *кимать* — спать, ночевать, *ки́масць* — ночь; под. лирн. *ке́мить* — ночь, *кемита́ты* — ночевать; гал. лирн. *ке́мить* — ночь; *ке́миты* — смеркаться, *ки́маты* — спать, *кимота́ты* — ночевать; черн. шап. *кима́ть* — спать. В оф. есть еще *меркоть, ме́ркуш* — ночь, *мерковать* — почевать.

Оф. *дульяс, ду́лик* — огонь, *ду́лить* — жечь, гореть, *дулится* — горит, *задульяснить* — закурить, *дульный, дульясный* — рыжий, красный, *дульясник* — солнце, фонарь; орл. *ду́лик* — огонь; прас. *дульясный* — горячий; катр. *дуля́с, дуль* — огонь, *дуля́ска* — спичка, *ду́литца* — гореть, *дуля́сный* — горячий; мог. нищ. *дуля́с, ду́лес* — огонь, *дуля́с, дуля́сница* — спичка, *ду́лец, ду́лес* — жар, уголь; под. лирн. *дуля́сныk* — огонь; гал. лирн. *ду́ляс* — огонь; *ду́лыты* — курить, *ду́лэный* — теплый; черн. нищ. *духа́вка* — спичка; хрк. нищ. *дуляс* — огонь, *дулясник* — спичка.

Оф. *микро́* — мало; орл. *микрый* — малый, небольшой, *микрёнок* — поводырь; портн. *микра* — мало, близко, *ми́кренький* — маленький; катр. *ми́крый* — малый, *ми́кро* — мало, *микре́й* — меньше, *микре́ць* — уменьшаться; под. лирн. *ме́крый, ме́кренький* — малый, маленький; гал. лирн. *ми́крый* — низкий; хрк нищ. *микрый* — малый.

Оф. *ко́сать* — бить, *закосать* — забить, *укосать* — убить; портн. *уко́тцал* — убил; мог. нищ. *ко́псаць* — бить; под. лирн. *ко́псаты* — бить, *ко́псания* — драка; гал. лирн. *ко́псаты* — бить; хрк. нищ. *кобзаты* — бить. (Ср. в словаре Гринченко «ко́цкати» — стучать).

Этот список далеко не исчерпывает всех общих слов и словообразований. Можно много еще выписать слов, общих как всем арго, так и некоторым группам их. Кроме того, общим почти всем арго является счет: один — *ио́ный, ёнай, ёной, ёный*; пять — *пе́нда, пендр, пе́ньжа*; десять — *дека, декан, дзе́кан, дзе́кун* и пр.

Последние слова, а также ряд предыдущих обращают на себя внимание тем, что они греческие: πέντε (пять), δέκα (десять), μικρὸς (малый), κεῖμαι (лежать), κρέας (мясо), τρώγειν (есть, кушать), ζητειν (просить), χείρ (рука). Если отбросить

увлечения первых собирателей наших арго, сводивших эти арго к греческой основе и готовых находить грецизмы повсюду, то все-таки можно отметить еще целый ряд несомненных грецизмов, как напр.: оф. *ялость, ялось*; белор. *га́лость, голо́сь*; укр. *га́лусть* — соль, из греч. ἅλας в том же значении; оф. *гальмо́*; белор. *гальмо́, голямо́*; укр. *гальмо́, альмо́, гаймо* — молоко, из греч. γάλα в том же значении; оф. *емéля*; белор. *мéлюс*; укр. *ми́ляс, муляс* — мед из греч. μέλι (мед); оф. и белор. *сéврать, севрить* — знать, понимать; укр. *сивраты, сюраты* — знать, из греч. ἠξεύρειν или ξεύρειν (знать); оф. *пули́ть* — купить, *пропули́ть* — продать, *пульщик, пулéц* — купец, и подобные же слова в белор. и укр. арго — из греч. πωλῶ, πουλῶ (продавать), πουλητής (купец),[1] и т. д.

Каким образом все эти слова проникли в арго? В диалектах их (за исключением слова «зетить») нет. На этот счет есть два объяснения. Одно, что офени с давних времен имели торговые сношения с переселившимися в Россию греками. И. И. Срезневский настолько увлекается этим объяснением, что даже называет офенский язык афинским. По этому толкованию слово «офени» произошло от «афинеи» или «афени», как называли греков, приезжавших преимущественно из Афин. К. П. Тихонравов, составитель «Владимирского сборника» свидетельствует, что такое предание существовало у самих офеней.[2] Эта этимология слова «офени» (как и другая этимология, производящая его от города Офена, откуда приходили венгерские ходебщики), конечно, сомнительна,[3] но торговые связи офеней с русскими греками весьма вероятны.

Другое объяснение сводится к тому, что греческие слова занесены в арго старцами, паломничавшими по греческим монастырям. И такое объяснение имеет известное право на существование, если только не возводить непременно языка старцев к языку древнерусских паломников. В. Н. Добровольский, описывая в 1897 году смоленских «крестовников», торгующих поддельными предметами религиозного культа, говорит, что они обыкновенно симулируют пилигримов, но подчас и на самом деле бывают в греческих монастырях.[4]

[1] Впрочем, находя последнее слово в польском арго, А. Ландау (A. Landau) возводит его к польск. pula из франц. poule — пулька, ставка в картежной игре (Zur polnischen Gaunersprache. Archiv für slavische Philologie, 1902, B. 24, S. 141.

[2] Владимирский сборник. Составил и издал К. Тихонравов. М., 1857, стр. 23.

[3] В. Ягич производит это слово из среднегреческого ἀφέντα — господин, отсюда и турецкое éfendi, а из последнего сербск. и болг. efendija. (Die Geheimsprachen bei den Slaven. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe d. K. Akademie d. Wissenschaft, Band 133, Wien, 1896, V, S. 13).

[4] О дорогобужских мещанах и их шубрейском или кубрацком языке. Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1897, т. II, кн. 2, стр. 323.

Между прочим, некоторые из этих слов греческого происхождения перияты и польскими арго: *kimać, kimciać* — спать, *kima* — спанье, сон, *kimka* — ночь; *mikry* — малый, *mikrus* — мальчик; *zitać* — говорить; *siwrać, szewrać* — говорить; *troić, trocić, trusiać* — есть, кушать, отсюда *trojanka, trujanka, truwanka, trusianka* — рот. Если считать слово «пулить» грецизмом, то отсюда польское арготическое *opulić* — купить, *pulać, przeopulać, przeopalić, zopulać* — продавать. Впрочем, этот корень, может быть, более правильно, по А. Ландау, отнести к польскому pula (см. выше примечание).

Можно отметить еще целый ряд слов, общих русским и польским арго: *klawy, klawo* — хороший, хорошо («клёвый», «клёво»); *sumer, summer* — хлеб;[1] styja из «стыга», *nastygi* — штаны; *kopsać, kopcać, kobzać* — бить; *dulić* — курить, *dulawa, dylawka* — трубка, *dulec, dulki* — папиросы, *dulc* — огонь; *gawruk, gawruczka, kawruk, kawruczka, kawczuk* — господин, госпожа, помещик; *kumać* понимать (катр. *скума́ть* — знать, понимать); *delka* — вода (лирн. *де́лька, де́йка*; мог. нищ. *ды́лька* — вода); *grabcia, groby, grabki* — рука, руки, пальцы; *grabiączki* — перчатки (шубрейск. или кубрацк. Смоленск. губ. *грабы́лки* — руки); *chodyrki* — ноги; *chrust* — рубль, вероятно, бумажный (оф. *хрусть*), и др.[2] Только относительно некоторых из этих слов можно сказать без всякого сомнения, что они перешли из русских арго в польские (напр. «клёвый», «сумак» или «сумарь», «дулить», может быть «косать»), так как они подкрепляются русскими корнями и диалектизмами. Слова «делька» и «грабылки» повидимому, перешли к нам из польских арго, потому что они встречаются преимущественно в западных губерниях; второе слово могло создаться по аналогии с немецким арготическим *Grifling* — рука, палец, проникшим в форме *grabeln* в галицко-еврейский арго.[3] Такие слова, как «chodyrki», «chrust», подкрепляемые польскими корнями, должны были возникнуть независимо от русских арго и любопытны в том отношении, что показывают аналогичные процессы словообразовательного творчества. Относительно других приведенных слов трудно сказать, кто у кого заимствовал: русские арго у польских или наоборот. Во всяком случае остается на лицо факт международного общения арго.

[1] Слово «сума́к» и пр. В. Ягич производит от греч. φωμί (назв. соч., стр. 2), но более правильным кажется производить это слово от русского «сума́»: то, что кладется в суму́.

[2] Antoni Kurka. Słownik movy złodziejskiej. Lwów, 1899. K. Estreicher. Szwargot więzienny. Kraków, 1903. К. Студинский. Лірники (Зоря, 1894, №№ 14—17); последний приводит слова из так наз. «басанского» — воровского языка в Галиции, по львовской рукописи Фельштинского.

[3] A. Landau, назв. соч., стр. 145.

Мы видим, таким образом, следующие источники арготического словаря: 1) заимствования из диалектов, 2) заимствования из других арго, 3) заимствования неарготических слов из чужого языка. Кроме грецизмов, к последнему случаю относится и слово *хаз*, заимствованное, конечно, из немецкого Haus (а не из еврейского «ойз», в котором нет фонетического соответствия арготическому слову). К заимствованиям из чужих языков исследователи относят также *стод* — бог, богатый (шведского происхождения), *са́ры* — деньги (татарского происхождения), *ба́сать* — резать (татарского) и др.

Далее идет большой ряд слов, образующихся путем переноса значения и являющихся метафорами, метонимиями и синекдохами. Таковы, напр., слова, «ходара» «ходы́рка» (от «ходить»), «слы́хта», «слухтомка» — ухо, «зехло» (от «зехать»), «зякро́» (от «закрыть»), «сума́к», «сума́рь» (от «сума́»), «скрипо́та», «скры́пы», «рыпни» (от «скрипеть», укр. «рыпать»), «звеньёха» — стеклянная посуда «ду́лик», «дульа́с» и пр. (от слова «дуть»), «меркоть» — ночь (ср. «сумерки», «меркнуть»), «степа́к» — вероятно, от диалектического «стёпка» (кладовая, клеть; укр.: рубленый амбар с печкой); орл. «микрёнок» — поводырь; оф. «мота́к» — кот (мотает хвостом); катр. «цукрова́ть» — целовать; оф. «хруст» — рубль (бумажный); катр. «кругля́к» — рубль; портн. «царки» (ср. оф. «сары») — деньги; кубрейск. «грабы́лки» — руки; мог. нищ. «я́хвес пору́титца» (бог бранится) — гром; оф. «костёр» — город (может быть, от огней, виднеющихся издали); оф. «курёха» — деревня (по дыму, стелящемуся над избами), и т. д.

Больше всего мы видим словообразований-синекдох, обозначающих предмет по его действию или признаку. Первоначальное значение иногда забывается, и, таким образом, от «дульа́с» — огонь (который вздувается) получается «дульа́сник» — солнце, причем тут влияет, повидимому, также слово «ясный». По аналогии с оф. «зехло́» (окно) от «зеть», «зехать» (смотреть) образовалось белор. и укр. «зякро́» в том же значении, но от слова «закрыть», так как в белорусских и украинских арго «зита́ць», «зита́ты» имеет уже значение не «смотреть» а «просить»; а из «зякро» получается «якро», где первоначальное значение уже забыто, образность слова не сохраняется. Вообще же преобладание синекдох определенного типа (производных от действия или признака предмета) и очень слабое наличие метафор и метонимий, наиболее ярких носителей образности языка, придает, так сказать, чисто деловой характер данной арготической речи, чем она сильно отличается от последующих арго.

Наконец, все остальные «коренные» слова арготического словаря приходится отнести за счет неясных по происхождению или «выдуманных». Однако, едва ли

они искусственны в прямом смысле слова; вряд ли, конечно, они придуманы сознательно: всегда мог быть тот или другой неизвестный нам внешний повод к их возникновению.

Но кроме коренных слов, в данных арго есть еще большое количество производных особого рода. Это слова, механически образуемые из обычных, неарготических слов несколькими способами.

1) Приставка определенных слогов, напр., *ку, шу*. Этого способа мы почти не видим в офенском, чаще встречаем в украинских арго, а еще чаще в белорусских. В белорусских арго: *ку́день* — день, *ку́вечер*, *шу́вечер*—вечер, *ку́гора*, *шу́гора*—гора, *шу́небо* — небо, *ку́болото* — болото, *ку́торба* — сумка, *шу́кум* — кум, *ку́серебро*, *ку́серебряный*, *ку́вострый*, *ку́легко*, *ску́можно*, *ку́вчера*, *ку́завтра*, *нику́разу* — никогда, и т. д. В лирн. встречаем: *ку́вечер*, *ку́день*, *ку́черба* (вчера), *ку́зач* (час), *ку́лопата*, *ку́маток* (шматок, т. е. кусок), *ку́ргаты*[1] (от «граты», т. е. играть), откуда *ку́рга* — лира. В словах «кузач», «кургаты» мы имеем, кроме того, случаи перестановки. Преобладает приставной слог *ку*, который приставляется преимущественно к существительным, а иногда к прилагательным и наречиям. Ударение притягивается на эту «приставку». Это тот же язык «на хер», с той лишь разницей, что приставка присоединяется не к каждому слогу, а лишь к началу слова.

2) Подстановка: первый слог заменяется другими слогами, напр. *ку, шу, ши* и пр., а иногда просто согласный первого слова меняется на другой согласный или сочетание согласных. Оф.: *шурма́н*, *ширма́н* — карман, *шива́р* — товар, *шурго́вля*, *ширго́вец* — торговля, торговец, *куребро́*, *скуребро́* — серебро, *ку́лото* (также *ку́злото*) — золото, *скудро́*, *куро́* — ведро, *шу́тро* — утро (здесь впрочем можно видеть и первый случай с стяжением гласного), *ку́чар* — вечер, *шурло́*, *турло́* — село, *ширбо́тать* — работать (также *бо́тать*, иногда с изменением значения), *шляхо́мый* — знакомый, *ши́мната* — комната, *счиги́рин*, *счиги́рка* — барин, барыня, и т. д. В белор. арго: *шало́то* — болото, *шо́ле* — поле, *шу́голь* — уголь (может быть, также стяжение), *кугу́н* — чугун, *куве́ста* — невеста, *морябро́* — серебро, *шалёко* — далеко, *шасте́ль* — постель, *шкред* — дед, *шкре́дьма* — ведьма, и мн. др. В лирн.: *шало́то* — грязь (болото), *шале́ко* — далеко, *шоловы́на* — половина, *шули́ция* — полиция, *шость* — гость, *шом* — дом, и пр. В этом случае ударение остается на своем месте.

[1] В «Описании Кричевского графства» также имеется слово *кургает* в значении «поет».

3) Перестановка: оф. *лопѐно;* катр. *ляпе́на* — полено; оф. *ла́со* — сало; мог. нищ. *мазу́рный* — разумный; минск. нищ. *ло́пный* — полный; катр. *лосо́ма, лосо́менный* — солома, соломенный. У мог. нищ. вм. «лосо́ма» — *мосо́ла;* если последнее слово не имеет самостоятельного происхождения, то это случай вторичной перестановки. Но вообще случаев перестановки мало.[1] Вряд ли можно считать перестановкой *гомыра* (из «горымо» — горелка, водка), как это делает П. В. Шейн.[2]

4) Вставка. Здесь можно различить два случая: инфикс глагольный и прилагательного. Эти инфиксы иногда, пожалуй, можно считать и «суффиксами». Глаголы: оф. *ханды́рить*, катр. *хонджева́ць*, мог. нищ. *ханджева́ць* — ходить; оф. *седма́ть*, белор. *сеждонить* (в «Опис. Крич. графства»); хрк. нищ. *синдюгаты* — сидеть; катр. *бегура́ць*; мог. нищ. *бегра́чиць* — бегать; оф. *нюхоматъ* — нюхать; оф. *спытмать* — спросить (спытать); катр. *говри́дзиць, говро́дзиць*; мог. нищ. *говро́дить, говро́дзиць*; черн. шап. *говырда́ть*; хрк. нищ. *говредаты* — говорить; в «Сравн. Слов.»: *вандырить*; катр. *вондзе́риць*; мог. нищ. *вондзе́риць*; гал. лирн. *возмо́ныты* — возить; катр. *молоты́риць* — молотить; катр. *кормуса́ць;* мог. и минск. нищ. *кормаса́ць* — кормить; катр. *перекидо́рить* — перекинуть (опрокинуть); гал. лирн. *дермо́ныты* — драть (дерты), *плато́шиты* — платить, и т. д. Тут мы имеем самые разнообразные инфиксы, сопровождающиеся иногда изменением коренного гласного и окончания. В прилагательных инфиксы более простые и однообразные: *краси́мный* (красный), *низко́мный, твердо́мный, скупи́мный* (скупой), *скупо́рный* (скупой) и пр. У черниговских старцев употребляется образование: *красни́мый, желти́мый, бели́мый*, и т. д. «Слова эти, по объяснению лирника, можно самому делать».[3] Но преимущественно инфикс прилагательного встречается в белорусских арго.

Все эти словообразовательные способы, свойственные, как мы видим, главным образом, белорусским арго, создают в них как бы особое наслоение. Е. Р. Романов говорит, что это наслоение составляет «отверницкую говорку» (т. е. говорку с отворачиванием слогов), которая «вошла во всеобщее употребление в Минской губ. и, по словам любков, почти вытеснила оттуда любецкий лемент, бывший в употреблении еще лет десять назад».[4] Но это же наслоение встречается и в катрушницком

[1] Подробнее о перестановках см. у В. Ягича, назв. соч., стр. 7—8.

[2] К вопросу об условных языках. Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1899, т. IV, кн. I, стр. 284.

[3] П. Тиханов. Черниговские старцы. Труды Черниговской губ. арх. ком., 1899—1900 гг., вып. II, стр. 92.

[4] Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («любецкий лемент»). — Этнограф. Обозрение, 1890, № 4. стр. 126.

лемезене могилевских шаповалов и, хотя в меньшей степени, в других арго, в том числе в офенском, даже в старых записях. Термин «отверницкая речь» находим уже в «Описании Кричевского графства», хотя объяснение ему там дается другое. Можно думать, что «отворачивание слогов», т. е. перечисленные выше приемы искусственного словообразования, не составляло самостоятельного языка, а издавна вплеталось в арго, с его коренными словами другого происхождения.

Если не считать этих особенностей словообразования, то арго не имеют своей грамматики. Словоизменение и фонетика целиком зависят от того языка, на базе которого строится арго (напр. *зетáть, зитáць, зитáты;* оф. *лох в рáху захлúл* — мужик в избу зашел; катр. *пощукрýй манькá* — поцелуй меня, и т. д.). Особых предлогов, союзов и междометий нет.

V. «Блатная музыка»

Все эти арго торговцев, ремесленников и нищих, повидимому, умерли окончательно еще в конце прошлого века, уступив свое место новому поколению арго. Развитие промышленности убило цеховые организации; офенская торговля стала приходить в упадок уже к середине XIX века; даже нищенские организации постепенно рассыпались и теряли свои традиции, а с ними и свой жаргон. С ростом городского населения на смену бродячему элементу внегородского типа стал приходить люмпенпролетариат и преступный мир города. Те же условия социальной обособленности также приводили этот городской элемент к созданию своих условных жаргонов.

Эти жаргоны, вероятно, более или менее сложились ко второй половине XIX века. О более ранних городских арго мы ничего не знаем. В старых записях чисто городские арго не отмечены. Правда, в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1820, ч. 20) приводятся «скрытые от прочих» и «отличные выражения», «употребляемые торговцами» городов Бежецка (Тверской губ.), Кашина (Тверской губ.) и Галича (Костромской губ.), но это тот же офенский язык. Более подробные данные в статье И. Т. Смирнова «Мелкие торговцы г. Кашина Тверской губ. и их условный язык» (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1902, т. VII, стр. 89—114) свидетельствуют о том же. Первые свидетельства о языке различных групп уголовного мира находим у Даля (Словарь, 1863 г., ч. I, стр. XLVIII), в романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы», печатавшемся в «Отечественных Записках» в 1864—1866 гг.,[1] в «Записках Ивана Дмитрие-

[1] Материалы воровского языка из этого романа приведены в виде словаря, заключающего около 250 слов, Н. А. Смирновым в Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. IV, кн. 3, стр. 1065—1087.

вича Путилина» (СПб., 1904, кн. 4), где приводится около 150 слов арго петербургских мошенников 60-х годов, в книге С. В. Максимова «Сибирь и каторга», первое издание которой вышло в 1871 году,[1] и в книге Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872 г.). Здесь сообщаются некоторые данные и приводится небольшое количество словарного материала «музыки» или «байкового языка» воров и мошенников и тюремного языка.

Существовали в достаточной степени диференцированные группы этого своеобразного «подполья»: московские жулики, петербургские мазурики, затем шулера, воры различных профессий (карманщики, взломщики и пр.). Каждая группа имела, если не свой особый арго, то известные наслоения в общем воровском арго; особое наслоение должно было существовать в тюремном языке арестантов и сибирских каторжников. Свой язык имели и проститутки, помимо тех слов, которые они перенимали из воровского мира. В одном из очерков бытописателя одесского дна Кармена (Л. О. Коримана) обитательница публичного дома говорит новой подруге: „Мы — девушки — говорим по-балабарски, когда не хотим, чтобы нас гости понимали. Хочешь, я научу тебя. «Скирать» — значит говорить. «Хромчать» — кушать, «хромчальник» — рот, «бирлять» — пить, «кирьяный» — пьяный, «мотрачки» — глаза, «шпилять» — играть...“[2] Но, с одной стороны как первые, так и позднейшие собиратели недостаточно диференцировали языки этих различных групп, а с другой — сами эти группы были в настолько тесном общении между собой, что различия в их языке сглаживались, и создавалась общая основа, на которой могли наслаиваться только небольшие отличия — групповые и территориальные.

Чем дальше, тем больше расширялась эта общая база, ставшая известной под именем «блатной музыки». «Блатная музыка» стала общеразговорным жаргоном преступного мира; в этот жаргон отдельными группами и отдельными местами вносились только свои особенности. Мы имеем два наиболее полных словаря этого языка: В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка, („Жаргон“ тюрьмы)». Под ред. и с предисл. проф. Бодуэн-де-Куртенэ (Спб., 1908), и В. М. Попова «Словарь воровского и арестантского языка» (Киев, 1912), заключающий свыше 1000 слов. Замечательно, что оба словаря, независимые друг от друга, дают почти тождественный материал, несмотря на различную базу наблюдений: в первом словаре дается тюремный материал, во втором лишь отчасти тюремный, а главным образом пред-

[1] Автор указывает, что словарь мазуриков, которым он пользуется, составлен в 1842 г. и дополнен в 1869 г.

[2] На дне Одессы. Изд. Е. Е. Свистуновой. Од., 1904, стр. 189. — Впрочем, слова «хромчать» и «кирьяный» не принадлежат исключительно языку проституток.

ставителей вольного «дна». Оба эти словаря являются как бы сводкой остальных источников, которые лишь подкрепляют, но почти не дополняют их.[1]

В воровском словаре, «блатной музыке», прежде всего можно отметить заимствования от старших арго. Общеизвестный термин московского жаргона *жулик* с полным правом можно возвести к офенскому *жуль, жулик* — ножик (также оф. *жулить* — резать). Это — метонимическое обозначение субъекта по неизменному его оружию. Это одно из тех арготических слов, которые получили право гражданства в нашем языке. Далее, можно отметить следующие заимствования: *ха́за* — воровская квартира; *са́ра, сарга* — деньги; *ску́ржа, скуржанбй* — серебро, серебряный (повидимому, от *скуребро*), *ширма́н* — карман, отсюда *ширма́ч, ширму́шник* — карманщик; *шка́ры* — брюки (оф. *шкары*), отсюда *шка́ра* — брючный карман; *ки́ча* — тюрьма (оф. *качуха*); *слам* — доля добычи; *кима́ть* — спать; *клёвый, клёво* — хороший, удачный, *клёвое дело* — удачная кража (Куприн); *хрять* — итти, бежать, ехать; *зе́тить* — смотреть, зорко озираться (*зекс!* — берегись — не равносильно, конечно, оф. *зеть*, а является переводом слова «шесть», обозначающего, по числу нашивок тюремного надзирателя, опасность от полиции, тюремной стражи и т. п.); *перепулить* — передать (П. Фабричный); *ко́сать* — бить; *отна́чить* — скрыть от сообщников похищенное, *отна́чиваться* — откупаться, *зана́чить* — спрятать, *выначить* — вынуть из кармана, *подна́чивать* — подговаривать, поддразнивать; *граблю́ки* — руки, пальцы, *гра́бли* — перчатки; *буси́ть, буснуть* — пить, выпить, *бу́сый* — пьяный; *ка́на* — кабак (лирн., катр. и мог. шап. *ка́ня*); *курёха* — изба (оф. *курёха* — деревня), и т. п.

Как видно отсюда, из предшествовавших арго больше всего повлиял на воровской жаргон офенский язык. Это вполне естественно, потому что офенский язык был ближе всего к столичным городам, где главным образом и создавалась блатная музыка. У Н. А. Лейкина читаем: «То торговое место в Петербурге, где еще и поныне процветают слова: сначить, клево, керый, вершать и тому подобные термины из языка российских офеней, издавна называется «Апраксиным двором».[2] Еще теснее, разумеется, офени были связаны с Москвой.

[1] Главнейшие из этих источников: Г. Н. Брейтман. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901 (этот источник использован Бодуэном-де Куртенэ в словаре Трахтенберга); Л. Мельшин [П. Ф. Якубович]. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. Спб., 1896, т. I; В. Александров. Арестантская республика. Русская Мысль, 1904, № 9, стр. 68—84; П. Фабричный. Язык каторги. Каторга и Ссылка, 1923 г., № 6, стр. 177—188; В. М. Дорошевич. Сахалин, ч. I, М., 1907; А. И. Куприн. Вор [очерк из серии «Киевские типы»]; Кармен. На дне Одессы. Од., 1904.

[2] «Апраксинцы», I. — Цитата приведена в Академическом словаре русского языка, под словом «клевый».

Но такую же важную, если не еще большую роль в формировании блатного словаря играло интернациональное общение представителей преступного мира. Мы видим большое количество заимствований из польских и немецких арго. Самый термин *блатной*, столь теперь известный и обозначающий представителя преступного мира, «своего», перешел через польские арго из немецкого Rotwelsch. В записях, приведенных Kluge, находим: *platt* — доверенный, дружеский, *Blatter* — вор;[1] то же в других немецких источниках; нем.-евр. *blat* — доверенный, согласный на что-либо;[2] польск. *blat* — укрыватель краденого, *blat być* — согласиться на что-нибудь, *blatny*, *błatny*, *błotny* — то же, что и в русском арго.[3] Интересно, что это слово *(блат* — преступление, *блатной* — член преступного мира) мы встречаем в словарях Трахтенберга и Попова и в позднейших записях, но не видим в более ранних.

Другие заимствования: *шниф* — кража, кража со взломом, *шни́фер* — взломщик, ночной вор; Kl. *schniffen* — красть, *Schniffer* — вор; *скок*, *скокарь* — то же, что «шниф», «шнифер», кроме того — комнатная кража, вор с отмычкой; L. *skok* — комнатная кража, *Skoker* — вор с отмычкой, *Zgocker* — комнатный вор; Kl. *Skokker* — вор, крадущий зимой белье на чердаке; K. *skok* — комнатный вор (это слово осмысливается в русском и польском через слово «скакать», так как вору приходится лезть через окно, форточку и т. п.; может быть, это слово русского происхождения и перешло на запад, а не наоборот); *марви́хер* — карманщик, K. (гал.-евр.) *mawicher* — то же; *фра́йер* — жертва шулера, мошенника или вора; Kl. *Freier* — то же; E. *frajer* — не умеющий играть в карты, начинающий вор, вообще новичек в преступном мире; *зу́хер* — сыщик, *шу́хер* — обыск (П. Фабричный), шум, тревога; Kl. *Schuker* — полицейский, жандарм; *ци́нка*, *цы́нка*, стоять *на цинке* — стоять на страже; Kl. *Zinke*, *Zink* — знак, сигнал, *Zinken stechen*, *stecken*, *geben*, *zinken* — давать знак (весьма распространенное в немецких арго); *клифт* — жертва грабителя, пальто[4] — тоже из распространенного немецкого арготического *Kluft* — одежда (Kl.); *кси́ва* — документ, записка; K. (гал.-евр.) *ksiwe* — письмо; *мент* — сыщик, полицейский, тюремный надзиратель, E., K. *mente* — солдат, — по объяснению A. Ландау, венгерского происхождения;

[1] S. Kluge. Rotwelsch. Strassburg, 1901.

[2] A. Landau. Zur polnischen Gaunersprache. Archiv für slavische Philologie, 1902, B. 24, S. 142 — 143.

[3] A. Kurka. Słownik mowy zlodziejskiej. Lwów, 1899. K. Estreicher. Szwargot więzienny. Krakow, 1903. Сокращения в дальнейшем: Kl. — Kluge, L. — Landau, K. — Kurka, E. — Estreicher; гал.-евр. — еврейский арго в Галиции, приводимый Куркой и Ландау.

[4] В последнем значении у Кармена и в книжечке — Ванька [sic] Бец. Босяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босяками. Составлен по разным источникам. Одесса, 1903.

штымп — жертва (у Куприна — стоящий на страже), К. *sztemp* — преступление; Е. sztymp — измена делу, вор отбывший наказание, — еврейского происхождения (L.); *ховúра, хавúра, хавúровать* — подсовывать постороннему украденную вещь; можно было бы возвести к слову «ховать», но в немецких арго имеем *Chäwre, Chawrusse* — воровская компания, *Chawer* — член этой компании (Kl.), в польских *chawira, hawira* — скрытое убежище, дом (Е., К.), К. *chawres* — сообщник, гал.-евр. *awire szlugen* — спрятаться (К.); повидимому, тут мы имеем заимствование с изменившимся значением и подкрепленное польско-украинским «ховать» (прятать). Подобное же явление происходит с словом *плетовáть* — бежать с каторги, *плейтовáть* — удирать; оно объясняется обычно словом «плеть», так как пойманные приговаривались к плетям; но вторая форма этого слова восходит к евр.-нем. *pleite* — бегство (L.), Kl. *Pleite* — бегство, *pleite gehn, pleite machen*, даже *plette gehen* — бежать, удирать; К. *plaiter zrobić* — убежать. Несколько иное получается со словом *кáпать* — доносить, выдавать. Это слово, совершенно русское по звучанию, однако тоже заимствовано: в немецких арго встречаем *verkappen, kappen* — поймать, выдавать, предать (Kl.), в польских — *kapować, kapać* (К., Е.), между прочими, с тем же значением «выдавать», «предавать». В этом случае арготическое слово ассоциируется с неарготическим по звучанию, но не по смыслу.

Далее, встречаем такие глаголы, как *засыпать* — выдать, *засыпаться* — попасться, *стрелять* — красть (Кармен), просить милостыню; в польских арго *zasypać, zasypać się* — в том же значении; L. (гал.-евр.) *fasziten* — выдать, нем. *verschitten, verschüt gehen* — пойматься (L., S. 143); *schieszen* — воровать (Kl., 411). Тут мы имеем не прямое заимствование, а переводы арготических глаголов образного происхождения, с сохранением того же или близкого значения (ср. школьное «провалиться», нем. *durchfallen*, в том же значении — провалиться на экзамене).

Наконец, в блатном жаргоне есть ряд чужеземных слов не арготического происхождения: *роба* — одежда (Бец), упомянутое уже *зекс, бан* — вокзал, *тижон* — жертва шулера или мошенника, *гранда* — крупная кража, отсюда *грандовщик, для блезиру* (от фр. *plaisir*), *форс* — деньги (от фр. *force* — сила)[1] и др. Слово *мазурик* и *маз* (старый, опытный вор, учитель в воровском деле) через неарготическое слово «маз» (картежный и бильярдный термин, откуда и слово «промазать» — промахнуться) соединяется с фр. *masse*; однако, С. В. Максимов

1 Ср. диалектическое *форс* — сила, *форсить* — чваниться, гордиться.

возводит его к старому русскому разбойничьему «маз» — атаман[1], что вряд ли верно; так как мы как будто не встречаем этого слова ни в офенском, ни в других непосредственных предшественниках блатного арго.

Во всяком случае мы имеем достаточно примеров заимствования, показывающих интенсивность интернационального общения блатных. Конечно, это общение выражается прежде всего в заимствованиях не обычных слов, а именно арготических. Естественно ожидать и обратного заимствования — из русских арго. Для польских арго, кроме указанных раньше арготических заимствований, можно привести из Курки такие неарготические заимствования: *seredyna* — в том же значении, *samowar kipi* — цилиндр (шляпа). В немецких арго у Клюге встречаем: неарготические заимствования *Loschke*, *Loschkes* — ложка, *Lülke*, *Lulke* — трубка (впрочем, последнее может быть и из польского); арготическое заимствование *Gässe Maline* (стр. 323), русск. *малина* — воровской притон.

Офенский язык и другие предшествующие арго заимствовали иногда, как мы видели, из диалектизмов. Блатная музыка — арго городских и столичных преступников — заимствует, между прочим, из ближайшего родственного языка — украинского (и белорусского). *Майда́н* — кусок сукна, расстилаемый на нарах для игры в карты и для торговли, отсюда *майда́нщик* — тюремный ростовщик; *торбохват* — вор, крадущий на базаре у крестьян; *кана́ть* — бежать, *кана́й* — сигнал об опасности; *шка́па* — деревенская кляча, *ши́бинница* — виселица, — все это украинизмы, крепко усвоенные, за исключением, может быть, последних двух, блатным языком.

Можно указать и диалектизмы, напр., сибирские *варна́к* — каторжник, *челдо́н*, *чалдо́н* — сибиряк; *абро́тник*, *обро́тник* — конокрад — происходит от диалектического «оброть», «обротка» — уздечка; *ты́рить* — толкать, прятать, скрывать, продавать, красть, отсюда *сты́рить* — украсть, *переты́рить* — передать краденое, *заты́рить* — упрятать, и т. д. — все это от диалектического «тырить» с измененным значением; столь известное *барахло* тоже является диалектизмом, отмеченным еще «Опытом областного великорусского словаря» и Далем в Архангельской губ. и Сибири.

Кроме всех этих указанных заимствований (неарготических слов, слов из предшествующих арго, из чужеземных), громадную роль в блатной музыке играет словообразование путем переноса значений, — гораздо большую, чем в предыдущих арго. Арестанты и преступники в этом отношении оказываются далеко изобретательнее офеней, нищих и ремесленников. На первый план выступает не синекдоха,

[1] Сибирь и каторга, 1871, I, стр. 438.

а метафора — наиболее поэтический способ словообразования. Эта метафора — преимущественно иронического, иногда даже саркастического характера. Механического словообразования («отворачивания» слогов) в блатной музыке совсем не существует. Зато образных выражений сколько угодно. Вот некоторые: *чердачек* — жилетный карман, *перо* — нож, *серьга, собачка* — висячий замок, *голуби, снег* — белье, *рыжий, веснушный* — золотой, *веснухи, подсолнух* — золотые часы, *бока* — часы, *веснушка* — золотая часовая цепочка, *аркан* — шейная цепочка, *обруч* — кольцо, *колесо* — серебряный рубль, *колёса* — сапоги, ботинки, *окорока* — меховые вещи, *стирки* — карты (от слова «стирать»: карты сборные, из разных колод, и на них стираются лишние очки), *святцы* — также карты, *пижон, пассажир* — жертва шулера или вора, *лягавый, борзой* — предатель, сыщик, *фараон* — полицейский, *мокрое дело, сухое дело* — кража с убийством, без убийства, *пеньковый галстук, журавль* — виселица, *шпана* — коренное тюремное население (вероятно, от слова «шпанка» — порода овец, которые в стаде все кажутся серыми и однообразными), *скамейка* — лошадь, *халтура* — похороны и кража на квартире, где находится покойник.[1] Кроме того, ряд образных глаголов и глагольных выражений: *загнать в пузырек, в бутылку* — раздразнить, вывести из себя, *загнать* — продать, *заливать* — врать, *заговаривать зубы* — отвлекать внимание, *брать* или *взять на держку, на складку, на душёк, на машинку, на храпо́к* — выражение, идущее от шулеров и обозначающее какие-нибудь манипуляции над жертвой; *нахрапом* — силой («взять на хрипок» — схватить за горло); *арапа заправлять, запускать* — тоже шулерское, обозначающее — не платить долгов; *баки забивать, вколачивать, вкручивать* — отвлекать внимание, *очки втирать* — то же самое, *околпачивать* — обмануть, *крыть, крыть нечем* — возражать, оставить вопрос без ответа, *держать фасон* — вести себя с достоинством, *завести, затереть волынку* — тюремный протест, *винта дать, винта нарезать* — убежать, *здрефить* (сдрейфить) — струсить, *пришить* — убить, *засыпаться* и т. д.

Здесь бросаются в глаза два обстоятельства. Во первых, многие слова и выражения оказываются слишком знакомыми, и кажется, что они перешли из нашего языка в воровской. Но изучение истории, по крайней мере, большинства этих слов показывает обратное. Ни у Даля, ни в Академическом словаре, ни в «Опыте обла-

[1] А. М. Селищев (Язык революционной эпохи, 1928), С. И. Карцевский (Язык, война и революция. Берлин, 1923) и Р. Якобсон (Vliv revoluce na rusky jazyk. Praha, 1921) производят это слово из среды духовенства югозападных губерний, указывая на первоначальное значение — похороны, затем — поминки, даровое угощение, пожива. Но никто из них не упоминает об арготическом употреблении этого слова.

стного великорусского словаря» и «Дополнении» к нему большинства этих слов не найдем. Эти слова попадали к нам в язык по мере отпадения от тайного жаргона, и, таким образом, многие из них вошли уже, например, в фразеологический словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь». Такие слова, как *задать лататы́, тянуть волынку, для блезиру, фартовый, малина, фомка, жулик, мазурик* и многие другие, стали общеупотребительными еще в старое время. Из личной памяти могу привести, кроме того, ряд слов, бывших в употреблении лет 20 тому назад в школьном жаргоне: *загнать* (продать), *на арапа, арапа заправлять, дрефить, здрефить, не дрефь, понт* (обман), *с понтом* (с шиком), *зекс, супник, жлоб* (простак), *бычки* (окурки). В военное и послевоенное время сюда прибавился новый ассортимент слов: *крыть нечем, шпана, шкет, барахло, халтура, липа, липовый, блатной* и др. Короткое время существовало и уже забылось слово *обра́тник* — беженец из голодных мест, возвращающийся обратно; это арестантский арготизм, обозначающий ссыльного, бежавшего на родину (Трахтенберг, Попов), или каторжника, бежавшего в Россию и возвращенного на каторгу (Дорошевич). Получившие столь широкое распространение слова *шамать* и *буза* (отсюда *бузить, бузу тереть, бузотер*) в прежних блатных словарях не встречаются. Происхождение этих слов не ясно. «Шамать», может быть, можно сопоставить с созвучным диалектическим, обозначающим «шамкать», а второе слово можно сопоставить с двумя созвучными словами: одним, обозначающим кавказский и турецкий напиток вроде браги, и другим, обозначающим каменную соль; второе сопоставление, пожалуй, ближе к истине, потому что эту соль нужно тереть, отсюда «бузу тереть», «бузотер». Эти слова, не успевши стать вполне арготическими, уже отпали от арго, и блатные, вероятно, выкидывают уже их из своего словаря, как ненужные.

Тут мы встречаемся с тем вторым явлением, о котором упомянуто выше. Часто один и тот же предмет имеет в арго ряд синонимов, или вернее, ряд сменяющих друг друга обозначений. Старые обозначения, по мере того как перестают быть секретными, заменяются новыми. Таким образом, нож — *жулик* и *перо*; стоять на страже — *на стреме, на шинке; стрема, двадцать шесть, шесть, зекс, кана́й* — сигнал об опасности; часы — *веснухи, подсолнух, бока, бани, бибары*; бежать — *хрять, лататы́, кана́ть, плейтовать*, и пр. Конечно, не все из этих слов приходят обязательно на смену, а они существуют часто и рядом. Но в большинстве случаев происходит смена. А. М. Хирьяков рассказывает об уголовном арестанте, который сравнивал воровской жаргон «Петербургских трущоб» Крестовского с современным. «Теперь многое изменилось, — говорил Митька-маляр, — умственнее язык стал. Прежде, например, бумажник называли: лопата,

а теперь говорят: кожа; лом у Крестовского называется фомка. Почему фомка? Неизвестно. А теперь говорят: гитара. Умственнее.»[1] Но Митька-маляр дает неполные сведения: С. В. Максимов указывает, что бумажник назывался раньше *финал, шмужа,* а потом *лопатка* и *боковня*.[2]

VI. Современный блатной язык

Таким образом, блатной язык послереволюционной эпохи должен был претерпеть некоторые изменения. Прежде всего, блатной язык в значительной своей части стал достоянием улицы, особенно беспризорных, которые входили в те или другие отношения с преступным миром; а отсюда блатные словечки и выражения в обилии стали проникать с одной стороны в рабочую и даже интеллигентскую среду, а с другой — в комсомольскую и школьную. Блатной язык перестал быть тайным и терял свое значение, как арго. Это, повидимому, должно вести его к перестроению и к замене отпавших слов новыми. Затем, новые слова должны были явиться вместе с новыми социальными явлениями и теми или другими изменениями в быте блатного мира.

К сожалению, о современном блатном языке мы как раз не имеем достаточных сведений. Могу указать только два небольших словарика чисто блатного жаргона: один в статье Н. Хандзинского «Блатная поэзия» (Сибирская Живая Старина, 1926, вып. I), другой в книге Бориса Глубоковского «49. Материалы и впечатления. О. Соловки» (Бюро Печати УСЛОН. 1926).[3] Другие материалы относятся к языку беспризорных и школьников, отражающему, может быть, не столько современный блатной жаргон, сколько наследие прежнего.

В словах, приводимых Н. Хандзинским и Б. Глубоковским, много однако старых знакомцев, как напр., *бан, голуби, ботать* (болтать), *гра́пки* (руки), *зя́пить, кема́ть, кана́ть, плитова́ть, плети купить* (убежать), *кси́ва, рыжий* (золотой), *ску́ржа* (серебро), *стрёма, у́рка, урка́н* (вор), *фра́йер, ха́за* и пр. и пр., не говоря уже о таких словах, как *блатной, шпана, малина* и др. общеизвестных. Некоторые слова встречаются в измененной, обновленной форме, напр., тюрьма — не только *ки́ча,* но и *кичма́н*; спать — *кема́ть* и *кима́рить*; шпион, предатель — *кап-кап*. Некоторые меняют значение: *у́рка* — раньше значило — крупный вор,

[1] Три встречи. Современник, 1911, № 11, стр. 352.

[2] Сибирь и каторга, 1871, ч. I, стр. 449.

[3] Есть еще официальное издание: Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. Изд. Упр. уголовн. розыска респ., М., 1923[1], 1927[2], — но я этим изданием не мог воспользоваться.

теперь — воришка. Наряду с *фомкой* (Хандзинский) встречается *гитара* (Глубоковский); но нож — только *перо* (слова *жуль, жулик* уже нет). Ряд прежних слов сохраняется наряду с новыми обозначениями: револьвер — не только *шпáер, шпáлер,* но и *пушка, винт, чекушка*; попасться — *засыпаться* и *завалиться*. Затем, можно отметить слова, повидимому, новые и вытеснившие прежние: *грубóй* — хороший, *грýба* — большая ценность, *дербáнка* — делёж, *купить, рубить, хрýстать, нырять* — украсть, красть, воровать, *порт* — портмоне, *шмель* — бумажник, портфель, *тисýешь* — идешь на попятную, *буксовáть* — бить, *малахóльный* — ненормальный (от слова «меланхолия»), и т. п.

Новые условия быта также привели к созданию новых слов. Милиционер обозначается не только старым словом *мент*, но по созвучию и новым *мельтóн, мильтóн;* беспартийный — *беспартянок* (Хандзинский). Сигнал: стой! руки вверх! — употреблявшийся во время недавних налетов, обозначается термином *стóпорка, стопа*; отсюда *стóпорщик* — грабитель, практикующий «стопорку» (Хандз.). Глубоковский приводит ряд слов, относящихся к употреблению кокаина, получившего, в преступном мире и среди проституток большое распространение: *марафéт* (старое слово с новым значением) — кокаин; *зарядить* — понюхать кокаину; *симулятор* — занюхавшийся кокаином; *втыкать от дармового, загибаться от вольного* — понюхать кокаин за чужой счет.

Однако, обилие старых и уже отпавших от арго слов показывает, что современный арго переживает кризис, находится в переходном состоянии. Вряд ли можно говорить о полном его отмирании, потому что, к сожалению, еще не уничтожены у нас окончательно условия, создающие «блатное» дно и язык этого дна, как неизбежное следствие изоляции от нормальной общественности.

VII. Арго беспризорных и школьников

Итак, внешний признак кризиса блатного языка заключается в том, что он, оторвавшись от своей естественной почвы, получил небывалую прежде широкую базу. Раньше этот язык просачивался со дна отдельными струйками, а теперь вдруг он оказался почти целиком усвоенным всей массой беспризорных, представляющих собой не самое «дно», а лишь окружение дна. Кадры беспризорных, вливаясь в детдома и школы и так или иначе общаясь с социально-нормальной детской средой, принесли свой язык и в среду школьников. Конечно, эта новая среда — и беспризорных и школьников — вносила каждая свои особенности в арго, видоизменяла и пополняла его своими специфическими словами и терминами.

Исследователи успели уже собрать ряд материалов из языка беспризорных и школьников. Для языка беспризорных имеем: статью Виктора Петрова «З фольклору правопорушників» (Етнографічний Вісник, кн. 2, 1926, стр. 44 — 60), где в песнях киевских беспризорных обильно отражен их язык; статью Н. П. Белецкой «Беспризорные» (Коллективы беспризорных и их вожаки. Сборник статей под ред. Б. О. Боровича. Хрк. 1926), где даются кое-какие материалы языка харьковских беспризорных, и статью Георгия Виноградова «Детские тайные языки» (Сибирская Живая Старина, 1926, вып. II, стр. 87 — 112), в которой приведены словарики сызранского и иркутского детдомов. В книге Маро (М. И. Левитиной) «Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы» (М., 1925) приводится словарик, повидимому, харьковских беспризорных. В моем распоряжении имеется, кроме того, словарь одесских беспризорных, собраный Д. Б. Макаровским и любезно предоставленный мне для настоящей работы; этот словарь заключает свыше 200 слов и, к сожалению, еще не напечатан. Язык одесских беспризорных отражен также в украинской повести И. Микитенка «Вуркагани» (т. е. уркаганы, урканы). Наконец, ценный словарный и фразеологический материал заключается в повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД», где авторы описывают ленинградских беспризорных и ленинградский детдом, в котором сами воспитывались.

Школьный жаргон описывается в следующих статьях: Владимира Щепотьева «Мова наших школярів» (Етнографічний Вісник, кн. 3, 1927, стр. 76 — 81), в котором приводится язык полтавских школьников; С. Копорского «Воровской жаргон в среде школьников. (По материалам обследования ярославских школ)» (Вестник Просвещения. Журнал МОНО, 1927, № I, стр. 7 — 12), где дается только небольшая часть из словаря в 150 с лишним слов, собранных автором; в упомянутой статье Г. Виноградова, в которой приведен словарик школьников в Чите; в статье М. Рыбниковой «Об искажении и огрублении речи учащихся» (Родной язык в школе, 1927, I, стр. 243 — 245) — с материалом из жаргона московских школьников, слитым однако в статье с языком беспризорных; Е. П. Луповой «Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени Вятского края» (Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, т. III, 1927, стр. 105 — 125). Школьный жаргон находит также живое отражение в книге Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева».

В этих материалах жаргона, как беспризорных, так и школьников, — материалах, собранных в разных местах и концах Советского Союза, поражает их большое взаимное сходство. Сибирские школьники говорят почти так же, как киевские или одесские беспризорные, а ленинградские, напр., или иркутские беспризорные — как

полтавские или ярославские школьники. Это один и тот же жаргон, основаный на блатном арго и только кое в чем видоизмененный и обновленный.

Вот, напр., ряд слов из словаря беспризорных, употребляемых, повидимому, повсеместно, так как они попадаются, если не во всех названных материалах, то хоть в некоторых, а с другой стороны, встречаются в параллельных словарях школьного жаргона, куда они могли попасть только из среды беспризорных: *у́рка, урка́н, уркага́н, ши́рма, ширма́ч, ки́ча, кичма́н, хави́ра, ха́за, бан, майда́н, перо, финка, фомка, шпа́лер, шпай, шпа́йчик, фра́йер, штымп, штымпе́ха, мент, мильто́н, легавый, сла́ма, сла́мщик, стре́ма, зекс, са́ра, сарма́к, сти́рки, сти́ры, святцы, голуби, колёса* (ботинки), *кси́ва, грубо́, слабо́* (слово для поддразнивания), *малахо́льный, ты́рить, сты́рить, отна́чить, зана́чить, кана́ть, плитова́ть, загнать* (продать), *загнать в бутылку, в пузырек, ко́сать* (бить), *кема́ть, кима́рить* (спать), *взять* или *брать на пушку, на бога, на бас, на понт* (пугать, обманывать), *блатовать* (воровать), *декохт, дикофт* (голод), *дикофтатор* (голодающий, нуждающийся) и мн. др. Все это чисто блатные слова, сохранившие в общем свои значения. Не говорю уже о таких словах, как *шпана, шкет, блатной, барахло, барахолка, липа, малина, арапа заправлять, засыпаться, здрефить, шамать* и т. п., которые настолько отпали от арго, что употребляются не только в жаргоне беспризорных и школьников, а и вне всякого жаргона.

Некоторые блатные слова в языке беспризорных меняют свое значение. Напр., слово *майдан* значит уже «поезд»; отсюда *майданщик* — поездной вор (когда то *поезду́шник*). Старые слова *поха́н, поха́нша* (от *хаз*) возрождаются вновь не только в смысле «хозяин», «хозяйка», но и «отец», «мать». Такие слова, как *дикофтатор, уркаган, шпай, шпайчик, взять на понт, на пушку, на бога*, являются, повидимому, новыми видоизменениями. Есть ряд слов, вероятно, совсем новых: *ку́мпол* — голова (от «купол»), *то́пать* — итти, *пацан* — мальчик, малыш, *коренной, корешок* — друг, приятель, *чипа́рики* — окурки, *сма́чный, зма́шный* — вкусный (украинизм), и др. У одесских беспризорных есть слово *деке́фт, деке́ф;* оно получилось путем перестановки из слова «дефект» (дефективный).

В школьном жаргоне сохраняются в общем те же слова, подвергаясь иногда дальнейшим изменениям. Так, «отец» и «мать», которые в жизни беспризорных имеют больше символическое значение, в словаре школьников занимают уже большое место. *Похан, поханша* — значит уже не «хозяин» и «хозяйка», а «отец» и «мать»; то же — *саракот* и *саракотуха́* (от *сара* — деньги, так как они имеют и дают деньги); *саракоду́м* — также «отец» (думает о деньгах); *нау́м, нау́миха, фатер, мутер, мутерша* — также отец и мать. В словаре вятских школьников

появляется старое нищенское *сума́рь* (хлеб). Из слова *мент* получается *ме́нтор* — в том же значении «милиционер»: слово, происхождение которого без знания арго можно толковать совсем превратно. Из слова *сти́рки, сти́ры* путем перестановки получается *си́рты* (карты).

Особую изобретательность проявляют школьники по отношению к некоторым словам не особенно высокого пошиба (к сожалению!), напр., ударить, бить, красть: эти слова имеют обилие синонимов, помимо унаследованных арготических; также обильно синонимами и запретительное «замолчи». Бить: *ко́сать, ко́цать, кна́цать;* побить — *отко́цать, отбо́тать, выдать банок, бубну выбить, бубну высечь, высветить черву, вставить черву; плюх навешу, шватырок надаю* — побью; ударить — *зробить, навернуть, поднавернуть, тэрснуть, жохнуть; рящику сковырнуть, глаз выбить; по зубе́ дам*; *стыкаться* — драться; *заявлять* — вызывать на драку. Украсть: *стырить, дерябнуть, шопнуть, сбондить, сбодать, сбендить, сбачить, свиснуть, схарлать, сцизить, счапать, спупырить, навернуть, слямзить, слимонить, сперет*ь. Неудачно украсть и попасться при краже: *засыпаться, завалиться, зашиться, зарыться, замочиться, поплыть, промазать, замухориться*. Замолчи: *заткнись, заткни хайло, заткни свою плевательницу, закрой плевательницу, закрой хлебало, закрой чавкало (чавку), закройся, захлопни, засохни; замри, пацан; брось подмет-ками шлепать*. Здесь сказывается не столько деловая потребность, вызывающая арготические термины, сколько стремление к экспресии и игра словами. Это характерное отличие языка школьников от языка беспризорных, не говоря уже об арго взрослых.

VIII. Одесские арго

Любопытно было бы, наконец, проследить территориальные отличия блатного арго, несомненно имевшие место и сказавшиеся также в известной степени на жаргоне школьников и беспризорных. Но это трудно, почти невозможно сделать. Во-первых, словари дают сводный материал, почти не дифференцируют его территориально, во-вторых, блатные разных мест всегда были в таком интенсивном общении между собой на воле и особенно в тюрьме, что местная особенность легко становилась общей принадлежностью арго. Этим блатной язык резко отличается от предшествующих арго, в которых, несмотря на большое взаимовлияние, можно провести отчетливую грань не только групповую, но и территориальную.

Однако, возможность кое-каких наблюдений дает мне одесский материал. Правда, мы не имеем систематического словаря одесского блатного арго, но зато он

обильно отражен в произведениях Кармена, особенно в его очерках «На дне Одессы» (1904 г.).[1] К этому же времени относится и небольшой словарик Ваньки (!) Беца: «Босяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босяками. Составлен по разным источникам. Одесса, 1903». Но в этом словарике всего 95 слов, и не все они одесские, местные. Кое-какой материал имеется в книге В. В. Фон-Ланге «Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове» (Од., 1906) и в повести А. И. Свирского «Рыжик». Далее, те слова в словаре Попова, которые отмечены, как южные, также можно считать в значительной степени одесскими. Для языка одесских беспризорных, кроме повести И. Микитенка «Вуркагани», имеется у меня упомянутый словарь Д. Б. Макаровского. Наконец, со слов преподавателя одесской окраинной трудшколы Д. О. Гельфанда, любезно пошедшего мне навстречу, мною записано свыше ста слов и выражений, бытующих и ныне в жаргоне этой школы.

При сопоставлении всех этих материалов, отражающих последовательную смену жаргонов, можно видеть, как устойчиво сохраняются некоторые выражения, повидимому, местного происхождения и не встречающиеся в других местах. Так, *баржа́н* в значении «приют», «ночлежный дом» встречаем у Кармена и в том же значении «ночлежного дома» у беспризорных (Макаровский); слово *ро́ба* (одежда) находим у Беца и у Макаровского и Микитенка; в словаре трудшколы (Гельфанд) это слово получает значение «пальто». В одесском блатном языке в значении «пальто» было слово *клифт*, которое теперь у беспризорных и у школьников (Гельфанд) значит «пиджак». Это слово, заимствованное из немецкого арготического *Kluft* (одежда), встречается у Попова в значении «жертва грабителя», но его по праву можно считать одесским, потому что последнее значение является уже производным, и слово это в других источниках не встречается. Также одесскими можно считать, вероятно, такие слова, как *форс* в значении именно «деньги», *понт* — обман, *с понтом* — с шиком, *майна́ть*, *майна́ться* — подделываться, подмазываться, *лата́ться* — то же, *ливи́ровать* — юлить, высматривать, *дре́фить*, *здре́фить*. Большинство из этих слов отмечены у Попова, как южные, и они встречаются как у Кармена, так и у Беца. Очень прочны в одесском жаргоне такие украинизмы,

[1] Произведения И. Бабеля «Закат» и «Беня Крик», бытописующие одесскую «Молдаванку», в счет не идут, так как они дают слишком мало словарного материала. Не идут в счет также старые романы с многообещающими заглавиями: П. Гроссула-Толстого «Одесские трущобы» (1869 г.) и В. Правдина (Антонова) «Одесские катакомбы» (1874 г.), потому что язык героев этих романов не имеет ничего общего с реальным, бытовым языком.

как *ракло́* (босяк), *причинда́лы* (вещи, принадлежности), *халами́дник* (босяк, оборванец). К слову сказать, совершенно случайным является созвучие слова «ракло» с французским арготическим *raclette* (сыщик, кутузка, также трубочист).[1] Микитенко отмечает у одесских беспризорных *ракло́га* (в ругательном смысле), *ракле́ня́та* (малыши-беспризорные). Бытующее у беспризорных слово «халамидник» соответствует слову *халами́да* (рваная одежда) у Кармена,[2] «майнаться» — слову *майна́ть* (воровать) у Беца; «левировать» (ливировать) у Кармена значит «юлить», у Макаровского — высматривать, выслеживать. Последнее слово происходит, вероятно, от морского термина «лавировать». Из морского же словаря возникло и слово «дрефить» (правильно было бы «дрейфить»); именно эту форму *дрефить, здрефить,* не *дрейфь*, распространенную и в других местах, можно считать одесским арготизмом;[3] у одесских беспризорных это слово получает новый вариант: *здрефо́нить* (Микитенко). В старом одесском арго есть слово *хромчить* — есть, кушать (Кармен, Бец), которое, повидимому, теперь не сохранилось. Зато другое слово *тульч* (толчок, толкучка) теперь, очевидно, перешло в слово *ту́ча* — базар (Макаровский). Одесскими также можно считать, вероятно, слова *би́мбор* в значении «часы», *дико́фт шпи́лит* (я голодаю) и *дикофта́тор* (голодающий, безденежный); такая форма весьма устойчива именно в одесских жаргонах. Правда, у Макаровского «бимбор» значит касса, но у Гельфанда — часы, как и в старом одесском арго; у Попова *бимбер* — золотые и серебряные вещи, а часы — *бибары*.

В языке одесских беспризорных можно отметить новые слова еврейского и украинского происхождения. Еврейские в словаре Макаровского: *и́нгер* — висячий замок — от «эйнгер» — вешалка (наряду с этим встречаются и старые *серьга, собачка*), *за фармо́йр* — под страхом, *загибе́рить* — забрать силой (от «гиб эр» — дай сюда), *ре́нзель* — ридикюль. Украинские: *мандро́* — крестьянский хлеб, за которым, по объяснению самих беспризорных, в голодное время *мандрували*, т. е. путешествовали в деревню: *зма́шный* — вкусный, *ды́хать* — жить (собственно «дышать»), *шмат* — кусок (отсюда *кошма́нтики* — кусочки, где произошла контаминация двух слов: ср. в «Республике ШКИД» — *кусманчики* — кусочки, от укр. «кусман»). Далее, переделка русских слов: *ке́паться* — купаться, *ке́дить* курить (от «кадить»), *шки́ля* — худой (от «скелет», «шкилет»). Можно еще от-

[1] Впрочем, «ракло» не является коренным украинским словом; может быть, это слово цыганского происхождения и в украинском языке и в французском арго.

[2] «Дикари». Из жизни обитателей одесского порта. Од., 1901.

[3] Эту форму отмечает уже В. Долопчев в «Опыте словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России)» [собственно в Одессе]. Од., 1886.

метить: *мануфа́ль* — мануфактура, *че́пи* — шапка, *спиридо́н* — пьяный, *заиметь* — получить, *звона́рь*, *му́ныш* — собака, *скрипу́ха* — корзина, *фи́ксы* — кольца; наконец, *катако́мба* — трущоба: это специальный одесский термин, так как под улицами города находятся старинные подземные ходы — катакомбы. Почти все эти слова в других записях не встречаются, и можно думать, что они местные.

Любопытны параллели из школьного жаргона (по материалам Д. О. Гельфанда). Нужно пояснить, что данная школа находится в рабочем районе; школьники — дети рабочих, по национальности — преимущественно русские. Еврейские и украинские слова встречаем, напр., такие: *ме́сер* — нож (столовый; параллельно с этим есть *перо* — воровской нож), *бройд* — хлеб (также *ла́бан*), *кербл* — рубль: *шмат* — кусок, *кашке́т* — шляпа, *захова́ть* — спрятать. Характерно, что здесь слова просто переводятся, а не переделываются: опять же проявляется больше стремление к простой игре словами, нежели желание скрыть их смысл.

Другие параллели: *чепе́ц* — шапка, *ке́паться* — купаться, *морячка* — море, *кади́ть* — курить, *му́ныш* — собака, *заиме́ть* — получить, *спиридо́н* — пьяный, пьяница, *фиксовый* — золотой (у Макаровского *фи́ксы* — кольца). Улица, проходящая в районе школы (Степовая), называется *Собачий бульвар*, завшколой — *хозя́ин*.

Не обходятся без обозначения и другие неизбежные термины школьного словаря: отец, мать, украсть, побить, ударить. Они, конечно, не вполне оригинальны и имеют параллели в других школьных словарях. Отец: *фётер*, *папа́ця*, *батькёша*; мать — *му́терша*, *матькёша*; украсть — *купить* (также *слямзить*, *свиснуть* и др.); побить — *глаза набить*; ударить — *навернуть*, *вдарить по кумполу* («я ему наверну в зубы», «вдарь его по кумполу»).

Заранее можно сказать, что у школьников центральных районов встретится гораздо меньше арготических слов. И действительно, по прочитанному мне одним из бывших учеников центральной школы очерку жизни этой школы, могу отметить только следующие ходячие выражения: *заиме́ть*, *грубо́*, *много пушки* (много пустого шума, вранья), *дре́фить*, *хай*, *хайёж* (шум), *мутерша*, *лата́ние*, *лата́ется к девочке*, *пришива́ется к ней* (ухаживает). Употребляются, конечно, и такие слова, как *барахло*, *бузотер*, *шамовка* (еда). Учителей называют *педелями* (старое слово). Может быть, употребляются и другие слова, но во всяком случае их не много.

Ясно, почему это происходит. Более культурная среда отнюдь не содействует проникновению арготических элементов в язык. Мы видим, таким образом, просеивание отпавших от арго и нахлынувших на нас слов через несколько сит: сначала

эти слова почти целиком просеиваются в жаргон беспризорных; в языке школьников некоторые слова уже отсеиваются; еще большее отсеивание происходит в языке комсомольцев, затем рабочих, интеллигентов. И сравнительно немногие слова проходят через все эти сита, выдерживают борьбу за право полного гражданства.

В годы разрухи и голода слова эти хлынули было в невиданном до сих пор количестве, затем эта волна стабилизовалась и в настоящее время значительно уменьшилась. Борьба с беспризорностью, повышение грамотности, претворение в жизнь лозунгов культурной революции, — все это ведет к уменьшению процесса проникновения арготизмов в нормальный язык. Но этот процесс совершенно прекратится, конечно, лишь тогда, когда перестанут существовать социально-отверженные группы, порождающие тайные языки.

1929 г.

И. О. КУЗЬМИН

Отчет о поездке в Великолуцкий округ в 1929 году.

Говоры б. Велижского уезда Витебской губ.[1] служили предметом моих наблюдений в течение нескольких последних лет. Часть собранных материалов для изучения этих говоров напечатана («Материалы для изучения говоров б. Велижского уезда. ИРЯС, т. III, кн. 1»), часть находится в печати: «Говор запольцев» принят для напечатания Белорусской Академии Наук. Но некоторая часть территории уезда (северное пограничье и часть центральной полосы) оставалась не обследованной ни мною, ни моими предшественниками. Чтобы восполнить этот пробел, в августе и сентябре месяцах 1929 г. по поручению Академии Наук СССР я совершил поездку по не обследованной ранее части б. Велижского у.

Меня особенно интересовали следующие вопросы в изучении местных говоров: 1) следы влияния на велижские говоры со стороны соседних псковских говоров, 2) произношение безударных гласных, 3) граница цоканья и 4) возможность установления границы между белорусским и великорусским языками на изучаемой территории.

Велижский у. в своей северной части граничит с б. Торопецким у. Псковской губ. Обследование Велижского у. мне казалось полезным начать с территории псковского пограничья, дабы получить здесь представление о соседних псковских говорах. По этим соображениям, а также с целью установления связи с великолуцкими окружными властями, свою работу я начал с г. Великих Лук.

Зная из печатных отчетов местного общества краеведения[2], что местными краеведами велась работа по собиранию материалов по местному говору, я счел необходимым ознакомиться с собранными материалами. Период летних отпусков поме-

[1] Большая часть этого уезда ныне (после районирования летом 1929 г.) входит в состав Великолуцкого окр. Западной обл. РСФСР (центр в Смоленске). Небольшая южная часть уезда (б. Казаковская вол.) в 1924 г. отошла к БССР.

[2] См., напр., сб. Псковского общ. краеведения «Познай свой край», в. III, стр. 124.

шал мне сделать это. Лица, близко стоящие к делам местного общества краеведения, оказались в отпуску, а имевшиеся налицо краеведы не могли дать мне сведений по вопросу о собирании диалектических материалов.

Оформив свое появление в окружном центре, я приступил к непосредственному ознакомлению с населением б. Торопецкого у.

13 августа я покинул ст. Старую Торопу Моск.-Белор.-Балт. ж. д. и очутился лицом к лицу с псковской деревней. Продвигаясь пешком прямо на юг, я прошел около 30 км до границы с б. Витебской губ. по следующим деревням:[1] Базары́, Полу́тино, Шни́ткино, Пожо́ги, Амбро́сово, Со́вкино, Степа́ньково, Аве́ркиево и Ломи́новка (на карте нет).

Говоры южной части б. Псковской губ. обследовались Е. Ф. Карским, Н. Н. Соколовым и П. А. Бузуком. Е. Ф. Карский проехал по железной дороге Режица—Ржев, делая из разных станций поездки на север и на юг. Из обследованных пунктов к югу от железной дороги указаны только сс. Купуй и Колюбаки (к югу от Великих Лук).[2] На основании собранных во время этой поездки материалов говоры южных частей Великолуцкого и Торопецкого уу. Е. Ф. Карский отнес к белорусским (см. Белорусы, I, 17; Этнографическая карта белорусского племени, стр. 23). На карте белорусского племени 1917 г. Е. Ф. Карский провел северную границу белорусского племени южнее с. Дудкина (в 5 км к западу от оз. Жижицкого), по северному берегу оз. Двинья, через р. Торопу где-то около с. Пожоги. Далее граница идет в восточном направлении почти до самой Западной Двины.[3]

Н. Н. Соколов, после своей поездки по Псковской губ. в 1911 г. (маршрут в отчете не указан), считал мнение Е. Ф. Карского неосновательным и находил, что говор южных частей этих уездов сохраняет облик переходных говоров на северновеликорусской основе.[4]

Авторы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» говоры южных уездов Псковской губ. относили к переходным от северновеликорусских к белорусским (стр. 11, 34 и 36).

П. А. Бузук в декабре 1927 г. сделал поездку в Великолуцкий и Торопецкий уу. по маршруту Великие Луки, ст. Старая Торопа, с. Пятиусово (в 7 км к юго-вос-

[1] Ударения всюду будут ставиться согласно местному произношению. В пути я пользовался старой топографической картой (масшт. 3 в. в дм.). Все пункты в отчете ориентированы по этой карте.

[2] См. Отчет о поездке в Белоруссию 1903 г. Изв. ИРГО, т. XLI, в. 4, стр. 715—716.

[3] В «Русской диалектологии» Е. Ф. Карского (Л., 1924) по поводу этой границы сказано, что она идет «по самым южным частям уездов Опочецкого, Великолуцкого и Торопецкого Псковской губ.» (стр. 79).

[4] Говоры Псковской губ. РФВ, 1917, кн. 1—2, стр. 162.

току от ст. Старая Торопа). Записи этой поездки не опубликованы. Результаты ее отразились на соответствующих картах диалектологического атласа, приложенного к книге автора — Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі (ч. 1, в. 1. Менск, 1928), а также в виде некоторых поправок к тексту книги (стр. 97—98). Существенных изменений в существовавшее положение поездка не внесла.

По моим наблюдениям, говоры той территории, по которой я прошел, по их основе следует относить не к белорусским, а к великорусским.

Наиболее крупными и существенными особенностями местного говора являются следующие:

1. Вокализм. А) Сильное аканье (недиссимилятивное): ётакај, супастáт Полутино; сталбá, равн'áт' (= ровное место), равнатá Шниткино; ажан'ívшы, паjаздá паjéхала жанихóва Пожоги; ганкí ган'ál Совкино; абжáвшы Степаньково. Б) Сильное яканье: в'арстá Шниткино; н'а пíшыт', т'ап'ép' Пожоги; л'акáрства, б'ар'éз'з'а, л'ас'нíчаства Совкино; Ст'апáн'кава, П'астóва Гаврилово.

2. Консонантизм. *Г* всюду взрывное. В некоторых случаях оно равняется даже *к*: ураk (= враг) Полутино и Амбросово; флак'í Амбросово. Цоканья я не заметил. Тем не менее некоторые следы его существования как-будто есть. Их можно видеть в неустойчивости произношения топографических наименований. Так, деревни Спíчино и Мáличино некоторые старики и теперь еще произносят — Сп'íцына, М'ál'ицына. Ср. точно такую же транскрипцию на старых топографических картах (3 и 10 верст в дм.).

3. В области морфологии здесь резко выделяется одна из общевеликорусских особенностей — окончание *а* (с ударением) в им. п. мн. ч. сущ. жен. р.: лашад'á В. Луки; в'ащá Амбросово.

4. Из синтаксических особенностей заметно выступают так называемые деепричастные конструкции: кр'ест свал'íвшы Амбросово; т'ап'ép' там ажан'íвшы Пожоги; ja в п'átн'ицу абжáвшы Степаньково.

Имея великорусскую основу, говоры южной части б. Торопецкого у. получили довольно значительное количество особенностей от соседних севернобелорусских говоров. Это заметно по мере приближения к границе б. Витебской губ.

Изучение велижских говоров я начал с района села Агрызкова (б. Ильинской вол., ныне Ильинского района Великолуцкого окр.). Через р. Западную Двину я переправился в дер. Ломíновка (на правом берегу реки, 6 км к востоку от устья Торопы; на карте не обозначена). Глухой торопецкий бор упирается здесь в Западную Двину. Название Ломиновки верно отмечает характерную особенность местности. Несмотря

на наличность деревни, и теперь еще здесь много ломов, ниней, гарей и трудно проходимых мест. На левом витебском берегу Двины — заливной луг, а дальше — пашни Новой Деревни (в 3 км к северо-западу от Агрызкова и в 6 км от устья Торопы). На лугу я встретил группу крестьян, убиравших сено. Непродолжительная беседа с ними убедила меня в том, что я попал на территорию других говоров, другой этнической группы. Пропало взрывное г, еще заметны псковские аканье и яканье, но уже отчетливо выступает и диссимилятивное аканье (с яканьем), нет множественного числа на *а* (с ударением).

Чтобы основательнее познакомиться с говором пограничных деревень, я задержался в Агрызкове на несколько дней. За это время я сделал записи живой речи в Агрызкове и в ближайших деревнях, ознакомился с бытом местного населения, а также с памятниками здешней старины.

Наблюдения над здешним говором привели меня к убеждению, что говор здешнего населения — это типичный цокающий северовосточный белорусский говор. Все существенные особенности севернобелорусских говоров имеются здесь налицо. Мое внимание было направлено между прочим на выяснение псковского влияния. Обнаружилось, что сильного влияния торопецкие говоры не оказали на своих велижских соседей. Следы этого влияния заметны главным образом в области вокализма. Диссимилятивное аканье (с таким же яканьем) делает здесь уступку сильному аканью (с яканьем) соседних псковских говоров. Наряду с фактами диссимилятивного аканья, как: зъγа́ц'ина, ъръзнаты́, γыран'и́, ръзвал'и́л'ис', нъ кап'е́jку, ту́рък Нов. Деревня, Агрызково и Пищулино я записал здесь довольно значительное число примеров сильного аканья и сильного яканья: зашла́, за Са́шку, плаха́jа, хаз'а́jн, расказа́ц', паста́в'ил'и, на кал'е́н'и, ана́, сабра́н; в'асна́, с'амjа́, н'ав'е́стка, в'ацер'иц' Пищулино.

В других отношениях торопецкие говоры не оставили заметного следа. Но и сильное аканье не пошло далеко от границы. Я не имел возможности в точности проследить, где именно оно кончается, но уже в Синичине (в 7 км к югу от Агрызкова) оно заметно мало, причем собственно аканье ослабевает и исчезает раньше, чем яканье.

Фрикативное г и цоканье начинаются сразу от псковской границы. Фрикат. г — явление очень устойчивое и общее для всех возрастов и групп населения. Даже интеллигенция удерживает этот звук и долго сохраняет его в случаях перемещения на северновеликорусскую территорию. Цоканье у молодого поколения ослабевает, но все же заметно даже у людей, бывавших в Ленинграде. В общем и цоканье принадлежит к числу очень устойчивых языковых явлений. У природных обладателей

его оно довольно трудно изгоняется и долго дает о себе знать (иногда в форме так наз. шепелявого произношения *ц* и *ч*, что я наблюдал, напр., в южной части Велижского у.[1]).

Из Агрызкова я направился в Крест через Синичино — Велище — Боровые. Крест (в официальном языке употребляется и форма — Кресты; народное произношение — Хр'ост) — одно из крупных сел уезда. Были праздничные дни (воскресенье и преображение). В церкви было порядочно народу. Я воспользовался этим и сделал большое количество записей разговорной речи. Обстановка для записей была исключительно благоприятная. Я сидел в церковной ограде и имел возможность записывать, не обращая на себя внимания баб и не нарушая естественного течения их речи. Часть записей сделана и вне церковной ограды.

Крест отстоит от псковской границы на 20 км. Сильного аканья здесь уже не слышно. Яканье еще есть, но наблюдается оно не исключительно, а параллельно с яканьем диссимилятивным. Я записал здесь следующие случаи сильного яканья: пл'ам'ён'н'ипа, н'а твój, м'ан'é (но и — м'ин'é), ц'ап'ёр'а, ц'ап'ёр' (но и — ц'ип'ёр'а, ц'ип'ёр').

В других отношениях крестовская речь не выделяется из среды говоров прочих районов уезда. Цоканье держится и у мужчин (исключая, конечно, молодежь). Диссимилятивное аканье дает иногда примеры отчетливого *ы* на месте безударного *о* — хыз'ájка, хотя в большинстве случаев вместо *о* слышится редуцированный звук.

Из Креста я переехал в с. Усмынь (в 19 км к северо-западу от Креста и в 13 км от псковской границы). Это — очень глухое место на границе больших лесов и болот (к югу от села). С Велижем Усмынь соединяет плохой большак. В окрестных деревнях мне говорили, что, по рассказам стариков, было время, когда гужевой дороги на Велиж совсем не было. Ездили в Велиж не прямо (в направлении на юг), а кружным путем, через Усвят. Архаический говор сохранился здесь хорошо. Цоканье очень сильно. Следов псковского влияния не заметно. Но уже в д. Дубровке (в 4 км к северо-востоку от Усмыни, по пути к границе) сильное аканье и яканье слышатся довольно часто. Здесь же я записал примеры замены 1) свистящих шипящими: шп'ицк'и, шп'ирт и 2) шипящих свистящими в окончании деепричастия прош. вр. выс'ил'иўс'ис', аддáўс'ис'.

[1] В вагоне поезда между ст. В. Луки — Старая Торопа я встретился с железнодорожным служащим со ст. Нелидово — старым, бывалым человеком, уроженцем цокающих мест Демидовского (б. Поречского) у., Смоленской губ. Цоканье исчезло из его речи. И тем не менее, когда в разговоре со мною речь зашла о хорошо знакомом ему оз. Щучье и когда неожиданно он должен был назвать это озеро, он сказал — Щýця и сконфуженно покраснел.

По мере приближения к границе аканье и яканье усиливаются. Ярко выраженными я нашел эти явления в дер. Пустынниках (в 2 км от границы). Я записал здесь следующие случаи аканья и яканья: плахáіа вадá, паз'н'áцка; з'амл'á, н'ал'з'á, н'а тáк, б'ар'éц', ц'ап'ép', ц'аб'é.

Район Полонéйки (имя это носят деревня, речка и озеро) интересен в археологическом и историческом отношениях. Мелкие речки и озера позволяли первобытному человеку из бассейна Усвячи проходить в восточном направлении к берегу Западной Двины (у Канцы-Бóрья). Следами давнишнего пребывания здесь человека являются находимые в окрестности орудия неолита. Здесь же проходила государственная граница между Польшей и Москвой. Сохранились описания этой границы XVII и XVIII ст. Сохранились и остатки укрепленных мест по обеим сторонам этой границы. Могильник над озером упоминается в документах 1767 г. На нем въехавшие в землю каменные кресты грубой работы. Кладбищенская церковь хранит памятники униатской живописи. За речкой, со стороны московской территории, большое подковообразное городище. Оно выдвинуто было, как форпост, из глухого пограничного бора на самый край полуострова, образуемого здесь пограничными водными урочищами. Городище и прилегающая к нему местность до последнего времени были покрыты лесом. Теперь лес вырублен, а земля отдана под распашку крестьянам соседней торопецкой деревни Зеленки. Я разговаривал с жителями двух соседних хуторов. Говор их — переходный от северновеликорусского к белорусскому. Белорусизмов в нем достаточно, но основа говора — великорусская. Даже во время краткого разговора резко выделились следующие особенности: взрывное *г*, сильное аканье и яканье, окончания им. п. мн. ч. в сущ. жен. р. на *а* с ударением. Вот несколько слов и выражений из разговора с этими ближайшими соседями белорусов: накапáл, на гары́, н'а гóнныи (им. п. мн. ч.; *г* = g), т'ек'óт, зачы́м булó jéхац', аннó кам'éн'н'а, куды́ пajéдз'иш.

Из Полонейки я сделал экскурсию на псковскую территорию. Пребывание в погосте Зéтие (в 2 км к северу от Полонейки) подтвердило мои первые впечатления на псковском пограничьи. Представители здешней интеллигенции (местные старожилы) сообщили мне, что действительно между ними — «маскалями» и «паляками» (жителями велижского пограничья) существует заметная разница: в торопецком говоре *г* = g (дарбга, магúлки), окончание род. п. *го* произносится, как *во*: кавó, чавó. Велижане произносят это окончание, как *γо*, гокают. Велижское цоканье наблюдается на псковском пограничьи в редких случаях (заносится главным образом женщинами при выходе замуж за границу).

Побывав в окрестностях Зетия (дер. Сучки) и ознакомившись с говором заброшенных сюда могилевских белорусов (из-под Будилова, километрах в 40 к юго-западу от Витебска), я вернулся на велижскую территорию. Спустившись на юг до Усмыни (в бóльшей части по другому маршруту, параллельному моему прохождению на север), я повернул отсюда на Баранóво-Пухнóво (в северозападном направлении). В Одворице (деревня у пограничной речки Зетéйки) бывалый, грамотный мужчина, лет 35, сказал мне, что за рекой псковичи говорят чище. Разница в говоре и в быте, по его мнению, большая, но оформить эту разницу он не умеет.

И здесь псковские аканье и яканье заметны у самой границы больше, а по мере удаления от границы — ослабевают. В районе Баранова (в 10 км к северозападу от Усмыни) они заметны очень мало. Зато записи в Пухнóве (в 2 км от границы) наряду с редкими случаями диссимилятивного аканья дали значительное количество примеров сильного аканья и яканья: 1) саслáл'и, па с'аубн'н'и, пастá-в'ила, разабрáл'и, маскал'áм, напад'з'д'з'аржáц', д'з'и́рацка; 2) с'ц'апанáв'иц, уз'м'ахáў, н'а знáіу, н'а дáj, аб'ашчáиц', пр'адс'адáц'ил'а, р'аб'áт, с'ц'ан'é, в'арх'éн'.

Район пограничного села Мáковья привлекал мое внимание, как северозападный угол велижской территории, врезывающийся в б. Псковскую губ., а потому из Пухнова я сделал еще одну экскурсию за велижскую границу. У дер. Бренёва (в 2 км к северу от Пухнова) я перешел пограничную речку[1] и прошел по деревням Лúница, Глобачóво и Соловьёво. Я услышал здесь то же, что и в других посещенных мною деревнях Торопецкого у. Школьный работник А. М. Какорко (отец его родом из Суража Витебской губ., сам он родился здесь) подтвердил мне наличность разницы в говоре и быте велижан и псковичей. По его словам, цоканья здесь нет. Глаголы в 3 л. ед. ч. наст. вр. имеют окончание на *и'*: пр'идз'éц', н'ас'éц'. Цокают, кроме велижан, астраўни́ (жители Островского у. Псковской губ.).[2] Они же употребляют глагольную форму — пajéдз'а, б'ýд'з'а.

У дер. Воронова я переправился в Кýркино (северная оконечность маковско-куркинского полуострова, старый пограничный пункт усвятского и велижского старост, упоминается в описании границ 1648 г.) — место давнего пребывания человека. В окрестностях были находимы орудия неолита и предметы быта позднейшего

1 Житель Бренёва (пожилой крестьянин) сказал мне, что за границей «уавóрка» отличается от велижской. Он указал следующие примеры разницы: у псковичей («маскал'óў») — сн'ек, тавó; у велижан («цал'акóў») — с'нех, таýó.

2 Ср. аналогичное сообщение у П. Бузука — Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі, стр. 97.

ших эпох. Теперь Куркино заселено людьми, не имеющими связи с окрестным коренным населением, а потому для языка велижан ничего не дает.

В говоре населения полуострова, с. Маковья и окрестных деревень та же смесь, что и в других пограничных пунктах. Основа говора по одну сторону границы северновеликорусская, по другую — белорусская. Цоканье здесь слабее других мест. От молодого человека из дер. Са́ицына (в северозападном углу полуострова, на границе) я услышал — кр'апас'ц'а́ — единственный замеченный мною случай множественного числа на *а* на велижской территории.

Из Маковья я направился в район Бела́вина — Церкови́ща. В Веретёнове (в 6 км к югу от Маковья) я вступил в бассейн р. Усвячи. Отсюда экономические связи идут вниз по течению реки через Усвят к устью Усвячи у Суража. Здесь в старину водный путь раздванвался. Большое движение шло не только вниз по Западной Двине, но и вверх по р. Каспле, в бассейн Днепра. Следы влияния этого водного пути заметны в топографической номенклатуре. Заметны они и в языке местного населения. Разговор со стариком из соседней с Веретёновым деревни Емельянова произвел на меня такое впечатление, как-будто передо мною житель не северной, а южной окраины уезда. Лишь редкие случаи сильного яканья (н'а зна́ду) напоминают о близком соседстве псковских говоров.

Переход Веретёново — Церковище я сделал по закомельским (за р. Комлей, притоком Ловати) деревням Бя́кино — Лобачо́во, близ невельской границы. В говоре этих деревень так же, как и в районе Церковища, я не заметил ничего такого, что выделяло бы его из говоров средней и южной полосы уезда. Аканье и яканье — диссимилятивные.

Из Церковища я сделал экскурсию на правый берег Комли, на пограничную невельскую территорию, в с. Стеревнёво (на р. Комле, в 6 км к северо-востоку от впадения ее в Ловать).

По сообщению летописи местной единоверческой церкви, лет около 200 тому назад здесь не было ни одного жителя. Место называлось — пусто́шки. Спасаясь от преследований правительства, сюда сходились раскольники поповщинской секты. Первым пришельцем был, по преданию, крестьянин по фамилии Стерев́ень. От его фамилии получило название село.[1] Впоследствии раскольники приняли единоверие. В 1839 г. была построена церковь. Так образовалась великорусская колония на белорусской территории. В состав ее входит шесть окрестных деревень. Колонисты подвергались сильному влиянию со стороны окружающего белорусского на-

[1] Крестьяне Велижского у. называют это село иначе — Ц'иц'ир'аўн'и́ от ц'иц'ар'бў — тетерев. Деревня с таким наименованием есть близ Усмыни.

селения. В результате в языке и быте стеревнёвцев получилась смесь. В языке преобладают белорусские особенности (диссимилятивное аканье, фрикативные *г*, *уо* вместо *во* и пр., но свойственного окружающим белорусам цоканья нет). Быт и нравы ближе к великорусским. В говоре старика-дегтяря из дер. Пестю́хина (не единоверческая, в 4 км к северу от Стеревнёва и в 5 км от псковской границы) заметно сильное аканье.

Говор расположенной к югу от невельской границы у Стеревнёва б. Узковской вол. отчасти известен в литературе по Белорусскому сборнику Е. Р. Романова (вв. IV и VIII). Тем не менее, в целях сличения старых записей с современною живою речью, я сделал запись разговорной речи в дер. Городце (в 15 км к северо-западу от Усвята).

Неизвестная мне в диалектическом отношении территория кончалась. Дальше мне оставалось проверить свои прежние наблюдения в нескольких, наиболее важных с моей точки зрения, пунктах. От Городца я ускорил движение (стал передвигаться на лошади). Очередной остановкой было местечко Усвят — место очень раннего пребывания человека, с девятивековым историческим прошлым. Это крупный этап на великом пути из вараг в греки. Место ждет исследователей его памятников прошлого. Среди немногочисленной интеллигенции местечка я нашел лиц, хорошо осведомленных в местной топографии, знакомых с памятниками старины. А среди школьных работников здесь оказалось лицо с филологическим образованием — М. Д. Маркова. Несмотря на кратковременность ее пребывания в Усвате, она ознакомилась с говором окрестного населения и приступила к собиранию произведений народного творчества. Сделанные М. Д. Марковой записи заговоров со слов бабы Максяёнцыхи (из дер. Лукашо́нок, в 5 км к югу от Усвята) дают надежный материал для характеристики здешнего говора.

Из Усвята я проехал прямо в Велиж. Здесь были попытки ведения краеведческой работы. Была положена основа музею. По недостатку людей, средств и внимания сверху вся эта работа замерла.[1] Учащимися местного Педагогического техникума под руководством М. С. Сельванюка собрано довольно значительное количество этнографических материалов. К сожалению, почти все они записаны не фонетическим, а орфографическим письмом. Для диалектологии эти материалы дают немного. Но все же кое-какие извлечения я сделал.

1 См. псковский сборник — Познай свой край, III, 126. Нельзя не пожалеть о том, что не были приняты меры к сохранению музея. В нем были предметы безусловной ценности (образцы тканей, модели предметов быта и пр.).

Из Велижа я поехал в Селезни б. Сертейской вол. В местной школе я нашел небольшое количество записей песен и припевок. Письмо в этих записях преобладает орфографическое. Кое-что оказалось полезным для меня (в частности словарные материалы). Здесь мне представилась возможность присутствовать на приеме в амбулатории. Я воспользовался этим для того, чтобы проверить уже имевшиеся у меня сведения о говоре сертейцев. В амбулатории были люди разных деревень из окрестностей Селезней (радиусом до 10 км). Меня интересовало в частности, не наблюдается ли здесь каких-либо особых черт в говоре в связи с тем, что этот район является пограничным с Демидовским (б. Поречским) у. Смоленской губ. Оказалось, что соседство поречских говоров не внесло в говор сертейцев никаких особенностей. Цоканье у среднего поколения ослабевает. Аканье и яканье — диссимилятивные. В общем типичный говор северовосточного угла Белоруссии.

Такую же картину я нашел и в с. Чеплях (в 10 км к юго-востоку от Селезней, близ поречской границы). В разговоре с пожилым крестьянином я между прочим спросил его, существует ли, по его мнению, какая-либо разница между чепельцами и их соседями из Демидовского у. Собеседник ответил, что «ɣавóрка у jих спраўн'éj».[1] Что именно разумелось под «спраўн'éj», выяснить мне не удалось, но, вероятно, собеседник разумел под этим словом меньшее цоканье и большее количество великорусских особенностей. Вообще же цоканье в Чеплях сильнее сертейского. Мужчины стараются затушовывать его, но оно все же обнаруживается. У женщин цоканье не поколеблено. Мужчины стараются приблизить свою речь к русской литературной речи и говорят спраўн'éj баб, которые и цокают, и еще крепко держатся старой народной речи. Полонизмов в лексике всюду очень мало. Зато можно найти не мало слов и выражений, сохранившихся здесь со времен далекого прошлого русской земли.

Из Чепель я вернулся в Велиж. По дороге из Велижа в Витебск мне представилась возможность сделать запись разговора велижских мещанок. Эта запись оказалась ценной для меня в том отношении, что она подтвердила мои прежние наблюдения над говором велижских мещан. Единственным отличием этого говора от говора деревни является отсутствие цоканья.

Велижем я закончил свою поездку. В итоге — в течение месяца я обследовал довольно значительную территорию нынешнего Великолуцкого окр. — небольшую часть б. Торопецкого у. Псковской губ. и значительную часть б. Велижского у.

[1] По поводу слова ɣаворка. Слово *говор* чуждо лексикону велижан. Фразу моего командировочного удостоверения: «занимающийся изучением говоров» почти везде в сельсоветах читали со словом «ɣавóрък» вм. *говоров*.

Витебской губ. Длина маршрута равна 380 км, из которых 230 я прошел пешком и 150 — проехал на лошади. Большая часть маршрута сделана по целине — совершенно нетронутой в этнографическом и лингвистическом отношениях территории. За время поездки я сделал значительное количество записей разговорной речи, народных песен и припевок. Попутно я сделал много наблюдений над бытом населения, стараясь отметить при этом такие явления, которые оказывают существенную помощь при разрешении вопросов диалектологии и этнографии. Интересовали меня и памятники местной старины. Земля хранит в себе предметы быта далекого прошлого. Изредка человек наших дней наталкивается на них, смотрит на них с недоумением. Старина более близкого к нам времени живет еще в памяти уходящего поколения.

Предполагая сделать впоследствии сводку своих наблюдений над говорами всего б. Велижского у. и откладывая до того времени всестороннее использование собранных мною во время поездки материалов, я хочу ограничиться здесь констатированием непосредственных наиболее крупных результатов поездки. Таковыми я считаю следующие положения:

1. Говоры пограничной с Велижским у. южной части б. Торопецкого у. являются переходными говорами на северновеликорусской основе.

2. Говоры б. Велижского у. являются белорусскими в их северовосточной разновидности.

3. Граница между великорусскими и белорусскими говорами на участке б. Велижского у. совпадает со старой административной границей между Витебской и Псковской губерниями.

4. Влияние псковских говоров сказалось на велижских говорах только в области вокализма (сильное аканье и сильное яканье) и заметно в узкой приграничной полосе шириною до 10 км от границы.

5. Границы диссимилятивного аканья, цоканья и фрикативного ґ идут по указанной в п. 3 административной границе.

Октябрь 1929 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИЗВЕСТИЯ КОМИССИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ · ТОМ I

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

Псковское наречие

(Наблюдения над говорами б. Псковского уезда в 1917 году)

Практическое изучение псковского наречия я начал в мае 1915 года, когда в нашем доме стала жить молодая уроженка деревни Орéхова б. Островского у., не оставлявшая нас до июля 1917 г. Но я имел возможность познакомиться с ним подробнее и основательнее после того, как Отделение русского языка и словесности Академии Наук командировало меня летом 1917 г. в б. Псковскую губ. для исследования народных говоров. Я отправился в пешеходное путешествие по б. Псковскому у. в первых числах июня 1917 г. После неудачной попытки произвести какие-либо наблюдения около Новосёлова, ст. Варшавской жел. дор., находящейся близ границы б. Псковского у., я переехал на следующую станцию, Торóшино. Здесь я был счастливее: успел узнать и записать факты, которые побуждали меня искать в этих местах случаев произвести новые наблюдения. Через ряд деревень, останавливаясь в каждой и отмечая те особености говора, которые мне удавалось услышать, я шел к Псковскому озеру, сначала по пути к Крипецкому монастырю, а затем к Елизариевскому, держась от Пскова верстах в 20—25. Я знал, что на пути к монастырям крестьянство привыкло видеть прохожих людей и относится к ним более доверчиво и расположительно. Притом монастыри, как первые этапы колонизации, а впоследствии крупные владельцы земель, всегда окружены наиболее древними поселениями, жители которых издавна были объединены административно, экономически и культурно властью монастыря-хозяина, придававшей всем чертам быта, в частности и говорам, своеобразные особенности; отсюда, например, усвоение церковно-книжных элементов, бóльшее сохранение архаичности и др.

Посещенные селения названы мною дальше при описании говоров, а о продолжении пути я буду говорить вслед за описанием говоров этих селений. Номера

при названиях селений приведены по изданию: «Списки населенных мест... XXXIV. Псковская губерния», СПб., 1885.

I. Торо́шино, № 782 (трактир на станции железной дороги; разговоры соседних крестьян). Отмечено сильное аканье: дяся́так, на бирягу́, чяты́ри, паспяшы́ли. На месте *у*—*ы* в слове: шыгнёт (шугнет). На месте *в*—*у* или *ў*: *у* субо́ту; дроў, ўзять. Мягкое *т* с свистящим оттенком, а у старухи и прямо вместо него ясное *ц* мягкое: *ц*яле́гу, е́хаць. *З* и *ж* могут смешиваться: е́зьли (ежели, ежли), *Заж*лы́ (собств. имя, название соседнего селения: Жезлы). Долгое твердое *ш*. Есть оттенки цоканья и ясное чеканье: зачвятýт. Группа *дн* обращается в *нн*: анна́, вы́нна. Для склонения имен отмечены формы: им. мн. гла́зы (в гла́зы не вплели); твор. ед. васьмо́м (телёнкам). Местоимение 3 л. ед. ч. звучит ён. 3 л. глаголов ед. и мн. числа имеет на конце твердое *т*: пайдёт, зачвятýт и под. Возвратный залог оканчивается на *ся* (мягкое). Для ударения отмечены формы: кагу́, пагу́; анно́ва (одного). Особое синтаксическое сочетание: Ива́н укра́ла (украл).[1]

II. Д. Са́бежи, № 907. Говор сильно акающий: дряре́вня, рябя́чья, няльзя́, принясу́, ф пляну́ и т. д. Звук *е* перед ударением, не перешедший в *я*, вообще сохраняется: серённяй (середний) и пр., но в говоре старухи, долго жившей в городе няней, я слышал замену его звуком *и*: асьмина́тцати, силёнья. Думаю, что это последнее произношение—заимствованное. Ударяемое *ѣ* совпало с *е*, но: цист (ѣст). За ударением *ѣ* перешел в *и*: в або́зи. Со вторым полногласием отмечены слова: сталоп (столб), сталабо́к (столобок), смере́тушка (запаро́ла да смере́гушки). Вставное краткое *е* отмечено в словах: жызёнь (жизнь), бале́зёнь (болезнь). Приставка *и* в словах: имхо́м; ишбл. Стяжение гласных отмечено в: нтомри́ (не умри). Изменение гласного звука под влиянием предыдущего слога: мужука́ (мужика). Суженный звук *о* на месте древнего *о* и ожидаемого теперь *а* отмечены в слове: по[у]лме́ры (может быть, на первом слоге есть слабое ударение). На месте *у* может стоят *в*: *в* нас (у нас), *в* их (у них). Слово «Гдов» произносится Вдоф. В произношении мягких *д* и *т* я не слышал свистящего оттенка, но ясные следы бывшего цеканья я нахожу в слышанных мною произношениях: дотъ (дочь), не́метъ (немец).[2]

1 Ср. белорусский оборот: А приснилось богородзице сон—Бельский у. Смоленской губ. (Шейн. Материалы, т. II, стр. 533). Такой же оборот Е. Ф. Карский указывает в одной смоленской рукописи XV века: у кого лежало товаръ (Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого летописью Авраамки. Варшава, 1899, стр. 15).

2 Звук мягкий *т* на месте мягких *ц* и *ч* является в силу существования рядов: литъ и лицъ, питъ и пицъ, ночь и ноцъ, дочь и доцъ. Подновляя говор по типам литературного произношения, переходят не только от лицъ к литъ, но и от доцъ к дотъ, от немецъ к неметъ. Вместе с отвердением звуков *ц* и *ч* получается и твердое *т* в замену этих звуков.

Первое из этих произношений указывает и на бывшее прежде в данном говоре цоканье, потом исчезнувшее (у данных лиц). Отмечено в произношении долгое мягкое *ж*: *дажьжи́*. Вместо *з* — *ж* и обратно в том же названии деревни: *Зажлы́*. Ассимиляция согласных в словах: *анно́й*, *скла́ннай* и др.; ее отсутствие в: *мя́кка* (мягко). Перестановка согласных в: *гни́ла* (глина). Окончание *ка* после мягкой согласной сохраняется: *малачка́*, *Пала́нька*. Падежи дат. и предл. от слов женск. рода на *а* заменяются родительным: гаварп, как нямбо́й сгяны́, па анной душы́, па правай руки́, на наги́, в я́мы. Им. мн. от тех же слов может оканчиваться на *а* ударяемое: деревня́. От слова «примета» я слышал дат. мн. на *ем* с мягким *т*: па приме́тем (по приметам). В склонении слов муж. отмечены формы: зват. пад. Петь; местн. ед. ф сундуку́; им. мн. гла́зы; род. мн. трёх *гот* (годов). Твор. пад. мн. оканчивается на *ам* и *амы*: з драва́м; деревня́мы, паля́мы. Из форм местоимений отмечены: ён (он), от «она» вин. пад. ею́ (её); зачи́м (зачем); фси (всѣ). Вместо «чего» употребляют *каво*. 3 лицо глаг. ед. и мн. числа оканчивается на *т* твердое, которое часто отпадает: зна́ет, е́де (е́дет), ско́ра 12 часо́ф бу́де (бу́дет), ноги боля́ (болят), ко́ни пабежа́ (побежат). При этом вместо окончания *и* встречается *я*: дрош так и кало́тя. Однако отмечено есь (ѣст) с мягким окончанием. Возвратный залог оканчивается на *ся*, *сьсп*: приставля́ись (представляешься, притворяешься) и под. Из глагольных форм и образований укажу еще: памажы́ го́спадп (помоги); скака́ют (скачут). Вместо «есть» (имеется) обыкновенно говорят *е*. В неизменяемых словах замечательны: то́льки (только), дало́ю (снег дало́ю, т. е. сошел долой, растаял). Для ударения отмечены: за нагу́; во́пит; атпо́рю, запо́рю, ня по́рь (не пори, не секи); скла́ннай ножик (складной); по́перек. В соответствии с нашим отрицательным «не́нашта» здесь употребляется и утвердительное, так же произносимое, е́нашта (как одно слово, с ударением на *е* и неударяемыми последующими словами-слогами): пакупа́ют бла́га е́нашта.

III. Д. Шу́шпанова.[1] Для говора этой деревни я мог отметить только сильное аканье (вярсты́, пиремяни́ть), *в* на месте *у* (*ф* каво́), долгое твердое *ш* (тагшы́ть), цоканье (цаты́ри, *ф*цара́шнай), твердое окончание 3 лица (идет).

IV. В Кри́пецком монастыре (№ 908) я разговаривал с старым долгоживущим здесь уроженцем Зака́товской вол. Псковского у. около Славко́вичей (№ 766), речь которого вообще сходна с местным говором. В частности у него отмечено: сильное аканье (яшшэ́, в лясу́ и под.); *е* (не *ё*) в слове: паде́ш (скота); ударяемое *ъ* совпало с *е* (но: блаhади́тель; вероятно, как церковное слово, имеет особое—

[1] В Списках населенных мест не показана. Есть селение с таким названием в Великолуцком у., № 3005.

новгородское—произношение); *у* вместо *о* в: Баһусло́ва (Богослова); *и* на месте *ъ* за слог до ударения (свишника́, т. е. свечника), *и* на месте *ъ*, *е* после ударения (в ра́ки, в уе́зди; е́сти); *ть* вместо *ч* в слове: нотьу; цоканье (без чеканья); группа *жд* вместо *ж* (абижда́ютца); долгие твердые *ж* и *ш* (яшшэ́, дажжы́), рядом с мягкими (дажьжи́); обращение группы *дн* в *нн* (анно́); переход *в* перед *ц* в *п* (капце́х—ковчег; слово это, как церковное, очевидно имеет h перед гласными); древнее *к* в *ски́мник* (схимник); выпадение *к* в замну́ть (замкнуть), замну́та, замни́, мягкое *р* в: тряпе́за, са́харъ, са́харю (род. пад.); от слов женск. рода им. мн. на *а* ударяемое: свѣца́ (свѣчи) церква́ (це́ркви); творит. пад. существ. на *ам*: лета́м не старше; прилагательные на *им* вместо *ом*: в Астрафски́м уезди; по отношению к роду слов замечательны: у́жина по женск. роду (кака́л у́жина), какая ка́шель, женск. р.; особенным по числу является слово вкра́тцах (вкратце); из форм местоимений отмечены: фсих (всех); са́мы (сами), у самы́х (самих); окончание 3 л. глаголов ед. и мн. твердо и часто отпадает: принима́я (принимает), называ́ю (называют), названи́ (позвонят), е́здя (ездят); 3 л. ед. ч. вместо «есть» иногда звучит е́сти (дамава́я церкафь е́сти); возвратный залог имеет мягкое окончание: *ся, сь;* по ударению замечательны произношения: пе́вцаф (певцов), пра́ саль (про соль, вин. пад. с предлогом).

V. Д. Кры́ницы, или Кумаро́хнова Гора (первое название—народное, второе — официальное, в «Списках» № 1011: Скоморохова Гора). Здесь отмечено сильное аканье: хляни́ (хлебни), тижало́ и под.; *ъ* ударяемое перешло в *е*; *в* может стоять на месте *у* (*в* де́да спрасить); в говоре старика мягкое *т* произносится иногда с свистящим оттенком («тешили» почти как цешыли); долгие *ж* и *ш* произносятся то твердо (дажжа́), то мягко; есть цоканье (пцол, малацка́, ницаво́); группа *дн* обращается в *нн* (тру́нное и под.); выпадение губного согласного перед суффиксом *н* в: хляни́ (хлебни); в прошедш. вр. окончание *тли* вместо *ли:* матли́ (мели); окончание *ка* после мягких согласных твердо; в склонении имен и местоимений отмечены формы: на старани́ (на стороне); сва́е лашади́ (свои лошади); окончание 3 л. глаголов ед. и мн. ч. обыкновенно твердо и часто опускается; хвата́ет, таргу́я (торгует), *да* (даст), но у старика слышано и мягкое окончание (дасть); возвратный залог имеет мягкое окончание — *сь, ся, сься:* лажы́*сься* и под.; в личных формах глагола возможно стяжение: выта́скивам; для местного ударения отмечены произношения: цапу́ (цену); у мнагих (у многих); ницо́во (ничего); е́каму (есть кому: рабо́тать не гара́с е́каму).

VI. Д. Ка́менка[1] (недалеко от Елпазариевского монастыря). Сильное аканье: яво́ и под. Мягкое *т* произносится с свистящим оттенком: ара́т^{c}ь (орать, пахать

[1] В Списках: Каменка Большая, № 1058 и Каменка Малая, № 1057.

землю). На месте мягких *з* и *с* очень мягкие *ж* и *ш* или средние между *з* и *ж*, *с* и *ш*: *ж*имо́й, пи*шь*мо́, *ш*ᶜемь вёрст, пакарми́ка*ш*ᶜь. Отмечен случай и с твердым *ш* вместо твердого *с*: нашо́*ш*так. Есть цоканье: нагру́нни*ц*ак (нагрудничек) и др. Конечное *в* обращается в *ф*: фу́нта*ф*. Группа *дн* обращается в *нн*: нагру́*н*-*н*ицак. Губной *п* перед *н* выпадает: зач*е*рни́ (зачерпни). В склонении имен и местоимений укажу формы: атту́да ро́дина*м* (т. е. атту́да ро́динами: форма множ. вм. нашего единств., как и в Островском у.); род. пад. прилагат. муж. рода здесь, как и везде, на *бва* и пр.; числительное «пятнадцать» в твор. пад. ед. ч. слышано в форме пятна́дцат*ем*; «она» в вин. ед. имеет форму: *ану́*; от «прямой» сравнит. степень на *оше*: прямо́ше; 3 л. ед. и мн. оканчивается на *т* твердое, которое часто опускается: хто што со́чи*т* (ищет, кто чего домогается), гаваря́ (говорят).

VII. Д. Подго́рье, № 1010. Здесь отмечено сильное аканье: бяре́т, яво́, ня зна́ю, сямна́тцать, ш*а*сти́, нагряшы́ш и под. Ударяемое *ѣ* совпало с *е*. Возможно стяжение глагольных окончаний: ве́д*а*ш. Отмечено приставное *и* в: *и*ржи́ и т. п. Вместо предлога *у* слышано не раз *в*: *в* нас, *в* яво́, *в* атца́. Вместо *в*—*л* в: ас*л*абани́ли. Вместо первоначальных *ц* и *ч* иногда *т*: ате́т (отец), дату́ша (дочуша, дочушка). Мягкое *с* часто заменяется мягким *ш* или звуком средним между мягким *с* и *ш*: де*шя́*тай, ф*шя*во́, вазьмё*шьшя*, ки́*шь*ли, ма́*шь*лянай, *ш*ᶜемьи́, *ш*ᶜе́на. Мягкое *з* отмечено только вместо ныне твердого *ж*: нала*зи́л* (наложил). Есть в говоре долгое твердое *ш*. Цоканья здесь слышано немного; вероятно, вследствие культурности семьи, в которой я наблюдал речь. По той же причине я слышал здесь и книжное: дра*жде́*й. *Ч* произносится немного тверже литературного: му́*ча*ли и др. Ассимиляция согласных отмечена в словах: ро́*нн*ай, ра*нн*о́й (родной), ви́*нн*а (видно); диссимиляция в но́*йм*а (рядом: но́*ньм*а, т. е. ноньче, теперь). С перестановкой звуков: памасты́рь (повсеместно). С выпадением согласных слышаны слова: аслабани́ли; паги́ли (погибли), паги́ла (погибло). Мягкое *р* постоянно слышится в са́харь. Мягки согласные перед окончанием *ский*: ба́рьскии и под. Отмечено также: изёпка (при изьба́ в других здешних говорах). В склонении слов я слышал: крыльцы́ (крыльцо, т. е. множ. вм. нашего единств.); предл. пад. на *ы*: на слу́жб*ы*, в ну́жд*ы*; им. мн.: дро́в*ы*; род.: семь *гот*; твор. на *ям*: з детя́*м*. Им. множ. у прилаг. нечленного окончания может быть мягким: двери про́ст*и* (открыты, не заперты); им. пад. множ. у прилаг. с предыдущим *к*, *г* оканчивается в членном склонении на *ии*: ба́рьск*ии* и под. От «слабый» сравнит. степень: слабо́ше. В образовании имен существительных замечательны слова на *ень*: дарагави́зень (дороговизна), галадавизе́нь (голод). В слове: Вару́шка или твердое *р*, или особенность образования. При переспросе здесь говорят: каво? т. е.: что ты говоришь?

Личное местоимение 3 л. звучит: *ён*. Глаголы 3 л. ед. и мн. числа имеют в окончании твердое *т*, которое часто отпадает: пайдё*т*, паéде (поедет), гавари́ (говорит), хóдя (ходит) и т. д. Вместо «есть» и «даст» слышатся формы: éсте и дáсте (дрóвы éсте и под.). Повелительное от «глядеть» — гля́ште (этимологически: гляжьте): гля́ште меня (смотрите). Возвратный залог оканчивается на *ся, сься, сь*: сабирáлся, баи́сься. В образовании глаголов замечательны формы: варáцал (ворочал); мехáет (мешает); гани́ла (гнала); абмани́ть (обмануть). Среди неизменяемых слов отмечены вы̀ма (мимо; ср. ц.-с. обимо — окрест, польск. imo); *аи* (или; в других великорусских говорах: *ай*): были *аи* не? Здесь я несколько раз слышал своеобразное синтаксическое сочетание слов муж. рода с словами среднего: *ён* был на слу́жбы да атпу́щена; пáлец был срéзана; ён был отпу́щена (замечательно это точное повторение того же оборота в дальнейшем разговоре). Повидимому, этот оборот заимствован из польского языка. Обороты: ён астáфшы (вместо: остался), надаéфшы сидеть (надоело) и под., здесь, как и во всех обследованных говорах, мной почти не записывались, как слишком обыкновенные. Вместо *из* часто *с*: ушол с плéну. По ударению замечательны произношения: работáть; малóдай; вóсьмай; руку́; ницóва; éкали (есть когда).

VIII. Д. Головáново, № 1009. Здесь сильное аканье: вядрó и под. Ударяемое *ѣ* совпало с *е*. В слове по^{у}лнóть (полночь) слышано после *п* сжатое *о*, приближающееся к *у*. Вместо *у* наблюдается *в*: в меня́ (у меня). Есть белорусское дзеканье и цеканье: *дзéла* (дело), *ци́ха* (тихо), при чем это *ц* здесь, как и везде, мягко; но при цоканье и здесь, и в других описываемых мною говорах, слышится *ц* твердое. Так это и надо читать везде, где в описании предыдущих и последующих говоров о звуке *ц* нет особой оговорки. На месте мягких *з* и *с* я слышал очень мягкие *ж* и *ш*: ва*жь*ми́ и под. Есть долгие твердые *ж* и *ш*. Долгое *ш* иногда сокращается в простое: забастóф*ш*ык. Звук *ж* произносится иногда с оттенком мягкости. Группа *дн* звучит *нн*: рóннай (ласковое обращение). Твердое окончание в Вáнь*ка* и под. 3 л. глаголов ед. и мн. числа имеет твердое окончание: надаеду́т (надоедят). Возвратный залог оканчивается на *ся, сься*.

IX. Д. Стри́жки, № 1022. Деревня, по указанию крестьян, существует лет сто. Жители—переселенцы из под Печёр. Здешний говор, насколько я успел с ним познакомиться, не отличается от соседних. Также наблюдается сильное аканье: раздяли́ть, чявó, ряка́, пяшóм (пешком) и под. Ударяемое *а* вместо *о* имеем в слове: хвáраст. Ударяемое *ѣ* вообще звучит как *е*; но: насми́шка (насмѣшка);

праи́ш[1] (проѣшь). Неударяемое *ъ* в конце слов обращается в *и*: Павлу́х*и* (д. п.). Сохранение *е* есть в форме пе́пелам (твор. пад. ед. ч.). Отмечено начальное *э* и конечное *е* в слове: эшшэ́. Уподобление слога имеем в: мужука́. Смешиваются предлоги-приставки *в* и *у*: *в* ба́рина (у барина), *в* нас (у нас), *в* э́тава (у этого), вда́рить (ударить). В слове «напои́ть» слышано сочетание *тш* (с мягкими *т* и *ш*): напа́и*тш*ъ. *Т* твердое на месте *ц* нередко: маладе́*т* кузне́*т* и под. На месте мягких *з* и *с* часто слышатся мягкие *ж* и *ш* или мягкие средние звуки между свистящими и шипящими: *жи*мбо́й (*ж* мягкое, близкое к *з*), *жи́*мная дела, ва*жъ*му́, принеш*и́*, е́ш*ъ*ли, де́шить, *Фш*ᶜё, *ш*ᶜебе́ и под. В слове: папа́*ши* (помети) слышано довольно мягкое *ш*. Есть долгие твердые *ж* и *ш*: вбжжы, дажжы́, я́шшык, эшшэ́ и под. Вместо долгого отмечено обыкновенное *ж* в сочетаниях дожбы́л, дошпайдёт; также: забастофшык. Есть и цоканье: *ц*ы́ста (чисто), дака́н*ц*ывут (доканчивают) и под. *Ч* произносится иногда немного тверже литературного. Наблюдается и средний звук между *ч* и *ц*—*ч*ˢ—при том довольно мягкий. Группа *ньм* дает *йм*: но́йма (ноньма, т. е. ноньче, теперь). С ассимиляцией согласных отмечены слова: а*нн*а́я (одна), а*нн*ы́х (одних). Группа *чт* обратилась в *ст* в слове: уни*ст*о́жыть; местоимение «что» слышим всегда, как и везде, в форме што). *К* выпадает перед глагольным суффиксом *ну* в слове за́мнута. Группа *вл* может обращаться в *л*: асталя́емся. Окончание *ка* после мягкой согласной не теряет своей твердо Ва́ся*ка*. В одном случае мне показалось, что я слышу довольно твердое *р* вместо мягкого (кра*сть*я́ны). В прилагательных звук *с* суффикса *ский* и предыдущий согласный мягки: зе́м*ьс*ькай, губе́р*ьс*ькай и под. Твердость конечного губного слышана в слове *рупь* (рубль). Отвердение *л* отмечено в слове це́*л*ънай. В двух случаях отмечено мягкое *т* вместо мягкого *к*. Стри́*шт*и (Стрижки), ба́рьсь*т*ин. Скорее всего это редкое здесь произношение заимствовано из говоров другой диалектической области. Вместо «сломали» здесь, как в Белоруссии, говорят иногда: злама́ли. В склонении существительных я отметил в словах муж. рода необычный предложный падеж на *и*: на кан*и́*, в гаршк*и́*, и на *у*: ф клеверу́, на суду́; твор. пад. мальц*ы́*шк*ам* (мальчишкой); в словах женск. рода отмечены формы: па про́зьб*ы*, па вясн*ы́*, к ряк*и́*, аб зямл*и́*, в я́м*ы* (в яме), ф той избы́; деревня́ (им. пад. мн. числа), пусташ*а́* (тоже); ни*фаф* (нив; первое *ф* из формы нив = ни*фф*). Слово «плуг» здесь употребляется в форме женск. рода (нет плу́*г*и), а слово «стул» в форме сред-

---

[1] В слове насми́шка *и* на месте *ъ* я объясняю в связи с древней формой смиятися. В словах, подобных праи́ш, *и* на месте *ъ* возникло, очевидно, сначала в беспредложных формах перед мягкой согласной: *ис'ть*, а затем перешло в другие формы. Некоторые и теперь говорят здесь: *ис'ть*, но: *ел*.

него рода (сту́*ла*, этимологически стуло). Прилагательные оканчиваются на *кай* и под. (кре́пкай). Сравн. степень на *оше* в словах: слабо́*ше*, крепо́*ше*. В числительных отмечены формы: анна́я (одна), анны́х. Для местоимений отмечено: *Фси* (всѣ, мн.); *ей* вместо «ее» (напраси *ей*); яны́ (им. пад. множ. числа); ц и я́ (чья: цыя́ сила); на е́тых; свае́й. 3 л. глаголов ед. и мн. ч. оканчивается на *т* твердое, которое часто отпадает: гнетёт, связу́т, хо́дят (речь мужика, который был в солдатах), прие́де, наде́не, патя́не, врё, не хо́ча (ед. ч.) и т. п.; при этом глаголы 2-го спряжения имеют в окончании *я* вместо *и*: мух ло́вл (ловит), но́сл (носит), ана праква́ся малако-та. Вместо «есть» и «даст» иногда слышится: *е*, е́стя, е́стем (приближение к таким формам, как е́дет, при: е́де); да́сте (3 л. ед). Вместо окончания *ают* возможно *ут*: дака́нцывут. Глагол «ѣсть» в 3 л. мн. числа оканчивается на *ут*: разъяду́т (съедят). В формах повел. накл. отмечены: прие́ть дамой, пагля́ште (поглядите), гля (глядн). Сравнительно многочисленны глагольные образования на *хать* и *хывать*: памеха́ла (помешало), перемеха́лась (перемешалась), смеха́лась (смешалась), наве́хали (навешали), спра́хывал (спрашивал), спра́хывали (спрашивали). Возвратный залог оканчивается на *съ, ся, сься*. Среди неизменяемых слов замечательны а́льму (или; слово это, кажется, требует проверки, хотя на месте я его и не заподозрил); вы́ма (мимо); гля (подле: гля масти́нак); то́льки (только); пя́шом (пешком); член *та*: малако́-*та*, мне до́лк-*та* адда́ть. Здесь, как и раньше, я слышал синтаксический оборот: (солдаты) были атпу́шшэна (отпущены). Особого рода несогласование, как следствие предыдущего оборота, отмечено в выражении: (трава) но́не смят да абжа́та.[1] Вместо «оно́» употребляется женский род в выражении: яна́ ра́на придёш туда́. Странно употребление вместо мужеского женского рода: Ста́ршая (вместо старшнй, начальник) в ражо́к паигра́ла... Относительно ударения замечательны формы: за́пруда, бо́сай, низко́е места, дяды́ (деды), ко́пей, рядо́м (наречие), ницо́ва (ничего).

Х. Д. Сухло́во, № 1038. Здесь говор сильно акающий: сямья́, унясли́, пяско́м, капе́як и под. Для окончаний отмечено *ы* на месте прежнего *ъ*: на у́лицы. Ударяемое *ѣ* совпало с *е*. При ро*ф* имеем множественное: равы́ (*о* древнее). Со вторым полногласием отмечены слова: ко́рам (корм), се́рен (серн). В слове: сто́й (окрик на ребенка), слышано сжатое, приближающееся к *у—о*. Вместо предлога *у* слышится *в, ва*: *в* нас (у нас), *ва* Фсих (у всех). Кажется, я не ошибся, отметив на конце одного слова *ў* вместо *в*: азярбо́ў (неясно, но так). Обыкновенно же в подобных случаях *ф*: дро*ф* и т. д. На месте *ц* иногда слышится *т*: ма́лет.

[1] Ср. в сказках Псковской губ.: Яна привязан (Живая Старина 1912 г., стр. 298). Этот оборот, вероятно, возник под влиянием чередования оборотов: ён привязан и ён привязана.

Вместо мягкого *с* слышано «очень мягкое» *ш* в слове *фшё*. Долгое твердое *ж* отмечено в дажжа́. Есть и: дош (дошла бы). С церковным сочетанием *жд* вместо русского *ж* слышано слово: ура*жда́*й (урожай). Цоканье, с твердым *ц*, отмечено в словах: *ф*ца́ра (вчера), се*ца́*с (сейчас) и др. Группа *дн* обращается в *нн*. В слове мя́*ж*кай сохраняется коренное *ж*. Звук *h* я отметил в Яно́р (Егор). Вероятно, это церковное произношение. В склонении существительных отмечены формы: на мы́зы (на мызе); в хляви́ (в хлеве); гла́зы (им. п. мн. ч.); зуба́м (зубами), за драва́м. Слово у́жина имеет форму женск. р. Из местоимений отмечены формы: ва *ф*си́х; зацы́м (зачем); ци́ни (чьи: ци́ни по́пала). Сравнительная степень на *оше*: памело́ше (помельче). 3 л. глаголов ед. и мн. ч. оканчивается на *т* твердое, которое часто отпадает: кипи́*т*, бу́де, высыха́е, ска́же, ни прапу́стя (не пропустит), ня бы́о (не бьют). Однако: прада́*сть* (продаст). От «видеть» прош. время женск. рода имеет форму: ви́дла (ви́дла ви́лы). Возвратный залог оканчивается на *ся*. В синтаксисе укажу несогласование сказуемого с подлежащим в выражении: падно́нак пате́ряна (этимологически: потеряно). С особыми ударениями отмечены: талста́я, далга́я; ваду́; ника́ова, анно́ва; взя́ла; по́пала (попало).

Судя по разговорам с окрестными крестьянами, и в соседних селениях говорят так же, как в описанных. Сходный говор и в соседней полосе б. Гдовского уезда. У одного из соседних акальщиков этого уезда я записал замечательную падежную форму: над адно́м (под одним).

XI. С. Верхо́лино, № 1036. Здесь сильное аканье: сля́ и под. Ударяемое *ъ* совпало с *е*. На месте *у* встречается *в*: *в* меня́ (у меня). На месте *в* я слышал *л* в слове: растрелбжилась. На месте *ц* встречается иногда *т*: ма́*т*ец (мале́ц). Мягкое *ш* на месте мягкого *с*: ра*ш*ты́ла, *фшё*, даже и твердое *ш* на месте твердого *с*: *ш*пра́ва (вероятно, по аналогии к «слева» с мягким *ш*). В разговоре пожилой женщины отмечено отлично сохранившееся последовательное цоканье. *Ч* у ней довольно твердое, слышится редко: зачы́м. Долгое твердое *ж*: да*жжа́*. Группа *дн* обращается в *нн*. Отмечено смягчение слога под влиянием следующего мягкого слога: третье́венни. В склонении отмечены формы: дро́вы (им. пад. мн. числа); в май́м саду́; зачы́м. Сравнит. степень на *о́ше*: прямо́ше (прямее). Для рода слов отмечено: крыле́ц, муж. род. 3 л. глаголов ед. и мн. ч. оканчивается на *т* твердое, которое часто отпадает: ня хо́ди, приде́; да (даст). Возвратный залог оканчивается на *сь, ся*. Особое ударение отмечено в слове: дацка́ (дочка).

XII. Д. Ма́лая То́лбица, № 928. Здесь сильное аканье: шьляди́ть (следить) и под. Ударяемое *ъ* совпало с *е*, но блahади́тель.[1] Со вторым полногласием слышано

[1] Произносится повидимому так, как церковное слово (по—новгородски, где *ѣ* равен *и*).

слово: серепо́к (ласк. от «серп»). Сохранение старого *о* в тапе́рь. Есть *т* на месте *ц*: дажьжéт (но: дажьжецá). Мягкое *ш* на месте мягкого *с*: *шьвет* (свет), *шьлядúть* (следить). Есть твердые долгие *ж* и *ш*: да*жжá*, пб*жжы* (позже), пу*ша́й*. Цоканье очень хорошо сохранилось в говоре. Группа *дн* обратилась в *нн*: рóнnай. Конечное *ка* после мягкой согласной не смягчается: Ва́н*ька* и под. Окончание 3 л. твердо и отпадает: бу́*дет*, не даё и под. Возвратный залог оканчивается на *сь, ся, сься*.

XIII. Д. Велúко По́ле, № 1094. Здесь отмечено только сильное аканье: бягу́т; ударяемое *ъ*, совпавшее с *е*; *т* на месте *ц*: малако *те́ла* (цело, не израсходовано); твердое окончание 3 л.; стяжение гласных в окончании прилагательных: Велúка По́ле.

XIV. Д. Больша́я То́лбица, № 1092. Здесь отмечено сильное аканье: павремяни́ти (повремените); ударяемое *ъ* равное *е*; со вторым полногласием: вере́х; очень мягкое *ш* на месте мягкого *с*; цоканье; предл. над. на *и*: в ладьи́; форма ве́хать вместо нашего «вѣшать»; перенос ударения в форме вин. над. женск. рода от «ладья́»: ло́дью.

От Б. Толбицы до Пскова я ехал сначала на лодке, а потом на пароходе. И здесь я прислушивался к разговорам едущих и сам вступал в разговоры, чтобы иметь возможность наблюдать речь различных моих спутников. Это был все народ из ближайших окрестностей, тянувшийся в город по различным делам. Если я решаюсь говорить о диалектологическом материале, записанном от этого случайного собрания людей, то имею для этого основание в самом качестве этого материала и в его особом значении. Именно, материал этот показывает, что на большом пространстве и сплошь здесь распространено одно наречие, черты которого постоянно встречаются в предыдущих и последующих говорах, которые я здесь описываю. Я слышал ото всех сильное аканье: дяли́ть и под. Я отметил произношение: рóхлая (рыхлая) земля. Также: Ф чела́нку́. Мной отмечена также мена *у* и *в*: *в* нас (у нас), *фте́ряна* (утеряна). При характерной для здешних говоров мене согласных *т*, *ц*, *ч* одна и та же река в разговоре о ней принимала три звуковых формы: *Т*е́рех, *Ц*е́рех и *Ч*е́рех.[1] Нередко слышалось мягкое *ш* на месте мягкого *с* и обратно: *шем* (семь), ра*ссы́*тываю (расчитываю) и под. Цоканье я слышал часто в разговоре. На обращение группы *ол* в *л* я записал несколько примеров от разных лиц: даста-ля́ют, аста-ля́ется, аста-ля́ет. Для отвердения конечного губного отмечено уже приведенное слово: ше*м* (семь). Особая мягкость согласных наблюдалась в словах:

[1] У Якушкина река и пишется: «Тереха». На карте Псковской губ.: «Черех».

изъба́, Изъбо́рск. Окончание глаголов 3 лица у всех твердо и часто опускается. Возвратный залог оканчивается на *съ*, *ся*, *съся*. Часто слышалась глагольная форма: гляш (гляди, этимологически: гляжь). По отношению к роду слов отмечена форма: абыдёнкам (муж. р.: абыдёнкам схадил туда). Вместо «пахать» (землю) все говорят ора́ть, откуда существительное орьба́ (пахание). Шепелявость и следы цеканья так еще прочны в здешнем говоре, что даже в монашеском церковном чтении я слышал ясные произношения: зизъди́теля, принесо́ся, а слово «человеколюбец» произносилось в церковном возгласе: человеколю́бе. Очевидно, в сознании говорящего это слово была борьба между книжной формой «человеколюбец» и народной «человеколюбет»; нерешительный исход этой борьбы и вызывал неоконченное произношение.

В южной части Псковского у. мне хотелось посетить исторические местности: Выбуту, Изборск и Печёры. Я пошел от Пскова по левому берегу р. Великой и прошел опять ряд селений с остановками для наблюдения, посетил намеченные мною места по линиям: Выбута, Изборск, Печёры и, порядочно усталый (в общем я сделал пешком не меньше 100 километров), вернулся домой, с достаточным запасом наблюдений, с удовольствием и благодарностью вспоминая сердечное гостеприимство и доброжелательство, которые я видел почти везде и от всех.

XV. Д. Ма́лые Гоголёвки (на берегу Великой, километра 4 от Пскова), № 1310. Здесь сильное аканье: тябя́, вярёфка, пяшко́м, *тижало́*. Ударяемое *ъ* совпало с *е*. На месте *у* слышится *в*: *в* нас (у нас), *в* Насти (у Насти). Есть мягкое *ц* на месте мягкого *т*: *ця́ця* (тятя), з деця́ми (с детями). Есть и *т* (твердое) на месте *ц*: ате́т. Слышано твердое *з* на месте *ж* и *ш* на месте *с*: леза́ть (лежать), *За́*вранкавы (Жаворонковы), маззаве́льник (можжевельник); в леш (в лес, обыкновенно это слово произносили с *с*). Меной *с* и *ш*, вероятно, вызвано и довольно твердое произношение *с* в слове: Фса (вся). Долгое *ж* звучит обыкновенно мягко: дажъжеца́. Группа *дн* обращается в *нн*: хало́нная. С мягким согласным *р* отмечено слово: урёк (урок)—условленная работа. Вместо «что» я слышал один раз *що*: так що?[1]

В склонении существительных отмечены формы: на войны́ (на войне); но́вын путя́ (новые пути). В числительных замечательна форма: тре́ттий. Окончание 3 лица часто отпадает: паёде, вазьмё. Для ударения отмечена форма: то́ва (прамёш э́тава и то́ва).

XVI. Д. Больша́я Гоголёвка, № 1311. Здесь говор сильно акающий. Ударяемое *ъ* совпало с *е*, но: насми́шка. Долгое *ж* слышано мягким, а не твердым.

[1] Так сказала молодая девица, которая работает в городе на вокзале и могла заимствовать там это произношение от каких-нибудь пришлых людей.

Произношение пирастáл (перестал), с твердым р, слышано только от маленькой девочки. В склонении имен отмечена форма: мяшкáмы (ясно слышано твердое окончание). Формы 3 лица ед. и мн. ч. имеют в окончании мягкое *т*, которое часто опускается: слядя́ (следят) и под.

XVII. Д. Пристань.[1] Здесь отмечено только сильное аканье и мягкое окончание глаголов 3 л. ед. и мн. числа.

XVIII. Выбу́та (погост), № 1315. В народе называется: «Лыбу́та» («Говорят и Лыбуста, но Выбутой не называют, как в одной книжке сказано». П. Якушкин. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний, стр. 155). В Выбуте живет только духовенство, но на р. Великой, у размытого водою моста, немного повыше Выбуты, я разговаривал около сторожевой избушки со старухой, которая сказала мне, что она из Выбуты,—поэтому я и вношу здесь под Выбутой заметки о народном говоре, основанные на наблюдениях над речью этой старой женщины. Конечно, она сильно акает. Со вторым полногласием у ней отмечены: чóлан челанки́, верёх. Мягкое *т* у ней обращается в мягкое *ц*: Пéцька! (Петька!). Вместо *ц* встречается иногда *т*: атéт (отец). Вместо железо у ней: зелéза. Числительное «третий» звучит с долгим *т*: трéттий. В надежных окончаниях часто слышится звук *ɸ* на месте *х*: раббчиɸ, адныɸ, всякиɸ, па наддóнных лóткаɸ, па паттóнныɸ лóткаɸ (на подводных лодках; чередование *дд* и *тт*, *х* и *ɸ*, может быть, основано на том, что это для говорящей заимствованное слово, недавно и неясно усвоенное). В образовании слов я отметил у говорящей формы: дырáвый и злáмала. Вместо «почти» она говорит: пáчти́. К образованию слов я отношу также ее произношения глыбóка (глубоко)[2] и дáльши (дальше).[3] Для ударения отмечено произношение: аддóх (отдых).

XIX. Д. Голоду́ша, № 1316 (Относится к группе деревень, составляющих глухой край, называемый «Залéсица». Прежде деревня, на памяти 60-летней обывательницы, была в 7 дворов. По преданию, Голодуша основана беглецами из-за Великой реки, мужем и женой, ушедшими от жестоких помещиков). Здесь сильное аканье; сямья́, влди́, взяли́, вясти́ма, смяни́лась, дяли́ть и т. п. Для произношения

---

[1] В «Списках населенных мест» не показана.

[2] Образования от корня глыб в русских народных говорах, кажется, слышатся чаще, чем от глуб.

[3] Ср.: Едут дыли (Н. Г. Козырев. Семь сказок Псковской губ.: Живая Старина, 1912, стр. 308). Произношения с ударяемым *ы* на месте ударяемого *а* характерны для белорусских говоров, которые знают широко распространенное уды́рить вм. уда́рить (см. Материалы для изуч. белор. гов. I, 3). Может быть, формы эти произошли в говорах с диссимилятивным аканьем: удыря́ть—удыри́ть, удыля́ть, ды́льше и т. п.?

неударяемых гласных отмечено еще только: дéняк, пóсли. Из произношений, вызванных аканьем, отмечено: плóтит. Ударяемое *ъ* совпало с *е*. Стяжение гласных отмечено в дýмаш (думаешь). Особое прояснение глухого: васьменáтцать. Пропуск гласного отмечен в: барнавáла (бороновала). Вместо *о* — *ы* в: мы́ется. Вместо *ы* — *у* в: дýбам (дыбом) вóласы. Также отмечено: мужукóф (мужиков). Второе полногласие: смирятнáя (смертная: о болезни). На месте *у* — *в*: *в* нас (у нас), *ф* кавó (у кого), *ф* тябя́ (у тебя). Обратное явление реже: *в*стрóен (устроен). Звук *г* произносится здесь так же, как и в литературном языке, но в собственных именах есть и южное h (вероятно, церковного происхождения). Так, одна женщина в обращении к учителю сказала: Яhорыч, а другая в то же время сказала Ягорыч (*г* обыкновенное, взрывное). Дзеканья здесь я почти не слышал, однако молодая женщина, приходившая к моим хозяевам, слово «иди» произнесла: п*джи́* (неясно, но так; *ж* очень мягкое). На месте *ц* иногда слышится *т*: хлéбет (хлебец), Валжанéт (Волженец). Вообще одни жители здесь очевидно сохраняют мягкие *з*, *с*, *д*, *т* на своих местах, другие, менее культурные, несколько щепелявят и немного дзекают. Шепелявость отмечена мною опять-таки лишь в говоре лиц, не входящих в ту семью, в которой я тогда остановился. Так, одна приходившая к моим хозяевам женщина говорила вообще с очень мягкими *ж* и *ш* на месте мягких *з* и *с*: ва*жи́*ть, *фшё*, спа*ши́*ба, абýпшь*шя*. Долгие *ж* и *ш* здесь вообще тверды: ва*жжа́*ютца, брю*жжý*, *Шши́*рая Польша и т. п. Вместо русского *ж* иногда церковное или новое *жд*: ра*жда́*итца и рош, абн*жда́*лися. Цоканье, отчетливое и последовательное, хорошо сохранилось в говоре некоторых женщин: *ц*ытвяртáк, слу*ц*ы́лася, на клю*ц*ý и под. Звуки *ц* и *ч* вообще тверды. Мягкое *ц* слышано только в собственном: *Ц*ярёха (название недалекой реки; произношение, вероятно, идет от дзекальщиков). Хорошо сохранившие цоканье не знают чеканья. Обратно, мужчина, грамотный и бывалый, потерявший цоканье, сказал: *ч*ехавóй (цеховой) мастер, в чем я вижу неудачную попытку избежать деревенского цоканья. Группа *цв* звучит *тв*: за*тьв*етё (зацветет). Группа *дн* обыкновенно обращается в *нн*: а*нну́*ю (одну) и т. п. Сочетание *чн* в известных случаях звучит *шн*: непрóшна. Выпадение согласного отмечено в саси́м (совсем). Перед начальными *о* и *у* может приставляться *в*: *В*óльга, *в*óльха, *в*ýлица. Конечные губные произносятся иногда твердо: сем (семь). В суффиксах существительных и прилагательных сохранилась вообще древняя мягкость согласных: изьбá, деревéньскаму, которая осталась и в слове: вайськá (ст. форма воиское). Окончание *ка* после мягких согласных всегда твердо: Вáньк*а* и под. Имена существ. муж. рода имеют иногда необычный для нас предложный на *у*: на клю*цу́*. Имена женск. р. могут иметь твор. пад. ед. ч. на *юй*:

лбвлюй. Предл. над. в словах женск. рода на *и*, *ы* отмечен в случаях: в зямли́, на зямли́, на Вяликай рякі́, на той старань́. Именительный над. множ. числа на неударяемое *ы* от существительных муж. и ср. рода и на ударяемое *я* от слов женск. рода слышан в: глáзы, дрóвы, лашадя́. «Сын» во мн. числе имеет форму сыны́. Творит. над. мн. ч. часто оканчивается на *ам* вместо *ами*: сваим рукáм зделаешь, нагáм слабай и под. Среди числительных отмечены формы: анну́ю (одну), тре́ттюю (третью), абы́и (обе). От «мелкий» сравн. степ. имеет форму: мелóше. 3 л. глаголов ед. и мн. ч. имеет в окончании мягкое *т*, которое часто опускается: спить, шуми́ть клюц, живу́ть, яду́ть (едят), затьветё (зацветет), взарё (взорет), гуля́е (гуляет), гавары́ (говорят) и т. п. Твердое окончание (работает и под.) идет, конечно, от людей образованных. Окончания возвратного залога мягки: *сь*, *ся*, *ься* (вéртисься и под.) Из глагольных образований я могу указать: яду́ть (едят); кóплют (копают); мехáл (мешал); засучáть (засучать) штаны (ср. белорусское: засукáць). Среди неизменяемых слов отмечены: кул, кол (около; первое слово употребляется обыкновенно без ударения: кул дарбги, кол бу́тки); вы́ма (мимо). В числе замечательных синтаксических оборотов укажу часто встречающиеся сочетания, подобные: Париш был взя́та (взят). Многочисленны случаи употребления деепричастия в значении глагола прошедшего времени: мы астáфшы (мы остались) и т. п. По ударению замечательны произношения: плúта (такое ударение здесь повсеместно), к рéки, в рéке; за угóл; нискóй, нехитрáя (не очень хорошая), рош; сáма сашью; нагý (от «нога»), умёр, памёрла, адежа бы́ла.

XX. Рядом с Голодушей находилось Владимиро-Выбутское земское училище, учитель которого Н. Е. Егоров предоставил мне возможность познакомиться с письменными работами его учеников и сделал мне несколько полезных сообщений о местном говоре. Принося искреннюю благодарность за содействие, пользуюсь собранными мною данными. В окрестностях, откуда приходят ученики в названную школу, все население говорит одним наречием. Из школьных тетрадей ясно видны некоторые черты этого наречия. Обращение мягкого *т* в *ц* показывает написание: [1] мецелка (метелка). Та же черта говора указывается и написанием: тысямъ (тысяч), свидетельствующим, кроме того, и о мене *ц* и *ч* в говоре. Твердость звука *ч* видна из ученической орфографии: чыжыкъ, трескучый. На смешение *ж* и *з*, *с* и *ш* указывают написания: наказитъ (накажет), шешнадцать (шестнадцать). Отвердение конечного губного видно из написаний: церковъ, морковъ, семъ. Написание: разтвѣли указывает на произношение группы *цв'* как *т'в'*. Для указания на отпа-

[1] Выписки из ученических работ привожу с буквальной точностью. Курсивы мои.

дение конечной согласной отмечено написание: вересъ (вереск). По отношению к склонению существительных достойны внимания написания: до водѣ, съ хазарамъ (твор. пад. мн. числа). В числе глагольных форм отмечены написания: выпускае (выпускает); хочуть (хотят). Сильное аканье в говоре и одна особенность ударения обнаруживаются написанием: о дятяхъ (о детях; очевидно произносится: а дятя́х). Из сообщений П. Е. Егорова я прежде всего укажу замечательные местные произношения: жереглó (жерло: у пушки широкое жерегло́), прачьклú (прочли: так говорят ученики из соседней деревни Крестово). К этому прибавлю, что *ъ* ударяемое не произносится как *и* (за исключением слова: насми́шка). Твердое *р* здесь всегда твердо, а мягкое мягко. Но в Порховском, Новоржевском уу. будто бы, можно встретить произношения, подобные: гаваруу́ (говорю);[1] отмеченному мною здесь написанию: подпри*и*гнула, поэтому, я пока не придаю большого значения. Слова «дожди», «приезжать», «возжаться» и подобные обычно произносятся с тем же звуковым составом, как в литературном языке.

XXI. Д. О́льгинец = О́льгино = Валжане́ц (№ 26) = Вы́дра (№ 26) = Вы́дор. «Ольгинец», «Ольгино» называет эту деревню местное духовенство; Волжане́ц» называется она «по письменному» (в волостном правлении, в больнице), «по-крестьянскому», называется «Вы́дра», «Вы́дор»[2] и вдали известна только под этим именем. Говор здесь такой же, как и в соседних деревнях. Сильное аканье: мяня́ и под. С полногласием записаны слова: харабри́лися, хо́лам (холм). Вместо *у* иногда *в*: *в* евб́ (у него), *в* нас (у нас). С приставным *в* слышано: *В*бльга. В произношении мягкого *т* присутствует свистящий элемент, перешедший в шипящий: апя́*т*ьшь (опять). На месте мягких *с* и *з* мягкие *ш* и *ж*; *фшё*, в *жямли́*. Могут меняться и твердые *з* и *ж*: даздáтца, на*ж*ва́ния. Говор цокающий. В словах книжных иногда звонкий фрикативный *h*: Оль*h*ина: Мягкое *з* в: изьбы́. В склонении имен отмечено: в жямли́, па изьбы́; вме́сти*х* (вместе, мн. ч.). В образовании существительных укажу: писёмачка (письмецо). 3 л. глаголов ед. и мн. ч. имеет мягкое окончание, которое часто отпадает: гавари́*т*ь, паспдя́ и под. Возвратный залог оканчивается на *ся* (скрылся), которое может переходить в *шя*. Из глагольных образований отмечены: спра́*х*ывали (спрашивали) и паги́*л* (погиб, погибнул).

Часто слышаны синтаксические обороты: сын уби́та, тот давно взя́та и под.

---

[1] Это сообщение относительно Бежани́цкого района б. Новоржевского у. подтвердилось и моими недавними наблюдениями, причем твердое *р* обычно слышится от небольшой, более консервативной части населения лишь в некоторых словах.

[2] Названия Выдор (Выдра) Ю. Трусман сопоставляет с ливонскими названиями деревень, известными с XIII века; соответственное им имя Vidersile (Живая Старина, 1894, в. III—IV, стр. 553).

XXII. Д. Покрути́ще, № 1319. Здесь сильное аканье. Ударяемое *ъ* совпало с *е*. Второе полногласие отмечено в: далажнб. Вместо *у* может быть *в*: *в* нас (у нас). На месте *ц* иногда слышится *т*: ате́т. Вместо *ж* отмечено *з* в слове абазьди́ (так сказала небольшая девочка). Вместо мягкого *с* иногда слышится мягкое *ш* (например, в окончании глаголов на *сь*). Есть долгие твердые *ш* и *ж*: *аши́* и под. Есть и цоканье: *ца*вб и т. д. *Ч* более или менее твердо. В говоре солдата я отметил даже твердое *ш* на месте *ч* (*бшэнь* и под.), но у его матери и жены я не слышал таких произношений. Предложный пад. оканчивается иногда на *ы*: в пзбы́. Есть формы сравнит. степени на *оше*: прямбше. 3 л. глаголов ед. и мн. ч. имеет окончание *ть*, которое часто отпадает. Из глагольных образований отмечена форма: не прашиби́шься (не прошибешься).

XXIII. Д. Боровики́, № 1541. Здесь отмечено только произношение *ы* в слове *мы*, близкое к *у*: верст на́ десять *му* ат реки (ударение на *му* слабое)[1] и *т* вместо *ч*: *т*ють (чуть) памачи́ла.

XXIV. Д. Гиля́ино, № 1539. Говор сильно акающий: двля́тцать и под. Конечное *е* иногда обращается в *и*: не хади́ти. Вместо мягкого *с* слышано мягкое *ш*: неши́. Отмечено долгое твердое *ш* на месте *щ*. Есть цоканье, с твердым *ц*. *Ч* тоже довольно твердое. Звук *х* может заменяться звуком *ф*: *ф*утара́. Группа *дн* обращается в *нн*: ви́нна (видно). Очень замечательны случаи с сохранением твердого сочетания *гы*: магы́лки, магы́льники, магы́льницки. Здесь твердое произношение слышано от пожилой женщины с отчетливой ясностью. Мягкость коренного согласного перед суффиксом *ская* отмечена в слове: зе́мьская. Из замечательных форм 3 лица в записях оказалось только слово даё. Окончание возвратного залога мягко: навярну́лися, справля́ись*ьси*. В синтаксисе отмечено редкое для здешних говоров сочетание: засоришь галава́. Замечательно ударение в форме: к ре́ке.

XXV. Д. Бабьякбво, № 1592. Здесь сильное аканье. Ударяемое *ъ* совпало с *е*. Говор цокающий. Звук *ч* иногда произносится твердо. Есть долгое твердое *ж*: да*жжэ*ца́ (здесь, впрочем, слышано не вполне твердое произношение, но несколько смягченное). Отмечено сочетание: *он* вместо *мн*: гу*вн*б. В местоимениях отмечена форма: за*чы́*м (*ч* твердое). 3 лицо глаголов ед. и мн. ч. оканчивается на *ть* (гаваря́*ть*, хбдю*ть*), которое может отпадать. В образовании глаголов отмечена форма: не меха́ла бы (не мешало бы). Для ударения записана форма: вад*у́*.

---

[1] Ср. белорусское произношение *му* вместо *мы* (Е. Ф. Карский. Белорусы. Варшавские Университетские Известия, 1908, стр. 282 и сл. См. еще Зеленин. Описание рукописей АГО, стр. 693: Минская губ.).

XXVI. Д. Ведю́ги = Ведю́гина, № 1579. Здесь отмечено только сильное аканье: сяре́нняй дарбгай. Мягкое *ш* вместо мягкого *с*: спаши́ба. Твердость *ч*: счыта́им. Группа *дн* обращается в *нн*. Окончание глаголов 3 лица может отпадать: придё. Вместо «нет» — не: не, ради́май.

XXVII. Д. Волково́, № 1569. Здесь сильное аканье: тяря́й, ядо́м, бяда́ и под. Ударяемое *ѣ* совпало с *е*, по: паи́ст; сме́шаная. Начальное *о* за слог до ударения может переходить в *у*: угарбдишка, в *у*гарбди, *у*сталя́ется (оставляется), *у*рунён (уронен). Последний пример показывает, что в *у* может переходить *о* и при других условиях (ассимиляция). Замечательна слышанная здесь форма: пий (так сказала пожилая женщина, другие обыкновенно говорили: пей). Вместо «будь» слышано: быть. Вместо *у* иногда *в*: *в* нас (у нас), *в* атца́ (у отца). В говоре старика отмечено ясное дзеканье и цеканье: *дз*яла́, *ци́*ха, малаци́ць. На месте мягких *с* и *з* иногда ясно слышатся мягкие *ш* и *ж*: *Фшё*, Ку*жжма́*. Есть долгие твердые *ж* и *ш*. Цоканье сохранилось в говоре: клюци́ (хотя в записи у меня и сто́ит *и* после *ц*, но мягкость *ц* я не могу здесь утверждать) и под. Опущение согласных отмечено в словах: усталя́ется (оставляется); ша́нется (шатнется, обратится). Мягкость согласного перед окончанием: ва*нськá*. В склонении слов отмечены формы: на вай*ны́*, гла́зы; сь к*их* пор. 3 лицо глаголов ед. и мн. ч. оканчивается на *ть*, которое часто отпадает. Из глагольных форм отмечено: гляш (гляди: «здесь гляш»). Вместо «нет» (отрицательный ответ на вопрос) здесь, как и во всех описываемых говорах, говорят: не. Для ударения отмечена форма: папи́л.

XXVIII. Избо́рск, пригород, № 1291 (произносится по местному: «избо́рьск»; в окрестностях слышано также: «изборьска»[1]), большое селение на речке Смо́лке, при озере Городи́щенском и при «Слове́нецких» ключах. Население занимается земледелием. Торговцы — пришлые люди. В Изборске я провел несколько времени у почтенного гостеприимного старца, около 70 лет, одинокого труженика домохозяина, отправившего сыновей на войну. Он занимал некогда выборные почетные должности, например, судьи, но вообще всегда проживал в Изборске. Мой дедушка отлично знает местную жизнь и сам живет в добрых отношениях со всей округой. Прежде всего я от него узнал, что местное наречие кругом, насколько он его знает, везде одно. В последнее время оно, конечно, изменилось. В старину, например, в Изборске говорили: баи́л вместо «говорил». И в речи самого дедушки несомненно многое потеряно и многое приобретено вследствие культурных влияний. Он

[1] У Якушкина называется Словенец-Изборьск: «В наш Словенец-Изборьск, много ходит народу» (Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний, СПб., 1860, стр. 170).

знаком и с астрономией, и с календарем, и с библией, в разговоре может уместно поставить церковное слово. Например: «А па́че хазя́йка (наблюдает бережливость).

Здесь говор сильно акающий: *ча*ты́ри, ляжа́нка, мяня́, Пячёры, зямли́, перевяли́ся; свята́ми (цветами), бяли́ть, атдяли́шы (отделен), лянтя́й и т. п. Звуки *е* и *ѣ* за ударением и за один слог до него часто (но не всегда) заменяются звуком *и*: бо́л*и* (больше), ста́рьш*ы*, пайдёмти, бсинь, вы́д*и*ш, скле́*и*н и акра́ш*ы*н *и*шша за́видна; *с*ирянки́ (спички), по́сл*и*ф (после), в ля́фк*и*, на фате́р*и* и т. д. Звук *а* после мягких согласных и *j* в данном положении тоже перешел в *и*: ба́ил, ме́сит (месяц). В формах 3 лица изъявит. накл. конечное неударяемое *е* обыкновенно переходит в *я*: рош беле́*я* и сбхня и т. п. Звук *и* на месте *е* непосредственно перед ударением я слышал только в слове: *т*ирьпе́ть; однако такое произношение я вообще не считаю свойственным здешнему говору, который в чистом виде должен был иметь: *ц*ярьпе́ць, но под влиянием образованной речи потерял это произношение и, кажется, усвоил из литературной речи вместе с звуком *т* также звук *и*. Под ударением *ѣ* вообще перешло в *е;* однако, говорят: *j*ись (ѣсть), *и*сть (ѣст). Начальное *о* иногда обращено в *у*: вайна́ *у*станави́ла (прекратила) рабо́ту. В некоторых случаях на месте древних *и* и *е* слышится звук *ю*: зна́*ю*ш (знаешь; от моего старика я несколько раз ясно слышал такое произношение), не хо́д*ю*ш (так!), «читал» произнесено близко к: ч*ю*та́л. Смешение звуков *ы* и *у* я отметил в словах: бы́тта (как бытта, бытта бы) и бы́та, когда-нибы́ть (когда-нибудь); *д*убо́м (дыбом, о волосах). Звук *о* на месте древнего *ъ*: в*а* Пско́ве. Стяжение гласных отмечено в слове: няхо́тна (неохотно). Пропуск гласного я отметил только в слове валкаво́е (волоковое) акно. Древнее *е* (не ё) я наблюдал в словах: бре́вен, каз*е́*нный, круж*е́*вник, граб*е́*ш. Слово «еще» в местных формах обыкновенно произносится с ударяемым *е* на конце: ашш*э́*, яшш*э́*. В качестве архаизма могу указать форму с древним *ѣ* (перешедшим в *е*): славе́нецкое поле, славе́нецкие ключи (очевидно, от древней формы «словѣне»). Говоривший со мною старик, однако, колебался и называл свои ключи также и по новой книжной форме: славя́нецкие ключи. Вместо книжного *е* русское *о* в слове пешшо́ры (пещеры). Второе полногласие отмечено мной в словах: дала́жна́, дала́жно́, ска́тереть, верёх, наверёх, патверёже. Вставочное *е* я слышал в слове жи́*з*ень. Особого рода падение и прояснение глухого можно указать в слове восьмена́тцать. В начале слов иногда приставляется *а* или *и*: *а*ржана́я, *и*ло́к (лог), *и*льняно́й, *и*рву́ть, *и*рва́л, *и*гру́ши. В частице «бы» *ы* иногда отпадает: Вот бы бы́ла *п*, харашо́ *п* та! На месте предлога *у* часто слышим *в*: *в* мяня́, *в* нас, *ф* како́ва, *в* ево́ (у него). Вместо приставки *у* изредка наблюдаем *в*: *в*да́рила. Замену звука *в* звуком *л* находим в: тре-

*л*бжил, трел*б*га, бес трел*б*ги. Дзеканье редкое явление в здешнем говоре. Относительно старика, у которого я жил и с которым много беседовал, я сначала записал: «дзеканья у него нет», а после этого мне удалось от него услышать: *дж*ень — день (не ясно, но так, с очень мягкими *д* и *ж*). Старший брат этого моего знакомого (и одетый скорее по-деревенски, чем по-городски) сохранил еще ясные следы дзеканья; в коротком разговоре удалось мне услышать у него: у *цябя́*, ясное *ць* в окончании одного глагола неопределенного наклонения (какого именно я тогда не упомнил) и еще нечто, так что отметил в своей записной книжке: «и под.». От одной женщины я также записал: п*д'ж*и́ти (идите), с отметкой о большой мягкости *д* и *ж*. Зато говору моего старика очень свойственно употребление *т* вместо *ц* в конце слов: не́м*ет*, ме́си*т* (месяц), дажже́*т* (дожжец), герма́не*т*, аве́*т*, саме́*т*. Как произошло: пачки́ вместо «почти» я не представляю себе ясно. Мягкое *с* обращается в мягкое *ш* в говоре и моего старика, говорящего вообще гораздо лучше чем в деревнях: фь*ш*ё, зде*ш*ь, тру*ш*и́тца (трусится, потихоньку едет), *ш*еле́ние и т. п. Но мягкого *ж* на месте мягкого *з* мне не удалось слышать, кроме тех случаев, где оно является в сочетании *д'ж'*. Долгие *ж* и *ш* здесь обыкновенно тверды: да*жж*а́ (род. пад.), му*шш*ы́на, абе*шш*а́я (обещает), пе*шш*о́ры (пещеры), в б*шш*ай лафки, тава́ры*шш*ы. Вместо долгого нередко слышится и простое *ж* и *ш*: до́ж бы, же́нь*ш*ина, же́нь*ш*ины, на кла́дби*ш*е. Сюда же относится: пер*ш*а́тки (перчатки). Мы видим, что такие произношения встречаются только в слоге за ударением, однако в этом положении может быть и долгое *ш*, которое можно объяснить влиянием говора образованных людей. Русское *ж* вместо церковного *жд* слышано в слове павря*ж*о́н. Цоканье слышится в изборском говоре еще нередко, хотя вообще оно здесь вымирает. Старший брат моего хозяина говорит: ме́ра*ц*ку. Мой же хозяин не обнаруживает цоканья, зато у него есть чеканье: черква́ (им. пад. мн. числа) и церква́ (та же форма). Звук *ч* обыкновенно звучит более или менее твердо: *чы*стя́нькай, лучы́на и т. п. Ассимиляция согласных отмечена в словах: а*мн*аму́ (одному), хало́*дн*ая (холодная), хло́*нн*а (ср. р.), алма́*нн*ам (обманом), лё*гк*ай (легкий). Для диссимиляции согласных имеется часто встречавшееся слово: даматка́*льн*ый (домотканный); отмечено также: вно́га (много). Слово «цветы» произносится *святы́*. Отсутствие диссимиляции в: мя́*гк*ая. В глаголах на *нуть* отмечено выпадение коренной согласной: хлени́ (хлебни). Для выпадения и отпадения согласных имеются еще записи: пра́зник (праздник), ро́ственникам (ро́дственникам), тро́сник (тростник), ме́снась (местность). В интересном слове жаглб (жало змеи), которое употребительно в здешнем говоре, я не решаюсь признать старое псковское сочетание *гло* вместо обычного *ло*. Во-первых, в здешних говорах обычно слово жаглб в значении железного раска-

ленного прута, служащего для прожигания, и лексически вполне естественно отожествление по значению этого орудия и жалящего органа змеи. Во-вторых, является затруднение и в отношении к ударению: от жа́лить — жа́ло, но жагло́ от жага́ть (сравните: тяга́ть — тяглó) С особым звуковым составом отмечены заимствованные слова: карто́фпй (картофель), род. пад. карто́фью, фате́ра (на фате́ри). Конечные губные могут быть тверды: сем, ббуФ. Твердое *н* отмечено в прилагательных: по́зное (позднее), у́тришная малако. В суффиксах прилагательных сохранилось мягкое произношение: ру́ська, деревéньськие. Окончание *ка* после мягких согласных здесь всегда твердо (Ванька и под.). С твердым *р* произносятся слова: тава́рышпы, *Ру́*рик, на́раст (нерест у рыб); с мягким: са́харь, са́харю (род. пад.), тре́стачка (тросточка), ста́рьшы. Замечательный случай сохранения твердого задненебного я слышал отлично сохранившимся в: ра́кыта, ра́кыты (род. пад.).[1]

От имен существительных женск. р. на *а* и *я* дат. и предл. падежи обыкновенно имеют окончания *ы*, *и*: к земли́, дал жаны́, к зимы́, в земли́, на зямли́, на слу́жбы, Ф сла́вы, Ф той избы́. Имена муж. р. на *ь* тоже имеют предл. пад. на *и*: Ф календари́. Предл. пад. на *у* отмечен от слова гуж (веревка): на гужу́ держали козу. Существительные муж. и ср. р. в им. пад. мн. ч. иногда имеют окончание *ы* там, где в литературном языке и других русских говорах известно лишь *а*: гла́зы, дро́вы. Имена женск. р. в им. пад. мн. ч. также употребляются иногда в собирательной форме на *а́*: деревня́, церква́. Творит. пад. мн. ч. обыкновенно оканчивается на *ам* вместо *ами*: куска́м везуть, зь деньга́м, с пу́шкам, с прайма́м. Слышится изредка и окончание *амы*: уша́мы. Сущ. «год» в род. пад. мн. ч. имеет форму им. пад.: год двадцать. Сущ. муж. и ср. р. могут иметь род. пад. мн. на *ов*, *ев* вместо *ей*: кренделёф, рублёф, харчёф, лы́коф. Особыми по роду являются слова: музе́я (музей), кади́ла, с кади́лай. Отмечено еще: пе́ча (печь: ру́ськая пе́ча). Для объяснения формы пе́ча я могу указать в одном говоре Осташковского уезда мн. число: печа́ (печи), которое сопоставляю с здешними формами: ночь — ноча́ (ночи), что во мн. дает ряд: деревня́, церква́, печа́ и т. п. В ед. ч. это разлагается на: дере́вня, це́рква, пе́ча. От «перо» употребляется собирательная форма пе́рье, склоняемая по ср. роду ед. ч.: мала впдал павлинава пе́рья. В образовании существительных следует указать формы: часо́вень (часовня), плаж (с пла́кам, т. е. с плачем), агуре́чки (огурчики), дасо́чки (досочки, дощечки). Местоимения и прилагательные в некоторых окончаниях имеют выпадение *j* и стяжение, но это редкое явление в говоре: деревя́нна*а* (не очень ясно); кака́ там рабо́та! каки́ там

[1] Ср. предыдущее архаичное сочетание *ы* (XXIV) и отмеченное в 1856 году в погосте Таилове Псковского у.: княгыня (Зеленин. Описание рукописей АГО, стр. 1149).

деньги! Им. падеж прилагательных ед. ч. муж. р. обыкновенно оканчивается на *ай*: я́вн*ай*, набо́й*ай*, круглали́к*ай* и под. (других окончаний мне не удалось слышать); мн. ч. на *ы*: па́кляны (лапти). Предл. пад. таких же прилагательных может иметь окончание творит.: на астраву́ на ди́к*им*. В образовании прилагательных я могу указать только форму: круглали́кай. Для сравнительной степени отмечены лишь образования: суше́*е* (суше), бо́л*и* (больше). Личное местоимение 3 л. ед. ч. имеет в начале *ё* вместо о: *ён*, в женск. р. вин. пад. имеет формы: ян*у́* и ан*у́* вместо «ее» (ану́ пи убрать). Притяжательное местоимение 3 лица ед. ч. муж. рода имеет форму: ево́н (ево́н дом). Местоимение «весь» во мн. числе имеет формы на *и*: *фси*. С *и* отмечены также формы местоимений: за чим (древнее); сь ких пор (по аналогии к *сих*). Для местоимений «сам» и «этот», «тот» отмечены формы: то́е ш числ*о́*, э́тыи го́ды, в э́тая вре́мя, са́м*ы* наливайте, са́м*ы* вязу́ть (вяжут), у самы́х. Местоимение «свой» имеет формы мн. числа на *е́*: сваé (свои). При вопросе и переспросе вместо «что» говорят: кавó? Вместо «иной» здесь, как и везде, обыкновенно говорят: и́ньшай (и́ньшай рас). 3 лицо ед. и мн. ч. в изъявит. накл. имеет мягкое *т*, которое в ед. числе часто отпадает: бо*h* да*сть*, гавари́*ть*, закипи́*ть*, в горку бу́де даро́жина (дорожка, узкая дорога), засо́хне, абешша́я, хо́дю*ть*, даю́*ть*, узна́ю*ть* и т. п. Отпадение окончания *ть* во мн. числе слышится редко: бежа́ (бежат), летя́: люди к кабаку, как вороны к гавну летя́. Вместо «есть» почти всегда *е*: силы *е* и т. п. во всех описываемых говорах. 3 лицо ед. ч. от глаголов «дать» и «быть» может иметь окончание *те* вместо *ть*: когда бо*h* да́сьте, е́сьте (есть). Ср. в одном из псковских памятников XIV в. формы 3 лица ед. ч.: вдасте, снесте (Н. Каринский. Язык Пскова, 148). Возвратный залог оканчивается на *ся*, *сься*, *сь*: перевяли́*ся*, лажу́*сь*, случи́ла*сь* и т. д. В образовании глаголов следует указать формы: спячи́ (испечь), вязу́ть (дьяни́чки (перчатки) са́мы вязу́ть женьшины), вязёный (обе формы от вязти́ или вязть), свали́ть валенцы (свалять), шляпа вале́ная, апая́хавшы, техни́ться (теснить*ся*), згаря́ет (сгорает), паздаро́вкался (поздоровался). По особенностям спряжения отмечены: яду́*ть* (едят; слышится постоянно), вы́капаешь (выкопаешь; тоже общепринятое). Причастие встречается с русским окончанием *чий* вместо книжного *ший*: праше́т*чю* осинь. В числе неизменяемых слов отметим: гара́зна (очень: не гара́зна стар и под.), вдваи́х (вдвоем),[1] аттуль (оттуда), пакуль (покуда: пакуль суха была), апасле́ (после), да́вень (давеча: да́вень гаварила), по́слиф (после), е́слиф (если), завидна (засветло: и́ньшай рас лажусь раненька, ишша за́видна).

[1] Ср. такой же оборот в белорусском: «мы ў двайх гэ́та зро́бим».

В синтаксисе укажу несколько раз слышанное своеобразное сочетание спи́ны бо́лька в котором я, однако, затрудняюсь точно определить падеж существительного (родительный или дательный?).[1] Слово ««охо́тный» может иметь при себе неопределенное наклонение: я ахо́тен работать. В употреблении предлогов обращает на себя внимание частое *с* вместо «из»: с Аста́шкава, с Пячёры, парткй со́ льну, шуба с афчи́н и т. п. Встречались также случаи пропуска отрицания *не* в оборотах с двойным отрицанием: вёл себя никуда́ го́жа (т. е. негоже, нехорошо); хлеб был никуда́ гош. Деепричастие может иметь значение места: внутри го́рада, перешо́фши (перешедши) через ре́ку. По отношению к ударению замечательны 1) слова: со́сна, пли́та, го́ра[2] (го́ра высокая, Красная Го́ра), на го́ры (предл. пад.)[3], спи́ны бо́лька (полагаю от спи́на), пат ка́зну (предполагаю в им. пад. ка́зна), сирянки́ (вероятно, от серенка́: спичка), тво́рак (творог), тро́сник (сахарнай тро́сник), пахта́нье, житко́й, талсты́и, далго́е, Пскафска́я, дюжы́х, мнаги́х, шалко́вый, рабата́ть, хо́раша (хо́раша не знаю), сверха́ (ср. вере́х); 2) формы существительных муж. рода ед. ч., переносящих ударение на окончание: пуда́, латачко́м (лоточком, от: лоточек), формы существительных им. пад. мн. числа муж. рода и следующих падежей: угли́, абручи́, таргафцо́ф, людя́м; формы вин. пад. женск. рода: земло́, с избу́, ваду́, галаву́, зиму́, душу́; однако: через ре́ку; формы местоимений и числительных на *о́ва:* ничо́ва, то́ва, сваёва; прошедшего времени: по́мерла, памёрли (и по́мерли), нача́ли; изъявит. наклонения: ро́дитца, станави́тца, ва́рють, уча́гца.

XXIX. Д. По́длесье, № 2142. Здесь не русское население. Вообще во многих деревнях от Изборска до Печёр живут «полуве́рцы», как называют их русские и как они называют себя и сами. Русские считают их «чу́хнами»,[4] но они сами признают себя «эстонцами». «Полуверцы» говорят по-русски на местном наречии, хотя порядочно искажают русские слова, особенно относительно рода, при этом женщины говорят гораздо хуже мужчин, из которых многие так хорошо усвоили русскую речь, что сначала часто не узнаешь, русский или «полуверец» говорит с тобою. Впрочем, в молодом поколении и женщины обыкновенно лучше владеют русским языком. Между собой «полуверцы» говорят по-эстонски.[5]

---

[1] Судя по белорусскому обороту: ямў живо́т бали́ць, существительное — на месте дательного.

[2] Такое ударение показано и для Великолуцкого у. (Зеленин. Описание рукописей АГО, 1156).

[3] Ср. Карский. Белорусы, I, стр. 521.

[4] Этнологическое содержание этого слова в народном употреблении требует выяснения. Во всяком случае оно неравнозначно с литературным словом «финны».

[5] Ю. Трусман в статье «Полуверцы Псково-Печерского края» замечает, что тамошние дети, по особенностям родного языка, с трудом усваивают в школе русскую речь: «Они

В языке полуверческой семьи д. По́длесья я отметил сильное аканье, *и* за *ѣ* после ударения, цоканье, смешение *с* и *ш*, *з* и *ж* (что, впрочем, вполне объясняется и из свойств эстонского языка). В разговорах с полуверцами из других деревень я наблюдал дзеканье: *дз*ере́вня (д. Каше́льки), пя*ц*ь вёрст (д. Була́тово), мягкое *с* за *ш*: Касе́льки (д. Каше́льки), цоканье: *ц*ерес (там же).

XXX. Разъезд Кошелёво[1], между Изборском и Печёрами. Для говора этой местности мной отмечено: сильное аканье (смяни́ть и под.). *Ѣ* под ударением вообще совпало с *е*, но: хли́пца (хлебца). На место *у* — *в* (*ф* каво, т. е. у кого) и обратно (не *в*па́кае — не сумеет, не приспособится): и́ньшая женщина и не *в*па́кае этава сделать). В окончании слов *т* вместо *ц*. *Х* за *с* в слове: *х*висто́к, *х*виски́[2] (свисток, свистки). *К* за *ц* в слове я́йки (яйца).[3] Долгие твердые *ж* и *ш* (да*жжы́* и под.). *Ч* звучит довольно твердо. *В* перед *л* может выпадать: аста*ля́*ють (очень ясное произношение без *в*). 3 лицо ед. и мн. ч. обыкновенно оканчивается на *ть*, которое часто отпадает. Возвратный залог на *ся*, *сь*.

XXXI. Д. Малая Па́чковка под Печёрами, дачная местность, № 2035. Здесь говор сильно акающий (Пятра́ Вяли́кава, дяре́вня). Ударяемое *ѣ* совпало с *е*. Древнее *е* (не ё) в словах: атце́фьськии (им. пад. мн. числа), дереве́нный (деревенский). Второе полногласие: ко́р*а*м (корм). Твердый задненебный *г*: ма*гы*ле́фьскии (им. пад. мн. числа). На месте *у* — *в* (*в* нас, т. е. у нас). Как редкое вяление возможно еще услышать мягкое *ц* на месте мягкого *т*: *ця*пе́рь (слышано не очень ясно, но так). Чаще *т* вместо *ц* и *ч*: кане́*т* (конец), *фт*яра́сь (вчерась). *Ж* и *ш*, *жж* и *шш* обыкновенно тверды, но удалось слышать, — да еще от подростка, — и мягкое *ш* (*ши*нель). Цоканье, с твердым *ц*, слышится нередко. В слове но́йма *й* из *н*. Вместо Павла отмечено Па́ла (Па́ла Ива́нава). Перед окончанием *кии* согласные мягки (примеры см. выше). Формы глаголов 3 лица ед. и мн. ч. на *ть* и без него: хо́ди*ть*, ня хо́ца (не хочет), атарвё (оторвет). Возвратный залог имеет мягкое окончание (*ся*, *сь*).

вместо *у* произносят *ю*, вместо *з* — *с*, вместо *ч* — *ц*, *а* — нечто среднее между *а* и *о*. А шипящие звуки *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, которым нет соответствующих в языке полуверцев, даются им еще труднее» (Живая Старина, 1890, в. I, стр. 47).

1 В «Списках населенных мест» не показано.

2 Такое же произношение (*х*висто́к) я слышал и от уроженки д. Дедино Подмошской вол. Лужского у.

3 Ср. белорусское: «сто́льки знясе́ць ку́рка я́ик» (Н. Я. Никифоровский. Простонародные приметы и поверья Витебской Белоруссии. Витебск, 1897, стр. 169). Гдзе... куры, яйки—Полоцкий у. (Шейн. «Материалы», т. II, стр. 456).

XXXII. Печёры, № 9. Большое селение[1] около Печёрского монастыря, в котором русские составляют бóльшую часть, эсты («полуверцы») — меньшую, приблизительно более трети, но менее половины;[2] есть немного и латышей. Некоторые сведения о говоре этого населенного места я получил от заведывающего высшего начального училища Н. Д. Игнатьева, некоторые извлек из ученических письменных работ его школы. Конечно, из письма учеников б. высшего начального училища, пишущих вообще весьма грамотно, нельзя было извлечь обильного диалектологического материала, но главные черты говора, особенно с разъяснениями опытного преподавателя, хорошо знающего речь своих учеников, могут быть определены ясно и точно. Заметим только, что следующие показания относятся не только к наречию Печёр, но и к окрестным селениям.

Сильное аканье обнаруживается в таких написаниях учеников, как воявать.[3] Вместо *о* иногда произносят и пишут *у*: *у*гурцы. Для взаимной мены *в* и *у* я выписал из ученических тетрадей: *в* насъ (у нас), *в*дарилъ (ударил). В доказательство произношения мягкого *ц* вместо мягкого *т* у одного очень слабого ученика мною найдено написание: на свѣ*ц*ѣ (на свете). Мягкое *ж* на месте мягкого *з* обнаруживается в написаниях слабых учеников: вле*ж*ешъ, вле*ж*ишъ (влезешь). Есть в письме учеников *ж* и на месте твердого *з*: прока*ж*ъ (проказ). Для цоканья в сочинении одной девочки найдено ее словоупотребление: Богъ помо*ц*ъ! (так она говорила до поступления в школу). В слове «кровля» вместо сочетания *вл* часто пишется и произносится *л* (крóля). Вставное *д* отмечено в пондравились. С перестановкой отмечено слово потчи («почти» в значении наречия). Губные в конце слов иногда тверды, почему в письме детей: восем*ъ*. В именах женск. рода на *а* предложный пад. имеет форму родительного, вследствие чего ученик написал: сидѣлъ въ тюрьмы. Написание: тре*тт*ий показывает на долгое *т* в произношении. Из глагольных форм я отметил в письме учеников: побѣгъ (побежал), ѣдь (поезжай). Для синтаксиса выписано сочетание: играть въ скрипку. Н. Д. Игнатьевым было подтверждено, что приведенные написания во всех случаях совпадают с местным произношением. Он же сообщил мне некоторые особенности здешнего ударения: думá (государственная думá), цéпом, пáрням (дат. п. мн. ч.).

---

[1] По «Спискам населенных мест» — безъуездный город.

[2] Лет 50 тому назад русских было меньше. Якушкин говорит о населении Печёр: «Большая часть жителей — полуверцы, т. е. чухонцы; но образованные из них стыдятся своего происхождения и говорят, что они рижские немцы, хотя по-немецки не говорят» (Путевые письма, стр. 183).

[3] Привожу написания учеников с буквальной точностью. Курсивы, конечно, мои.

Под Печёрами, в разговоре с старухой из богадельни, я записал произношения: цябе́ (тебе); *е* (есть); пере́хады (переходы).

XXXIII. Д. Мы́льниково, № 2090 (недалеко от Печёр, немного в стороне от пути к железной дороге). Здесь говор сильно акающий (сямья́, сяльде́й и т. п.). Ударяемое *ѣ* звучит как *е*. Вместо *и* я слышал *ю* в словах: сю́кать, апсю́кался.[1] Вместо *и* слышано *е* в слове: яе́чка (яичко). *У* может заменяться *в* (*ф* кавб́, т. е. у кого). Старая женщина слово «теленок» произнесла почти как *цялёнак*. На месте мягкого *с* мягкое *ш* (здеш*ь*). Долгие твердые *ж* и *ш*. *Ч* тверже обыкновенного. В сочетаниях *бм*, *дн* предыдущая согласная уподобляется последу́ющей (аммя́кне, анна́ — обмякнет, одна). В глаголах на *нуть* задненебные могут выпадать перед *н* (застени́ — застегни). От «ночь» им. пад. мн. числа имеет форму нача́ (нача́ хало́нный). В прилагательных муж. рода именительный пад. ед. числа после задненебных оканчивается́ на *ай* (кре́пкай и под.). Окончание глаголов 3 лица ед. и мн. ч. мягко и часто отпадает; при этом на месте *и* может быть *я* (хо́дя, т. е. он или она ходит). Возвратный залог оканчивается на *ся*, *сь*. Для ударения отмечено произношение: мякишо́к. (Здесь я наблюдал говор трех женщин довольно культурной крестьянской семьи, в которой младший сын — фельдшер, невестка, жена старшего, бойким почерком писала письмо, молодая девушка не хотела идти в лавку потому, что она «не одета», как следует).

Из словарных наблюдений в б. Псковском у. укажу лишь немногое, более любопытное. Бля́дно, безлично — худо, тошно (бля́дно, дурно мне). Гнетить, гнести́ огонь — разводить от холода (пушшай гнетёт огонь — о мальчике, отправившемся на ночное). Двужи́льный — двухъярусный, двухъэтажный (двужи́льная церковь). Зде — здесь. Истёбка — подполье. Камотёс — каменотес. Ладья́ — лодка обыкновенная. Ора́ть — обрабатывать землю плугом. Паха́ть — мести, подметать изо́у веником; похи́тить — потерять; пошли́ец — арендатор; просто́й, о дверях — открытый, отворенный (двери про́сти); псё — пес, собака («харошая псё», ср. р.); пяда́ — пядь (ни адной пяды́ земли штоп ни пагибла). Сикля́ха — муравей; спорозни́ться — разрешиться от бремени, родить.

---

[1] Ср. белорусские сю́кыць — с. Добея Полоцкого у., насю́кыиць — с. Махирово того же уезда (Н. Я. Никифоровский. Простонародные приметы и поверья... Витебск, 1897, стр. 161, 182).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИЗВЕСТИЯ КОМИССИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ · ТОМ I

Л. В. ЩЕРБА

Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий

Вопрос о способе написания иностранных слов, входящих в состав русского языка, в том числе прежде всего имен собственных, с давних пор является одним из актуальных вопросов.

Я. К. Грот еще в 1873 г. посвятил ему, во второй части своих Филологических разысканий, около тридцати интереснейших страниц. Географическое общество уже давно работает над созданием русской транскрипции для географических названий. Время от времени появляются отдельные более или менее интересные статьи по тем или иным частным вопросам из этой области — сошлюсь для примера на ряд работ Е. Д. Поливанова; однако, на практике дело в целом не сдвинулось с места ни на шаг со времен Грота. А жизнь не ждет. Усиление интернациональных связей обуславливает приток все новых и новых иностранных слов, которые приходится как-то писать и которые действительно как-то пишутся; газеты ежедневно регистрируют ряд фамилий новых иностранных деятелей, а отчасти и ряд географических названий, впервые вступающих в поле зрения общественной мысли, и регистрируют их в какой-то русской транскрипции; переводная литература, особенно техническая, растет с каждым днем, и фамилии иностранных авторов в той или иной русской форме все более и более наводняют русскую библиографию. Приходится таким образом констатировать отставание русской лингвистической мысли от практических задач в этой области, а поскольку жизнь все же как то справляется с этими задачами, постольку можно было бы, пожалуй, даже воскликнуть: тем хуже для лингвистики, что она не достаточно чутко прислушивается к запросам жизни и не умеет заставить себя слушать. Однако, при более внимательном отношении к тому, что происходит на практике, дело представится в несколько ином свете. Как и в других областях, «самотек» ведет к анархии, а анархия нетерпима и в области

транскрипции иностранных фамилий и названий, так как мешает языку правильно выполнять свою функцию, состоящую, как известно, во взаимопонимании.

В самом деле, можно ли догадаться, что *Солсбери* и даже *Солзбери* и *Салисбюри* одно и то же лицо, что *валлийский* и *уэльский* являются лишь разными русскими написаниями одного и того же слова. Кто знает, как правильно писать (и говорить) — *Манкс* или *Мэнкс* (а может быть и *Менкс*). Сколько времени должен потратить библиограф или библиотечный работник, чтобы найти в русском каталоге фамилию Lanman: он должен искать и под *Ланман*, и под *Лэнман*, и под *Ленман*, и под *Ленмэн*, и под *Лэнмэн*, а в конце концов и под *Ленмен* и под *Лэнмен*. Фамилию Meillet он должен искать и под *Мелье*, и под *Мейе*, а пожалуй и под *Мейэ*, и под *Мэйэ*. Фамилию Schrijnen он должен искать и под *Схрэйнэн*, и под *Схрэйнен*, и под *Схрейнен*, и под *Шрейнен*, и под *Шрийнен*, а пожалуй и под *Шрейнэн*, и под *Шрийнэн*. Примеры можно множить без конца, и нельзя не прийти к заключению, что состояние транскрипции собственных имен в русском языке является, хоть и маленьким, но все же общественным бедствием.

Цель настоящей заметки и состоит в том, чтобы привлечь внимание, как русских лингвистов, так и широкой общественности к этому скромному участку нашего строительства и высказать несколько общих соображений, которые могли бы лечь в основу дальнейших суждений.

Вопрос о транскрипции иностранных слов и собственных имен и фамилий должен быть для своего правильного решения сразу же дифференцирован, ибо в разных своих частях он может и решаться по разному. Прежде всего надо выделить слова нарицательные, которые в сущности зачастую или вовсе не являются больше иностранными словами, или являются ими лишь временно, впредь до полного обрусения (или до исчезновения из обихода), ср. *штиблеты, шоколад, фельдъегерь* (ср. Фельдьегерский отдел ГПУ) с одной стороны и *дэмпинг, допинг* — с другой.[1]

Слова эти, возникающие в живой речи, имеют то или иное русское произношение, которое является результатом взаимодействия целого ряда факторов, а именно: иностранного произношения, иностранного написания, русских традиций освоения иностранных слов и наконец русских произносительных возможностей. Все это весьма любопытно с научной точки зрения; но русского практического деятеля должен интересовать лишь самый факт русского произношения, который только и может

---

[1] Не касаюсь здесь сложного вопроса о том, что такое иностранные слова: ведь для человека, абсолютно не знающего иностранных языков, нет и иностранных слов в прямом смысле этого термина.

лежать в основе русского написания, ибо морфологический принцип здесь не применим: написание *аггрегат* (несмотря даже на французское *agrégat*) объясняется восхождением к латинской этимологии и решительно не может быть поддерживаемо. Таким образом самым естественным является здесь чисто фонетический принцип на основе живого русского литературного произношения. Так, следует писать: *абат, акорд, акуратно, артилерия, асистент, атестат, афект, эфект* и под. (ср. установившиеся написания: *арест, адрес, атака, атрибут*); далее следует писать: *дьявол, дьякон* (*диавол, диакон* могли бы быть лишь стилистическими варьянтами), *дьяк, матерьяльный, миньятюрный, пьеса, фортепьяно* и под. (ср. установившиеся: *курьер, арьергард*); также следует писать: *бугалтер* (хотя Buchhalter), *галстук* (хотя Halstuch), *бушприт* (хотя boegh-sprit) и под. Однако, конечно, надо писать: *касса, ванна, группа, геенна, вилла* и под., потому что так говорят по-русски. Точно также следует писать: *материя, кампания, компания* и под. по тем же причинам. Далее, конечно, надо писать: *метил, ларингит, целулоид,* но *алюминий, эль* и под.; надо писать *виски, ватэр* и под., но *уэльсский*, все по тем же причинам. Наконец, надо писать *адэпт, адэкватный, тэрор* и под., но *тема, термометр, десант,* потому что так говорят по-русски.

Впрочем по поводу предложенных написаний должно сказать, что может быть не все так произносят, как здесь указано. И действительно, чтобы решать в данном случае орфографический вопрос, надо сперва решить вопрос орфоэпический, к чему, насколько мне известно, до сих пор не было сделано почти что никаких попыток: русская орфоэпия почти что не имеет литературы.

Однако, к решению вопроса о написании нарицательных иностранных слов можно подойти и совершенно иначе: можно защищать сохранение их традиционного вида, имея в виду что они представляют из себя интернациональный багаж русского языка и облегчают изучение иностранных языков. Эта точка зрения важна с принципиальной стороны, и вопрос должен быть обсужден в этой плоскости нашей общественностью. Ничего подобного до сих пор не было сделано, а потому и весь вопрос о написании нарицательных слов иностранного происхождения следует признать незрелым и подлежащим доработке в указанных направлениях.

Вторую группу иностранных слов, которую надо выделить, составят географические названия. Она в свою очередь распадается на две подгруппы: 1) названия, часто употребляющиеся, имеющие вековую традицию и в языке, и на письме, а потому в сущности не являющиеся иностранными словами. Их конечно не следует трогать, и нужно писать: *Вена, Париж, Лондон, Рим, Копенгаген, Брюссель,*

Кассель, *Геттинген*, *Голльштром*, *Дувр*, *Гельсингфорс* и под. 2) Названия мало известные и употребляющиеся главным образом в специальных трудах. Их написания крайне важны при картографировании, и Географическое общество, как было сказано уже выше, давно занято этим вопросом. В принципе вопрос этот решается на первый взгляд довольно просто: эти названия должны быть по возможности точно транслитерированы.[1] Однако на практике это все гораздо сложнее, ибо как транслитерировать, например, китайские названия? Далее, как быть с языками бесписьменных народов? Наконец, как быть с разными транскрипциями, которые уже утвердились у разных европейских народов и с которыми поэтому нельзя не считаться? Вопрос принимает таким образом международный масштаб. К тому же надо признать, что он и не так актуален, ибо в нем заинтересованы главным образом специалисты. Их решения не могут конечно пройти вне контроля общественности и без консультации лингвистов, фонетиков и знатоков отдельных языков; однако специалистам не могут быть навязаны решения людей, стоящих далеко от их дела и не охватывающих всей совокупности относящегося сюда материала.

Наконец, третью группу составят иностранные фамилии. Вопрос об их написании может быть является самым актуальным.

Единственным рациональным способом его решения являлось бы принятие западноевропейского принципа: сохранение оригинального написания латинскими буквами.

Этот иероглифический способ являлся бы также единственным истинно интернациональным способом, если бы не так называемые «восточные» алфавиты и языки. Однако и по отношению к языкам, употребляющим латинский алфавит, он прост лишь в тех случаях, когда этот алфавит употребляется в беспримесном виде: уже чешский язык, турецкие языки со своим новым алфавитом, отчасти скандинавские вызовут некоторые затруднения, ибо не всякая типография располагает нужными знаками. Но пока это все же, единственный практический выход из положения так как он вполне обеспечивал бы четкость библиографической и библиотечной работы.

Латинское написание можно было бы сопровождать в тех случаях, когда это нужно и желательно, русскими параллелями, которые должны по просту и бескомпромиссно отражать русское произношение, не прибегая ни к каким условностям. Само собой разумеется, что установление русского произношения иностранных фамилий должно быть обсуждено особо, в порядке вопроса о русской орфоэпии вообще.

---

[1] Впрочем самые принципы транслитерации могут быть различными: французское *Baud*, произносящееся «bo» (с кратким закрытым *o*) можно транслитерировать, как *Бод*, а можно и как *Бауд*.

Таково положение вещей в общем, и таков ряд практических шагов, которые следовало бы предпринять для улучшения дела. Но все же остается еще вопрос о регулировании восприятия в живую русскую речь, устную и письменную, всей той массы новых иностранных слов, названий и фамилий, которые ежедневно наполняют наши газеты. Если лингвистика хочет быть жизненной наукой, то она должна помочь жизни канализировать этот поток.

Здесь трудно высказать какие-либо совершенно общие положения, а скорее придется заняться выяснением соотношений между русскими языком и его графикой с одной стороны и каждым отдельным иностранным языком с его графикой — с другой. Однако, все же можно попытаться выбрать для примера ряд наиболее существенных общих вопросов.

Самый общий вопрос можно формулировать так: что брать у иностранцев — написание или произношение, т. е. говорить ли *Схакэспэарэ* (Shakespeare), *Мэиллэт* (Meillet), *Схав* (Shaw), *Эинстэин* (Einstein), *Либкнэкхт* (Liebknecht) или *Шекспир*, *Мэйе*, *Шоу*, *Айнштайн*, *Либкнехт*. Жизнь уже давно и, как мне кажется, бесповоротно решила вопрос в пользу произношения, правда, как видно из примеров, не без некоторых небольших реверансов в сторону написания. Это последнее и придется обсуждать: нужны ли компромиссы, а если нужны, то в какой мере и где именно.

Если принято будет мое предложение об обязательном сохранении в библиографии латинского оригинала фамилий, то очевидно, что компромиссов может быть меньше, так как они все объясняются инстинктивным стремлением все же не слишком отойти от буквенного оригинала, и вопрос должен идти по моему лишь о компромиссах, упрощающих произношение с русской точки зрения. Например, можно спорить о том, следует ли говорить и писать *стрит* или *стрийт* в названиях английских улиц и т. п.

Другой общий вопрос, который тоже решается довольно легко, но который надо обязательно осознать — это вопрос о том, какое произношение надо заимствовать — произношение языка оригинала или произношение языка посредника. Ясно, что в принципе надо обращаться всегда к произношению первоисточника и не читать, например, голландские фамилии на немецкий или английский лад. Таким образом надо говорить и писать *Версхюр* (Verschur), а не *Фершур*; *Звардемакер* (Zvardemaker), а не *Цвардемакер*. Впрочем иногда может быть все же и придется поступиться этим принципом, например, при получивших широкое распространение словах какого-либо очень мало известного языка; но это придется решать особо в каждом отдельном случае.

Третий общий вопрос, который тоже решается сам собой, сводится к тому, обозначать ли как-нибудь свойства произношения, не имеющие себе аналогии в русском языке. Очевидно, что этого не нужно делать и что например долгота гласных, играющая такую важную роль в немецком языке, останется в большинстве случаев не учтенной в русской передаче. То же, конечно, относится и к финскому языку, двойные гласные которого должны передаваться простыми в русском, тем более что в русском языке двойной гласный произносится двусложно и, не передавая таким образом финской особенности, вносит нечто совершенно искажающее финское слово: так конечно надо писать и говорить *иварит*, а не *ивааpит*.

Наконец, четвертый общий вопрос, «какие элементы иностранного произношения должны быть передаваемы в русском», в принципе решается также просто: только те, которые имеют фонематическое значение. Поэтому такие тонкости, как произношение интервокального *b* в испанском или твердость конечносложного английского *l* (см. ниже) и т. п. могут не приниматься в расчет.

Из более частных вопросов остановлюсь на вопросе об употреблении *е* и *э*, на вопросе о передаче иностранного *l*, на вопросе о передаче иностранных *ö*, *ü*, на вопросе о передаче звука *йот*, на вопросе о двойных согласных и на вопросе о передаче иностранного *h*.

Относительно употребления *е* и *э* прежде всего надо рассеять легенду, будто русскому языку не свойственно сочетание твердого согласного с гласным *е* (*э*). Прежде всего слоги *ше, же, це* в словах *шест, жест, цел* и т. п. несомненно тверды и в сущности должны бы писаться *шэ, жэ, цэ*. Раз так и раз в русском языке существуют твердые *т, д, с* и т. д., то возможны и *тэ, дэ, сэ* и т. д. Но они не только возможны, но и существуют в литературном произношении: *от этого, под этим, с этим* и т. д. Следовательно мы имеем все данные в русском языке, чтобы не произносить *Доде*, т. е. «*dod'e*», *Мюссе*, т. е. «*m'us':e*», а говорить *Додэ, Мюссэ*. То обстоятельство, что до сих пор в таких случаях не писалось *э*, объясняется преимущественным бытованием подобных слов в языке образованной верхушки общества, которая, владея иностранными языками, выучивалась этим словам не из русской книги и скорее предпочитала видеть в них *е*, одинаковое с латинским *е*, а не *э*. Теперь, когда новый общественный слой в массе не обладает пока этими рессурсами, по моему, прямо преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения. Поэтому, безусловно, необходимо писать в иностранных словах *тэ, дэ, нэ, сэ, зэ, рэ*. Можно спорить, что лучше говорить и писать *кэ, гэ, хэ* или *ке, ге, хе*, ибо в большинстве иностранных языков заднеязычные согласные произносятся довольно мягко

в соответственных сочетаниях и *кэ, гэ*, например, для французского языка звучат очень плохо и во всяком случае хуже *ке, ге*. Можно также спорить о том, что лучше говорить и писать *пэ, бэ, мэ, фэ, вэ* или *пе, бе, ме, фе, ве*, так как с одной стороны в большинстве иностранных языков губные в этих сочетаниях произносятся не абсолютно твердо, а с другой стороны в русском литературном произношении они произносятся далеко не так мягко, как *те, де, се, зе* и т. д. (в губных сочетаниях с *е* отсутствуют или почти что отсутствуют переходные палатальные элементы, что особенно справедливо для неударенных слогов).

Безусловно надо воздерживаться от написания *лэ*, которое довольно распространено в иностранных словах, особенно заимствованных из английского (*э* этих слов объясняется часто стремлением *символически* передать английское *a* = «æ»). Звука *л* твердого («ɫ») нет в громадном большинстве иностранных языков и совершенно нелепо заменять им русское *л* мягкое (*ль* = «l'»), довольно близкое к среднему европейскому *l*. В связи с этим и вообще, конечно, нецелесообразно заменять иностранное *l* русским *л* твердым и в других случаях, т. е. писать *Зола, Ларусс, Макс Кол* и т. п. вместо *Золя, Лярусс, Макс Коль* и т. п. Многие из традиционных написаний в этой области объясняются так же, как и написания *те, де, не* и т. п. (см. выше). Особенно здесь действовал зрительный момент: было неприятно видеть вместо ожидаемого *а, у, о* — какие-то «варварские» *я, ю, ё*,[1] особенно в начальной части слова. Поэтому и писали *Ларусс, Лотце, Локк, Лувр* и т. п., но *Золя, Коль, Мильтон, Уэльс* и т. п.

Единственный случай, когда русское *л* твердое довольно близко подходит к иностранному произношению, — это в английских словах при конечносложном *l*. Так, *Милтон, Вилсон, Уэлз* может быть ближе к соответственным английским словам, чем традиционные русские написания. Однако более твердый оттенок английского конечносложного *l* не играет никакой семантической роли в английском языке (не является самостоятельной «фонемой»), а потому нам смешно гоняться за какими-то нюансами, несущественными для самих англичан, и создавать различение там, где его нет в языке оригинала, и поскольку начальносложное английское *l*

[1] Буква *ё*, столь мало популярная у наших типографов, должна обязательно фигурировать в иностранных словах, ибо если можно позволить себе роскошь писать *ребра, плел* и т. п., вм. *рёбра, плёл* и т. п., то никак нельзя писать *Лекк*, вм. *Лёкк, ллейд*, вм. *ллёйд*, ибо никто правильно не прочтет этих слов, если их не будет знать раньше. Нам, привыкшим писать и говорить *Локк, Ллойд*, написания *Лёкк, Ллёйд* кажутся абсолютно дикими; но я и не особенно настаиваю на переименовании «русского» *Локка* в *Лёкка*, хотя и утверждаю, что этот последний гораздо ближе к своему английскому прототипу, чем традиционный *Локк*.

несомненно должно передаваться через *л* мягкое, т. е. надо говорить и писать *Ляскер*, постольку надо говорить и писать и *Мильтон*.

Перехожу к вопросу о передаче немецких *ö* и *ü* и им аналогичных звуков. Первый из них с успехом и лучше всего заменяется русским *э* в начале слов и после *т, д, н, с, з, р,* и через *е* во всех прочих случаях (см. выше). В самом деле существующая тенденция передавать *ö* через русское *ё* основана конечно на зрительной аналогии двух точек. Никак нельзя утверждать, что произношение *Гёте* = «g'ot'e» лучше, чем *Гетэ* = «g'ete». Первое является просто чудищем, тогда как второе в конце концов может быть сочтено за немецкий диалектизм.

Гораздо хуже обстоит дело с передачей *ü*. После согласных в конце концов возможно сохранить традиционное *ю*; но в начале слов и после гласных *ю* дает лишний звук йота и таким образом искажает уже состав звукового слова. Поэтому я рискнул бы предложить говорить и писать вместо него *и*. К этому ведут и немецкие диалекты и живое произносительное заимствование: *Ибервег* является вполне утвердившейся передачей известной фамилии *Überweg*, и я безусловно предпочел бы *Иманитэ* вместо начинающего утверждаться Юманите (я не говорю о возможности его передавать через *Гюманитэ* или *Хюманитэ*, за которые впрочем вовсе не стою, однако только если будет введен обязательный латинский дублет).

Перехожу к вопросу о передаче звука *йот*. Хотя я и считаю, что вполне можно по-русски писать *Ёрдан* (но конечно не *Ердан*), *Есперсэн*, но думаю, что ничто в русской графике не противоречит написаниям *Йордан* (ср. *Нью-Йорк*), *Йесперсэн*. Они подчеркивают все же русскому человеку наличие в начале особого согласного элемента (а на начале слова в русском языке все же лежит какой-то семантический акцент). В соответствии с этим я не считал бы невозможным писать *Йум* вм. *Юм*, *Йакобсэн* вм. *Якобсэн*, хотя это в общем и не очень существенно. Внутри слова традиционные способы *ья, ью, ьё, ье, ьи* после согласных (а в случае надобности и *ъя, ъю, ъё, ъе, йи*), после гласных просто *я, ю, ё, е, йи* кажутся мне вполне удовлетворительными. Не касаюсь здесь вопроса о колебаниях между «j» и «i», т. е. между «ъ» и «и»: его надо было бы разобрать применительно к отдельным языкам, причем едва ли возможно тут установить полное единообразие. Нельзя также не считаться здесь и с некоторой орфоэпической традицией: мы говорим *Юлиан*, но *Касьян*; *кианти*, но *пьянино*.

Перехожу к трудному вопросу о двойных согласных. Прежде всего надо решительно восстать против мнения, будто русскому языку они не свойственны: в отличие от большинства (если не всех) славянских языков русский развил категорию двойных согласных, ср. например слова *поддеть, ссаживать, ранний, непреклон-*

ный и т. д. Мало того, различение простого и двойного (долгого) *н* использовано в русском языке для выражения смысловых нюансов: *мороженое мясо* (прилагательное) и *замороженное мясо* (причастие). Не может быть поэтому сомнения в том, что категория двойных согласных совершенно живая категория в русском языке, а то обстоятельство, что в слогах удаленных от ударенного долгие согласные склонны к сокращению, не является показательным, ибо вообще эти слоги в русском слове представляют собою loca minoris resistentiae со всех точек зрения (ср. доходящую почти что до нуля редукцию неударенного гласного, например, в слове *копоть* или некоторую редукцию *е* в слове *наволока* и т. д.).

Раз так, то мы смело можем и должны употреблять двойные согласные везде, где это нужно. Безусловно это было бы нужно в словах, взятых из итальянского, как например *Беппо, Липпи* и т. д. Безусловно ненужно — в словах взятых из французского, где категория старых двойных согласных совершенно отмерла (двойное *s* между гласными, является там лишь знаком для звука «s» в отличие от звука «z», обозначаемого в этом положении одним *s;* в других случаях двойные согласные обозначают открытое произношение *е* = *è*, а в большинстве случаев они имеют лишь этимологическое значение). Поэтому надо говорить и писать *Колет* (Colette), Вили (Willy), *Коле* (Collé), (как и *алея, алюр, адрес* и т. д.). Труднее обстоит дело с немецким, где двойные согласные на письме являются символами краткого гласного и закрытого слога. Хотя в русской графике они и не имеют соответственных функций, однако все же *Кассэль, Брюссэль*, ближе к немецким *Kassel, Brüssel*, чем *Касэль, Брюсэль*. Дело в том, что русские долгие согласные, будучи более сильными, и во всяком случае более отчетливыми, чем краткие, имеют с этой точки зрения нечто общее с немецкими сильноначальными согласными, произносящимися в закрытых слогах (т. е. там где и пишутся по-немецки двойные согласные). Поэтому немецкие двойные согласные должны безусловно сохраняться в русском.

В английском, где согласные и в закрытых слогах не являются такими сильноначальными, как в немецком, двойные согласные не играют особой роли и имеют лишь этимологическое значение. Поэтому в словах, взятых из английского, нет смысла сохранять в русском двойные согласные, следует писать и говорить *Белл* (*Bell*), *Беннит* (*Bennett*), *Бесимер* (*Bessemer*) и т. п.

Затруднительным часто является определение источника заимствования того или другого русского слова: в самом деле откуда наше слово *класс* — из французского или из немецкого? Однако это трудно определить лишь для старых слов. Новые слова, а особенно собственные имена, обыкновенно не оставляют места для сомнений.

В заключение, несколько слов о передаче иностранного *h*. Не подлежит сомнению, что его лучше всего передавать через русское *х*, как это и начинает уже прививаться. Против может быть лишь одно соображение: в украинском и белорусском они передаются еще лучше через *г*, которое как известно имеет в этих языках значение звонкого *h*, и там нет оснований переходить к новому способу передачи; стоит ли поэтому нам ломать нашу традицию (которая к нам и пришла с юга) и создавать графический разнобой с соседними языками, имеющими одинаковый с нами алфавит, чтобы приблизиться к ним акустически. *Хамбург* на слух было бы несомненно ближе к украинскому *Гамбург*, (так же как и к немецкому *Hamburg*) чем обычное русское *Гамбург* в литературном произношении, но зато стояло бы совсем на другом месте алфавита.

Критика и библиография

Súpis slovenských rozprávok (Collection de contes slovaques populaires). Napísal Dr. Jiří Polívka. Slovenskú úpravu obstaral Fr. Heřmanský. Sväzok I. Vydala Matica Slovenská s podporou Českej Akademie věd a umění. V Turč. sv. Martine. 1923. Бол. 8°. Стр. 8 нен. + 335 + 2 нен. Цена 36 крон чеш. — Sväzok II, III a IV. Vydala Matica Slovenská. 1924—27—30. Стр. 4 нен. + 496, 4 нен. + 468 + 3 нен., 558 + 7 нен. Цена 54, 51 и 75 крон чешских.

Как видно из предисловия, автор, известный чешский фольклорист, поставил своею задачею дать полный систематический каталог словацких прозаических сказок,[1] записанных, начиная с первых годов XIX века и кончая началом империалистической войны, как имеющихся в печатном виде, так и сохранившихся в рукописях.

Сказки даются частью в пересказе, частью же в точных воспроизведениях; воспроизводятся лишь такие сказки, которые находятся в старых и новых рукописных собраниях, не предназначавшихся для печати и поэтому не подвергавшихся обычной в этих случаях обработке. Такого рода записи представляют наибольшую ценность для истории сказочных сюжетов, и воспроизводятся они с сохранением всех особенностей их языка и орфографии, так как при переходе на современную орфографию могла бы подчас исчезнуть та или иная небезразличная диалектическая особенность. Кроме словацких сказок, в перечень включены и сказки, записанные от малорусских (sic!) обитателей восточнословацких столиц (комитатов или жуп) и от польских обитателей Спишской столицы, так как те и другие живут общею жизнью со словаками, находясь с ними в непрестанном общении. Во всех таких

1 Словацкое «rozprávka» можно переводить словами «сказка» и «рассказ». Употребляя для краткости слово «сказка», мы подразумеваем здесь как волшебные или фантастические, так и бытовые сказки или рассказы.

случаях приводится точно указание места записи, и помещаются эти сказки после словацких версий.

Что касается систематизации собранного материала, то Ю. Поливка отказался от классификации, предложенной финским ученым Анти Аарне,[1] не нашедшей сторонников нигде, кроме Финляндии (для иностранцев Поливка дает в примечаниях к сказкам нумерацию Аарне), и остановился на классификации своего соотечественника, фольклориста Вацлава Тилле, который в свое время предложил ее Чешской Академии.[2] Тилле имел в виду лишь «сказки» в узком значении слова, не охватывающем всей прозаической устной традиции; тем не менее Ю. Поливка, с разрешения Тилле, взял его классификацию за образец для классификации словацких сказок. Однако, приступив к работе, он убедился в необходимости вернуться к старому делению сказок по основным носителям сказочного действия — на сказки волшебные с элементами сверхъестественного, бытовые, рассказы новеллистического и юмористического характера, шуточные и наконец анекдотические; особую группу составляют легенды и, в особенности, сказки о животных и басни; наконец, предания почти все вошли в особую группу. Внутри же этих основных делений Поливка довольно точно придерживался системы Тилле.

Свой обширный многолетний труд Поливка не решился отягощать пространными объяснениями и библиографическими примечаниями к отдельным сказкам, ограничившись краткими ссылками на имеющиеся труды по изучению сказки и сказочных сюжетов.

Издание труда Поливки взяла на себя Словацкая матица в Турчанском св. Мартине, причем Чешская Академия наук и искусств оказала ей в 1921 г. щедрое по тому времени содействие, отпустив дотацию в 10.000 крон из своих средств. Оригинал, написанный по-чешски, как указано на заглавном листе I тома, переведен на словацкий язык секретарем Матицы Фр. Гержманским.

В отношении к правописанию допущены лишь следующие изменения: в рукописях, написанных старинным, так называемым «братским» правописанием, w заменено буквою v, ſ буквою s, ſſ буквою š, g буквою j, ǧ = ğ буквою g, j буквою i и т. д., о чем всякий раз особо упомянуто. Перечню сказок предшествует обширное

---

[1] См. его Verzeichnisz der Märchentypen, изданный Федерацией фольклористов в Гельсингфорсе (FF Communications, № 3, Helsinki, 1910) и переведенный на русский яз. Н. П. Андреевым («Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», Л., Гос. рус. геогр. об-во, 1929).

[2] Часть труда Тилле издана по-немецки, в переработанном виде, в той же серии «FF Communications, № 34» (1921). Поливка пользовался классификацией Тилле в ее первоначальном виде. Ныне Тилле отказался от своей классификации.

введение «О собирателях и собраниях словацких сказок». Введение говорит о первых собирателях (1821—1834), к числу которых относятся чех Коллар и немецкие писатели Тереза Артнер и барон Алоиз Медиянский, о собирателях 40-х годов и о рукописных сборниках той же эпохи, о печатных сборниках последующей эпохи— примерно до 70-х годов (самая обширная глава — стр. 39—155) и, наконец, о собирателях последних десятилетий (стр. 155—158).

Первые собиратели словацких сказок во что бы то ни стало искали в сказках остатков старины. Они отвергали модернизацию сказок, за то, к сожалению, допускали архаизацию. Один из самых ранних собирателей, священник С. Рейс (Reusz), разбирая сборник немецких сказок Музеуса, усмотрел в двух его сказках («Рюбецаль» и »Фея ручья») заимствования из словацких сказок (о Рибрцоуле и о Русалке из колодца). Рейс осуждал сделанную Музеусом обработку «Рюбецаля» за отсутствие в ней морали. Если бы не красивая обложка и не прекрасный слог сказок, пришлось бы только пожалеть о времени, даром потраченном на чтение Музеусовых сказок. По мнению Рейса, обрабатывать таким образом сказки — все равно что пристраивать башню в новом стиле к готическому собору, и он требовал величайшей точности в записи сказок и преданий, лишь в редких случаях допуская незначительные исправления. К сожалению, последующие собиратели упустили из виду требование точности и усердно занимались исправлением сказок. Полívка приводит целый ряд таких исправлений, начиная с первого же отдельного выпуска словацких преданий Я. Римавского (Slovenskjé povesti, sv. I. V Levoči, 1845). Приготовляя сказки и предания к печати, словацкие собиратели усердно «стилизовали» и «конферировали» их, т. е. компилировали их из нескольких версий, руководимые ложным стремлением восстановить первоначальную форму этих исконных, по их мнению, памятников славянской древности. Движение, начавшееся в Германии под влиянием братьев Гримм, повидимому до них не дошло, хотя гриммовская идея о родстве сказок всех ветвей индо-европейского племени сквозит во введении Реуса к приготовленному им для печати, но оставшемуся в рукописи, выпуску словацких сказок (из этого выпуска Божена Немцова заимствовала 9 сказок в свой сборник словацких сказок). В словацких преданиях» (Slovenské povesti) А. Г. Шкультети и П. Добшинского (6 выпусков, 1858—1861. Всего 64 сказки на 570 стр.) только 27 сказок не являются компиляцией из нескольких сказок, а имеют в основе запись от одного рассказчика; прочие скомпилированы из 2, 3, 4, 5, 6, 7 и даже 8 версий.

Следующий сборник словацких преданий (Prostonárodnie slovenské povesti), составленный П. Добшинским, мог появиться в свет лишь 20 лет спустя (8 выпусков,

1880—1883. Всего 90 сказок на 768 стр.). Вошедшие сюда сказки большею частью заимствованы из других сборников, в том числе и из сборника Б. Немцовой, издавшей в 1858 г. словацкие сказки в чешской «обработке». Впрочем, перемен в подлинные тексты сказок она внесла немного, а диалоги оставила почти везде в неизмененном виде, даже без перевода на чешский язык. Знаменитая сказка «О 12 месяцах», по мнению Поливки, посвятившего ей раньше отдельную работу, в основе заимствована из народной традиции, но правильнее, по мнению Поливки, считать ее высшим достижением Немцовой в ее стремлении создать чисто народную сказку.

Отдельную главу посвятил Поливка взглядам словацких собирателей и исследователей на сказки. Здесь он разбирает взгляды Л. Штура, Л. Реуса, П. Келльнера-Гостинского, В. Паулини-Тота и П. Добшинского; из них заслуживает некоторого внимания лишь брошюра последнего Úvahy o slovenských povestiach (Турч. св. Мартин, 1871, стр. 170); к сожалению, он не был знаком с трудами европейских ученых — Бенфея, Ф. Либрехта, Р. Кёлера, что́ сильно обесценивает его труд.

Из сборников новейших собирателей заслуживают внимания помещенные в журналах и книгах собрания И. Л. Голуби (34 сказки), С. Цамбеля (115 сказок) и Ст. Мишика (55 сказок).

За «Введением» следует самый «Перечень», дающий изложение каждой отдельной сказки со всеми ее версиями, а во многих случаях, как было уже упомянуто, приводящий и точную репродукцию наиболее старых рукописных записей. Первые три тома заняты сказками с элементами сверхъестественного. В IV том вошли: легенды и легендарные рассказы, сказки о существах сверхъестественных или владеющих сверхъестественными силами и бытовые новеллы и рассказы. Все издание предполагается в 6 томах; таким образом, остается еще выпустить 2 тома, и будет закончено это монументальное издание, представляющее большой фольклористический интерес.

Н. Бахтин

Книги, брошюры и журналы, поступившие в редакцию КРЯЗ

Волк-Левонович И. Еще к вопросу о «ляшских» чертах в белорусской фонетике (Slavia. 1930. R. IX, s. 3, c. 500—523).

Воўк-Левановіч О. В. І Аб прынцыпах і мэтодах укладаньня гістарычнага слоўніка беларускае мовы. II Кароткія увагі на некаторыя помнікі беларускае мовы. Менск. 1930. 8⁰ (Асобны адб. з «Запісак Аддзелу Гуманітарных Навук», кн. 9. Працы клясы філёлёгіі, т. II, с. 1—19 и 117—158).

Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк ДВК. Выпуск V. Говоры Приамурья (б. Амурского и Зейского округов ДВК). Владивосток. 1930. 8⁰. 34 + II [Труды Дальневосточного педагогического института. Серия III № 1 (10)].

Его же. К изучению русских говоров по московскому тракту в Забайкалье. Изд. Владивост. отд. ГРГО. Владивосток. 1930. 8⁰ (Записки Владивост. отд. ГРГО, т. V, вып. 2, с. 179—189).

Haumant Émile. La formation de la Iougoslavie (XVe — XXe siècles). Paris. Éd. Bossard. 1930. 8⁰. XI + 752 + 1 нен. (Institut d'études slaves de l'Université de Paris. Collection historique. V).

Грот К. Я. Кто автор сатиры на первых министров Александра I? Из материалов по изданию Державина (Известия Академии Наук СССР, 1931. Отделение Общественных Наук, с. 53—80).

Евразия в свете языкознания. Изд. Евразийцев (Praha). 1931. 12 стр.

Зеленин Д. Загадочные водяные демоны «шуликуны» — у русских (Lud Słowiański. 1930, t. I, 220—238).

Его же. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. II. Запреты в домашней жизни (Сборник Музея антропологии и этнографии. 1930. IX, 1—166).

Ільїнський Григорій. Хто Троян у «Слові о полку Ігоревім»? (отд. отт., с. 13—18)

Konopczyński Ladislas. Le liberum veto. Étude sur le développement du principe majoritaire. Paris. 1930. 8⁰. 297 (Institut d'études slaves de l'Université de Paris. Bibliothèque polonaise. II).

Корнеева-Петрулан М. Динамика звуков и форм русского языка (Из лекций на Лингвистическом отделении Педфака). Изд-во «Коммуна». Воронеж. 1930. 8⁰. 67 + 1 нен. (Кафедра языкознания Воронежского гос. университета. I).

Cross Samuel H. The russian primary Chronicle. Cambridge. 1930. 8⁰ (Harvard Studies and Notes in Philology and Literature, vol. XII, 77—320).

Machek Václav. Studie o tvoření výrazů expresivních. V Praze. 1930. 8⁰. 2 нен. + 156 (Facultas Philosophica Universitatis Carolinae Pragensis. Práce z vědeckých ústavů. XXVII).

Melanges de phonétique de linguistique et de littérature offerts à Jos. Chlumsky. Univ. Profesoru J. Chlumskému věnují na pamět jeho šedesátin v den 23 I 1931 kolegové a žáci. Édité avec l'aide du Ministère de l'Inst. Publ. et de l'Académie Tchèque par le Klub Mod. Filologů. Prague. 1931. 8⁰. 176. 1 портр. (Časopis pro moderní filologii. R. XVII, leden 1931. Čís. 1—2).

Mladenov. St. Etymologisches aus einer kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache. София. 1930. 8⁰ (Списание на Бълг. Академия на Наукитѣ. Книга XLIII, 93—128).

Novotný Franciscus. Platonis epistolae commentariis illustratae. Brno. 1930. 8⁰ VII + 318 + 1 нен. (Spisy Filosofické Fakulty Masarykovy University v Brně. Číslo 30).

Семенів М. М. Прийменникові конструкції в мові Ів. Котляревського. I Словосполучения з прийменником попід і словосполучення з прийменником з-під. II Словосполучення з прийменником під + акузатив. Одеса. 1929. 8⁰ (Окрема відб. із «Записок Одеського Наукового при ВУАН Т-ва», Історично-філологічна секція, т. 3, с. 63—72).

Его-же. Уживания прийменника над у Котляревського. Одеса. 1927. 8⁰ (Відб. з «Записок Одеського Інституту Народньої Освіти», т. 1, с. 3—8).

Его же. Мовознавство в У.С.Р.Р. в 1929 р. Систематизований покажчик мовознавчої літератури. Одеса. 1930. м. 8⁰ (Збірник Українського Бібліографічного Т-ва в Одесі. Вип. 1).

Skardžius Pranas. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Inaugural-Dissertation (Leipzig). Kaunas. 1931. 8⁰. 252 + 1 нен.

Speranskij M. По поводу нового издания писаний Саввы Сербского (zvl. ot. čas. «Byzantinoslavica». 1930. II, 2, с. 259—274).

Стрелков П. Г. Синтаксис пермских сказок. Пермь. 1930. 8⁰. 60 (отд. отт. из «Ученых Записок Пермского гос. университета», № 2).

Trávníček Frant. Neslovesné věty v češtině. Díl I. Věty interjekční. Brno. 1930. 8⁰. 255 (Spisy Filosofické Fakulty Masarykovy University v Brně. Číslo 31).

Vaillant A. Le De Autexusio de Méthode d'Olympe. Version slave et texte grec édités et traduits en français. Paris. 1930. 8⁰ (Patrologia Orientalis. Tome XXII. Fascicule 5, c. 631—888).

Францев В. А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород. 1930. 8⁰. 49 (отд. отт. из «Карпаторусского Сборника»).

Его же. Русский иезуит И. М. Мартынов сотрудник «Церковной Газеты» и «Церковного Вестника» о. Иоанна Раковского (Несколько дополнений к «Галицко-русской библиографии» Левицкого). Изд. Культурно-просветительного об-ва имени А. Духновича в Ужгороде. Ужгород. 1930. 8⁰. 8 (Приложение к журналу «Карпатский Свет»).

Его же. К творческой истории «Моцарта и Сальери». (К вопросу об автобиографичности Пушкина). Прага. 1931. 8⁰. 29 (отд. отт. из журн. «Slavia»).

Яворский Ю. А. Литературные отголоски «русько-краинского» периода в Закарпатской Руси 1919 года. Ужгород. 1930. 8⁰. 11 (отд. отт. из «Карпаторусского Сборника»).

Его же. Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности. Прага. 1930. 8⁰. 20.

Его же. П. Д. Лодий в изображении польского романиста. Изд. Культ.-просв. об-ва им. А. Духновича в Ужгороде (вып. 86). Ужгород. 1930. 8⁰. 7 (прил. к ж. «Карпатский Свет»).

Его же. Старая латинская записка о с. Гукливой. Изд. Культ.-просв. об-ва им. А. Духновича в Ужгороде (вып. 71). Ужгород. 1929. 8⁰. 11 (прил. к ж. «Карпатский Свет»).

Его же. К изучению А. Ф. Кралицкого. Библиографические справки. Изд. Культ.-просв. об-ва им. А. Духновича в Ужгороде (вып. 101). Ужгород. 1930. 8⁰. 3 (отд. отт. из ж. «Карпатский Свет» 1930 г., № 9—10).

Его же. Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII веков. С 5 снимками с рукописей. V Praze. 1931. 8⁰. 133 + 1 нен. (Knihovna sboru pro výzkum slovenska a padkarpatské Rusi při Slovanském Ustavu v Praze. Číslo 2).

Български Прегледъ. Списание за славянска филология. Урежда д-ръ Стоянъ Романски. Година I, кн. 3. София. 1930. 8⁰. 321—472.

Komenský. Pedagogický časopis. Vydávají řišský svaz učitelstva škol obecných v RČS a československá obec učitelská v Praze. Ročník LVIII. Číslo 4—5. Praha. 1930. 8⁰. 145—208.

Македонски Прегледъ. Списание за наука, литература и общественъ животъ. Издава Македонскиятъ Наученъ Институтъ. София. 8⁰. Година VI, кн. 2. 1930. 4 нен. + 180; кн. 3. 1931. 4 нен. + 188.

Naše Řeč. Listy pro vzdělávání a tříbení jazyka českého. Vydává III. Třída České Akademie věd a umění. Redakční rada: J. Haller, O. Hujer, V. Machek, E. Smetánka, J. Zubatý. Ročník XVI. Číslo 1—5. V Praze. 1931. 8⁰. 1—122.

Revue des études slaves. Tome X, fase. 1—2. Paris. 1930. 8⁰. 1—180.

Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. S podporou ministerstva školství a národní osvěty vydávají O. Hujer a M. Murko. Ročník IX, seš. 1—4. V Praze. 1930—1931. 8⁰. 8 нен. + 890.

Slavische Rundschau. Herausgegeben von F. Spina und G. Gesemann. Berlin, Leipzig, Prag. 8⁰. Jahrgang II. 1930. № 9. Jahrg. III. 1931. №№ 1, 3, 5.

Slovanský Přehled. Sbornik pro poznávání politického, sociálního a kulturního života slovanských států a národů. Ročník XXIII. 3. Březen 1931. Praha. 8⁰. 161—244.

Zeitschrift für slavische Philologie. Herausgegeben von Dr. Max Vasmer. Band VII. Doppelheft 3/4. Leipzig. 1930. 8⁰. 299—538.

Český Lid. Sborník věnovaný studiu lidu československého v čechách, na Moravě, ve Sleszku, na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. Redaktor prof. dr. Č. Zíbrt. XXX. Praha. 1930. 8⁰. 398.

Язык и литература. РАНИМХИРК. Научно-Исследовательский институт речевой культуры. Том VI. Издательство АН СССР. Ленинград. 1930. 8⁰. 120; то же, т. VII. Л. 1931. 8⁰. 242.

Język Polski. Organ Towarzystwa miłośników języka polskiego wydawany z zasiłkiem Ministerstwa W. R. i Oświecenia publicznego oraz Komisji językowej Polskiej Akademji Umiejętności. Redaktor prof. K. Nitsch. XVI. Styczeń-luty, marzec-kwiecień. Kraków. 1931. 8⁰. 1—32, 32—64.

С. Обнорский

СОДЕРЖАНИЕ т. I (1931 г.).

	Стр.
I. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку	1— 91
II. С. П. Обнорский. Сочетание чя в русском языке	93—110
III. В. В. Стратен. Арго и арготизмы	111—147
IV. И. О. Кузьмин. Отчет о поездке в Великолуцкий округ в 1929 г.	149—159
V. В. И. Чернышев. Псковское наречие	161—185
VI. Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий	187—196
VII. Критика и библиография.	
1. Н. Н. Бахтин. Súpis slovenských rozprávok. Napisal Dr. Jiří Polívka	197—200
2. С. П. Обнорский. Книги, брошюры и журналы, поступившие в редакцию КРЯЗ	200—203

Цена 3 руб. 50 коп.